This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

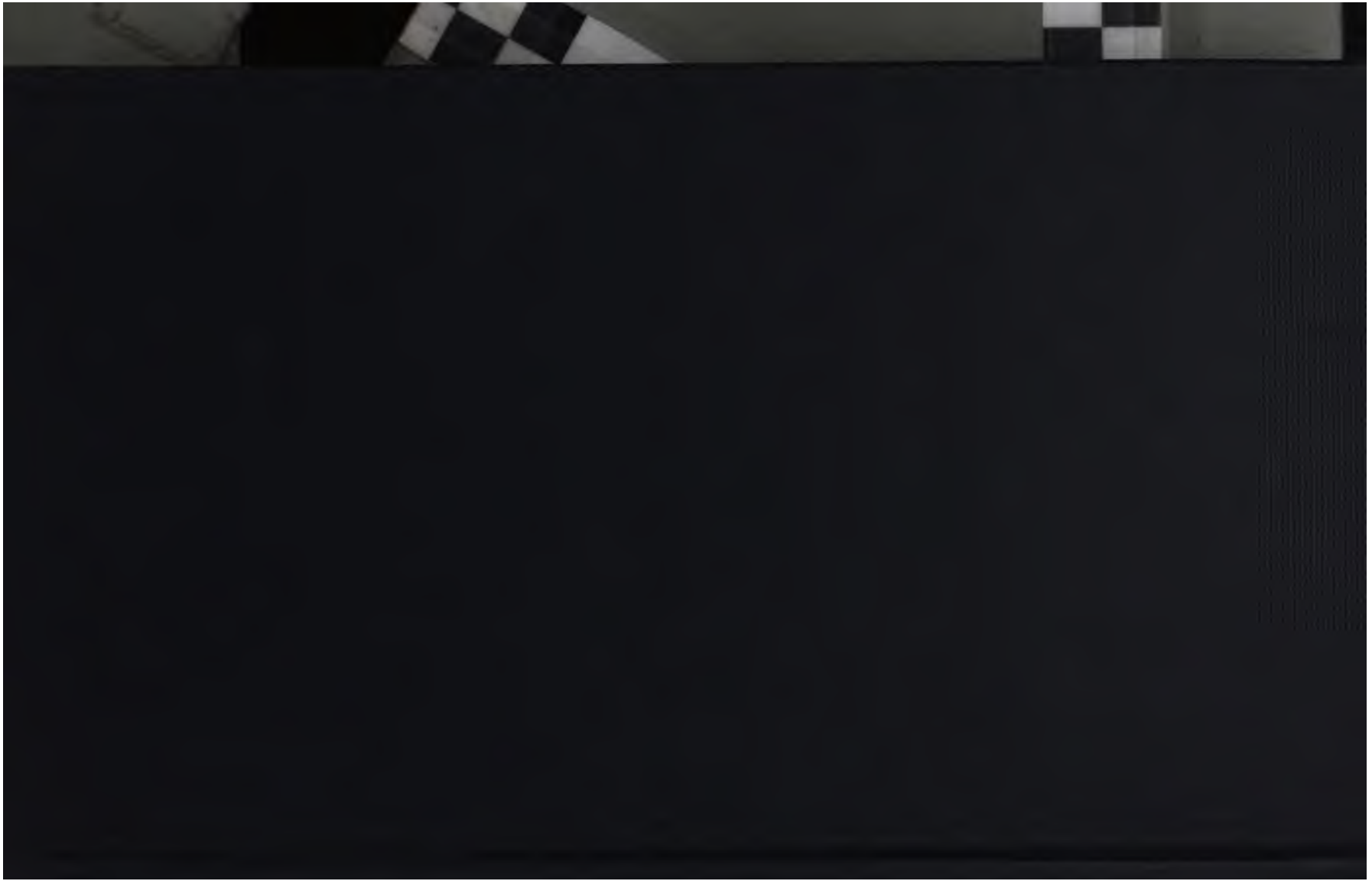
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`



STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

This is an authorized facsimile
of the original book,
and was produced in 1975 by microfilm-xerography
by Xerox University Microfilms,
Ann Arbor, Michigan, U.S.A.

Tikhonravov, N. S.

ЛѢТОПИСИ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
И
ДРЕВНОСТИ,

ИЗДАВАЕМЫЯ

НИКОЛАЕМЪ ТИХОНРАВОВЫМЪ.

ТОМЪ III.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ ГРАЧЕВА И КОМП.
1861.

Sl 01.3
25.3.26

PG3200
T544
v.3

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, марта 20 дня 1861 года.

Цензоръ *Н. Гиляровъ-Платоновъ.*

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

ПОСЛѢДНЕЕ МНѢНІЕ ШАФАРИКА О ГЛАГОЛИЦѢ.[1]

II.

Слѣдуя извѣстному логическому закону, по которому если невѣрны главныя основанія какого-либо мнѣнія, вывода, то невѣрны и частныя, приводимыя въ подтвержденіе этого мнѣнія, посредствующія соображенія, — выставленными нами положеніями мы могли бы закончить нашъ разборъ новаго мнѣнія Шафарика о происхожденіи Глаголицы, потому что всѣ остальныя доказательства Шафарика, даже и съ его точки зрѣнія, имѣютъ значеніе именно доказательствъ посредствующихъ, непрямыхъ. Притомъ же, тогда какъ въ основныхъ, разсмотрѣнныхъ нами тезисахъ Шафарика приводятся доказательства изъ новыхъ, по крайней мѣрѣ доселѣ неразслѣдованныхъ источниковъ, — всѣ остальныя его соображенія (за исключеніемъ развѣ указанія на подпись попа Георгія 982 г.) основаны, какъ выше уже замѣчено было, на данныхъ давно уже извѣстныхъ и притомъ характера самаго неопредѣленнаго. Но во первыхъ мы боимся упрека въ уклончивости; во вторыхъ, если въ вышеизложенныхъ объяснительныхъ соображеніяхъ Шафарика и приводимыхъ имъ данныхъ нѣтъ ничего новаго, то многія изъ этихъ данныхъ къ мысли о старшинствѣ Глаголицы передъ Кириллицей и въ частности къ подтвержденію мысли объ изобрѣтеніи первой изъ нихъ Кирилломъ, въ разсматриваемомъ сочиненіи Шафарика, примѣнены только въ первый разъ. Въ третьихъ, какъ уже объ-

[1]) См. первую статью въ 4-й книжкѣ «Лѣтописей».

ясněно было въ нашей первой статьѣ, всѣ эти соображенія въ цѣломъ своемъ составѣ, по своему остроумію и искусной постановкѣ относящихся къ нимъ данныхъ, производятъ на читателя дѣйствіе поразительно-увлекающее, такъ что склоняютъ повидимому дѣло въ пользу мнѣнія Шафарика. По всѣмъ этимъ причинамъ и приведенныя нами выше частныя соображенія Шафарика, какъ перваго такъ и втораго разряда, мы считаемъ нужнымъ подвергнуть, смотря по важности ихъ, болѣе или менѣе подробному разбору. И такъ:

1) Въ подтвержденіе своего мнѣнія о происхожденіи Глаголицы отъ Кирилла Шафарикъ ссылается на то, что римское духовенство порицало славянскія книги за новость письменъ, которыми онѣ были писаны, называя ихъ варварскими, и Кириллъ въ свою защиту не указывалъ на то обстоятельство, что эти письмена греческія, что̀ и служитъ будто бы доказательствомъ, что онъ и его помощники употребляли письмена глаголическія (§ 10—11). Кого̀ здѣсь разумѣетъ Шафарикъ подъ римскимъ духовенствомъ? Если римскій дворъ, то папа Адріанъ, въ первое путешествіе славянскихъ апостоловъ въ Римъ, когда ему показали славянскія книги, *не зная, что дѣлать отъ радости*, принесъ ихъ къ жертвеннику, положилъ въ церкви святой Маріи, велѣлъ епископамъ освятить ихъ и потомъ служить на славянскомъ языкѣ литургію въ церкви святаго Петра и проч. [1]). За тѣмъ тотъ же папа буллою далъ торжественное дозволеніе совершать слав. богослуженіе какъ въ Паннопіи, такъ и въ Моравіи. Это дозволеніе потомъ подтверждено было и папой Іоанномъ VIII (булла 880 г.). Но римскій дворъ въ послѣдствіи однакожъ преслѣдовалъ Меѳодія, брата Кирилла? Въ томъ-то и дѣло, что причиной преслѣдованія Меѳодія были не славянскія буквы, а учрежденное славянскими апостолами богослуженіе *по греческому обряду* и потомъ исповѣданіе догмата объ исхожденіи Святаго Духа, безъ прибавленія filioque. Послѣднія два обстоятельства были причиною, что тотъ же папа Іоаннъ VIII въ послѣдствіи славянское богослуженіе подвергъ запрещенію, а папа Стефанъ VI (ок. 886 г.) предалъ Меѳодія и учениковъ его даже анаѳемѣ,

[1]) Простр. жит. Клим. и Жит. Кир. XVII (по изд. Шаф.).

вслѣдствіе чего послѣдніе были изгнаны изъ Моравіи и бѣжали въ Болгарію. За тѣмъ изъ X вѣка мы имѣемъ факты преслѣдованія кирилловыхъ учениковъ и послѣдователей въ Паннонiи и опять видимъ, что преслѣдованію подвергается не славянскій алфавитъ, а славянское богослуженіе и вслѣдствіе этого книжный славянскій языкъ и, разумѣется, вмѣстѣ съ буквами, которыми были писаны книги. Замѣчательно, что въ теченіе всей исторіи этихъ преслѣдованій, вопреки мнѣнію Шафарика, варварскимъ вездѣ называется не алфавитъ славянскій, а самый языкъ, и то потому, что на немъ совершалось богослуженіе по греческому обряду. Точно такъ же и въ запрещеніяхъ римской церкви на первомъ планѣ вездѣ стоитъ славянское богослуженіе, а славянскій языкъ на второмъ и уже на третьемъ славянская азбука, да и то о ней упоминается лишь сторо изрѣка[1]). Притомъ же, какъ нарочно не въ пользу ми фарика, глаголитская азбука, не смотря на ея *новость*, и поз но была римскою церковію дозволена[2]); напроти славянс ое богослуженіе по кирилловскимъ книгамъ по еѳодія чѣмъ далѣе, тѣмъ преслѣдуемо было все строже и строже и дозволеніе совершать его, данное римскою куріей при жизни Меѳодія вслѣдствіе особенныхъ обстоятельствъ и политическихъ видовъ римской церкви, никогда возобновляемо не было. Причины такого явленія опять объясняются очень легко: Глаголиты совершали слав. богослуженіе по римскимъ миссаламъ, а Кириллиты по греческимъ евхологіямъ и требникамъ. Не ясно ли отсюда, что римская церковь преслѣдовала слав. апостоловъ и ихъ послѣдователей не за *новость* азбуки и даже не за отправленіе богослуженія на слав. языкѣ и по слав. книгамъ, а совершенно по другимъ причинамъ? Возьмемъ ли мы споры Кирилла съ латинскимъ духовенствомъ собственно въ Моравіи и Паннонiи,—и придемъ опять къ результату тому же самому. Преслѣдуя славянскихъ апостоловъ, нѣмецкіе священники обвиняли ихъ въ ереси, въ введеніи славянскаго

---

[1]) См. An. Salisb., буллы Іоанна VIII, Стеф. VI, Іоанна X, Іоанна XIII, Григ. VIII, актъ Сплѣт. соб. и пр.

[2]) Булла Іоанна IV, 1248 г.

богослуженія вмѣсто латинскаго, а не въ употребленіи славянскихъ буквъ [1]). Если угодно, Кирилла обвиняли и за устроеніе славянской азбуки, но только азбуки вообще, а отнюдь не *новой* въ томъ смыслѣ, какой даетъ этому слову Шафарикъ. Это доказываютъ всѣ жалобы нѣмецкаго духовенства римскому престолу, въ которыхъ, какъ и въ послѣдствіи, славянскія буквы вездѣ стоятъ на третьемъ планѣ. При такомъ положеніи дѣла, само собою разумѣется, было бы странно Кириллу въ свое оправданіе во время споровъ съ римскимъ духовенствомъ ссылаться на греческое происхожденіе изобрѣтенной имъ азбуки: онъ долженъ былъ оправдываться въ томъ, въ чемъ его обвиняли, т. е. долженъ былъ защищать законность совершенія богослуженія на новомъ языкѣ, не входившемъ по мнѣнію противниковъ въ число трехъ языковъ привиллегированныхъ (евр., греч. и лат.). Такъ Кириллъ и дѣлаетъ; напр. венеціянскіе епископы говорятъ ему: мы же три тькмо языкы вѣмы, ими же достоитъ въ книгахъ славити Бога: еврейскыи, еллиньскыи и латиньскыи. Отвѣща же ѳілософъ къ нимъ: како вы не стыдите се три языкы мѣнеще тъчію, а прочіимъ всѣмъ языкомъ и писменемъ слѣпомъ велеще и глухомъ быти?... Мы же народъ много знаемъ, книгы умѣюще и Богу славу въздающе кьждо своимъ языкомъ. Явѣ же суть си: арменіи, перси, иверы... и т. д. [2]).

2) «О Климентѣ говорится, продолжаетъ Шафарикъ, что онъ изобрѣлъ другой алфавитъ для большей ясности и удобства въ чтеніи и письмѣ. Это какъ нельзя болѣе идетъ къ алфавиту кирилловскому, но непримѣнимо къ азбукѣ глагольской, очень трудной для употребленія (§ 12)». Это доказательство Шафарика можетъ имѣть нѣкоторое значеніе только для тѣхъ, кто сталъ бы утверждать, что Климентъ былъ изобрѣтателемъ Глаголицы, а не Кириллицы. Но, по нашему мнѣнію, Климентъ не изобрѣталъ ни той, ни другой и вообще никакой азбуки. Значитъ, мы имѣемъ право оставить это соображеніе Шафарика безъ отвѣта. Замѣтимъ однакожь, что ясность, легкость и трудность алфавита понятія совершен-

---

[1]) См. Зальбуржца, буллы Іоанна VIII и въ особенности Стефана VI.

[2]) Жит. Кир. по изд. Шаф. XVI.

но условныя: по нашему мнѣнію, каждый алфавитъ, даже самый трудный, совершенно ясенъ для того, кому онъ родной и кто привыкъ къ нему. Въ этомъ смыслѣ и китайскій алфавитъ для грамотнаго Китайца не представляетъ особенныхъ трудностей: по крайней мѣрѣ онъ не согласится промѣнять его ни на какой другой, даже самый легкій. А для цѣлаго народа такая замѣна одного алфавита другимъ, и притомъ вслѣдствіе личнаго произвола одного человѣка, невозможна рѣшительно. Въ самомъ дѣлѣ, какъ при какихъ условіяхъ могла бы совершиться эта перемѣна алфавита, изобрѣтеннаго Кирилломъ, азбукой нов хотя бы то и болѣе легкой, если бы и рѣшился сдѣлать это т или кто другой изъ учениковъ Меѳодія? Кириллов т. е. зобрѣтенный Кирилломъ, алфавитъ во время Клим е спространился и въ Паннонiи, и въ Моравiи, и в и въ Чехiи и вообще по всему юго-востоку. На образ алась уже письменность и переводная, и оригинальная. Теперь въ случаѣ попытки замѣнить прежній алфавитъ новымъ, все это нужно вновь передѣлывать, переписывать всѣ книги, а главное всѣмъ переучиваться читать по-славянски. Да и кто бы послушался Климента? Положимъ онъ пользовался уваженіемъ современниковъ, но во мнѣніи ихъ Кириллъ конечно стоялъ несравненно выше, и бывшій у нихъ въ употребленіи алфавитъ былъ освященъ его именемъ и потомъ именемъ брата его Меѳодія.

3) «Изобрѣтатель Глаголицы былъ искусный оріенталистъ, а такимъ именно и былъ святый Кириллъ философъ (§ 13)». Объ этомъ соображеніи Шафарика странно даже и говорить: вѣдь не одинъ же Кириллъ въ эпоху изобрѣтенія Глаголицы зналъ восточные языки. Въ IX и X вѣкѣ, при тогдашнихъ частыхъ сношеніяхъ и Византіи, и Рима съ Востокомъ, такихъ знатоковъ было очень много; слѣд. на основаніи сходства нѣкоторыхъ глагольскихъ буквъ съ восточными, эту азбуку можно приписать кому угодно. При томъ же, по общепринятому мнѣнію, съ восточнаго взято нѣсколько начертаній и въ Кириллицѣ, а слѣд. и въ отношеніи къ ней соображеніе Шафарика сохраняетъ полную свою силу. Съ другой стороны, что касается до Глаголицы, то доселѣ, какъ извѣстно, еще не рѣшено, откуда взяты ея начертанія. Мы выше видѣли, что нѣ-

которые изслѣдователи большую часть глагольскихъ буквъ производятъ изъ сѣверныхъ рунъ. Что тогда мы должны будемъ сами думать объ изобрѣтателѣ глагольскаго письма, если подобное производство его будетъ доказано строго-научнымъ образомъ? Не ясно ли, что въ такомъ случаѣ, говоря о лингвистическомъ образованіи Кирилла,—титло оріенталиста придется замѣнить титломъ знатока руническихъ письменъ?

4) «Древнѣйшее глаголическое письмо болгарскихъ рукописей вѣрно передаетъ почеркъ греческаго курсива IX — X вѣка и, *безъ сомнѣнія*, образовалось подъ его вліяніемъ, а слѣд. и Глаголица не могла явиться позже IX—X вѣка, потому что въ XI вѣкѣ греческій курсивъ уже значительно измѣнился (§ 17)». Этому соображенію, какъ видно, не придавалъ особеннаго вѣса и самъ Шафарикъ. Послѣднее ясно уже и изъ того бѣднаго результата, къ которому приходитъ онъ этимъ путемъ, т. е. что судя по почерку древнѣйшаго глагольскаго письма (болгарскому), происхожденіе его нельзя относить къ эпохѣ позднѣе X вѣка. Но, слѣдуя указываемому Шафарикомъ способу, даже и съ такимъ выводомъ согласиться очень трудно. Почеркъ греческаго курсива рукописей конца IX—XIII вѣка и даже позднѣйшихъ, въ общемъ своемъ характерѣ, почти не представляетъ въ себѣ никакихъ разностей, никакихъ особенностей; по крайней мѣрѣ эти особенности въ отношеніи къ разсматриваемому вопросу, т. е. по сравненію почерка греческихъ рукописей, относящихся къ указанному періоду съ почеркомъ болгарской Глаголицы, совершенно ничтожны, такъ что съ точки зрѣнія Шафарика, на основаніи сходства почерка болгарской Глаголицы съ почеркомъ греческихъ, писанныхъ скорописью, рукописей, появленіе ея можно съ одинаковымъ правомъ отнести и къ X—XI и къ XII—XIII вѣку. Вотъ другое дѣло—половина IX вѣка. Сюда перенести Глаголицу съ ея почеркомъ, если только образцомъ его служила греческая графика, рѣшительно невозможно. Но обо всемъ этомъ мы должны сказать нѣсколько подробнѣе. Шафарикъ здѣсь взглянулъ на дѣло съ такой точки, съ какой никто еще доселѣ не смотрѣлъ: мы разумѣемъ указываемый имъ способъ опредѣлить время появленія глагольскаго письма на основаніи его почерка. Примѣнимъ этотъ способъ къ обо-

имъ славянскимъ алфавитамъ и посмотримъ, какіе выйдутъ изъ этого результаты.

Въ древней греческой графикѣ рѣзко различаются другъ отъ друга два почерка, или почерка, уставный и скорописный, изъ коихъ тотъ и другой представляетъ въ себѣ нѣсколько частныхъ подраздѣленій. Такъ въ древнѣйшемъ греческомъ уставѣ,—въ рукописяхъ VI, VII и отчасти VIII вѣка,—употреблялись буквы круглыя и квадратныя, т. е. состоящія или изъ правильныхъ круговъ (напр. о, с), или изъ правильныхъ квадратовъ (напр. п, и, н и проч.); въ VIII же вѣкѣ начинаютъ входить въ употребленіе буквы продолговатыя, идущія больше въ длину, нежели въ ширину. Этотъ послѣдній почеркъ мы видимъ въ греческихъ манускриптахъ VIII — IX вѣка. Между тѣмъ въ концѣ IX вѣка происходитъ новая перемѣна: въ это время еще употребляются прежнія продолговатыя буквы, но онѣ большею частію имѣютъ другое положеніе, не прямое, какъ прежде, а наклоненное—на право, или на лѣво. Съ этого же времени, т. е. съ конца IX вѣка у Грековъ, по подражанію стенографамъ, начинаетъ входить въ употребленіе письмо вязное, или скоропись, которая въ X вѣкѣ и становится почеркомъ господствующимъ, а въ XI вѣкѣ совершенно вытѣсняетъ собою уставъ. И такъ, говоря вообще, въ греческой графикѣ границей между уставомъ и скорописью служитъ конецъ IX и начало X вѣка [1]). Разумѣется, и изъ эпохи X и даже XI вѣка встрѣчаются греческія рукописи уставнаго письма; но во первыхъ, этотъ уставъ имѣетъ форму наклоненную, а не прямую; во вторыхъ, рукописи X—XI вѣка, писанныя уставомъ, или точнѣе полууставомъ, исключительно содержанія богослужебнаго; въ третьихъ, по словамъ Монфокона, такія рукописи составляютъ рѣдкость. Точно такъ же, какъ на рѣдкость, Монфоконъ указываетъ на греч. рукописи IX вѣка, писанныя скорописью. Теперь, исходя изъ той мысли, что изобрѣтатель греко-славянскаго письма, основаннаго по несомнѣннымъ признакамъ и свидѣтельствамъ на

[1]) Представленные нами выводы основаны на наблюденіяхъ, сдѣланныхъ нами надъ греческими манускриптами Моск. Синодальной Библіотеки, а также надъ снимками съ греч. рукописей, находящимися въ гр. Палеографіи Монфокона и въ описаніи гр. рук. вѣн. Библ. Ламбеція.

греческомъ, взялъ образцомъ для составленной имъ азбуки греческій почеркъ *современный* ему, и притомъ господствующій, общеупотребительный, а не какой-либо исключительный, только начинавшій входить въ употребленіе, или устарѣвшій и выходившій, а тѣмъ болѣе вышедшій изъ употребленія,—спрашиваемъ: къ какой эпохѣ греческой графики должно отнести появленіе Кириллицы? Отвѣтъ очевиденъ: безъ всякаго сомнѣнія къ той эпохѣ греческаго почерка, къ какой всего ближе подходитъ древнѣйшая Кириллица по формѣ своихъ буквъ. И вотъ новое подтвержденіе для насъ, что эта азбука изобрѣтена не позднѣе средины IX вѣка; потому что, какъ мы выше замѣтили уже, славянское кирилловское письмо, какимъ видимъ его въ древнѣйшихъ рукописяхъ, какъ нельзя ближе и вѣрнѣе передаетъ почеркъ греческихъ рукописей VIII и первыхъ 3-хъ четвертей IX вѣка. Переступимъ за эту грань, отодвинемъ появленіе Кириллицы къ X вѣку, или даже къ концу IX, когда дѣйствовалъ Климентъ, и мы войдемъ въ противорѣчіе съ палеографическими данными. Если Кириллица, какъ думаетъ Шафарикъ, изобрѣтена именно въ это время, и если какъ изобрѣтатель ея, такъ и его сотрудники и вообще первые, принявшіе новое письмо въ замѣнъ прежняго, слѣдовали бывшему тогда въ общемъ употребленіи греческому пошибу; то это письмо должно дойти къ намъ, или въ видѣ скорописи, или въ видѣ косвеннаго полуустава, какой употреблялся тогда у Грековъ. Но ничего подобнаго мы не видимъ въ кирилловскихъ рукописяхъ отъ XI до XIV вѣка включительно. Примѣнимъ теперь тотъ же палеографическій критеріумъ къ Глаголицѣ. По словамъ Шафарика она вѣрно передаетъ будто-бы пошибъ греческаго курсива IX—X вѣка. Согласимся на это. Но къ какому времени мы въ такомъ случаѣ должны отнести ея появленіе? Очевидно къ эпохѣ не ранѣе X вѣка или пожалуй конца IX, но только отнюдь не къ половинѣ его; потому что въ это время, т. е. въ эпоху Кирилла у Грековъ курсива еще не было, да и въ концѣ IX вѣка этотъ почеркъ, какъ сказано выше, только начиналъ еще входить въ употребленіе, а вовсе не былъ господствующимъ характеромъ письма. Вотъ почему даже съ точки зрѣнія Шафарика, руководствуясь указываемымъ имъ способомъ,

мы должны отнести появленіе Глаголицы скорѣе къ X вѣку, или ко времени позднѣйшему, вообще къ періоду времени, когда у Грековъ курсивъ сдѣлался господствующимъ почеркомъ. Прибавимъ однакожь, что послѣдній, сдѣланный нами выводъ можетъ имѣть значеніе только въ томъ случаѣ, если смотрѣть на дѣло съ точки зрѣнія Шафарика. По нашему жь мнѣнію дѣлаемое имъ сближеніе болгарской Глаголицы съ греческимъ курсивомъ невѣрно въ самомъ основаніи, и если въ отношеніи къ Кириллицѣ это сближеніе дѣйствительно приводитъ къ чрезвычайно важнымъ и точнымъ результатамъ, то въ отношеніи къ Глаголицѣ результаты сближенія могутъ быть только самые незначительные,—общіе и неопредѣленные. Греческій курсивъ, имѣвшій образцомъ для себя издавна употреблявшуюся у Грековъ стенографію, образовался вслѣдствіе желанія каллиграфовъ дл[illegible] писать по нѣскольку буквъ сряду, однимъ почеркомъ [illegible]ть, его главный характеръ именно состоитъ въ эт[illegible]еніи буквъ, въ связности письма. Между тѣмъ въ [illegible] Глаголицѣ ничего подобнаго мы не видимъ, и [illegible] сходство между нею и греческимъ курсивомъ—[illegible]ая форма буквъ. Съ этой же стороны можно приравнять бол. Глаголицу какъ къ греческому курсиву IX — XII вѣка, такъ еще съ большимъ правомъ къ письму латинскому той же самой эпохи.

5) «Новыя названія слав. буквъ доказываютъ, что изобрѣтенная Кирилломъ азбука состояла изъ новыхъ знаковъ. Съ другой стороны было совершенно естественно, что изобрѣтатель письма греко-славянскаго для составленной имъ азбуки не взялъ названій греческихъ или семитическихъ, а воспользовался готовыми извѣстными ему славянскими (глаголическими) названіями (§ 22)». Въ этомъ соображеніи Шафарика только игра словъ; потому что послѣдній его силлогизмъ мы имѣемъ полное право примѣнить точно также къ Глаголицѣ, какъ онъ примѣняетъ его къ Кириллицѣ, т. е. изобрѣтателю Глаголицы,—скажемъ мы,—извѣстны были славянскія названія буквъ кирилловскаго алфавита; поэтому совершенно было естественно, что онъ даже для тѣхъ начертаній которыя, по мнѣнію Шафарика взяты съ восточнаго, или которыя, по мнѣнію другихъ изслѣдователей, взяты изъ письменъ руническихъ, не взялъ

[illegible]уда и самыхъ названій, а воспользовался названіями гото[illegible]ми, существовавшими въ Кириллицѣ. Относительно мнимой [illegible]вости названій славянскихъ буквъ, какъ и самыхъ начерта[illegible]й Глаголицы, мы говорили выше. И такъ здѣсь остается за[illegible]тить только, что новость (если бы даже она была доказана), [illegible]и заимствованное происхожденіе названій буквъ, какой бы [illegible] ни было, не даетъ никакого права заключать о новости, [illegible]ли заимствованіи самыхъ знаковъ; равно какъ новость, или заимствованіе знаковъ не даетъ права заключать о новости, [illegible]ли заимствованіи самыхъ названій. Знаки могутъ быть заимствованные, а названія ихъ новыя, говоря, разумѣется, все это относительно. Въ доказательство этого положенія можно указать множество примѣровъ какъ изъ восточныхъ (напр. новаго Евр., Ефіоп., Копт. и проч.), такъ и изъ европейскихъ (греч. и лат.) языковъ, а не одни только названія готскихъ буквъ, которыя (названія) Шафарикъ старается заподозрить со стороны исторической достовѣрности. И такъ совершенно естественно, что Кириллъ, составивши изъ греческихъ и восточныхъ начертаній свой алфавитъ, далъ славянскимъ буквамъ, говоря относительно, названія новыя, примѣнительно къ свойствамъ славянскаго языка. Онъ въ этомъ случаѣ дѣйствовалъ точно такъ же, какъ и составители алфавитовъ греческаго, латинскаго, готскаго, коптскаго и т. д.

6) «Кириллъ, — говоритъ далѣе Шафарикъ, — изобрѣтая новое письмо для Славянъ, не имѣвшихъ собственной азбуки, слѣдовалъ правилу христіанскихъ народовъ востока, чтобы каждый новообращенный народъ имѣлъ собственное письмо, соотвѣтственно свойствамъ его языка», — и за тѣмъ въ подтвержденіе сейчасъ указаннаго обычая, ссылается на Грековъ, Коптовъ, Готовъ и т. д. (§ 23). Такимъ образомъ, самъ Шафарикъ приводитъ такіе примѣры (а другихъ нѣтъ), изъ которыхъ необходимо слѣдуетъ, что восточные народы, съ обращеніемъ въ христіанство, или оставляли у себя (если только оно было) прежнее письмо (Греки, Сирійцы, и проч.), или, если собственнаго письма у кого не было, принимали письмо греческое съ большими, или меньшими его измѣненіями (Копты) или наконецъ составляли для себя новую азбуку, но основанную на существовавшихъ прежде (Армяне, Готы,

Ефіопляне и проч.). Что же однако отсюда слѣдуетъ? Ужели то, что Кириллъ долженъ былъ составить для Славянъ алфавитъ совершенно новый—глаголическій, какъ этого хочетъ Шафарикъ? Намъ кажется, что приведенные самимъ Шафарикомъ примѣры должны привести къ заключенію совершенно противному, т. е. если Кириллъ при составленіи своей азбуки слѣдовалъ принятымъ на Востокѣ обычаямъ, то онъ долженъ былъ поступить такъ, какъ онъ дѣйствительно и сдѣлалъ, т. е. при отсутствіи у Славянъ собственнаго алфавита онъ долженъ былъ примѣнить къ ихъ языку буквы другаго языка и, разумѣется, всего ближе греческаго, на которомъ говорилъ самъ.

«Климентъ, говоритъ далѣе Шафарикъ, устраивалъ свой алфавитъ, т. е. кирилловскій, для такихъ Славянъ, которые были обращены въ христіанство Греками, жили съ ними въ постоянныхъ сношеніяхъ и были знакомы съ ихъ языкомъ. Вотъ почему онъ и предпочелъ греческія буквы, какъ болѣе знакомыя для новообращенныхъ». Но не говоря уже о томъ, что Климентъ, какъ мы выше видѣли, не изобрѣталъ не только кирилловскаго, но и никакого алфавита, — всѣ исчисленныя Шафарикомъ побужденія дать Славянамъ письмо именно греко-славянское, а не другое какое-либо—гораздо въ большей степени существовали для Кирилла, чѣмъ для Климента. Во первыхъ, Кириллъ былъ Грекъ; во вторыхъ, при составленіи своей азбуки онъ имѣлъ въ виду не однихъ моравскихъ и паннонскихъ Славянъ, на что сильно настаиваетъ Шафарикъ, а вмѣстѣ и Болгаръ и вообще Славянъ византійскихъ, между которыми давно уже распространено было христіанство и именно Греками, и которые находились съ ними въ постоянныхъ сношеніяхъ. Но этого мало; какъ извѣстно изъ сказанія Храбра, между Славянами, обращенными въ христіанство Греками, были даже введены въ употребленіе греческія буквы, хоть и не вполнѣ примѣненныя къ ихъ языку. Такимъ образомъ Кириллу оставалось только и совершенно было естественно окончить то, что начато его предшественниками, усовершенствовать ту азбуку, съ которой уже знакомы были Славяне, между которыми отчасти предстояла ему дѣятельность. Прибавимъ ко всему этому, что Кириллъ составлялъ свою азбуку не въ Моравіи и не въ Паннонiи, а въ Констан-

тинополѣ и притомъ по вызову греческаго императора и патріарха, которые при отправленіи къ Славянамъ миссіи, руководствовались цѣлями не одними религіозными, но и вмѣстѣ политическими. Говоря объ эпохѣ Климента и о періодѣ послѣдующемъ, самъ Шафарикъ признаетъ, что Греки, распространяя между Славянами и въ послѣдствіи между Русскими греко-славянское письмо, хотѣли черезъ это ближе примкнуть ихъ къ имперіи. Возможно ли, чтобы такого рода соображенія были выпущены ими изъ виду въ эпоху Кирилла, когда Славяне обратились къ нимъ съ просьбою о проповѣдникахъ?

7) Но Кириллъ могъ дѣйствовать независимо и не сообразуясь съ интересами греческой церкви и имперіи?... Таково дѣйствительно и теперешнее мнѣніе объ этомъ Шафарика. «Кириллъ, говоритъ онъ, какъ можно заключить изъ молчанія византійскихъ источниковъ о его жизни и дѣятельности, рѣшительно отложился отъ патріарха Фотія и, предпринявъ миссію, совершенно перенесъ свою дѣятельность въ область западной церкви. Поэтому по прибытіи Климента и его спутниковъ въ Болгарію, Глаголица могла навлечь подозрѣніе въ латинствѣ». И вотъ съ точки зрѣнія Шафарика новое побужденіе для преемниковъ славянскихъ апостоловъ замѣнить Глаголицу новою азбукою (§ 30). Признаемся, въ изслѣдованіи Шафарика насъ ничто столько не удивило, какъ именно этотъ переворотъ во взглядѣ его на вѣроисповѣдный характеръ дѣятельности Кирилла. Само собою разумѣется, что въ этомъ взглядѣ въ сущности нѣтъ ничего новаго. Будто Кириллъ и Меѳодій были миссіонерами западной, а не восточной церкви и будто бы къ первой, а не къ послѣдней приспособлено было учрежденное братьями славянское богослуженіе,—это положеніе еще въ прошломъ столѣтіи старались доказать Ассеманн, Добнеръ и другіе ученые. Этого мало: мнѣніе ихъ въ послѣдствіи нашло для себя отголосокъ даже и у нѣкоторыхъ изъ нашихъ отечественныхъ изслѣдователей[1]). Но во второй четверти нынѣшняго столѣтія, съ открытіемъ и разработкою новыхъ источниковъ для исторіи Кирилла и

[1]) См. мнѣніе объ этомъ г. Погодина въ приложеніи къ переводу Изслѣд. о Кир. и Мео. Добровскаго. Москва. 1825 г. стр. 121—23.

Меѳодія и съ обслѣдованіемъ древнѣйшихъ памятниковъ славянской церковно-богослужебной литературы, такое мнѣніе объ учрежденномъ солунскими братьями слав. богослуженіи и вообще о вѣроисповѣдномъ характерѣ ихъ проповѣди устоять не могло, и всѣ сомнѣнія по этому вопросу должны были рушиться. Открылось, что всѣ древнѣйшія славянскія рукописи богослужебнаго и учительнаго содержанія приспособлены къ обрядамъ и догматамъ церкви греческой, а не римской. Этого мало: съ изслѣдованіемъ древнѣйшихъ кодексовъ глаголическихъ, именно бо[illegible]каго [illegible]вода, оказалось, что и эти кодексы въ разсматри[illegible]отношеніи одинакого характера съ кирилловскими. [illegible]у даже Копитаръ, въ другихъ отношеніяхъ, ка[illegible]склонявшійся ко взгляду, католическихъ ученыхъ, [illegible]Кирилла и Меѳодія,—на разсматриваемомъ пункт[illegible]ошелся. Правда, онъ нигдѣ ясно не отвѣчаетъ [illegible]: какой именно церкви принадлежали солунскіе [illegible]ья [illegible]опросвѣщенные ими Славяне; но, судя по многимъ, разсѣяннымъ въ его сочиненіяхъ замѣткамъ, можно видѣть, что, по его мнѣнію, Кириллъ и Меѳодій, не смотря на проповѣдническую дѣятельность свою въ областяхъ, подвластныхъ Риму, по своимъ вѣроисповѣднымъ убѣжденіямъ и по характеру своей дѣятельности, остались однакожь вѣрными греческой церкви. Такъ напр. Копитаръ думаетъ, что Кириллъ, по поводу мнѣнія о двухъ душахъ въ человѣкѣ, разошелся съ патріархомъ Фотіемъ и тѣмъ съ большею готовностію принялъ вызовъ идти на проповѣдь къ Славянамъ; но нигдѣ не говоритъ о его разрывѣ съ греческою церковію, тѣмъ менѣе объ его отъ нея отпаденіи и *о перенесеніи своей дѣятельности въ область западной церкви*. Вопросъ о характерѣ учрежденнаго братьями богослуженія Копитаръ оставляетъ нерѣшеннымъ, замѣчая, что богослуженіе могло быть устроено или по обряду греческой церкви, такъ какъ раздѣленія между церквами въ то время еще не существовало, или по обрядамъ церкви римской, къ которымъ привыкли Моравцы[1]). Но изъ другихъ мѣстъ сочиненій Копитара видно, что мнѣніе его склонялось въ этомъ

[1]) Proleg. in Ev. Rem. in Slav. Bibl. Mich. B. I.

отношеніи къ первому предположенію. Такъ напр. Копитаръ говоритъ, что введенное братьями славянское богослуженіе вмѣстѣ съ священными книгами, по изгнаніи его изъ Паннонін, перешло къ Болгарамъ, Сербамъ, Кроатамъ и наконецъ къ отдаленнымъ Руссамъ, гдѣ нашло самый радушный пріемъ, продолжающійся и до нынѣшняго времени [1]). Но въ Болгаріи, тѣмъ болѣе въ Россіи римско-католическаго богослуженія на славянскомъ языкѣ, какъ извѣстно, никогда не было, что безъ сомнѣнія очень хорошо извѣстно было и Копитару; а отсюда ясно, что по его мнѣнію это богослуженіе, первоначально введенное Кирилломъ и Меѳодіемъ у западныхъ Славянъ, было учреждено ими по обрядамъ церкви греческой, а не римской.

Объяснить взглядъ Копитара на разсматриваемый вопросъ мы считали нужнымъ съ одной стороны потому, что на него, какъ на своего предшественника въ разсматриваемомъ мнѣніи, ссылается въ своемъ послѣднемъ изслѣдованіи Шафарикъ;— съ другой потому, что этотъ взглядъ, какъ принадлежащій ученому, обладавшему обстоятельнымъ знаніемъ дѣла, можетъ служить доказательствомъ, до какихъ результатовъ въ разсматриваемомъ вопросѣ можетъ достигнуть наука, даже въ томъ случаѣ, если изслѣдователь не чуждъ пристрастія.

Изъ предшественниковъ Шафарика въ разсматриваемомъ его мнѣніи, явившихся въ послѣднее время,—предшественниковъ дѣйствительныхъ, а не мнимыхъ, какимъ оказывается Копитаръ,—мы, къ сожалѣнію должны теперь назвать доктора Гинцеля, о которомъ уже имѣли случай упомянуть выше. Его такъ называемая «Исторія славянскихъ апостоловъ Кирилла и Меѳодія и славянской литургіи» написана именно съ цѣлію доказать, что Кириллъ и Меѳодій, были проповѣдниками не греческой церкви, а римской, что они совершали богослуженіе по переведеннымъ имъ римскимъ богослужебнымъ книгамъ, были ревностными приверженцами догмата Filioque и вообще во всей своей дѣятельности были столь же преданными слугами римскаго престола, какъ самые ревностные изъ современныхъ подвижниковъ римской пропаганды.—

---

[1]) Glag. Cloz. 1836 p. XXXI. Такъ же Prol. in. Ev. Rem.

Но что же? Всякій, сколько-нибудь знакомый съ дѣломъ, читая книгу Гинцеля, сейчасъ пойметъ, что она принадлежитъ къ разряду тѣхъ сочиненій, которыя, подъ видомъ рѣшенія вопросовъ науки, имѣютъ въ виду совсѣмъ другое, а отнюдь не эти вопросы, и вслѣдствіе этого защищаютъ такія положенія, которыя не могутъ быть доказаны никакими усиліями даже діалектики, а не только что исторической критики. Источникъ такихъ сочиненій, принадлежащихъ исключительно западнымъ ученымъ римско-католическаго исповѣданія, извѣстенъ: въ нихъ наука подаетъ руку политикѣ; авторамъ ихъ хочется въ первоначальной исторіи христіянства у Славянъ найти оправданіе для современныхъ церковно-политическихъ въ отношеніи къ нимъ мѣ[illegible], принимаемыхъ римскимъ дворомъ и австрійскимъ пр[illegible]ь. Вотъ почему въ подобнаго рода изслѣдован[illegible] фактовъ извлекается взглядъ, идея, а наоборо[illegible]ею натягиваются самые факты, или если ихъ нѣтъ, они [illegible]идумываются, какъ опущенные потомствомъ, а [illegible]имъ, разумѣется, выпускаются изъ виду или в[illegible]ются тѣ факты, которые противорѣчатъ заранѣе предзанятой идеѣ. Такова и книга Гинцеля. Не говоря уже о томъ, что Гинцель до послѣдней степени стѣснилъ кругъ источниковъ, относящихся къ его предмету, избравши только тѣ изъ нихъ, которыя сколько нибудь благопріятствуютъ его взгляду, и безъ всякаго основанія отвергши всѣ остальные и преимущественно славянскіе,—говоримъ, не смотря на все это, онъ не остался вѣрнымъ даже тѣмъ источникамъ, которые ему угодно было признать подлинными и достовѣрными, и это вовсе не будетъ преувеличеніемъ, если мы скажемъ, что книга Гинцеля писана не по историческимъ матеріяламъ, а по кодексу римскаго церковнаго права, т. е. Гинцель заботился не о томъ, чтобы написанная имъ исторія была согласна съ источниками, даже авторизованными имъ самимъ, а о томъ лишь, чтобы дѣйствія славянскихъ апостоловъ были согласны съ предписаніями римскаго каноническаго права, на которое даже самъ иногда и ссылается. Напр., по показанію источниковъ, славянскіе апостолы, какъ чрезвычайные дѣятели, призванные къ Славянамъ, чтобы сказать имъ вѣру на ихъ языкѣ, тотчасъ же

по своемъ прибытіи въ Моравію, учреждаютъ тамъ, а потомъ въ Паннонiи, общественное богослуженіе на славянскомъ языкѣ; но это, по мнѣнію Гинцеля, несправедливо; потому что такой образъ дѣйствій, т. е. учрежденіе и отправленіе славянскаго богослуженія посторонними пастырями, не уполномоченными на это пассавскимъ архіепископомъ, которому въ церковномъ отношеніи подчинена была Моравія, былъ бы явнымъ нарушеніемъ церковнаго порядка. Вотъ почему Гинцель всю дѣятельность Кирилла и Меѳодія въ Моравіи и Паннонiи, до 1-го путешествія ихъ въ Римъ, ограничиваетъ почти однимъ только школьнымъ ученіемъ дѣтей читать по славянски[1]). Далѣе, какъ извѣстно изъ источниковъ и въ особенности по памятникамъ древне-славянской богослужебной письменности, учрежденное братьями богослуженіе было по греческому обряду, и это обстоятельство, въ связи съ исповѣданіемъ греч. догмата о происхожденіи Св. Духа, какъ выше было замѣчено, было главною причиною гоненія, воздвигнутаго на Меѳодія и его учениковъ со стороны нѣмецкаго духовенства, а потомъ и со стороны римскаго двора. Но такой взглядъ на дѣло заставилъ бы насъ предполагать, что солунскіе братья не уважали самыхъ основныхъ законоположеній римской церкви. И вотъ Гинцель, чтобы снять темное пятно съ дѣятельности Кирилла и Меѳодія, не приводя никакихъ доказательствъ, кромѣ предполагаемаго ихъ уваженія къ установленіямъ и догматамъ римской церкви, полагаетъ за аксіому, что учрежденное ими богослуженіе было приспособлено къ обрядамъ римской, а не греческой церкви, что они перевели на славянскій языкъ не греческій служебникъ, требникъ, мнею и проч., а римскій миссале, бревіарій и ритуаль[2]), и, получивъ въ Римѣ полномочіе, совершали по нимъ богослуженіе, наконецъ, что Меѳодій до конца жизни непоколебимо исповѣдывалъ догматъ Filioque, хоть и не пѣлъ его на литургіи: даже по Гинцелю выходитъ, что эта вѣрность Меѳодія римскому догмату и римскому престолу едва ли не была главною причиною страданій Меѳодія и его учениковъ, которые, бывши

[1]) Ginzel, Geschichte der Slavenap., 40 sqq.
[2]) Ginz. 56, 107 и далѣе, также 156.

изгнаны изъ Моравіи, принесли упомянутый догматъ въ Болгарію какъ драгоцѣнное сокровище, завѣщанное имъ ихъ учителемъ[1]).

Но и это еще не все: фанатизмъ и пронцательность Гинцеля въ рѣшеніи темныхъ, по его мнѣнію, вопросовъ по мѣстамъ доходитъ до рѣшительнаго безсмыслія. Напр., еще въ началѣ своей книги изобразивши расположеніе и преданность Кирилла и Меѳодія къ римс[illegible]и и ея намѣстнику въ самомъ умилительномъ видѣ, [illegible]ель даже путешествіе братьевъ въ Моравію и первое пре[illegible]аніе тамъ представляетъ чѣмъ-то случайнымъ. Съ[illegible]нія Гинцеля, солунскіе братья имѣли при этомъ [illegible] проповѣдь у Славянъ и не учрежденіе у нихъ б[illegible]а ихъ языкѣ, а хотѣли только воспользоваться с[illegible]о, чтобы имѣть потомъ возможность поклониться [illegible]апос[illegible]ольскаго престола, испов'ѣдать свое согласіе съ [illegible] д[illegible]матомъ о происхожденіи Святаго Духа и вообще съ ученіемъ римской церкви и принести въ даръ ея намѣстнику мощи св. Климента. Послѣдняя мысль, по Гинцелю, занимала Кирилла еще въ бытность его въ Херсонѣ. Отсюда, эти тщательные поиски, которые были предприняты Кирилломъ въ Херсонѣ, чтобы открыть мощи св. Климента, Гинцель объясняетъ не чѣмъ другимъ, какъ опять тѣмъ глубокимъ уваженіемъ, которымъ славянскій апостолъ былъ проникнутъ въ отношеніи къ римскому престолу, и его желаніемъ принести достойный даръ одному изъ его намѣстниковъ. Приводимъ еще примѣръ: принявъ за несомнѣнное, что Кирилломъ и Меѳодіемъ переведены были не греческія богослужебныя книги, а римскія, то есть, римскій миссалъ, ритуаль и часословъ, Гинцель потомъ повторяетъ выше приведенное нами положеніе Коппитара, что слав. богослужебныя книги по изгнаніи Меѳодія и его учениковъ изъ Моравіи перешли къ Болгарамъ, а потомъ съ 988 г. къ Руссамъ, гдѣ и нашли радушный пріемъ[2]). У Коппитара въ этомъ, принятомъ Гинцелемъ, положеніи несообразности никакой нѣтъ; потому что, какъ мы выше видѣли, онъ оставилъ не рѣшеннымъ во-

[1]) Ibid. 94.
[2]) Ibid. 106 и 155

просъ, какія были переведены славянскими первоучителями и потомъ перенесены въ Болгарію и Россію богослужебныя книги—греческой, или римской церкви, и по всей вѣроятности склонялся въ этомъ отношеніи къ первому мнѣнію. Между тѣмъ въ словахъ Гинцеля, рѣшившаго по своему вопросъ о характерѣ переведенныхъ Кирилломъ и Меѳодіемъ богослужебныхъ книгъ и потомъ принявшаго въ тоже время буквально приведенное положеніе Копитара, открывается ужь явная, выходящая, изъ всякихъ предѣловъ несообразность; т. е. будто какъ Болгары, такъ и Русскіе въ древнѣйшую эпоху, а равно и въ послѣдствіи совершали богослуженіе по римскому миссалу и ритуалу!! Замѣчательно, что Гинцель при этомъ съ приличною невѣжеству наивностію выражаетъ даже удивленіе, почему Копитаръ, «завоевавшій у Грековъ и Русскихъ Latinitaet славянскаго церковно-богослужебнаго языка и такъ побѣдоносно доказавшій его хорутанское происхожденіе, оставилъ однакожь не рѣшеннымъ вопросъ о характерѣ, учрежденнаго славянскими апостолами богослуженія»[1]). Съ точки зрѣнія Гинцеля этотъ вопросъ рѣшается силлогизмомъ самымъ простымъ. Кириллъ и Меѳодій, какъ передавшіеся, по его мнѣнію, римской церкви и принявшіе ея ученіе и уставы должны были учредить у Славянъ богослуженіе по римскому обряду, а слѣдовательно такъ и сдѣлали. Но мы въ отвѣтъ на удивленіе Гинцеля, съ своей стороны сказали бы, что Копитаръ отлично былъ знакомъ съ источниками славянской древности, зналъ исторію древне-славянской литературы и въ частности славянскихъ богослужебныхъ книгъ, и притомъ не по чужимъ только изслѣдованіямъ и не по наслышкѣ, а по памятникамъ. Вотъ почему онъ и оставилъ упомянутый вопросъ нерѣшеннымъ, вслѣдствіе пристрастія, котораго былъ не чуждъ, не желая, какъ видно, рѣшить его въ пользу греческой церкви, къ чему неизбѣжно приводитъ обстоятельное знакомство съ памятниками и историческими источниками разсматриваемой эпохи. Что же до васъ, Г. Гинцель, вы обладаете блаженнымъ невѣдѣніемъ какъ по отношенію къ славянскимъ источникамъ исторіи Кирилла и Меѳодія, такъ тѣмъ

[1]) Ibid. 112.

болѣе по отношенію къ памятникамъ славянской письменности. Это невѣдѣніе и спасаетъ васъ, т. е. вамъ и представляется, что рѣшить затронутый вами вопросъ не стоитъ никакого труда. Стоитъ только справиться съ современными уставами и учрежденіями римской церкви, и потомъ взять въ соображеніе ту глубокую преданность славянскихъ первоучителей римскому престолу, которою вы съ такою щедростію ихъ надѣлили. Будемъ однакожь говорить серьезно: по нашему мнѣнію, сочиненіе Гинцеля такого рода, что не заслуживаетъ даже опроверженія, хоть оно и разукрашено всѣми аттрибутами учености, т. е. цитатами, примѣчаніями, выписками изъ источниковъ и проч. Только фанатизмъ и полное невѣжество могли вызвать на свѣтъ такую книгу. Противорѣчій, несообразностей, натяжекъ намѣренныхъ и ненамѣренныхъ въ ней столько, и притомъ всѣ почти они такого свойства, что не могутъ не броситься въ глаза даже человѣку вовсе незнакомому спеціально съ источниками и памятниками разсматриваемой эпохи. Мы не говоримъ уже о нелѣпости и нелѣпости основной мысли сочиненія Гинцеля, его взгляда его на отношенія славянскихъ первоучителей къ римскому двору. Чтобы видѣть эту нелѣпость, довольно одного знанія общихъ фактовъ исторіи Кирилла и Меѳодія, выработанныхъ современной наукой. Потому-то намъ кажется, что книга Гинцеля вмѣсто того, чтобы сколько-нибудь поколебать положенія, принятыя въ этомъ отношеніи въ наукѣ, приводитъ читателя къ совершенно противуположнымъ результатамъ, т. е. къ полному убѣжденію въ ихъ исторической твердости и несомнѣнности; потому что Гинцель, проведши защищаемый взглядъ на характеръ дѣятельности славянскихъ апостоловъ чрезъ всю эпоху и доведши его до крайнихъ результатовъ, этимъ самымъ показалъ, какъ нелѣпъ и несообразенъ онъ въ самомъ своемъ основаніи.

Обращаясь снова къ вышеприведенному соображенію Шафарика, приводимому имъ въ пользу его мысли объ изобрѣтеніи Кирилломъ Глаголицы,—соображенію, въ которомъ, хоть и въ видѣ предположенія, но въ общихъ чертахъ повторяется почти тоже самое, что служитъ главною идеею книги Гинцеля, мы въ высшей степени интересовались бы знать, на какихъ

основаніяхъ почтенный ученый измѣнилъ свой, согласный съ общепринятымъ, взглядъ на вѣроисповѣдный характеръ дѣятельности солунскихъ братьевъ? Безпристрастіе Шафарика въ изслѣдованіи вопросовъ славянской старины извѣстно, а равно и по знанію ея источниковъ и памятниковъ ему давно уже совершенно по праву отдано первое мѣсто. И такъ новыя ли какія-либо открытія въ области славянской древности привели Шафарика къ принятію и увѣрованію вышеприведенной нами его мысли о переходѣ Кирилла къ западной церкви, или просто историческія соображенія съ прежде извѣстными данными? Къ сожалѣнію, разсматриваемое нами сочиненіе Шафарика ни въ выписанномъ нами мѣстѣ, ни въ другихъ мѣстахъ не даетъ отвѣта на этотъ вопросъ, потому что нельзя же считать въ этомъ случаѣ чѣмъ нибудь новымъ и важнымъ ссылку Шафарика на молчаніе о жизни и дѣятельности Кирилла византійскихъ источниковъ. Въ исторіи обращенія Славянъ и распространенія у нихъ христіанства мало ли найдется фактовъ, о которыхъ въ византійскихъ хроникахъ частію совсѣмъ умолчано, частію предлагаются самыя скудныя, да и то темныя и сбивчивыя свѣдѣнія: что напр. вѣрнаго и опредѣленнаго передаютъ намъ византійскіе хронисты о крещеніи Болгаръ, Сербовъ и другихъ Славянъ и о дѣйствовавшихъ у нихъ греческихъ проповѣдникахъ? Не умолчано ли совсѣмъ византійскими хронистами о крещеніи Ольги? Можно ли найдти у нихъ даже какое-нибудь извѣстіе о греческихъ проповѣдникахъ, приходившихъ ко Владиміру, о крещеніи его въ Херсонѣ, о дѣятельности у насъ первыхъ греческихъ митрополитовъ и епископовъ? И ужели всѣ подобнаго рода факты историкъ въ правѣ отвергать, или давать имъ какое-либо другое объясненіе, напр. въ пользу римской церкви, потому единственно, что совершенно противныя о нихъ показанія славянскихъ источниковъ не подтверждаются, или совсѣмъ умолчаны византійскими хронистами? Да и съ точки зрѣнія послѣднихъ, что за особенно важное, выдающееся изъ круга обыкновенныхъ событіе, каково напр. отправленіе въ Моравію и дѣятельность въ этой странѣ греческихъ проповѣдниковъ, которыхъ въ то время Византія разсылала во множествѣ по разнымъ странамъ Европы и Азіи? Тѣмъ менѣе можно ожидать и требовать,

чтобы въ лѣтописи гордой своею исторіей и цивилизаціей Византіи внесены были какія-либо подробности о частной жизни и частныхъ отношеніяхъ моравскихъ проповѣдниковъ. Прибавимъ къ этому родовую ненависть Грековъ къ Славянамъ, считавшихъ ихъ варварами, а потому и бывшихъ совершенно равнодушными къ ихъ успѣхамъ на пути просвѣщенія и цивилизаціи, внутреннія гражданскія и церковныя смуты, раздиравшія въ то время Византію, наконецъ неудавшуюся попытку патріарха и императора посл[illegible]мъ въ Моравію проповѣдниковъ примкнуть эту ст[illegible]ческой церкви и имперіи, что безъ сомнѣнія имѣлось [illegible] въ Константинополѣ, когда посылали туда Кирилла и [illegible] и тогда намъ совершенно будетъ ясно, почему въ [illegible]къ источникахъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній ни о К[illegible]ѣ, [illegible] о послѣдствіяхъ его посольства.

Другое, на что старается опереться или точнѣе, что имѣетъ въ виду Шафарикъ въ пользу своей мысли о разрывѣ Кирилла съ греческою церковію, это его личныя отношенія къ патріарху Фотію, о которыхъ сохранилось краткое извѣстіе у Анастасія библіотекаря, бывшаго современникомъ Кириллу и даже знавшаго его лично. Послѣдній, въ своемъ предисловіи къ актамъ 8-го вселенскаго собора (869 г.) говоритъ, что Фотій, чтобы видѣть, какъ будетъ дѣйствовать патріархъ Игнатій въ отношеніи къ еретикамъ и доказать неспособность его къ управленію церковію, сталъ распространять бывшее тогда въ большомъ ходу въ философскихъ школахъ мнѣніе, будто человѣкъ одаренъ не одной, а двумя душами доброю и злою; но Кириллъ,—продолжаетъ Анастасій,—бывшій искреннимъ другомъ Фотія, обличилъ такой его образъ дѣйствій, представивъ ему, что это производитъ соблазнъ; послѣ чего Фотій и извинился въ своемъ поступкѣ передъ своимъ другомъ. Какой выводъ имѣетъ право сдѣлать историкъ изъ этого факта о послѣдующихъ взаимныхъ отношеніяхъ Фотія и Кирилла, при рѣшительномъ молчаніи объ этомъ другихъ источниковъ? Безъ сомнѣнія то, что дружескія отношенія между ними послѣ упомянутаго случая могли продолжаться, но могли и охладѣть, или вовсе прекратиться. Между тѣмъ Копитаръ *въ своемъ хронологическомъ* обзорѣ исторіи Славянъ (подъ

857 год.), указавъ на упомянутую размолвку между Кирилломъ и Фотіемъ, говоритъ, будто съ этого времени у Фотія образовалась ненависть къ Кириллу и послѣдній тѣмъ съ большею охотою принялъ миссію къ Славянамъ[1])—мысль, которую въ разсматриваемомъ мѣстѣ, въ видѣ чужаго мнѣнія, повторяетъ и Шафарикъ, съ тѣмъ лишь различіемъ, что далѣе говоритъ о разрывѣ Кирилла съ греческою церковію вообще. Еще въ болѣе рѣзкихъ чертахъ эта мысль выражена у Гинцеля[2]), который поставилъ ее исходною точкою своего изслѣдованія. Но, какъ мы выше видѣли, изъ словъ Анастасія библіотекаря ничего подобнаго не слѣдуетъ. Во первыхъ, онъ говоритъ не о враждѣ и не о ненависти Фотія къ Кириллу, а объ увѣщаніи, которое дѣлалъ послѣдній первому какъ другъ; во вторыхъ, самъ же Анастасій прибавляетъ, что эта размолвка между Фотіемъ и Кирилломъ кончилась мирнымъ объясненіемъ, извиненіемъ со стороны Фотія. Да и съ другой стороны, что за достовѣрный въ этомъ случаѣ свидѣтель Анастасій библіотекарь, если-бы и въ самомъ дѣлѣ онъ говорилъ о враждѣ Фотія къ Кириллу? Бывши заклятымъ врагомъ Фотія онъ естественно старался представить враждебными Фотію всѣхъ, кто только сколько-нибудь своими достоинствами выдавался между его современниками. — Этимъ замѣчаніемъ оканчиваемъ разборъ мнѣнія о мнимомъ разрывѣ Кирилла съ греческою церковію и о вѣроисповѣдномъ характерѣ дѣятельности славянскихъ апостоловъ, съ одной стороны потому, что у Шафарика въ пользу его мнѣнія больше ничего не указывается, съ другой потому, что надѣемся разсмотрѣть этотъ вопросъ въ другомъ мѣстѣ и по другому поводу. Здѣсь же замѣтимъ только, что вопросъ о характерѣ проповѣди славянскихъ апостоловъ и объ учрежденномъ ими богослуженіи долженъ рѣшиться на основаніи разсмотрѣнія цѣлой ихъ исторіи и въ особенности исторіи отношеній ихъ къ римскому двору, а не на основаніи такихъ

---

[1]) Glag. Clox. p. LXXVII. Hinc Photii odium in nostrum, hujusque paratior e Graecia emigratio.

[2]) Ginz. Gesch. d. Slawen—Ap. p. 23 и далѣе. Изъ этого же извѣстія Гинцель дѣлаетъ выводъ, будто Кириллъ въ послѣдствіи держался стороны низверженнаго съ патріаршества Игнатія. Извѣстно, что въ источникахъ нѣтъ на это даже никакого намека.

неопредѣленныхъ и ничтожныхъ свидѣтельствъ, каково свидѣтельство Анастасія библіотекаря.

8—10.) Въ 28, 29, 31, 32 и 34 §§ Шафарикъ дѣлаетъ историческій очеркъ распространенія и развитія Глаголицы у западныхъ и восточныхъ Славянъ. Что сказать объ этомъ очеркѣ? Нельзя не согласиться, что онъ составленъ остроумно въ высшей степени. Но къ сожалѣнію для исторіи одного остроумія недостаточно. Для нея [illegible]кны факты; а ихъ-то и недостаетъ въ очеркѣ,—недостаетъ у[illegible]е потому, что слишкомъ бѣдна фактами исторія г[illegible]литской письменности. Въ ней мы доселѣ не знаемъ ни од[illegible]и[illegible], ни одного оригинальнаго сочиненія, даже не[illegible] этомъ отношеніи никакихъ историческихъ изв[illegible]зять напр. періодъ времени до XII вѣка, котор[illegible]на[illegible] въ настоящемъ случаѣ и важенъ, то въ этотъ п[illegible]да[illegible] переводная глаголитская письменность, если суди[illegible]о памятникамъ, говоря строго, ограничивается почти однимъ евангеліемъ (въ нѣсколькихъ спискахъ) и потомъ нѣсколькими отрывками словъ (Глаг. Клоц.) и богослужебныхъ пѣсней (Праж. отр.). Тѣмъ меньше въ глаголитской письменности можно найти фактовъ въ пользу положеній, защищаемыхъ Шафарикомъ, и именно для эпохи IX вѣка. При такомъ положеніи дѣла неудивительно, если Шафарикъ, въ разсматриваемомъ очеркѣ говоря о началѣ Глаголицы въ Константинополѣ, потомъ о распространеніи ея въ Моравіи, Панноніи, Кроаціи и Далмаціи и о примѣненіи здѣсь къ западному славянскому нарѣчію, затѣмъ о введеніи и распространеніи глаголическаго письма въ Болгаріи, наконецъ о вытѣсненіи ея отсюда новоизобрѣтенною Кириллицею,—вмѣсто фактовъ имѣетъ въ виду одно лишь, сдѣланное имъ же самимъ, предположеніе, что Кириллъ изобрѣлъ Глаголицу, а Климентъ по переходѣ своемъ въ Болгарію Кириллицу, и на этомъ предположеніи основываетъ всѣ свои выводы относительно характера письма, которымъ были писаны извѣстные изъ той эпохи письменные памятники. Силлогизмъ Шафарика въ этомъ случаѣ имѣетъ такой видъ. До перехода Климента въ Болгарію Кириллицы не было; слѣдовательно, все, что до этого времени было писано славянскими буквами, т. е. въ западныхъ славянскихъ земляхъ, было писано Глаголицей. Но Климентъ

не могъ вдругъ всѣхъ заставить писать изобрѣтенною имъ азбукой: она, говоритъ Шафарикъ, входила въ употребленіе постепенно и окончательно вытѣснила собою прежнюю азбуку въ эпоху покоренія Болгаръ Греками (въ 1019 — 1186 г.) вслѣдствіе греческаго вліянія. Слѣд. и писатели, современные Клименту, каковы писатели временъ царя Симеона, а равно и ближайшіе ихъ преемники, вообще славянскіе писатели X и XI вѣка писали не Кириллицей, какъ это принято о нихъ думать, а Глаголицей. Предположеніе до послѣдней степени смѣлое и чтобы доказать его одной гипотезы — объ изобрѣтеніи Кирилломъ и всеобщемъ употребленіи, въ древнѣйшій періодъ слав. письменности, Глаголицы — недостаточно. Чтобы измѣнить общепринятый взглядъ на характеръ употреблявшагося въ это время письма, т. е. кирилловскаго, какъ этого хочетъ Шафарикъ, нужно представить факты по крайней мѣрѣ равносильные тѣмъ, которые существуютъ въ пользу Кириллицы. Нужно призвать на помощь, какъ и для гипотезы о характерѣ изобрѣтеннаго Кирилломъ письма, и исторію, и палеографію и филологію. Нужно доказать во первыхъ, что немногіе славянскіе памятники кирилловской эпохи, дошедшіе до насъ въ глаголитскихъ спискахъ, какъ-то: евангеліе и другіе были первоначально писаны Глаголицей же, а не списаны съ Кириллицы въ послѣдствіи. Во вторыхъ, нужно доказать, что и всѣ многочисленные другіе славянскіе памятники той же эпохи, дошедшіе до насъ въ однихъ спискахъ кирилловскихъ, какъ-то: апостолъ, псалтырь, вся библія, служебникъ, требникъ, октоихъ, вообще всѣ письменные труды Кирилла и Меѳодія и ихъ сотрудниковъ, а равно и переводы и сочиненія царя Симеона, Іоанна Екзарха, пресвитера Григорія, епископа Константина и т. д., все это первоначально было писано Глаголицей, а потомъ переписано Кириллицей. Между тѣмъ у Шафарика, за исключеніемъ, относящихся впрочемъ только къ небольшому числу славянскихъ памятниковъ [1]) разсматриваемой эпохи,

[1]) Шафарикъ беретъ во вниманіе славянское евангеліе, апостолъ, псалтырь, слова Григорія Богослова и немногіе другіе памятники. Славянскіе богослужебные памятники и письменныя произведенія временъ царя Симеона вовсе выпущены изъ виду. А между тѣмъ нужно было доказать, что и сборникъ Святослава, и сочиненія І. Екзарха, Григорія, Константина и проч.

соображеній филологическихъ, о которыхъ мы скажемъ ниже, въ разсматриваемомъ очеркѣ указано только два факта изъ глаголитской палеографіи и то допускающихъ множество самыхъ разнообразныхъ толкованій. Разсмотримъ эти факты.

Въ доказательство употребленія Глаго́лицы у западныхъ Славянъ въ періодѣ до изгнанія учениковъ Меѳодія изъ Моравіи Шафарикъ указываетъ на извѣстную глаголическую псалтырь Николая Арбскаго, 1222 г., прибавляя при этомъ, что подлинникъ ея и именно глаголитскій же, писанъ при сплѣтскомъ архіепископѣ Ѳеодорѣ 0— 90 г.). Фактъ безъ сомнѣнія очень важный, но сомнѣваться въ употребленіи Глаголицы у запа[illegible]въ IX вѣкѣ, казалось бы, нѣтъ никакой возмо[illegible]у тѣмъ однакожъ псалтырь Николая Арбскаго [illegible]а и прежде, и при всемъ томъ это не препятств[illegible]скому отнести появленіе глаголическаго письма къ [illegible]а другимъ долго согласиться съ такимъ мнѣніемъ. Чтобы объяснить такое явленіе, мы должны представить дѣло съ надлежащею подробностію. И такъ, прежде всего замѣтимъ, что, какъ извѣстно, ни оригиналъ псалтыря Николая Арбскаго, ни самая эта псалтырь до настоящаго времени не сохранились. Но, судя по описанію послѣдней, сдѣланному Леваковичемъ, въ предисловіи къ ней было сказано, что она списана съ псалтыри, писанной по повелѣнію Ѳеодора, послѣдняго архіепископа Салонскаго. А такъ какъ Салона была разрушена въ 630—640 г., то Леваковичъ и Караманъ отнесли написаніе псалтыри Ѳеодора къ 1-й половинѣ VII вѣка. Но уже Ассемани, твердо державшійся мысли о несуществованіи у Славянъ письма до Кирилла, подвергъ сомнѣнію достовѣрность какъ самой указанной нами приписки, такъ въ особенности толкованія ея. По его мнѣнію, въ древней псалтыри, съ которой писалъ Николай Арбскій, говорилось только о написаніи ея по повелѣнію епископа Ѳео-

---

да и самаго Климента первоначально были писаны Глаголицей; иначе общепринятое въ этомъ отношеніи мнѣніе должно остаться неприкосновеннымъ. Мы въ правѣ думать, что и самъ Шафарикъ, не смотря на свое теперешнее пристрастіе къ Глаголицѣ, не смотря на свое желаніе всюду и всегда видѣть Глаголицу, въ исчисленныхъ сейчасъ сочиненіяхъ, не нашелъ никакихъ даже филологическихъ признаковъ глаголитизма.

дора, слова же; *послѣдняго архіепископа салонскаго* писецъ прибавилъ отъ себя, по догадкѣ. Въ тоже время Ассемани, съ своей стороны, предложилъ мнѣніе, что подъ именемъ архіепископа салонскаго Ѳеодора, можно разумѣть Ѳеодора архіепископа сплѣтскаго, занимавшаго эту должность въ 880—890 г., потому что послѣ разрушенія Салоны, салонская архіепископія перенесена въ Сплѣтъ, и сплѣтскіе архіепископы продолжали именоваться салонскими. Такъ понималъ приписку къ псалтыри Николая Арбскаго и Добнеръ, который ссылался на этотъ памятникъ, какъ на доказательство употребленія Глаголицы въ IX вѣкѣ. Но Добровскій, вопреки мнѣнію Ассемани и Добнера, утверждалъ, что Николай Арбскій подъ именемъ Ѳеодора разумѣлъ не другаго кого, какъ именно послѣдняго архіепископа салонскаго, жившаго предъ разрушеніемъ Салоны (640 г.) и указалъ на него намѣренно, съ цѣлію возвысить древность глаголитскаго письма и дать знать читателю о существованіи псалтыри, согласной съ Вульгатой еще за долго до Кирилла[1]). Этимъ Добровскій очевидно хотѣлъ заподозрить историческую достовѣрность приписки вообще. Главное же знаменитый славянистъ уменьшилъ важность разсматриваемаго извѣстія для исторіи Глаголицы, выставивъ на видъ обстоятельство, на которое казалось бы нужно было обратить вниманіе прежде всего, но которое, между тѣмъ, почему-то было совсѣмъ выпущено изъ виду, именно: «Добнеръ,—писалъ Добровскій въ своей Глаголитикѣ[2])—, основываясь на псалтыри Ѳеодора, предполагалъ, что эта псалтырь была писана глаголитскими буквами; но этого изъ словъ Николая Арбскаго не видно: его псалтырь, писанная въ 1222 г., могла быть списана съ псалтыри кирилловской. Глаголиты, не смотря на то, что принадлежали къ римской церкви, всегда уважали Кирилла и Меѳодія, какъ славянскихъ апостоловъ и учителей, а поэтому никогда не переставали пользоваться кирилловскими кодексами».

Нельзя не согласиться, что представленное нами возраженіе Добровскаго очень важно. По крайней мѣрѣ, взявъ его во вниманіе и потомъ принявъ вмѣстѣ объясненіе разсматривае-

[1]) Dobrows. Glagolitica. Prag. 1845, p. 19.
[2]) Glag. Dobr. p. 24.

мой приписки, сдѣланное Ассемани, можно съ такимъ же правомъ приводить ее въ доказательство употребленія у западныхъ Славянъ въ IX вѣкѣ Кириллицы, какъ и Глаголицы, съ тѣмъ лишь различіемъ, что первое подтверждается множествомъ историческихъ и другихъ данныхъ, а послѣднее не подтверждается ровно ничѣмъ. Но по нашему мнѣнію, самое объясненіе приписки, сдѣланное Ассемани, и, какъ открывается изъ послѣдняго сочиненія Шафарика, принятое и имъ, т. е. что подъ именемъ Ѳеодора салоникаго должно разумѣть Ѳеодора сплѣтскаго (880—890 г.) — это объясненіе въ высшей степени натянуто и произвольно; потому что, спросимъ мы въ свою очередь, какъ же тогда нужно понимать слово *послѣдняго* и будетъ ли оно имѣть въ такомъ случаѣ хоть какой-нибудь смыслъ? Нельзя же принять этотъ эпитетъ въ смыслѣ *послѣдняго съ именемъ Ѳеодора*, какъ толковалъ его Ассемани? Вотъ почему, по нашему мнѣнію, вѣрность объясненія разсматриваемой приписки все-таки должна остаться за Левакovичемъ, и слѣд., сообщаемое ею извѣстіе если и можетъ къ чему-нибудь годиться, то развѣ для тѣхъ, кто вновь сталъ бы возводить древность глагольскаго письма къ VII вѣку, куда ведетъ приписка.

Кромѣ недоказаннаго существованія глаголитской псалтыри Ѳеодора, въ подтвержденіе своей мысли объ употребленіи глагольскаго письма у западныхъ Славянъ въ IX вѣкѣ, Шафарикъ въ разсматриваемомъ очеркѣ указываетъ еще на какіе-то, видѣнные имъ самимъ, древнѣйшіе отрывки и остатки славянскаго письма, которые найдены въ этихъ странахъ и которые, замѣчаетъ онъ, писаны Глаголицей, а не Кириллицей. Чтобы вполнѣ оцѣнить важность этихъ остатковъ, читатель безъ сомнѣнія въ правѣ ожидать болѣе подробныхъ о нихъ объясненій, тѣмъ болѣе, что, какъ извѣстно, древность доселѣ бывшихъ извѣстными западныхъ глагольскихъ памятниковъ не восходитъ далѣе XII вѣка. Но къ сожалѣнію Шафарикъ не указываетъ ни того, гдѣ найдены эти отрывки, ни того, какъ древни они, какого характера, содержанія и проч. А потому и ссылка его на нихъ въ настоящемъ случаѣ не можетъ быть принята къ соображенію. Говоря все это, мы *однакожъ вовсе не думаемъ* отвергать предположенія о сущест-

вованіи Глаголицы у западныхъ Славянъ въ IX вѣкѣ. Глаголица, если угодно, могла у нихъ существовать и въ это время. Но во .первыхъ такое предположеніе должно быть подтверждено положительными данными, а до тѣхъ поръ оно останется предположеніемъ не больше: во вторыхъ, еслибы и нашлись эти данныя, напр. еслибы въ западныхъ славянскихъ земляхъ открыты были дѣйствительно древніе глагольскіе памятники въ родѣ псалтыри Ѳеодора, или еслибъ мы знали, что напр. древніе, извѣстные въ настоящее время, памятники Глаголицы такъ называемой болгарской получили происхожденіе на Западѣ,—къ какому это должно бы было привести насъ выводу? По нашему мнѣнію къ тому, что на Западѣ въ эпоху славянскихъ апостоловъ *на ряду съ Кириллицей* употреблялась и Глаголица. Мы хотимъ сказать, что общепринятое мнѣніе объ изобрѣтеніи Кирилломъ и употребленіи въ IX вѣкѣ у западныхъ Славянъ Кириллицы отъ этого нисколько не поколебалось бы: для этого оно слишкомъ твердо и прочно обставлено положительными данными. Между тѣмъ Шафарикъ, указывая на такіе сомнительные факты, какова псалтырь Ѳеодора сплѣтскаго, сообразно съ своимъ воззрѣніемъ на происхожденіе славянскихъ алфавитовъ, хочетъ чрезъ это доказать, что у западныхъ Славянъ въ IX вѣкѣ Глаголица употреблялась не на ряду съ Кириллицей, но только она одна и была извѣстна. По нашему же мнѣнію приводимыя имъ соображенія не достаточны не только для подтвержденія послѣдняго предположенія, но даже не подтверждаютъ мысли объ употребленіи во времена Кирилла и Меѳодія западными Славянами глагольскаго письма вообще, т. е. на ряду съ Кириллицей.

Говоря о введеніи и распространеніи Глаголицы въ Болгаріи изгнанными изъ Моравіи учениками Меѳодія и о вытѣсненіи ея отсюда Кириллицей, Шафарику нужно было и въ этомъ отношеніи, сдѣланныя имъ соображенія подтвердить какими нибудь фактами; и вотъ онъ пользуется здѣсь для своей цѣли извѣстнымъ обстоятельствомъ, что древнѣйшіе, вѣрнѣе признанные древнѣйшими глагольскіе кодексы, извѣстные въ настоящее время, найдены большею частію въ Болгаріи. «Сотрудники обоихъ славянскихъ апостоловъ, пишетъ Шафарикъ, Горазд, Наумъ, Климентъ, Ангеляръ,

Савва и другіе, возвратившись около 886 г. изъ Панноніи (?) въ Болгарію (Македонію и Албанію), принесли сюда съ собою свои книги и здѣсь продолжали глаголическую письменность. *Отъ этого здѣсь драгоцѣнные кодіи и остатки* (Лавра, Русско, Охрида, монастырь св. Наума, св. Горазда, Бояна)». § 28.—Обстоятельство, дѣйствительно очень важное и потому не безъ причины давно уже на него обращено вниманіе ученыхъ. Такъ еще Копитаръ на основаніи указаннаго факта въ связи его съ наименованіемъ въ парижской рукописи, глагольскаго алфавита болгарскимъ (Abecenarium Bolgaricum) утверждалъ, что Глаголица въ древній періодъ славянской письменности была въ употребленіи не только въ Далмаціи, но и въ Болгаріи, гдѣ она употреблялась современно съ Кириллицей, которой наконецъ была вытѣснена. Мнѣніе Копитара было принято и другими и развито было ими далѣе. Такъ нѣкоторые ученые, обративъ вниманіе на то, что глагольскіе памятники, найденные въ Болгаріи, древнѣе памятниковъ Глаголицы хорватской, пришли къ мысли, что и первое появленіе глагольскаго письма въ Болгаріи предшествовало появленію его въ Далмаціи, другими словами: Глаголица самымъ происхожденіемъ своимъ обязана была Болгаріи, а потомъ уже была примѣнена въ Далмаціи, т. е. вмѣстѣ съ славянскимъ богослуженіемъ она пришла на Западъ съ Востока. Тутъ-то явилась мысль самаго изобрѣтателя глагольскаго письма искать въ Болгаріи, вслѣдствіе чего оно и было приписано, какъ мы выше видѣли, однимъ — болгарскимъ сектантамъ, другими епископу Клименту и т. д. Въ то же время и опять въ силу того же факта было принято и дѣленіе глагольскихъ памятниковъ, въ палеографическомъ отношеніи, на двѣ редакціи, изъ коихъ одна (съ округленными буквами), представляемая глагольскими рукописями, найденными преимущественно въ Болгаріи, получила названіе редакціи болгарской и признана древнѣйшею, другая (съ квадратными буквами), представляемая памятниками западной семьи, названа хорватской и признана позднѣйшею—все это впрочемъ единственно на томъ основаніи, что памятниковъ послѣдней редакціи древнѣе XII—XIII вѣка доселѣ не отыскано. На сколько и въ какомъ именно отношеніи можетъ быть названо вѣрнымъ указанное нами

дѣленіе редакцій глагольскихъ памятниковъ и на сколько вѣрно, будто Глаголица на Востокѣ появилась ранѣе, чѣмъ на Западѣ, ——разсматривать здѣсь не будемъ. Для насъ въ настоящемъ случаѣ важно то, что Шафарикъ въ приведенномъ нами мѣстѣ своего изслѣдованія разсматриваемому факту даетъ значеніе еще большее, нежели какое давали ему прежде, потому что опять приводитъ его не просто въ подтвержденіе извѣстности и употребленія, въ X вѣкѣ, въ Болгаріи Глаголицы на ряду и современно съ Кириллицей, но въ доказательство ея употребленія въ этой странѣ исключительнаго и ея общеупотребительности. И такъ приводимое имъ въ свою пользу обстоятельство мы должны разсмотрѣть ближе.

Мѣсто нахожденія письменныхъ памятниковъ въ извѣстной странѣ дѣйствительно во многихъ случаяхъ можетъ служить вѣрнымъ признакомъ процвѣтанія, или по крайней мѣрѣ извѣстности въ ней той литературы, къ которой эти памятники принадлежатъ. Но съ другой стороны это правило допускаетъ многочисленныя исключенія. Извѣстно, что рукописи въ средніе вѣка по своему мѣстонахожденію подвергались самой измѣнчивой судьбѣ, и постоянно переходили съ мѣста на мѣсто, странствуя вмѣстѣ съ монахами, въ кругу которыхъ сосредоточивалось образованіе. Потомъ посредницею размѣщенія рукописей по разнымъ мѣстностямъ является наука, и письменными сокровищами древности начинаютъ наполняться европейскія общественныя и частныя библіотеки. Отъ этого въ настоящее время, напр. рукописи греческія, писанныя въ разныхъ областяхъ Византіи, находятся во множествѣ въ самыхъ отдаленныхъ частяхъ Европы. Тоже самое видимъ и съ рукописями славянскими (кирилловскаго письма). Кромѣ дѣйствительнаго мѣста процвѣтанія древне-славянской литературы, т. е. кромѣ Болгаріи, Сербіи и Россіи, славянскія рукописи въ настоящее время, какъ извѣстно, разсѣяны по всѣмъ главнѣйшимъ европейскимъ библіотекамъ и кромѣ того ихъ находятъ въ большомъ количествѣ въ монастыряхъ Аѳонской горы, на Синаѣ, въ Египтѣ и т. д., при чемъ сплошь и рядомъ открываютъ памятники славянской письменности въ такихъ мѣстахъ, гдѣ она не только никогда не была въ состояніи процвѣтанія, но гдѣ никогда не жило и не дѣйствовало ни одного славян-

скаго писателя, наконецъ гдѣ не была извѣстна даже славянская грамота. Вотъ почему для изслѣдователя, желающаго знать мѣсто процвѣтанія въ извѣстную эпоху той или другой письменности, важенъ вопросъ не о томъ, гдѣ находятся памятники ея въ настоящее время, а о томъ, гдѣ они находились первоначально, точнѣе, гдѣ они были писаны, переведены, или переписаны — вопросъ, къ рѣшенію котораго ведутъ съ одной стороны свидѣтельства исто[illegible]ческія (находящіяся въ самыхъ рукописяхъ предисловія, послѣ[illegible]ловія, приписки, замѣтки, свидѣтельства о живш[illegible]ихъ и дѣйст[illegible]вавшихъ въ извѣстной мѣстности писателяхъ и [illegible]аниса[illegible]ыхъ ими сочиненіяхъ, общія историческія сообр[illegible]п.), съ другой, т. е. при недостаткѣ указаній [illegible]къ, признаки и примѣты палеографическіе и фило[illegible]уководствуясь исчисленными данными, о многихъ сл[illegible]жи[illegible]ъ рукописяхъ, не смотря на то, что онѣ въ тече[illegible]сколь[illegible]хъ вѣковъ находятся въ Россіи, мы знаемъ достовѣрно, что эти рукописи были писаны либо въ Болгаріи, либо въ Сербіи, на Аѳонѣ, у западныхъ Славянъ и т. под.

Указанный нами методъ разработки рукописей въ отношенію къ вопросу о мѣстѣ написанія ихъ и слѣд. къ вопросу о мѣстѣ процвѣтанія, или употребленія той или другой письменности, разумѣется не представляетъ въ себѣ ничего новаго и къ памятникамъ славянской литературы кирилловскаго письма онъ примѣненъ уже давно; но тѣмъ страннѣе, что этотъ простой методъ былъ почти совершенно выпущенъ изъ виду при изслѣдованіи въ разсматриваемомъ отношеніи древнѣйшихъ рукописей глаголическихъ; по крайней мѣрѣ онъ не былъ примѣненъ къ нимъ на столько, на сколько бы это слѣдовало. И не странно ли въ самомъ дѣлѣ? Счастливый случай помогъ въ окрестностяхъ древняго болгарскаго царства сохраниться нѣсколькимъ глаголическимъ рукописямъ, писаннымъ особымъ почеркомъ отличнымъ отъ того, какой, судя по сохранившимся памятникамъ, употреблялся съ XIII вѣка у западныхъ Славянъ. Эти рукописи сдѣлались извѣстными ученому міру, и вотъ сейчасъ же, безъ дальнѣйшихъ справокъ, почему-то всѣми признано было, что упомянутыя рукописи, равно какъ и другія рукописи, сходныя

съ первыми по почерку, принадлежатъ Болгаріи и по своему происхожденію, а за тѣмъ и начался въ отношеніи къ Глаголицѣ рядъ выводовъ, о которыхъ мы сказали выше, выводовъ, къ числу которыхъ принадлежитъ и разсматриваемое мнѣніе Шафарика, т. е. будто въ IX, X и даже XI вѣкѣ въ Болгаріи глаголическое письмо было господствующимъ. Далѣе, съ теченіемъ времени были наведены справки: открылось, что рукописи новой редакціи, названной болгарскою, своими филологическими особенностями ведутъ на Западъ, а не на Востокъ. Тутъ, казалось бы, всего естественнѣе было придти къ заключенію, что ни о болгарскомъ происхожденіи этихъ рукописей, или о болгарскомъ происхожденіи Глаголицы вообще, ни о преимущественномъ, а тѣмъ болѣе исключительномъ употребленіи ея въ Болгаріи въ древній періодъ славянской письменности — не можетъ быть и рѣчи, и между тѣмъ все-таки прежніе выводы о судьбѣ и мѣстѣ употребленія древней Глаголицы, сдѣланные сначала на основаніи случайнаго мѣста нахожденія ея памятниковъ, равно какъ и дѣленіе этихъ памятниковъ на двѣ редакціи продолжаютъ оставаться доселѣ. Другіе могутъ думать какъ угодно, но намъ кажется, что во всемъ этомъ допущено столько непослѣдовательности, столько произвола, что нужно только удивляться, какъ это доселѣ не было замѣчено учеными, которые замѣшаны были въ этомъ вопросѣ. Мѣсто нахожденія нѣсколькихъ глагольскихъ рукописей въ окрестностяхъ Болгаріи, по нашему мнѣнію, не доказываетъ здѣсь ровно ничего, и какъ на это обстоятельство рѣдко обращается вниманіе въ отношеніи къ рукописямъ кирилловскимъ, такъ точно на него нужно бы смотрѣть и при изслѣдованіи рукописей глаголическихъ. Судьба тѣхъ и другихъ рѣшительно одинакова: какъ и кирилловскія, глаголическія рукописи разсѣяны по самымъ отдаленнымъ мѣстностямъ Европы и Азіи. Для примѣра возьмемъ въ разсмотрѣніе глаголическія рукописи, о которыхъ теперь идетъ у насъ рѣчь, — рукописи древнѣйшія, такъ называемаго болгарскаго письма, и посмотримъ, гдѣ онѣ были найдены и гдѣ находятся въ настоящее время. Рукопись графа Клоца, находящаяся теперь въ Тридентѣ, въ XV вѣкѣ была въ Венеціи; ватиканское евангеліе Ассемани въ XVIII вѣкѣ было въ Іеру-

салимѣ. Изъ остальныхъ двухъ глагольскихъ списковъ евангелія, одно находится на Аѳонѣ въ Зографскомъ монастырѣ, другое, принадлежащее теперь проф. Григоровичу, найдено было имъ такъ же въ одномъ изъ аѳонскихъ монастырей; такъ называемые Пражскіе листы найдены въ Прагѣ, наконецъ глаголическая псалтырь найдена на Синаѣ [1]). Что же остается изъ древнихъ глаголическихъ памятниковъ на долю Болгаріи? Нѣсколько [illegible] ольскихъ отрывковъ, найденныхъ проф. Григоровичемъ въ Охридѣ и [illegible]ъ монастырѣ св. Іоанна Рыльскаго? И потомъ, [illegible] угодно [illegible] рукописи аѳонскія?... Но на Аѳонъ, какъ уже [illegible] кались монахи изо всѣхъ странъ, и слѣд. эти ру[illegible] быть вывезены столько же изъ Болгаріи, какъ и [illegible]іи, Панноніи и т. д. На Аѳонѣ есть же досел[illegible] [illegible]лове[illegible]ія рукописи, писанныя именно въ Далмаціи?... [illegible]о ли отсюда, что точно такимъ же путемъ могли придти [illegible] Аѳонъ, равно какъ и вообще въ окрестности древняго болгарскаго царства, и рукописи глаголическія? Въ доказательство употребленія въ Болгаріи, въ древній періодъ славянской письменности, глагольскаго письма обыкновенно указываютъ еще на находимыя тамъ рукописи, писанныя Кириллицей, но съ примѣсью Глаголицы. (Охрид. Ап. и Болон. псалт.). Это обстоятельство по нашему мнѣнію гораздо важнѣе, тѣмъ больше, что объ одной изъ такихъ рукописей, именно Болонской псалтири (1186—1195 г.) извѣстно, что она была въ Болгаріи и писана и слѣд. служитъ яснымъ подтвержденіемъ извѣстности тамъ глагольскаго письма по крайней мѣрѣ въ XII вѣкѣ, къ которому относится рукопись. Но и это опять явленіе не единственное: такихъ рукописей, т. е. писанныхъ Кириллицей съ примѣсью Глаголицы, отыскано много и въ Россіи, и что всего важнѣе большая часть изъ нихъ съ ясными признаками, что онѣ въ

[1]) Глаголическій списокъ псалтири открытъ о. архим. Порфиріемъ Успенскимъ въ Библ. Синайскаго монастыря. Эта псалтирь, почему-то доселѣ не вошедшая въ счетъ памятниковъ глагольской письменности и между тѣмъ составляющая значительный вкладъ въ ея составъ, — писана одной Глаголицей, на пергаменѣ, въ 4-ю долю, мелкимъ почеркомъ Какого она времени, неизвѣстно. Кратк. описаніе ея см. въ Пут. от. Порф. Успенскаго по Египту въ 1850 г. (т. II) Спб. *1856 г., стр. 163.*

Россіи и были писаны. Изъ нихъ укажемъ на слова Григ. Бос. (XI в.), писанныя въ Новгородѣ, на типографскій уставъ (XI—XII в.) и Минею (XII в.), такъ же чисто русской редакціи, Троицкій и синодальный списки толковыхъ пророковъ Упыря Лихаго, на отрывокъ, открытый и недавно изданный проф. Бодянскимъ [1]). и т. д. Изъ такой разнообразной картины размѣщенія древнихъ глагольскихъ и полу-глагольскихъ рукописей не вправѣ ли мы заключить, что эта азбука, въ древній періодъ славянской письменности была извѣстна столько же въ Болгаріи, сколько и въ Россіи, въ Венеціи, на Аѳонѣ, въ Іерусалимѣ, наконецъ даже на Синаѣ? И при доказанной общеупотребительности въ древней Болгаріи, Сербіи и Россіи письма кирилловскаго, а не глагольскаго, не должны ли мы мѣста процвѣтанія такъ называемой болгарской Глаголицы искать по другимъ болѣе убѣдительнымъ признакамъ, а не на основаніи такого случайнаго обстоятельства, каково мѣсто нахожденія ея памятниковъ?

Эти признаки, эти данныя давно найдены и уже достаточно изслѣдованы. Съ изслѣдованіемъ древнѣйшихъ глаголическихъ кодексовъ въ филологическомъ отношеніи, какъ мы выше уже замѣтили, открылось, что тѣ лингвистическія особенности, которыми глаголическая рецензія священныхъ и богослужебныхъ книгъ отличается отъ рецензіи кирилловской, могли образоваться только у западныхъ Славянъ, — въ древней Паннонiи, Далмаціи, Хорватіи и т. д.. Къ такому заключенію приходилъ еще Добровскій въ своей «Глаголитикѣ»; тоже самое хоть и съ значительными отличіями съ мнѣніемъ Добровскаго и другъ отъ друга въ примѣненіи самаго вывода, утверждали: Копитаръ, Прейсъ, Миклошичъ, Срезневскій и др. Но приведенное нами положеніе относительно родины филологическихъ особенностей древнѣйшихъ глаголическихъ кодексовъ никѣмъ не было доказано и обслѣдовано съ такою ясностію и полнотою, какъ самимъ Шафарикомъ, и именно во 2-й части разсматриваемаго его труда, исключительно

[1]) Чт. Об. ист. 1859. г. кн. I. Тамъ же о тип. рукописяхъ. Подробнѣе о нихъ см. въ Письмѣ арх. Саввы къ проф. Срезневскому въ Изв. Ак. II. 1858 г. вып. V.

посвященной филологическимъ изслѣдованіямъ объ отчизнѣ и древности глагольской рецензіи священныхъ книгъ, и что для насъ всего важнѣе, — преимущественно на основаніи глагольскихъ рукописей такъ называемой болгарской редакціи. Въ этомъ отношеніи мнѣніе Шафарика относительно Глаголицы осталось почти неизмѣннымъ. За нѣсколько лѣтъ прежде, отмѣтивши нѣсколько разностей между кирилловскою и глагольскою рецензіей [illegible] книгъ, Шафарикъ писалъ: «Отклоненія и особен[illegible]ыка рецензіи глагольской указываютъ на земли др[illegible]рика, Македонію, Албанію, Далмацію, Хорват[illegible]» [1]). Теперь, въ названной части своего изслѣд[illegible]ѣтивши спеціальныя особенности языка глаголь[illegible]писей, гораздо въ бо́льшемъ объемѣ и по боль[illegible]ч[illegible] памятниковъ, Шафарикъ пришелъ къ такому закл[illegible]«Глаголитизмъ носитъ на себѣ столь рѣзкій, столь яси[illegible]еизгладимый отпечатокъ, что мы не вправѣ приписать его ни епископу Клименту *въ Велицѣ и Охридѣ*, ни Богомилу въ Болгаріи;... и слѣд. (?) виновникомъ его (глаголитизма) должны признать Кирилла и его помощниковъ изъ среды уроженцевъ *Панноніи, области Коцела*... Въ этой области была та мастерская, гдѣ три перевода Кирилла: Евангеліе, Апостолъ и Псалтирь получили свой спеціально-глаголическій видъ.» Въ указанномъ мѣстѣ своего изслѣдованія, Шафарикъ, на основаніи представленныхъ имъ филологическихъ данныхъ опредѣляя родину лингвистическихъ особенностей глаголическихъ кодексовъ, равно какъ и самой Глаголицы, тѣмъ же самымъ путемъ (путемъ филологіи) старается опредѣлить и ея виновника, т. е. утвердить ее за Кирилломъ [2]), ссылаясь на полную гармонію, въ сво-

---

[1]) Изслѣд. и замѣч. о др. пам. старосл. лит. Спб. 1856 г., стр. 81.

[2]) Филологическій силлогизмъ Шафарика, развитый имъ во второмъ его разсужденіи и составляющій, какъ онъ самъ говоритъ, подтвержденіе и дополненіе его историческихъ выводовъ, — состоитъ въ слѣдующемъ: глаголическая рецензія священныхъ книгъ древнѣе кирилловской и, судя по ея лингвистическимъ особенностямъ, могла образоваться и получить свое происхожденіе только въ Паннонiи, области Коцела, а не въ Болгаріи, и не въ Велицѣ или Охридѣ. Между тѣмъ исторически извѣстно, что въ этой области *долгое время* дѣйствовали *святые братья*, сначала оба, потомъ одинъ Меѳодій. Слѣд. изобрѣтеніе Глаго[illegible]*лицы мы* [illegible]*писать не Клименту*, не Богомилу, а именно Кириллу. Но

емъ изслѣдованіи, лингвистическихъ и историческихъ данныхъ. Но послѣ сдѣланнаго нами разбора историческихъ доказательствъ Шафарика, будто Кирилломъ въ Паннонiи изобрѣтена Глаголица, а не Кириллица, — мнѣніе его о лицѣ

не говоря уже о томъ, что отрицаніе мысли о Климентѣ, какъ изобрѣтателѣ глаголъскаго письма, нисколько не обусловливаетъ собою необходимости приписывать его не кому либо другому, а именно Кириллу, — самую гармонію историческихъ и филологическихъ данныхъ, на которую старается опереться Шафарикъ, поставляя въ ней главную силу своихъ доказательствъ, нельзя не признать только мнимою, а не дѣйствительною. Потому что: во 1-хъ, Шафарикъ, какъ мы видѣли, исходитъ изъ той мысли, будто переводъ главнѣйшихъ священныхъ книгъ, какъ-то: Евангелія, Апостола и Псалтири, былъ совершенъ св. братьями въ Паннонiи, гдѣ по его словамъ они дѣйствовали *долгое время*, и будто помощники ихъ въ переводѣ были изъ природныхъ Паннонцевъ, — вслѣдствіе чего въ языкѣ глаголъскихъ свящ. книгъ и явились слѣды древняго панн. нарѣчія; между тѣмъ на самомъ дѣлѣ слав. первоучители въ Паннонiи дѣйствовали самое короткое время, и дѣятельность ихъ, равно какъ и дѣятельность одного Меѳодія послѣ смерти Кирилла относится главнымъ образомъ къ Моравiи; здѣсь оконченъ былъ Кирилломъ и переводъ Евангелія, начатый, какъ извѣстно, еще въ Константинополѣ; здѣсь же (т. е. до 4-го путешествія св. братьевъ въ Римъ) безъ сомнѣнія были переведены Апостолъ и Псалтирь. Съ другой стороны, что касается до происхожденія сотрудниковъ слав. Апостоловъ, то о большей части изъ нихъ, какъ извѣстно, мы не знаемъ откуда они были родомъ; а то, что знаемъ объ этомъ, идетъ противъ мысли Шафарика, а не въ пользу ея: потому что Климентъ, самый дѣятельный сотрудникъ св. братьевъ, по происхожденію былъ Болгаръ, а Горазда Моравецъ. Во 2-хъ, паннонское нарѣчіе исчезло вмѣстѣ съ народомъ еще въ IX вѣкѣ, послѣ нашествія на Паннонію Мадьяровъ, и потому Шафарикъ старается возстановить его путемъ искусственнымъ, по признакамъ нарѣчій — слав. народовъ западныхъ, сосѣдственныхъ съ Паннонiей, которыхъ отчасти признаетъ потомками древнихъ Паннонцевъ. И такъ какъ критеріума для опредѣленія древняго паннонскаго нарѣчія не существуетъ, то Шафарикъ не могъ устранить мысли, что указанныя имъ спеціальныя особенности древняго паннонскаго нарѣчія, а слѣд. и глаголъскія рукописи, въ которыхъ содержатся эти особенности, могли получить происхожденіе у западныхъ Славянъ, въ Далмацiи, Кроацiи, Хорватiи, Чехiи; и единственное, на что указываетъ онъ въ подтвержденіе своей мысли о происхожденіи этихъ особенностей не гдѣ либо, а именно въ Паннонiи, это очень несостоятельная ссылка на историческія свидѣтельства о продолжительной дѣятельности въ этой странѣ св. братьевъ и о паннонскомъ происхожденіи ихъ помощниковъ (р. 45, 46.) Такимъ образомъ Шафарикъ, не доказавшіе вовсѣ положеній историческихъ, старается подтвердить ими свои выводы филологическіе, и наоборотъ, послѣдніе приводитъ въ подтвержденіе своихъ выводовъ историческихъ, между тѣмъ какъ они требуютъ доказательствъ еще сами. Въ 3-хъ, Шафарикъ, пріурочивая указанныя имъ мѣстныя особенности глаг. рукописей къ Паннонiи, предполагаетъ за несомнѣнное, что эти особенности существовали и въ древнѣйшихъ, теперь потерянныхъ глаг. оригиналахъ (27, 28.), между тѣмъ какъ это требуетъ еще доказательствъ, и кто не согласенъ

изобрѣтателя Глаголицы здѣсь,—мы надѣемся,—вправѣ оставить въ сторонѣ, и, такъ какъ лингвистическія особенности глаголитизма извлечены Шафарикомъ преимущественно изъ глагольскихъ памятниковъ такъ называемой болгарской редакціи, то выводы его о родинѣ глаголитизма вообще можемъ примѣнить къ вопросу о родинѣ и мѣстѣ процвѣтанія такъ называемаго болгарскаго разряда глагольскихъ рукописей, въ частности.

Въ такомъ случаѣ, [illegible]ивъ мысль Шафарика о виновникѣ и времени и[illegible]гольскаго письма, вышеприведенное нами его п[illegible]основаніи имъ же самимъ представленныхъ [illegible]ихъ данныхъ, мы имѣемъ право выразить в[illegible]ѣ: языкъ глагольскихъ рукописей, найденныхъ [illegible]стяхъ древняго болгарскаго царства, вообще [illegible]ь называемой болгарской редакціи, носитъ на се[illegible]я паннонскаго происхожденія, и лингвистическія особенности, отличающія эти рукописи, равно какъ и кирилловскіе списки съ утраченныхъ глагольскихъ оригиналовъ, отъ рукописей чисто кирилловской рецензіи, не могли явиться ни въ Велицѣ, ни въ Охридѣ, ни въ Болгаріи, а обязаны своимъ происхожденіемъ древней Панноніи; слѣд. и мѣстомъ написанія этихъ рукописей нужно признавать не Болгарію, а древнюю Паннонію. Если же нѣкоторыя изъ нихъ были писаны и въ Болгаріи, то это такими людьми, которые были выходцами изъ Панноніи. Далѣе, такъ какъ характеръ несуществующаго теперь древняго паннонскаго нарѣчія Шафарикъ возстановляетъ по признакамъ нарѣчій западныхъ славянскихъ народовъ, какъ-то: Кроатовъ, Виндовъ, Словаковъ и т. д.; то мы имѣемъ право перенести туда и родину какъ этихъ рукописей, такъ и этихъ выходцевъ, т. е. въ Кроацію, Далмацію, Хорватію,—вообще въ западныя славянскія земли. Само собою разумѣется, что съ этимъ вмѣстѣ и мѣсто воздѣлыванія и процвѣ-

---

со взглядомъ Шафарика на старшинство глаг. письма, тотъ гораздо съ большимъ правомъ можетъ утверждать, что упомянутыя особенности вошли въ глаг. рукописи въ послѣдствіи подъ вліяніемъ мѣстнаго народнаго говора; первоначальные же списки глаг. свящ. книгъ были во всемъ согласны съ кирилловскими, съ *которыхъ были списаны.*

танія такъ называемой болгарской Глаголицы мы должны искать на Западѣ, а не на Востокѣ, и появленіе памятниковъ ея въ Болгаріи, на Аѳонѣ и т. д. должны признать случайностію.

Теперь мы должны объяснить тѣ историческія условія, при которыхъ глагольскія рукописи такъ называемой болгарской редакціи, а равно и сами употреблявшіе это письмо Славяне въ первые вѣка слав. письменности могли переходить съ Запада на Востокъ и распространять въ Болгаріи, а вмѣстѣ и на Аѳонѣ и въ другихъ странахъ знакомство съ глагольскою азбукой. Для этой цѣли, исходя изъ той мысли, что Глаголица явилась, по крайней мѣрѣ примѣнена была къ богослуженію у западныхъ Славянъ еще въ IX вѣкѣ, положимъ современно съ Кириллицею, — считаемъ нужнымъ бросить бѣглый взглядъ на церковно-политическое состояніе ихъ въ періодъ времени отъ IX до XII вѣка Въ такомъ случаѣ прежде всего мы должны признать за несомнѣнное, что западные глаголиты, въ то время, когда у нихъ употреблялось округленное, или такъ называемое болгарское глагольское письмо, совершали богослуженіе по обрядамъ церкви греческой, а не римской. Это неопровержимо доказываютъ всѣ безъ исключенія древнѣйшіе глаголическіе кодексы (т. е. такъ наз. болг. редакціи) отъ Ассеманіева евангелія до Пражскихъ отрывковъ включительно, примѣненные, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, къ обрядамъ греческаго православія [1]). Тоже самое видно и изъ содержанія рукописей

[1]) Такъ глаг. Евангеліе во всѣхъ трехъ спискахъ (Асс., Зогр. и Григ.) расположено примѣнительно къ обрядамъ греческой церкви; Пражскіе листы содержатъ въ себѣ отрывки изъ греч. богослужеб. книгъ; наконецъ даже Глаголита Клоц содержитъ въ себѣ поученія отцовъ греческихъ, а не римскихъ. Православный характеръ глаголич. рецензіи свящ. книгъ доказывается такъ же и тѣмъ, что эт рецензія также кирилловская, то есть греческая 70-ти толковниковъ, и по Вульгатѣ только поправлена, а не переведена съ нея. Это признаютъ Добровскій Шафарикъ и другіе ученые. При такомъ положеніи дѣла, мы удивляемся, какимъ образомъ славянскіе ученые, каковы напр. Миклошичъ, Гавушъ и самъ Шафарикъ приписывающіе Кириллу Глаголицу и въ тоже время утверждающіе, будто он передался римской церкви и учредилъ между Славянами богослуженіе по е обрядамъ, не замѣтятъ внутренняго рѣшительнаго противорѣчія въ своемъ взгля дѣ на Кирилла даже съ ихъ собств. точки зрѣнія. Не странно ли въ самом дѣлѣ? Кириллъ, приверженецъ римской церкви, изобрѣлъ Глаголицу, и въ то

кирилловскихъ, списанныхъ съ древнихъ утраченныхъ теперь глагольскихъ оригиналовъ. Очень можетъ быть, что Глаголица, когда она употреблялась въ округленной формѣ, была примѣнена въ тоже время и къ богослуженію римскому, но доказательствъ на это пока еще не имѣется; по крайней мѣрѣ памятниковъ глагольскихъ латинскихъ богослужебныхъ книгъ, писанныхъ округленными глаг. буквами доселѣ еще не отыскано. Введеніе богослужебныхъ книгъ по римскому обряду стр омъ совпадаетъ съ появленіемъ Глаголицы хо квадратной, памятники которой, какъ извѣстно, ы къ богослуженію римскому, и начинаются не съ XII вѣка [1]). И такъ хорватская Глаголица и сь гораздо позже округленной, именно съ вв ѣкоторыхъ глаголитовъ богослуженія по римс и въ такомъ случаѣ шрифтъ пражскихъ отры вляющій, какъ извѣстно нѣчто среднее между глаголитой хорватской и такъ называемой болгарской, будетъ составлять переходъ отъ древняго шрифта къ новому, или она явилась еще очень рано и употреблялась на западѣ въ одно время съ округленной — одна у Славянъ греческаго обряда, — другая римскаго, одна въ Хорватіи, другая въ сопредѣльныхъ земляхъ, или, можетъ быть, въ самой Хорватіи, но у Славянъ греческаго исповѣданія. Впрочемъ первое предположеніе особенно послѣ открытія пражскихъ отрывковъ, по своему шрифту въ самомъ корнѣ уничтожающихъ границы и рѣзкую разницу между двумя формами глагольскаго письма и соединяющихъ ту и другую въ одинъ послѣдовательный процессъ развитія одного и того же способа письма въ одномъ и томъ же мѣстѣ,

---

время примѣнилъ глаг. священныя и богослужебныя книги къ обрядамъ греч. церкви. Ясно, что или Кириллъ къ Глаголицѣ не имѣлъ никакого отношенія, или если имѣлъ, то, какъ показываютъ глаг. памятники, онъ держался православія греческаго, а не римскаго.

[1]) Въ послѣднемъ случаѣ мы имѣемъ въ виду отрывки глагольскихъ богослужебныхъ книгъ по римскому обряду, обнародованные Берчичемъ въ его глаг. Хрестоматіи (Prosiat Saderae 1859). Впрочемъ относя эти отрывки въ XII в., Берчичъ никакихъ доказательствъ не представилъ. Пам. Хорв. глаг. съ означеніемъ года начинаются съ XIV в.

намъ кажется болѣе вѣроятнымъ. Какъ бы то ни было, но, соображая положеніе православныхъ глаголитовъ въ западныхъ славянскихъ областяхъ и отношеніе ихъ къ римскому престолу, мы естественно должны предположить, что за свою приверженность къ греческому православію они должны были еще при жизни Меѳодія подвергнуться такой же участи, какъ и кириллиты, т. е. преслѣдованію и притѣсненіямъ какъ со стороны папъ, такъ и со стороны нѣмецкаго духовенства, и очень можетъ быть, что извѣстныя увѣщанія папы Іоанна VIII (879 г.) къ Солунскому духовенству «оставить партію, Грековъ и Славянъ и возвратиться въ лоно римской церкви», равно какъ и благодарность къ кроатскому князю Брапиміру и его народу за возвращеніе подъ власть римскаго престола и другія письма того же папы [1]) къ западнымъ слав. князьямъ относятся именно къ судьбѣ въ западныхъ славянскихъ областяхъ православныхъ глаголитовъ, а не кириллитовъ. Послѣ кончины Меѳодія, ученики его изъ Моравіи, какъ извѣстно были изгнаны, и церковь, которую съ такою любовію, усердіемъ и успѣхомъ насаждали и возращали славянскіе первоучители въ Моравіи, Паннонiи и сопредѣльныхъ съ нею областяхъ подверглась рѣшительному разстройству: надъ всѣми державшимися греческаго православія въ Моравіи и Паннонiи, разразилась анаѳема (886 г), изрекавшая на нихъ отлученіе отъ церкви [2]), а съ 899 года бывшая паства Меѳодія папою Іоанномъ IX была раздѣлена на 4 каѳедры, подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ римскаго престола. Естественно, что тогда оставшіеся въ Моравіи и Паннонiи ученики Меѳодія должны были или подчиниться власти римскаго престола и оставить греческое православіе, или переселиться въ Болгарію вслѣдъ за первыми туда переселенцами-сотрудниками Меѳодія. При такомъ положеніи дѣла ничего нѣтъ невѣроятнаго, что еще въ то время многіе глаголиты, жившіе въ западныхъ славянскихъ областяхъ, и

---

[1]) См. перечень и извлеч. изъ писемъ Іоанна VIII 879 г. въ Glag. Cloz Копитара. p. LXXVIII.

[2]) Булл. Стеф. VI. 886 г. у Ваттенбаха. Beiträge zur Gesch. d. chr. K. in Mähren und Böhmen. Wien. 1849.

остававшіеся вѣрными греческому православію, вмѣстѣ съ кириллитами должны были такъ же переселиться въ Болгарію, гдѣ ихъ ожидало не притѣсненіе, а покровительство болгарскихъ государей. Въ концѣ IX вѣка движенію глаголитовъ вмѣстѣ съ кириллитами съ Запада на Востокъ могли содѣйствовать такъ же страшныя опустошенія, произведенныя въ Паннонiи и сопредѣльныхъ съ нею областяхъ Мадьярами (892—999 г). По свидѣтельству Константина Багрянороднаго жители древней Паннонiи, избѣгшіе въ это время истребленія, убѣжали *къ Булгарамъ*, Туркамъ и Кроатамъ. Шафарикъ въ разсматриваемомъ своемъ [illegible]аніи (р. 13) въ приведенномъ свидѣтельствѣ даетъ осо[illegible]ный вѣсъ послѣднему указанію, ссылаясь на [illegible]о бѣг[illegible]ецы должны были устремиться по направленію от [illegible]говъ а не на встрѣчу имъ. Но бѣгущіе безъ сомнѣнія [illegible]ъ бѣгствѣ руководствовались не однимъ инсти[illegible]крайней мѣрѣ избранные изъ нихъ — приверже[illegible]го православія должны были бѣжать туда, гдѣ [illegible]айдти покровительство и защиту.

Гораздо яснѣе становит[illegible]ъ судьба православныхъ глаголитовъ на Западѣ съ X вѣка. Съ этого времени римскій дворъ начинаетъ употреблять противъ нихъ болѣе и болѣе рѣшительныя мѣры. Такъ папа Іоаннъ X въ 925 г. писалъ къ Сплѣтскому архіепископу, что по дошедшимъ до него слухамъ христіане сплѣтской епархіи, «оставивъ евангельское ученіе и апостольскіе каноны, уклонились къ ученію Меѳодія, не извѣстнаго въ числѣ святыхъ», и по этому требовалъ, чтобы они совершали богослуженіе на языкѣ латинскомъ, а не славянскомъ и твердо держались ученія римской церкви [1]). Точно такія же увѣщанія тотъ же папа дѣлалъ Тамиславу, королю кроатскому. Вѣроятно вслѣдствіе этихъ папскихъ буллъ въ томъ же году въ Сплѣтѣ былъ созванъ соборъ, на которомъ славянское богослуженіе было строго запрещено, а вмѣстѣ съ тѣмъ и рукоположеніе священниковъ изъ Славянъ. Но какъ видно опредѣленіе этого собора исполнялось не съ полною строгостію, тѣмъ болѣе,

[1]) Письмо Папы Іоанна X. къ сплѣт. архіеп. Іоанну III, 925.

что оно, въ случаѣ недостатка въ духовныхъ лицахъ, знающихъ латинскій языкъ, допускало совершеніе богослуженія и на славянскомъ. По этому въ 1059 году въ Далмацію и Кроацію прибылъ папскій легатъ кардиналъ Майнардъ, подъ предсѣдательствомъ котораго въ Сплѣтѣ былъ созванъ новый соборъ, на которомъ запрещеніе совершать славянское богослуженіе было возобновлено и выражено съ полною рѣшительностію; при чемъ православныя церкви были заключены, священники изгнаны, св. Меѳодій превозглашенъ былъ еретикомъ, а употреблявшіяся его послѣдователями славянскія письмена, которыхъ изобрѣтеніе приписано ему, названы готскими. Конечно пока еще трудно утверждать положительно, что приведенныя нами факты запрещенія слав. литургіи относятся именно къ Глаголицѣ, а не Кириллицѣ: но такъ какъ въ нихъ дѣло идетъ о славянскихъ земляхъ, гдѣ въ послѣдствіи Глаголица является господствующимъ письмомъ, то по всѣмъ правамъ съ большею вѣроятностію можно отнести эти запрещенія къ послѣднему письму. На это указываетъ повидимому самое наименованіе славянскихъ письменъ, въ опредѣленіи сплѣтскаго собора 1059 года, готскими, съ которыми глагольскія начертанія по крайней мѣрѣ по наружному виду, представляютъ больше сходства, чѣмъ начертанія кирилловскія. Съ другой стороны взявши въ соображеніе, что для римскаго двора были собственно важны, т. е. ненавистны, не самыя письмена,—кирилловскія то, или глагольскія, а то, что ими выражалось именно греческое православіе и греческій обрядъ [1]); то нельзя не согласиться, что, если въ разсматриваемую эпоху въ западныхъ православныхъ церквахъ тамъ и сямъ еще употреблялись кирилловскія книги, и если упомянутыя запрещенія относятся къ письму кирилловскому, то это письмо безъ сомнѣнія подвергалось запрещенію вмѣстѣ съ глагольскимъ. Есть признаки, что и у православныхъ Чеховъ вмѣстѣ съ введенною у нихъ Меѳодіемъ Кириллицей употреблялась и Глаголица и именно въ формѣ, близкой къ

[1]) Это видно по смыслу почти всѣхъ запрещеній славянской литургіи, но въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, напр. въ буллѣ папы Іоанна X, 925 г., папы Іоанна XIII 972 г., въ опредѣл. сплѣт. соб. 1059 г. и т. д. такой взглядъ высказанъ ясно.

Глаголицѣ хорватской, какъ это показываютъ недавно найденные въ Прагѣ глагольскіе листы. Эти листы, какъ мы уже сказали, содержатъ въ себѣ отрывки славянскихъ богослужебныхъ книгъ по греческому обряду, и по мнѣнію Гефлера и Шафарика [1]) составляютъ остатокъ библіотеки Сазавскаго монастыря, истребленной послѣ уничтоженія въ немъ славянскаго богослуженія въ 1097 году. Согласившись съ этимъ, естественно думать, что извѣстные факты запрещенія православной славянской литургіи въ Чехіи 972 и 1080 г., равно какъ и гоненіе на нее [illegible]мъ монастырѣ относятся столько же къ богослуже[illegible]литскому, сколько и къ кирилловскому. Какъ бы [illegible]но, по несомнѣнно то, что православные глаголи[illegible]жд[illegible]чѣмъ, вслѣдствіе исчисленныхъ угнетеній рим[illegible]ла, рѣшились принять и ввести у себя богослуженіе[illegible]у обряду и замѣнить православныя богослужебныя к[illegible]еденными съ латинскаго, вынесли продолжительную [illegible]вердостію отстаивая преданія, завѣщанныя предкамъ ихъ сла[illegible]янскими первоучителями, или ближайшими учениками и[illegible]то. борьба глаголитовъ за православіе была упорна и продолжительна,—это можно видѣть изъ того, что, не смотря на многократныя запрещенія, глаголитами въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Далмаціи, Славоніи, Хорватіи и проч. совершалось богослуженіе по греч. обряду еще во время папы Иннокентія IV. Исполняя просьбу сенскаго архіепископа, онъ охотно дозволилъ (въ 1248 г.) Славянамъ его епархіи совершать богослуженіе на славянскомъ языкѣ, но давая на это дозволеніе не забылъ прибавить, ut ex varietate litterae sententia non laedatur, что̀ по толкованію Гинцеля, въ настоящемъ случаѣ безпристрастнаго историка, значитъ, — чтобы славянскія церковныя книги во всемъ согласны были съ латинскими оригиналами римскаго служебника ритуала и бревіарія [2]). Еслибъ въ то время всѣ западные глаголиты совершали богослуженіе по римскому обряду, это условіе въ папской буллѣ, было бы излишне; съ другой стороны эта

---

[1]) Glag. Fragm. Prag. 1857 II. 47.
[2]) Gesch. d. Slawenap. 1857. 124.

легкость и снисходительность [1]), съ какою Иннокентій IV далъ глаголитамъ дозволеніе совершать богослуженіе на славянскомъ языкѣ, снисходительность составляющая столь рѣзкую противуположность съ строгимъ тономъ буллъ прежнихъ папъ, заставляетъ думать, что въ прежнихъ, исчисленныхъ нами запрещеніяхъ слав. литургіи, имѣлось въ виду глаголитское богослуженіе по обряду греческому, а не римскому; послѣднее до папы Иннокентія IV, если, можетъ быть, и не было дозволено оффиціально, то по крайней мѣрѣ было терпимо.

Соображая изложенные нами факты, характеризующіе стѣснительное положеніе православныхъ глаголитовъ въ западныхъ римскихъ областяхъ, со стороны римскаго двора, какъ въ IX, такъ и въ теченіе послѣдующихъ вѣковъ до XIII включительно, опять естественно предположить, что тѣ изъ нихъ, которые не хотѣли оставить греческаго православія, должны были какъ и во время и послѣ Меѳодія, подобно кириллитамъ стремиться на Востокъ, въ православную Болгарію, гдѣ хоть и употреблялся другой, можетъ быть, мало знакомый глаголитамъ алфавитъ, — греко-славянскій, но совершалось богослуженіе по обрядамъ греческаго православія. Остается теперь прибавить, что во время всѣхъ этихъ переселеній глаголиты приносили съ собою въ Болгарію и глаголическія книги и распространяли между Болгарами знакомство съ неизвѣстною имъ азбукою. И вотъ объясненіе, почему въ Болгаріи и ея окрестностяхъ въ настоящее время находятъ памятники древнѣйшей глаголитской письменности и почему эти памятники испещрены идіотизмами западныхъ славянскихъ нарѣчій [2]). Но глагольскія книги въ Болгаріи

---

[1]) Здѣсь мы имѣемъ въ виду преимущественно слова буллы: sermo rei, et non res sermoni subjecta.

[2]) Въ глаголическихъ, равно какъ и полу-глагольскихъ рукописяхъ находятъ признаки и болгарскаго нарѣчія; но выходя изъ той мысли, что тексты глагольскихъ священныхъ книгъ первоначально списанъ съ кирилловскихъ оригиналовъ, такое явленіе нельзя не признать совершенно естественнымъ. Не смотря на измѣненія глаголитами свящ. книгъ сообразно съ ихъ мѣстнымъ нарѣчіемъ, слѣды первоначальнаго нарѣчія, на которое онѣ были переведены, разумѣется, должны были остаться неизгладимыми.

были понятны для немногихъ, а отсюда явилась необходимость переписывать ихъ общеупотребительнымъ письмомъ, т. е. Кириллицей. Этимъ и объясняется происхожденіе кирилловскихъ рукописей болгарской редакціи, списанныхъ съ Глаголицы. Очень можетъ быть, что нѣкоторыя изъ этихъ рукописей списаны и не съ Глаголицы, а съ Кириллицы же, но только проживавшими здѣсь глаголитскими писцами, которые, переписывая съ кирилловскихъ оригиналовъ Кириллицей, или по привычкѣ, или по капризу и симпатіи къ родной азбукѣ, примѣшивали въ переписываемыя ими копіи глаголическія буквы, слова, [illegible]роки и наконецъ даже страницы. Новое доказательство, что [illegible]ни Болгарія, ни Аѳонскіе монастыри для нахож[illegible]ъ там[illegible] глагольскихъ кодексовъ не были родиной, и что [illegible]лѣдніе зашли туда совершенно случайно, можно видѣть [illegible]то всѣ они, какъ извѣстно, испещрены позднѣйшими [illegible]ми поправками, приписками, разнаго рода замѣт[illegible]ополненіями и т. п., наконецъ содержатъ въ се[illegible]и [illegible]ыя кирилловскія статьи. Мы разумѣемъ въ это[illegible] кирилловскія святцы въ Зографскомъ Евангеліи, [illegible]и приписки на поляхъ во всѣхъ трехъ евангеліяхъ, цѣлый кирилловскій листъ, вставленный въ Евангеліе Григоровича и т. д. Ясно, что эти рукописи, когда въ земляхъ, гдѣ они находились, прекратилось поколѣніе совершенно случайно зашедшихъ сюда глаголитовъ, достались въ руки такихъ людей, для которыхъ родной азбукой была Кириллица. Еслибы въ Болгаріи и на Аѳонѣ была дѣйствительно, какъ говоритъ Шафарикъ, мастерская Глаголицы и она была общеупотребительною азбукою, то естественно было бы ожидать, что упомянутыя дополненія на глаг. рукописяхъ были бы сдѣланы Глаголицей же.

Точно такимъ же образомъ можно объяснить мѣстонахожденіе глаг. кодексовъ и на Аѳонѣ, на Синаѣ, а равно появленіе ихъ въ древности и въ Россіи. Ясно, что изъ Болгаріи, или непосредственно изъ своей отчизны, глаголиты вмѣстѣ съ природными Болгарами могли приходить на Аѳонъ и въ монастыри восточныхъ патріарховъ, а съ Аѳона, а можетъ быть и прямо изъ Болгаріи, и въ Россію, гдѣ они же сами, или наученные ими русскіе могли переписывать Кириллицей

принесенныя ими сюда глагольскія рукописи, и оставлять въ нихъ намѣренно или не намѣренно глагольскія буквы. Что до русскихъ писцевъ, то, какъ можно судить по глаг. подписямъ на вышеупомянутыхъ типографскихъ рукописяхъ, для нихъ глагольскія буквы замѣняли иногда непонятные кружки, линіи, цифирные и другіе криптографическіе знаки, бывшіе, какъ извѣстно въ большомъ ходу въ нашей древней палеографіи, когда напр. переписчикъ желалъ скрыть свое имя подъ неизвѣстными знаками.

Высказанный нами взглядъ на распространеніе Глаголицы съ Запада на Востокъ и на случайность появленія ея, въ древній періодъ слав. письменности, въ Болгаріи, очевидно обусловливаетъ собою предположеніе о самомъ происхожденіи Глаголицы не въ Болгаріи, а такъ же на Западѣ: но онъ во 1-хъ, какъ мы видѣли, оправдывается выводами современной филологіи; во 2-хъ, находится въ гармоніи съ тогдашнимъ церковно-политическимъ состояніемъ православнаго богослуженія у западныхъ и восточныхъ Славянъ; тогда какъ въ пользу противоположнаго мнѣнія говоритъ одно [1]) лишь случайное обстоятельство мѣстонахожденія и то лишь немногихъ глагольскихъ рукописей. Съ другой стороны, принять это послѣднее мнѣніе, значитъ — или допустить непонятный и ничѣмъ необъяснимый фактъ появленія безъ всякой нужды въ Болгаріи въ одно время двухъ алфавитовъ, и Глаголицу приписать Клименту, основываясь на болѣе чѣмъ сомнитель-

---

[1]) Въ подтвержденіе болгарскаго происхожденія Глаголицы со временъ Копитара указываютъ еще на названіе этой азбуки болгарской въ извѣстной парижской рукописи: Abecenarium Bulgaricum. Но во 1-хъ этотъ памятникъ критически доселѣ еще не изслѣдованъ; во 2-хъ то, что извѣстно о немъ, возбуждаетъ только сомнѣнія. Abecenarium Bulgaricum находится, какъ извѣстно, на переплетномъ листѣ въ концѣ одной латинской парижской рукописи. Самъ Шафарикъ говоритъ что этотъ списокъ глагольскихъ буквъ, — при томъ еще не полный, — не есть намѣренный, замышленный трудъ, а случайная замѣтка для удовлетворенія любопытства, а слѣд. онъ составленъ былъ такими людьми и для такихъ людей, которые имѣли о глагольской азбукѣ и тѣмъ болѣе о мѣстѣ ея употребленія самое смутное представленіе. Можно по этому судить: имѣетъ ли право изслѣдователь давать вѣсъ слову Bulgaricum. Нельзя при этомъ не вспомнить такъ же объясненія этаго эпитета, сдѣланнаго Прейсомъ. Слово Bulgaricum онъ считалъ равнозначительнымъ съ словомъ: грамота тарабарская-варварская. (Гл. письм. 198)..

номъ разсмотрѣнномъ нами свидѣтельствѣ краткаго житія Климента, или приписать Глаголицу Кириллу. Но ни то, ни другое предположеніе не находитъ подтвержденія ни въ исторіи, ни въ палеографіи, ни въ филологіи. Вотъ почему и такъ называемая болгарская редакція глагольскихъ рукописей можетъ, если угодно, называться паннонскою, округленною, вѣрнѣе древнѣйшею, но отнюдь не болгарскою. По крайней мѣрѣ съ этимъ названіемъ, по нашему мнѣнію, вовсе нельзя соединять идеи о мѣстѣ процвѣтанія и происхожденія такъ называемой болгарской Глаголицы. Само собою разумѣется, что и самый шрифтъ (округле[illegible]разряда глаг. рукописей мы признаемъ произведен[illegible]гаріи, а такъ же западныхъ славянскихъ земел[illegible]афарикъ равно какъ и нѣкоторые другіе ученые[illegible]приравнять этотъ шрифтъ къ греч. курсиву IX—X [illegible]ражанію которому онъ будто бы образовался; то[illegible]мѣчено было, мы думаемъ, — имѣемъ больше[illegible]гать его образовавшимся подъ вліяніемъ латинскаг[illegible]го письма до XII вѣка, точно такъ же какъ ква[illegible]тъ хорватской Глаголицы признавать подражаніем[illegible]готическаго письма, начавшаго входить въ употребленіе съ XII вѣка. Вотъ почему, можетъ быть, доселѣ не отыскано ни одного памятника хорватской Глаголицы древнѣе этой эпохи.

Но если первоначальной родиной округленной Глаголицы были славянскія земли западныя, а не восточныя: то почему глагольскихъ рукописей, писанныхъ этимъ шрифтомъ, сохранилось больше на Востокѣ, чѣмъ на Западѣ; наоборотъ почему ни у юговосточныхъ Славянъ, ни въ Россіи не встрѣчается памятниковъ Глаголицы хорватской? Что касается до перваго вопроса, на него можно отвѣчать другимъ вопросомъ: отъ чего въ Россіи древнихъ слав. рукописей, писанныхъ напр. въ Сербіи и Болгаріи сохранилось больше, чѣмъ сколько ихъ сохранилось на ихъ родинѣ? Всякой конечно скажетъ, что этотъ фактъ легко объясняется тѣми относительно благопріятными условіями, подъ которыми находилась въ Россіи письменность, и безъ сомнѣнія никому даже въ голову не придетъ на основаніи указаннаго факта утверждать, будто хоть напр. сербская редакція сначала явилась въ Россіи, а

потомъ уже перешла въ Сербію. Такое же объясненіе, по нашему мнѣнію, можно приложить и къ рукописямъ глагольскимъ. Правда, и въ Болгаріи памятники славянской письменности, какъ кирилловскіе такъ и глаголическіе, въ теченіе политическихъ бурь, выпесенныхъ этой страной, подвергались самой измѣнчивой судьбѣ, но, взявъ въ разсчетъ православный характеръ древнихъ глаголическихъ богослужебныхъ книгъ, нельзя не признать, что въ Болгаріи они находились подъ несравненно благопріятнѣйшими условіями. Важно уже и то, что въ Болгаріи памятники древней глаголической равно какъ и кирилловской письменности гибли отъ однихъ враговъ внѣшнихъ, а въ западныхъ славянскихъ земляхъ — отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ вмѣстѣ, и такъ какъ съ сохраненіемъ древнихъ глаголическихъ памятниковъ у глаголитовъ хранилась память о греческомъ православіи и о греческихъ обрядахъ, то безъ сомнѣнія истребленіемъ этихъ памятниковъ не преминуло намѣренно заняться западное духовенство, какъ напр. истреблены были славянскія богослужебныя книги въ Сазавскомъ монастырѣ, по уничтоженіи тамъ въ 1097 году славянскаго богослуженія. Съ другой стороны, нисколько не удивительно, если ни въ окрестностяхъ Болгаріи, ни на Аѳонѣ доселѣ не отыскано ни одного глагольскаго памятника, писаннаго Глаголицей хорватской, а равно и не встрѣчается кирилловскихъ рукописей съ примѣсью хорватскихъ буквъ. Судя по памятникамъ, всѣ глагольскія рукописи, писанныя хорватской Глаголицей, по своему содержанію, примѣнены были къ обрядамъ западной церкви, а слѣд. если они какъ-нибудь случайно и попадали въ Болгарію, на Аѳонъ, и т. д., тамъ не имѣли причинъ ни хранить ихъ, ни тѣмъ болѣе списывать съ нихъ, какъ списывали съ Глаголицы округленной, древнѣйшей. Притомъ же по многимъ причинамъ можно думать, что въ западныхъ славянскихъ земляхъ квадратная Глаголица, какъ уже замѣчено было, вѣроятно появилась не ранѣе XII вѣка, т. е. когда съ одной стороны послѣдовало окончательное раздѣленіе церквей восточной и западной, съ другой когда западная церковь большинство православныхъ глаголитовъ успѣла подчинить своей власти и ввести между ними богослужебныя книги, переведенныя съ латин-

скаго. Само собою разумѣется, что эти два обстоятельства должны были произвести рѣшительное разобщеніе между болгарскими кириллитами и западными глаголитами и остановить переходъ письменныхъ глагольскихъ памятниковъ съ Запада на Востокъ.

Сообразивъ все вышесказанное о происхожденіи и распространеніи такъ называемой болгарской Глаголицы, можно теперь судить, на сколько доказательна ссылка Шафарика на мѣстонахожденіе ея памятниковъ, приводимая имъ въ пользу его мнѣнія объ общеу[illegible]сти въ IX — XI вѣкѣ въ Болгаріи глагольска[illegible] есть ли какое-нибудь основаніе производить п[illegible]нскихъ писателей временъ болгарскихъ царе[illegible]имеона и послѣдующаго времени изъ кириллитовъ[illegible]ы.

11. Мы выше сказали[illegible]нкъ, хоть и далъ своему сочиненію тонъ по[illegible] изслѣдованія, основаннаго единственно на исто[illegible]могъ однакожь оставить безъ вниманія и нѣкото[illegible]еній, по крайней мѣрѣ такихъ, которыя прямо[illegible]ся противъ его мнѣнія объ изобрѣтеніи Глаголицы [illegible]. Такъ кромѣ свидѣтельства Храбра, онъ старается ослабить возраженіе, представляемое названіемъ греко-славянскаго письма Кириллицей, чѣмъ уже безъ сомнѣнія ясно указывается и на лицо ея изобрѣтателя. Подобнаго рода преданія, заключающіяся въ самомъ названіи предмета, стоятъ за себя твердо, и чтобы поколебать ихъ силу, нужны доводы и соображенія, которыя бы достигали степени очевидности, а не были бы только гаданіями. Но Шафарикъ, увлеченный своей идеей, вѣковому названію греко-славянскаго алфавита кирилловскимъ не только не придаетъ никакого значенія, но даже старается объяснить его въ свою пользу. Какъ мы видѣли, по его мнѣнію названіе греко-славянскаго алфавита Кириллицей ошибочно и вошло въ употребленіе только съ XVI вѣка; прежде же, продолжаетъ Шафарикъ, Кириллицей называлась Глаголица, и въ доказательство указываетъ на послѣсловіе къ утраченному списку толковыхъ пророковъ Упиря Лихого 1047-го года, переписанное буквально въ позднѣйшіе списки. Вотъ это послѣсловіе: «слава тебѣ господи царю небесныи. яко сподоби мя написати книги си. искоу-

риловицѣ. Князю Владимеру Новѣгородѣ княжащю. сыновн Ярославлю болшемоу. почах ѣ писати в лѣто 1047 мѣсяца мая 14 а кончах того же лѣт мца декабря въ 19 азъ попъ оупиръ лихыи. Тѣмже молю всѣх прочитати прречьство се...» и т. д. [1]) «Я убѣжденъ, пишетъ Шафарикъ (§ 18), что слово *искоуриловицѣ* здѣсь значитъ не что-нибудь другое, какъ Глаголицу... Потому что еслибы Упирева рукопись была писана съ кирилловской, то замѣтка писца была бы совершенно излишня, даже была бы несообразностью.» Вмѣстѣ съ этимъ, какъ на доказательство, что Упирь Лихой писалъ именно съ рукописи глаголической, Шафарикъ ссылается на глагольскія буквы и даже слова, встрѣчающіяся въ Троицкой копіи Упирева списка. Заключеніе отсюда очевидно: если Упирь Лихой подъ именемъ Кириллицы разумѣлъ Глаголицу, то такое названіе ея въ XI вѣкѣ, а слѣд. и вообще въ древности было общеупотребительнымъ; т. е. въ это время Глаголица носила названіе Кириллицы и это безъ сомнѣнія по имени своего изобрѣтателя, св. Кирилла; а слѣд. и вопросъ о лицѣ изобрѣтателя загадочной азбуки можно считать рѣшеннымъ». Да! скажемъ мы, еслибы можно было подобнаго рода запутанные вопросы рѣшать такими ничтожными средствами. Но взглянемъ на дѣло ближе.

Шафарикъ въ своихъ выводахъ очевидно выходитъ изъ того предположенія, что Троицкая копія Упиревой рукописи въ разсматриваемомъ отношеніи представляетъ точное подобіе оригинала, т. е. что и въ послѣднемъ точно такъ же и, можетъ быть, даже на тѣхъ же мѣстахъ были глаголическія буквы, какъ это видимъ въ упомянутой позднѣйшей копіи его. Но это требуетъ еще доказательствъ: какъ извѣстно, позднѣйшихъ списковъ съ Упиревой рукописи въ нашихъ библіотекахъ сохранилось очень много, и между тѣмъ примѣсь глаголическихъ буквъ замѣчена только въ двухъ изъ нихъ, — именно въ Троицкомъ и въ одномъ изъ синодальныхъ [2]); остальные списки писаны одной Кириллицей. Вотъ

---

[1]) Предисл. въ Остр. Ев. изд. Вост. 1843 г.

[2]) Шафарикъ указываетъ только на одинъ списокъ. Но по описанію Син Библ. (т. 2, 1857 г. стр. III.) открывается, что и въ одномъ изъ синодальныхъ списковъ (изъ двухъ) такъ же есть примѣсь глаголическихъ буквъ. Любопытно было

почему есть возможность предполагать, что подлинный списокъ Упиря Лихого могъ быть писанъ одной Кириллицей, и что глаголитскія слова и буквы въ упомянутыя два списка могли войти самостоятельно, независимо отъ древняго оригинала: оба они могли быть писаны писцами, знакомыми съ Глаголицей, которые, переписывая кирилловскую рукопись, примѣшивали по мѣстамъ глаголическія буквы, — намѣренно, или ненамѣренно, — все равно.

Но согласимся, что глаголическія слова и буквы, встрѣчающіяся въ позднѣйшихъ с[illegible]евой рукописи, дѣйствительно были и въ оригин[illegible]иной самимъ Упиремъ; можетъ быть, ихъ тамъ [illegible]льше. Въ такомъ случаѣ ужели изъ этого непрем[illegible], что Упирь писалъ съ Глаголицы? Напротивъ, [illegible]на самой припискѣ, не должны ли мы думать, ч[illegible]ъ именно съ Кириллицы? Тогда примѣсь глаголиче[illegible]можетъ быть объясняема напр. такимъ образомъ: [illegible]й былъ изъ глаголитовъ, или былъ хорошо знако[illegible]збукой, и потому обыкновенно переписывалъ [illegible] глаголическихъ; но въ настоящій разъ онъ писалъ [illegible]риллицы. И такъ нѣтъ ничего удивительнаго, если онъ при этомъ сбился на Глаголицу, или примѣшивалъ по мѣстамъ глаголическія буквы съ какою-нибудь цѣлію, или просто по капризу. Еще естественнѣй, что, сверхъ обыкновенія списавши рукопись съ Кириллицы, онъ захотѣлъ означить это въ самомъ послѣсловіи къ своему списку, чтобы отличить его отъ другихъ рукописей, переписанныхъ имъ съ Глаголицы. Само собою разумѣется, что при такомъ предположеніи и самая замѣтка объ этомъ получаетъ полный смыслъ. Но сдѣлаемъ еще уступку: согласимся, что Упирь Лихой дѣйствительно писалъ съ Глаголицы, и объявляя въ послѣсловіи, что онъ писалъ съ Кириллицы, дѣйствительно разумѣлъ подъ этимъ словомъ Глаголицу; но при вѣковой твердости преданія, усвояющаго названіе Кирил-

---

бы сличить, въ однихъ ли и тѣхъ же мѣстахъ этихъ списковъ встрѣчаются глаголическія слова и буквы или въ разныхъ. Еще любопытнѣе было бы изслѣдовать, встрѣчаются ли въ нихъ глаголитизмы. Шафарикъ указываетъ на одно только спеціально-глаголитское слово въ Троицкомъ спискѣ; но этого безъ сомнѣнія недостаточно.

лицы письму греко-славянскому, не глагольскому, не вправѣ ли мы предположить, что оригиналъ, съ котораго списывалъ Упирь Лихой, названъ имъ кирилловскимъ намѣренно, — съ цѣлію скрыть настоящее происхожденіе сдѣланнаго съ него списка?

Возможны и другія предположенія для объясненія разсматриваемаго нами загадочнаго слова, напр. въ XI вѣкѣ въ Россіи полныя глагольскія рукописи были очень рѣдки, хоть предки наши съ этой азбукой и были уже нѣсколько знакомы. И вотъ новгородскій князь просто для удовлетворенія своей любознательности, или съ какою-нибудь другой цѣлію, пожелалъ имѣть рукопись писанную одной Глаголицей, и приготовить такую рукопись было поручено Упирю Лихому, какъ человѣку, знакомому съ глагольскою азбукой. Упирь Лихой написалъ рукопись одной Глаголицей, но за недостаткомъ глагольскихъ оригиналовъ списалъ ее съ кирилловскаго списка, о чемъ и счелъ нужнымъ упомянуть въ своемъ послѣсловіи. За тѣмъ въ послѣдствіи эта глагольская рукопись другимъ писцомъ переписана была Кириллицей съ примѣсью глагольскихъ буквъ, но послѣсловіе оставлено прежнее съ буквальною точностію, что и возбуждаетъ теперь столько недоразумѣній, и т. д. Но главное, по нашему мнѣнію, прежде чѣмъ приводить разсматриваемую приписку въ доказательство употребленія еще въ XI вѣкѣ названія славянской азбуки — глаголитской или кирилловской — Кириллицей, нужно прежде еще рѣшить вопросъ: дѣйствительно ли подъ словомъ *искоуриловицѣ* нужно разумѣть азбуку, а не что нибудь другое. Какъ извѣстно, нашъ почтенный филологъ А. Х. Востоковъ, обнародовавшій эту приписку, предложилъ мнѣніе, что подъ словомъ искоуриловицѣ писецъ разумѣлъ не азбуку, а *книгу, писанную Кирилломъ*. Мы же съ своей стороны предлагаемъ другой вопросъ: слово *искоуриловицѣ* не значитъ ли здѣсь *мѣстность*, въ которой жилъ писецъ, или откуда онъ прислалъ новгородскому князю переписанную имъ рукопись? У нашихъ писцевъ, какъ извѣстно, было въ обычаѣ, вмѣстѣ съ именемъ и годомъ, означать въ своихъ послѣсловіяхъ и мѣсто, городъ, или монастырь, гдѣ они переписывали рукопись; поэтому, если принять это объясненіе, послѣсловіе Упиря Лихого мог-

ходило бы ближе къ общему типу обыкновенныхъ подобныхъ рода приписокъ. Само собою разумѣется, что тогда и разсматриваемая нами приписка съ вопросомъ о славянскихъ азбукахъ потеряетъ всякую связь.

Какъ бы то ни было, но утверждать, будто Глаголица въ XI вѣкѣ носила названіе Кириллицы, — и это единственно на основаніи разсмотрѣнной фразы, допускающей столько разнообразныхъ толкованій, — нѣтъ никакой возможности. Вотъ почему Ша[illegible]въ на эту фразу, поспѣшилъ прибавить, что гл[illegible]авитъ назывался Кириллицей и въ позднѣйше[illegible]къ сожалѣнію самыхъ свидѣтельствъ объ этомъ[illegible]одитъ, и трудно рѣшить, какія именно свидѣтельс[illegible] Шафарикъ въ разсматриваемомъ мѣстѣ: какъ[illegible] древнихъ славянскихъ памятникахъ названія: *Глаголица* не встрѣчаются рѣшительно нигдѣ, [illegible]приписка, если только въ ней подъ словомъ *искоуп*[illegible]разумѣется *азбука*, составляетъ въ этомъ случаѣ единственное исключеніе. Желая ослабить возраженіе со стороны названія глагольскаго алфавита *Глаголицей*, Шафарикъ замѣчаетъ, что это названіе такъ же не восходитъ далѣе XVI вѣка; но по мнѣнію Григоровича, хоть и неизвѣстно на чѣмъ основанному, Глаголица называлась этимъ именемъ еще въ XIII вѣкѣ [1])

Переходимъ теперь къ разбору доказательствъ Шафарика въ пользу мнѣнія его о старшинствѣ Глаголицы передъ Кириллицей вообще, независимо отъ вопроса о лицѣ изобрѣтателя той и другой азбуки.

А. Викторовъ.

---

[1]) *О древ. письм. Слав.* Ж. М. Н. Пр. 1852 г. № 3.

МУРОМСКОЕ СКАЗАНІЕ О МАРОѢ И МАРІИ.

(Изъ лекцій объ исторіи русской словесности, $18^{39}/_{40}$ академическаго года.)

Любопытная повѣсть о взаимной любви двухъ сестеръ, Мароы и Маріи, составляетъ главное содержаніе мѣстной муромской легенды о явленіи *Унженскаго креста* [1]). Это одно изъ тѣхъ драгоцѣнныхъ для исторіи литературы сказаній, которыя въ теченіе столѣтій ходили въ устахъ народа и впослѣдствіи получили литературную форму.

Позднѣйшій списатель этого сказанія въ своемъ введеніи къ нему свидѣтельствуетъ, что многіе изъ благочестивыхъ людей, приходя на рѣку Унжу, въ унженскій станъ, поклониться стоящему тамъ кресту господню, спрашивали не разъ церковнослужителей, гдѣ и какъ эта святыня была обрѣтена и не могли уже получить удовлетворительнаго объясненія: «зане убо многимъ лѣтомъ протекшимъ, еще же и многаго ради инoплеменныхъ нашествія на страну ону, паки же и частаго ради варварскаго расплѣненія, *древняя изгибоша списанія*, въ кія лѣта и при коихъ содержателѣхъ (*вар.* самодержцахъ) быша сія; но токмо *на малый харатійць просторьчіемъ, якоже поселяне, написано* держаху памяти ради.» Наконецъ, побужденные распросами благочестивыхъ людей, священнослужители того унженскаго креста по благословенію Моисея, архіепископа рязанскаго и муромскаго, поручили нѣкоторому грамотному человѣку сказаніе объ этой святынѣ *благохитростнѣ преписати*, то есть, дать литературную форму повѣствованію, которое сохранилось отъ древнихъ временъ записанное *просторьчіемъ*, вѣроятно, со словъ простолюдиновъ.

По смиренному обычаю древнихъ списателей, благочестивый авторъ объявляетъ себя *груба суща и витійскія бе-*

---

[1]) По рукописному муромскому житейнику, XVII в., въ библіотекѣ автора, и также по Синодальному сборнику XVIII в., въ 4-ку, № 850, листъ 739 и слѣд., и по другому муромскому житейнику, рук. XVII в., графа Уварова, въ 4-ку, № 425 (Царск. № 129), листъ 133 и слѣд.

сѣды ничтоже свѣдуща, давая тѣмъ разумѣть о своихъ покушеніяхъ замѣнить просторѣчіе народнаго разсказа риторическими фразами церковно-славянскаго стиля, которыя, къ счастію, не настолько исказили это сказаніе, чтобъ уже нельзя было подъ ними открыть слѣды изящной простоты народнаго склада. «Азъ же окаянный—продолжаетъ—отъ обою содержимъ бѣхъ—страхомъ и радостію: понеже бо страхъ за недостоинство претитъ [illegible], радость же и любви влечетъ мя вѣщати.» И [illegible] обращаясь за вдохновеніемъ къ Источнику всяк[illegible] клицаетъ онъ отъ всего своего сердца: «Ты уб[illegible] премудрости и смыслу давче, немудрымъ наказ[illegible]мъ защитителю! Утверди и вразуми сердце м[illegible] Ты даждь ми слово въ отверзеніе устъ моихъ, [illegible]инородное слово; и содѣйствуй ми силою кр[illegible] якоже нѣкогда нѣмому повелѣ глаголати и глу[illegible]ги. И тако прострохъ грѣходѣльную ми руку, и яхся по дѣло сіе, о немъ же намъ слово.»

Церковно-славянскій текстъ, придавшій этому сказанью слишкомъ важный тонъ, я замѣняю русскимъ простымъ слогомъ, который, какъ бы возстановляя просторѣчіе старинной хартійки, гораздо больше приличенъ содержанію разсказа.

Были двѣ сестры, дочери одного вельможи. Имя одной Марья, а другой Марѳа. И вышла за мужъ Марія за нѣкотораго Іоанна въ муромской области, а Марѳа была выдана за Логина въ рязанскую область. Былъ Іоаннъ по своему отечеству честнаго рода, но имѣніемъ пооскудѣлъ; а Логинъ родомъ былъ меньше Іоанна и его отечества, но имѣніемъ очень богатъ.

И случилось имъ быть вмѣстѣ у тестя своего и у тещи на пиру, и была между ними распря о мѣстахъ: Іоаннъ хотѣлъ выше сѣсть по отечеству своему и по старѣйшинству, потому что былъ старшій зять; а Логинъ не давалъ ему мѣста, ради своего богатства. И отъ того времени они *много лѣтъ между собою* не съѣзжались сами, и женъ своихъ

не пущали, ни письмами не ссылались до самой своей смерти.

По многихъ лѣтахъ умерли они оба въ одинъ день, и жены ихъ овдовѣли; но Марья не вѣдала о Логиновѣ преставленьи, а Марѳа объ Іоанновѣ преставленьи. И опечалились о томъ обѣ сестры. Тогда помыслила себѣ Марія, говоря: «Поѣду къ зятю своему Логину въ Рязань и увижу сестру свою, и если они полюбятъ меня, буду у нихъ жить; а если не возлюбятъ, прощусь съ сестрою и возвращусь домой». И Марѳа тоже самое помыслила себѣ, говоря: «Поѣду къ зятю своему Іоанну и къ сестрѣ своей, и увижу: если они меня призрятъ, и я имѣніемъ своимъ обогащу ихъ, и будутъ они богаты, какъ былъ и мужъ мой, и славны по своему отечеству». И какъ помыслили, такъ и сдѣлали.

И въ одинъ и тотъ же день обѣ поѣхали изъ домовъ своихъ и встрѣтились на пути и станы—каждая особо сдѣлали, а не вмѣстѣ, потому что не знали, съ кѣмъ встрѣтились. И послала меньшая слугу своего спросить: «Кто тамъ стоитъ? И если то женскій полъ, то вмѣстѣ сойдемся въ одинъ станъ; а если мужескій полъ, то поѣдемъ дальше». И пришедъ слуга вопросилъ, и услышалъ, что ѣдетъ вдова отъ Мурома на Рязань къ сестрѣ своей. Слуга, воротившись, повѣдалъ то госпожѣ своей. Она же сказала: «Сойдемся вмѣстѣ». И сошлися и поклонились между собою и не признали другъ друга, что родныя сестры, пока не спросили объ именахъ и отечествѣ; потомъ уже спознались и начали лобзаться со слезами и съ радостію и скорбѣть о мужьяхъ своихъ, что были между собою не въ любви до самой своей смерти; скорбѣли не столько о нихъ, сколько о себѣ, что столько лѣтъ не видались, ни письмами другъ о другѣ не извѣщались. Но о томъ радовались, что далъ имъ Богъ свидѣться на кончинѣ вѣка ихъ; и учредили трапезу, и ѣли и пили во славу божію и веселились. Легли спать; но не спали совершенно, да и бодрствовать не могли. Во мгновеніе ока явился имъ во снѣ ангелъ и далъ имъ золота и серебра: Марѳѣ—золото, а Маріи серебро;и повелѣлъ имъ сотворити—въ золотѣ животворящій крестъ, а въ серебрѣ ковчегъ; и повелѣлъ имъ то золото и серебро отдать первому человѣку, который по это-

му пути утромъ поѣдетъ. Онѣ же, взявши во снѣ золото и серебро, завертѣли себѣ за рукава и проснулись. И говорила одна сестра другой: «Явился мнѣ во снѣ ангелъ господень и далъ мнѣ золота говоря: Господь прислалъ къ тебѣ злато по твоей вѣрѣ, сотвори въ немъ крестъ»; и поглядѣла у себя за рукавомъ и тамъ дѣйствительно на яву было золото. «И повелѣлъ мнѣ то золото отдать первому человѣку, который по утру поѣдетъ [illegible]». И Марія сказала: «Также и мнѣ во снѣ я[illegible] господень, далъ мнѣ серебро и повелѣлъ такж[illegible]отворить животворящему кресту ковчегъ», — и по[illegible]ла у себя за рукавомъ серебро. И начали обѣ [illegible]слезами и радостью, и потомъ Богу молились о[illegible]омъ чудѣ, что даровалъ имъ Господь Богъ таку[illegible] И вдругъ увидѣли—по дорогѣ идутъ трое мона[illegible]али ихъ къ себѣ, повѣдали все случившееся, [illegible]мъ во снѣ ангелъ господень и далъ имъ золото [illegible]серебро,—и отдавали то и другое монахамъ. И отвѣчали имъ монахи: «Для того мы къ вамъ и пришли». **Тогда сестры безъ всякаго сомнѣнія тотчасъ же отдали монахамъ золото и серебро и велѣли въ золотѣ сотворить крестъ, въ серебрѣ же ковчегъ. Монахи взяли золото и серебро и отошли въ путь свой.**

Сестры прибыли въ Муромъ къ своимъ сродникамъ и повѣдали имъ все бывшее на пути. Но сродники стали на нихъ роптать, зачѣмъ такую благодать отдали старцамъ: «Развѣ здѣсь въ городѣ нѣтъ такихъ мастеровъ *(хитрецовъ)*, кому въ золотѣ честный крестъ сотворить, а въ серебрѣ ковчегъ?» И отвѣчали имъ сестры: «Намъ такъ велѣно было сдѣлать».

И совѣщавшись, всѣ родственники поѣхали на то мѣсто и собралось къ нимъ множество народа и начали уговариваться, кому куда ѣхать путемъ вслѣдъ тѣхъ старцовъ, отыскивать золото и серебро. И утвердили такой совѣтъ: пусть господинъ ѣдетъ съ чужими рабами, а рабы съ чужими господами, чтобъ имъ, догнавши тѣхъ монаховъ, не утаить между собою того золота и серебра. И урядили, кому куда ѣхать— не только по большимъ дорогамъ, но и по малымъ тропинкамъ (стопицамъ). И вдругъ видятъ—идутъ трое старцовъ и *несутъ животворящій* крестъ, сдѣланный изъ золота, и ков-

чегъ изъ серебра. И подступили было къ нимъ молодые люди; но монахи имъ говорили: «Ступайте туда, куда совѣщались идти». Тогда вельможи запретили юнымъ, чтобъ не оскорбляли монаховъ, а сами сошли съ коней и съ честью ихъ принимали. Монахи же, подошедши къ двумъ сестрамъ, сказали: «Марѳа и Марія! Въ томъ золотѣ и серебрѣ, которое явилось вамъ во снѣ, сотворилъ Господь Богъ животворящій крестъ и ковчегъ, вамъ на долголѣтіе, а міру на исцѣленіе». И спрашивали ихъ: гдѣ они были? Они же отвѣтствовали: «Въ Царѣградѣ». И опять ихъ спрашивали: Давно ли оттуда? — Третій часъ, отвѣчали они. — Тогда хотѣли угостить ихъ трапезою; но монахи сказали: «Мы не ядущіе—это вамъ повелѣлъ Господь пить и ѣсть». И сказавъ это, они изчезли. Послѣ этого обѣимъ сестрамъ явился во снѣ животворящій крестъ, да поставятъ его въ церкви архангела Михаила. Такъ они и сдѣлали: поставили тотъ крестъ въ Унженскомъ стану, на рѣкѣ Унжѣ, въ 25 поприщахъ отъ города Мурома.

Эта легенда распространялась между нашими грамотными предками, конечно, не ради ея литературной, поэтической занимательности, а по той теплой вѣрѣ, которую питали къ явленію креста и ковчега. Но вѣра въ дѣйствительность описываемаго въ повѣсти не только не мѣшаетъ поэтическому интересу, но даже увеличиваетъ его, очищаетъ фантазію отъ праздной мечтательности и придаетъ ей необыкновенную живость въ представленіи того, что описывается. Точно также искренно вѣруетъ эпическій пѣвецъ въ міръ боговъ и героевъ своихъ простодушныхъ пѣсенъ; съ тою же увѣренностью въ дѣйствительность всего фантастическаго слушаетъ довѣрчивый ребенокъ пашные разсказы своей няньки. Такимъ образомъ въ отношеніи поэтическомъ наша духовная повѣствовательная литература вполнѣ соотвѣтствуетъ произведеніямъ эпическаго періода,—произведеніямъ, въ которыхъ—по убѣжденію народа—господствуютъ не вымыслы а истина историческая, родная старина въ назиданіе потомкамъ, или же чудесное, постигаемое вѣрою.

Художественной стиль приведеннаго мною повѣствованія явствуетъ уже съ перваго взгляда. Оно возникло тогда

когда въ мірѣ художественномъ господствовалъ символизмъ и строгая, но наивная симметрія иконописнаго стиля.

Героинями являются двѣ женщины — Марія и Марѳа,— имена, столь знакомыя и прославленныя въ извѣстномъ евангельскомъ разсказѣ. Ихъ родственная симпатія наивно проведена черезъ цѣлый рядъ симметрическихъ событій. Обѣ они въ одно и тоже время выходятъ за мужъ; въ одно и тоже время лишаются своихъ мужей; въ одно и тоже время отъѣзжаютъ въ путь, каждая некома родственною любовію — побывать у с Обѣ видятъ одинъ и тотъ же сонъ, и наконе ково надѣлены отъ Бога высокою благодатью. Э напоминающая строгое размѣщеніе фигуръ въ ической живописи, составляетъ существенную х средневѣковыхъ разсказовъ. Такимъ образо -эпической мысли соотвѣтствуетъ извѣстный ный стиль въ самомъ проведеніи этой мысли п ь подробностямъ.

Для того, чтобъ литературное произведеніе возникло, недостаточно одной мысли, — необходима дѣйствительность, къ которой бы мысль примѣнялась, или изъ которой бы она извлекалась. Отсюда неизбѣжная связь религіозно-поэтической идеи съ историческими и мѣстными обстоятельствами, дающими обстановку произведенію художественному.

Сестры были несчастны. Пагубная вражда ихъ мужей, возникшая изъ мѣстничества, была причиною ихъ разлуки. Какъ тяжело было сестрамъ въ разлукѣ, видно изъ того, что они тотчасъ же готовы были другъ съ другомъ свидѣться, какъ миновала причина ихъ разлуки.

Повѣствованіе это возникло, очевидно, въ духѣ миролюбія и христіанской идеи равенства, которой были противны учрежденія и обряды мѣстничества. Это протестъ противъ безсмысленнаго и вреднаго обычая, — протестъ, произнесенный во имя семейной братской любви и смиренія христіанскаго. Сестры не высказываютъ своихъ мыслей противъ мѣстничества — явно и рѣшительно; онѣ будто бы еще не сознаютъ своимъ умомъ всей нелѣпости этого зла, но только постигаютъ его своимъ любящимъ сердцемъ, отвращаются отъ него, опечаленныя и оскорбленныя — въ своей взаимной братской любви.

Такимъ образомъ особенно важна эта повѣсть для исторіи не только мѣстничества, но и древне-русской женщины, о которой вообще такъ скудны извѣстія нашихъ старинныхъ памятниковъ. Мы видимъ изъ повѣсти, что вдовы пользовались значительною самостоятельностію; ѣзжали въ путь одни, въ сопровожденіи своихъ слугъ; на дорогѣ останавливались станомъ и легко сближались съ другими незнакомыми женщинами; мало довѣряли вѣжливости мущинъ и, встрѣтившись на пути съ мущиною, не медля удалялись, или изъ боязни оскорбленія или изъ ложнаго стыда быть одной въ обществѣ мущины.

Довѣрчивости вообще было мало въ древнемъ обществѣ. Такъ родственники сестеръ, не уваживъ монашескаго сана, собрались въ погоню за тремя старцами. Какъ мало было довѣрія другъ къ другу, свидѣтельствуетъ опасеніе, чтобъ погнавшійся за монахами и отнявшій у нихъ золото и серебро, не утаилъ его у себя. Между господиномъ и его рабами все было шито да крыто, изъ страха ли рабовъ передъ господиномъ или же изъ взаимной любви, — рѣшать теперь не будемъ, хотя и замѣчу, что первое предположеніе вѣрнѣе. Чтобъ предупредить утайку или какой другой проступокъ — надобно было развести господина съ его рабами, — очень наивная, но любопытная подробность.

Не смотря на грубость общества, не смотря на малое развитіе общественной жизни, препятствовавшіе благотворному вліянію женщины на грубые нравы эпохи,—все же протестъ противъ мѣстничества, противъ глупой вражды былъ скорѣе почувствованъ женщиною. По крайней мѣрѣ въ этой повѣсти, женщина съ своимъ любящимъ сердцемъ стоитъ на сторонѣ прогресса и за свое человѣколюбіе и христіанское смиреніе награждается свыше. Она является скромною героинею, предшественницею историческаго переворота, уничтожившаго мѣстничество. Но подвигъ ея на землѣ не громокъ: она только страдала отъ пагубнаго зла; потому и увѣнчалась не земною славою, а чудесною благодатью, ниспосланною ей съ небесъ.

Ѳ. Буслаевъ.

II.

МАТЕРІЯЛЫ.

СЛОВО И ОТКРОВЕНІЕ СВЯТЫХЪ АПОСТОЛЪ.

Предисловіе.

Каково бы ни было происхожденіе предлагаемаго здѣсь памятника, иностранное или славянское, во всякомъ случаѣ важность его для исторіи славянской миѳологіи не подлежитъ сомнѣнію. Извѣстно, какъ много способствовали для объясненія древне-нѣмецкаго язычества сближенія божествъ классическихъ съ нѣмецкими, такъ часто встрѣчающіяся у средневѣковыхъ писателей въ ихъ собственныхъ сочиненіяхъ, въ переводахъ съ латинскаго, въ глоссахъ и разныхъ замѣткахъ. Чешскія глоссы Mater Verborum 1202 г., по средневѣковому обычаю, объясняютъ боговъ славянскихъ языческими именами древнихъ народовъ; напр. «*Ztuor* или *Zcuor* — Osirus rex fuit Egipthi et interpretatur pauper». — «*Zuoba* — Feronia, dea paganorum». «*Veless* — Pan, ymago hircina» и т. п. Точно такъ и въ отреченномъ откровеніи св. апостоловъ, Перунъ признается божествомъ Еллиновъ, Хорсъ помѣщается въ Критѣ, а богъ Троянъ называется римскимъ царемъ. Безъ сомнѣнія, авторъ или перелагатель этого откровенія, смотрѣлъ на Перуна тѣми же глазами, какъ и составитель чешскихъ глоссъ, въ которыхъ Перунъ толкуется Юпитеромъ: «Perun—Jupiter». Божества, упоминаемыя въ этомъ памятникѣ, принадлежатъ именно русской миѳологіи: то-есть, Перунъ, Хорсъ и Троянъ; но письмо и произношеніе обнаруживаютъ въ памятникѣ болгарское происхожденіе. Отсюда, какъ и изъ нѣкоторыхъ другихъ свидѣтельствъ, съ вѣроятностью можно заключить, что древнѣйшія миѳическія основы были общи у славянъ восточныхъ, то-есть, у Русскихъ, Болгаръ и Сербовъ; между-тѣмъ какъ западная славянская вѣтвь, отдѣлившись отъ восточной, хотя и сохранила нѣкоторыя обще-

славянскія миѳическія преданія, однако въ послѣдствіи выработала свои собственныя эпическія сказанія въ чехо-ляхскихъ историческихъ басняхъ. Не распространяясь о значеніи Перуна и Хорса, и оставляя покамѣстъ *Дыя*, извѣстнаго уже изъ слова Григорія Богослова, по рукописи Публичн. Библ. XI вѣка, обращаю вниманіе читателей на *бога Трояна*. Въ Словѣ о полку игоревѣ не однажды упоминается имя Трояново въ темныхъ выраженіяхъ, обличающихъ *старыя словеса* и *замышленіе* Бояна. Вотъ эти мѣста:

— Рища въ тропу Трояню чрезъ поля на горы (сказано о самомъ Боянѣ). — Были вѣчи Трояни (т. е. вѣка Трояновы). — Вступила(я) дѣвою въ землю Троянню (обида). — На седьмомъ вѣцѣ Трояни връже Всеславъ жребій о дѣвицю себѣ любу.

Ясно, что авторъ Слова или Боянъ, слова котораго онъ приводитъ, зналъ какую-то землю Троянову и отъ вѣка Трояна велъ поэтическую хронологію русскихъ эпическихъ преданій. Въ другомъ мѣстѣ было мною указано *), что восточные славяне доселѣ помнятъ сказанія о какомъ-то миѳическомъ существѣ, извѣстномъ подъ именемъ *Царя Трояна*. Для окончательнаго сближенія миѳическихъ основъ русскаго эпоса съ общеславянскими, и особенно съ восточно-славянскими, не доставало только свидѣтельства о томъ, что Троянъ чествовался божескою почестью, такъ же какъ Перунъ и Хорсъ, и что вмѣстѣ съ божественнымъ происхожденіемъ онъ соединялъ въ себѣ характеръ историческаго героя, царя, о землѣ и временахъ котораго вспоминали еще русскіе пѣвцы XI и XII в.

Нынѣ обнародованный памятникъ блистательно разрѣшаетъ всякое недоумѣніе. Наши предки дѣйствительно знали бога Трояна и въ отличіе отъ Перуна и Хорса называли его царемъ, вѣроятно, на основаніи ходившихъ о немъ эпическихъ разсказовъ, слѣды которыхъ доселѣ сохранились въ сербо-болгарскихъ преданіяхъ.

О. Буслаевъ.

*) Историч. Очерки рус. нар. словесн. и искусства. I, стр. 385 и слѣд.

Сло҇ и҆ ѿкровенїе ст҃ы а҆п҃лъ. гл҃и бл҃ви ѿч҃е.[1]

По дн҃ехъ възнесенїа го [illegible] у хсу ѿ горы єлеѡньскыа. и҆ прїидоша оучєници єго. [illegible] токъ. помышлѧюще ѡ родѣ исконѣмь члвчѣ. єже сы [illegible] оумѣжать оучєнїє ѿц҃а своєго. и҆ да быша разоумѣл [illegible] и҆ въ прѣлесть великоу не внидѫ. мнѧще богы мног [illegible] ѡрса дыа и҆ троана, и҆ и҆ни многи. ꙗко тако тѣ чл҃ци [illegible] иниѡ перѹнь въ єлинѣ. а хорсь въ кѵпрѣ. троань [illegible] нѣ. а дроугїи дроуге. нѫ добрїи мѫжи бѣхѫ. а дроугїи разбойници. такыа богы прѣзваша многи чл҃ци и҆ тако и҆ начаша трѣбы покладати. и҆ тако прѣлесть внидє въ члкы. и до сего дн҃е є҇ въ погибѣ. гл҃ѫ бо ѡко сѫ бози небесїи. а дроугїи земнїи. а дроугїи польстїи. а дроугїи вонїи. то не бєзоума ли єсте погыноули єже тако вѣроуєте. б҃ъ ли є҇ комоу, єже всеѫ тварїѫ не ѡбладаєть. кто ли є҇ тварь дѣлаль на части. и тъ є҇ истинный б҃ъ. иже всеѫ тварїѫ владѣєть. видимоѫ и невидимоѫ. и се гл҃а б҃ъ. єже писа г҃ь перстомъ своимъ. и рє҇ въ ст҃ыи глави. се ннѣ не сѫ бози, развѣ мене. да не творите себѣ богы и всакого подобїа. ни єдинаго єлико на небесѣ горѣ. и єлико на земли долѣ. и єлико въ водаⷯ подъ землеѫ. и да не поклонитєса имъ. и ни молитєса. ни послоужите и҆мъ. ни рцѣте ꙗко бози сѫ. азъ єсмь б҃ъ сътворивый нб҃о и землю. и рѣкы и єже є҇ въ мори и въ рѣкаⷯ и въ безднаⷯ. азъ єсмь б҃ъ правый вашь. развѣ мене иного б҃а нѣ҇ ннѣ поклонитєса. и ннѣ послоужите. мене имѣйте б҃а ѡтпоущающаго грѣхы ваша. измилоуѫ вы. и на мѧ оуповаите то спасєте дшѫ своѫ. аще ли мене не послоушаєте. и азъ вы въврꙋгоу въ ѡгнь неоугасимый. идеже пламень не оугасаєть. и чрвь не оусыпаєт. братїа ннѣ прїидѣ врѣмѧ. добраго исповѣданїа хв҃а. иныи наста го чтоты нашаа жадаємыа постникы. хс б҃ъ се бо приближиса. и цѣли-

---

[1] Это слово найдено мною въ полууставной рукописи XVI вѣка бывшей Толстова (Отд. 1. № 62), нынѣ Императорской публичной библiотеки (F, I. 1); оно занимаетъ въ рукописи л. 266 об. — 267. об. *Ред.*

тель грѣхы ѿсѣклѧ. тѣ же ꙗко ѿ сна въставше братїѧ. ꙗсно вънѧше гласмаѧ англѡ ꙗкоже оучит ны. нощь мимоу а дн҃ь приближиса. нощь бо е҃ се житїе наше. тѣмже рц҃ ѿвръзѣмь дѣла тьмнаѧ. и ѡблечѣмса въ ѡрѫжїе свѣта. егоже претрьпѣ вса сїа вака на ради. досаженїе прїа похвален бы. слышаса вѣсь не прогнѣваса. слышаса лъстець хлоушенъ бы. ѡцта и жлъчи вькоуси. копїе прїать въ ребрѣ. си вса притрьпѣ нашего ради спсниїа. горе мнѣ. горе мнѣ ѡкаанномоу грѣшномоу. ꙗко везь ѿвѣта есмь. что рекѫ. или что възглаѧ. тебѣ свѣдоущѫ гн҃и таинаѧ срдца моего. ѡчисти мѧ бе недостоинаго. и спроста досаженїа. ли слова не хота слышати. селико прогрѣвнѣ на дѣла. кто са не плачеть по мнѣ. гебнѣнїа. покровь злобоѫ стаꙗкашѧ. словесы же крстїаньствоуѧ. дѣлесы же прогнѣвах. въ истинноу исъше лжи многыхь дшь. въспрашѣмь въ гоу молвы. не ѿмѣтаеть бо са гь хотащии са спсти. нѫ и поспѣшествоуеть ими. рцѣ ими съ прркѡ. ѡбратиса дше моа въ покои твои ꙗко гь добро сътвори тебѣ. да и мы сподобимса слышати речное гла. се снъ мои, и мрътвь бѣ и оживе. погыбе ѡбрѣтеса. томоу слава въ вѣкы. аминь.

ЖАЛОСТНАЯ КОМЕДІЯ ОБЪ АДАМѢ И ЕВВѢ.

Начало русскаго театра [1]).

Прежде чѣмъ средневѣковая драма западной Европы нашла себѣ доступъ въ нашу литературу, у насъ уже успѣли развиться тѣ элементы, которые приняли главное участіе въ образованіи средневѣковой драмы: въ народныхъ праздникахъ и обрядныхъ играхъ уже выдѣлились отдѣльные эпизоды чисто драматическаго характера. Исторія народной поэзіи убѣждаетъ насъ, что отдаленныя начала театральныхъ представленій всегда и вездѣ были одинаковы; что народная драма выростаетъ и обособляется въ отдѣльное самостоятельное цѣлое изъ того обширнаго цикла эпической поэзіи, который держится языческими преданіями народа. Форма загадки, столь любимая младенчествующими народами, такъ близка къ діалогу, что изъ нея легко возникнуть небольшой народной драмѣ: слагаясь изъ вопроса и отвѣта, загадки какъ бы вносятъ въ эпическую поэзію драматическое начало. Уже въ Эддѣ встрѣчаемъ цѣлую пѣсню, составленную изъ загадокъ и проникнутую глубоко драматическими мотивами: богъ Одинъ состязается въ мудрости съ великаномъ Вафтруднировъ и борьба оканчивается побѣдою надъ послѣднимъ. Изъ подобныхъ зародышей образуется народная драма, которая потому и носитъ на первое время эпическій характеръ. Нѣмецкія мясопустныя піэсы, Fastnachtspiele, представляютъ часто въ своемъ древнѣйшемъ видѣ не болѣе, какъ рядъ драматизированныхъ загадокъ. Съ другой стороны во время языческихъ праздниковъ въ Германіи и вообще въ западной Европѣ разыгрывались сцены животной басни, соединенныя съ переряживаніемъ; каждый бралъ на себя роль какого-нибудь животнаго и такимъ об-

[1]) Вмѣсто предисловія къ «Жалостной комедіи» помѣщаю три лекціи изъ курса, читаннаго мною въ Московскомъ университетѣ въ $18^{59}/_{60}$ академическомъ году.

разомъ животный эпосъ превращался въ драму: въ XIV вѣкѣ уже извѣстна была трагедія о Рейнеке Фуксъ, въ которой изображалась вся жизнь Рейнеке. Если животная басня воплощала въ себѣ народныя вѣрованія языческаго періода, то и праздники, соединенные съ переряживаніемъ въ животныхъ, тоже имѣли нѣкогда религіозный смыслъ. Рано нашли себѣ эти языческіе праздники западной Европы доступъ въ христіянскую церковь, смѣшались съ праздниками христіянскими, съ которыми часто совпадали по времени, преобразовались и обновились отъ такого смѣшенія. Ряженые являлись въ храмы, поднимали хохотъ, пляски, пѣли свои языческія пѣсни; капитуляріи не разъ предписываютъ народу, приходя въ церковь, дѣлать только то, что относится къ богослуженію, а плясокъ, развратныхъ пѣсенъ и игръ дьявольскихъ не творить. Языческіе танцы назывались у Нѣмцевъ leich; тоже слово означаетъ и жертву,—прямое указаніе на религіозное значеніе народныхъ игръ, изъ которыхъ возникла народная драма средневѣковой Германіи. Западная церковь чувствовала необходимость сдѣлать уступку могущественнымъ обрядамъ стараго національнаго язычества; она сама устроила въ христіянскихъ храмахъ драматическія зрѣлища, чтобы подавить обаятельныя игры языческія.

Но мистерія, возникшая какъ противодѣйствіе народному язычеству, съ теченіемъ времени подъ напоромъ народныхъ началъ утратила свой первобытно церковный характеръ и подчинилась вполнѣ мірскимъ интересамъ. Въ ней какъ бы незамѣтно развилось комическое начало; она обставилась сатирическими эпизодами обыденной жизни; переплелась съ народными піэсами, имѣвшими совершенно противуположное ей происхожденіе. Драма религіозная, рожденная въ лонѣ церкви, сближалась съ безыскуственными драмами народа, развившимися изъ древнихъ языческихъ обрядовъ и игръ. Народныя масопустныя піэсы (Fastnachtspiele) по своему происхожденію примыкаютъ и у Нѣмцевъ, и у Славянъ къ языческимъ играмъ въ честь новолѣтія, къ проводамъ зимы и изгнанію смерти и другимъ языческимъ обрядовымъ праздникамъ [1]). Бросимъ взглядъ на судьбу въ допетров-

---

[1]) По мнѣнію Я. Гримма (Göttinger gelehrte Anzeigen, 1838, p. 552 sqq) исконная страсть народа къ зрѣлищамъ проникла въ церковь и произвела мистеріи. «Игры рожественскія и подобныя имъ народныя и дѣтскія игры, которыхъ начало теряется въ глубокой древности, языческія жертвоприношенія и іюльскіе праздники, сцены изъ области животной басни, встрѣча лѣта, переряживанья, которыя сосредоточивались около Гольды, Берхты, Knecht Ruprecht: вотъ, кажется, древнѣйшія и настоящія точки опоры германской драмы; точно также какъ во Франціи и въ Италіи она произошла изъ древнеримскихъ праздниковъ и народныхъ увеселеній, распространившихся съ латинскимъ образованіемъ и

ской Россіи и заимствованной съ запада мистеріи и безыскуственныхъ народныхъ драмъ, выросшихъ на языческихъ обрядахъ нашей древней жизни.

Святки и масляница составляютъ для русскаго народа самую веселую пору жизни: никогда языческіе обряды и поэзія не разыгрываются въ такой силѣ, какъ въ это время. Переряживанье одинаково господствуетъ и во время святокъ, и на масляницѣ.

У Славянъ уже въ древнѣйшее время существовалъ обычай изгнанія зимы или смерти, совершавшійся въ мартѣ или въ началѣ мая. Чучело, представлявшее зиму или смерть, обносилось въ это время по полямъ; въ пѣсняхъ, которыми сопровождались процессія и ея обряды, упоминалось имя Зимы, древняго исполина; въ заключеніе чучело сожигалось или бросалось въ воду. Въ Германіи эти похороны зимы получили еще болѣе драматическую обстановку. Вступали въ борьбу два молодыхъ человѣка, изъ которыхъ одинъ, обвязанный соломою, представлялъ зиму; другой, украшенный плющемъ и зелеными вѣтвями, — лѣто. Борьба оканчивалась торжествомъ послѣдняго: соломенная одежда зимы разбрасывалась по вѣтру; побѣдитель (Blumengraf) раздавалъ зрителямъ зеленыя вѣтви, которыя разносились по домамъ; народъ пѣлъ похвальныя пѣсни въ честь лѣта [1]). Остаткомъ этого общегерманскаго и славянскаго обряда служитъ у насъ обычай ставить въ Троицынъ день березки по домамъ. Самый обрядъ не вымеръ во многихъ мѣстностяхъ Россіи до сихъ поръ. Въ нижегородской губерніи, въ Русалкино-Заговѣнье молодежь собирается на площадь. «Тутъ кого-нибудь наряжаютъ лошадью, подвѣшиваютъ подъ шею колокольчикъ, сажаютъ верхомъ мальчика и двое мущинъ ведутъ подъ уздцы въ поле, а позади весь хороводъ *съ громкими прощальными пѣснями* провожаетъ и, придя въ поле, разоряетъ наряженную лошадь съ разными играми: это значитъ проводить весну» [2]). Съ приведенными обычаями изгнанія зимы и проводовъ весны имѣетъ тѣсную связь процессія, господствовавшая въ Лейпцигѣ въ XV вѣкѣ: тамъ женщины свободнаго поведенія въ *пер-*

языкомъ по Европѣ. Церковь для обузданія и удовлетворенія народа старалась сочетать часть этихъ обрядовъ съ назидательными представленіями, и такимъ образомъ явился цѣлый рядъ мистерій и драмъ, которыя были тѣмъ безжизненнѣе, чѣмъ болѣе старались ограничить и исключить свѣтскій элементъ». Ср. Gödeke, Das Mittelalter, p. 269. Мнѣнію Гримма противорѣчатъ древнѣйшія мистеріи, въ которыхъ нѣтъ никакой примѣси свѣтскаго элемента. Мы склоняемся къ мнѣнію Моне (Schauspiele des Mittelalters, II, p. 369).

[1]) Freytag, De initiis scenicae poëseos apud Germanos, p. 13—14.

[2]) Этнографическій сборникъ I, 56.

сые дни масляницы торжественно несли изъ своего квартала соломенное чучело смерти подъ звуки заклинательной пѣсни противъ смерти и за городомъ бросали чучело въ рѣку. Этимъ городъ оберегался отъ заразы [1]). Народныя мясопустныя пѣсы примыкаютъ въ Германіи и у насъ къ обрядовому изгнанію зимы или смерти, къ лейпцигской процессіи и къ нашимъ обрядамъ, которые имѣли туже цѣль — испросить плодородіе землѣ. Такое значеніе ея ясно раскрывается нашими обрядами «опахиванія смерти». Дѣвки, вдовы и замужнія женщины собираются съ вечера *въ однихъ рубашкахъ, съ распущенными волосами*, держа въ рукахъ что-нибудь, могущее издавать звукъ. Берутъ соху, впрягаютъ въ нее беременную женщину, и *управлять сохою даютъ дѣвкѣ, рѣшившейся не итти замужъ* [2]); прочія дѣвки помогаютъ тащить соху; вдовы набираютъ заранѣе песку и разбрасываютъ его по проведенной бороздѣ. Эта процессія обходитъ вокругъ села со звономъ въ косы, чугуны и другія вещи, заклиная смерть пѣснію, въ которой между прочимъ говорится:

Когда песокъ взойдетъ,
Тогда въ нимъ смерть придетъ [3]).

Многія мясопустныя игры и увеселенія коренятся въ этихъ древнихъ языческихъ обычаяхъ изгнанія смерти, встрѣчи весны и призыванія плодородія землѣ. Сожженіе чучела зимы или смерти смѣнилось сожженіемъ чучела самой масляницы [4]). Такова языческая основа мясопустныхъ игръ и обрядовъ, изъ которыхъ возникли въ Германіи Fastnachtspiele, которыя и у насъ служатъ представителями народной драмы. И какъ бы ни была велика разница между тѣми и другими, источникъ ихъ одинъ и тотъ же. Въ Германіи, небольшія кучки молодыхъ людей въ маскахъ, наряженные дикарями, (wilde

---

[1]) Flögel, Geschichte des groteskekomischen, p. 221.

[2]) Въ Лейпцигѣ былъ *древній* обычай: молодежь замаскировывалась во время масляницы и таскала по улицамъ плугъ, въ который насильно впрягали *дѣвицъ*, какъ бы въ наказаніе за то, что въ минувшемъ году они не успѣли выти за мужъ. Flögel, l. c. p. 220. Изложенные обряды коренятся въ древнемъ вѣрованіи, уже занесенномъ въ Эдду. Богиня Gefiun, изъ поколѣнія Асовъ, родила съ какимъ-то исполиномъ четырехъ быковъ и ими запахала одинъ островъ. Она покровительствуетъ земледѣлію; ей служатъ всѣ, *умирающія въ дѣвствѣ*. Замѣчательно однако, что эта покровительница земледѣлія обвиняется злымъ Локки *въ продажѣ своего цѣломудрія*. Этимъ объясняется и лейпцигская процессія нецѣломудренныхъ женщинъ и нашихъ дѣвокъ, опахивающихъ поле. Die Edda, herausg. von Lüning, p. 55.

[3]) Этнографическій сборникъ I, 217—218.

[4]) Этнографическій сборникъ, I, 195; II, 43.

Männer, у насъ цыгане) и мужиками, ходили по дворамъ и представляли разныя аллегоріи, или смѣшныя картины обыденной жизни. Сцены рынка, суда, домашнихъ несогласій супруговъ составляли любимое содержаніе этихъ импровизированныхъ піэсъ; знакомыя пословицы и загадки доставляли въ этомъ случаѣ легчайшее средство забавлять зрителей. Въ числѣ дѣйствующихъ лицъ этихъ піэсъ первое мѣсто занимаетъ сама масляница, за ней слѣдуютъ монахъ, палачь, дикари или просто люди «въ однообразной шутовской одеждѣ» — der erste Narr, der ander Thor, der dritt Esel и т. д. Гансъ Фольцъ, Гансъ Розенплютъ и многіе другіе дали этимъ народнымъ сценамъ литературную [illegible] они служили не послѣднимъ средствомъ для распр[illegible]рмаціонныхъ идей въ Германіи: самъ Лютеръ огла[illegible]вержепцемъ мясопустныхъ игръ. И наши народныя м[illegible]ы отразились, хотя въ слабой степени, въ литератур[illegible] интерлюдіяхъ первой половины XVIII вѣка [1]) нах[illegible]родажи цыганомъ лошадей простоватому Греку: это и[illegible]тературная обработка любимой темы въ народныхъ[illegible] играхъ. Въ ярославской губерніи и теперь во вре[illegible]ридятся цыганами и мѣняются лошадьми «такъ искус[illegible] очевидца), что со стороны непремѣнно примешь ихъ за природныхъ цыганъ» [2]).

Нѣмецкимъ забавникамъ, ходившимъ во время масляницы по домамъ, чтобы разыгрывать разныя сцены, соотвѣтствуютъ у насъ *окрутники* и *халдеи*. Слово *окрутникъ* означаетъ клеветника [3]), обманщика. Въ Новгородѣ со втораго дня праздника Рождества Христова ряженые окрутники ходили по улицамъ и являлись въ тѣ дома, гдѣ въ знакъ приглашенія ставили на окнахъ зажженныя свѣчи: здѣсь окрутники тѣшили хозяевъ шутками, карикатурными представленіями и пляскою. Окрутники представляютъ намъ обломокъ языческой старины. Ряженые актеры рождественскихъ игръ, они и въ названіи и въ нѣкоторыхъ изъ своихъ аттрибутовъ сохранили память о своей языческой роли. Въ Тихвинѣ, а вѣроятно, и въ другихъ мѣстахъ, во время святокъ снаряжается *большая лодка*, которая ставится на нѣсколько саней и по улицамъ везется множествомъ лошадей, на которыхъ сидятъ окрутники. Въ лодкѣ также, въ различныхъ нарядахъ помѣщаются окрутники (кудесники): они

---

[1]) См. 3-ю книжку «Лѣтописей».

[2]) Этнографическій сборникъ, II, 40.

[3]) Въ русскомъ переводѣ «Римскихъ Дѣяній» (въ главѣ *«чтобы мы старость имѣли въ добрыхъ дѣлахъ»*) слово *окрутникъ* употреблено именно въ такомъ *смыслѣ*.

поютъ во время поѣзда, играютъ, дѣлаютъ разныя штуки [1]). Въ половинѣ XVI в. этотъ обычай былъ распространенъ въ Германіи: *во время весны* молодые люди съ разными шутками, играми и драматическими обрядами возили по городу и селамъ *большую лодку* (или *плугъ*): это дѣлалось съ цѣлію содѣйствовать плодородію земли [2]). Этотъ обрядъ существовалъ у многихъ Индоевропейскихъ народовъ и основывается на отождествленіи плуга и корабля, какъ символовъ весны [3]). Наше *плу-гъ* сближается съ Лат. *plu*, *flu*, греч. πλέω, слав. *плову*, *плыву* [4]); скр. *aritra* (соотв. лат. aratrum) означаетъ корабль и весло. Тихвинская процессія окрутниковъ есть остатокъ стародавняго языческаго обычая обвозить по полямъ плугъ или корабль, для того, чтобъ испросить у боговъ плодородіе наступающему лѣту; окрутники, эти актеры и авторы забавныхъ народныхъ піэсъ, являются намъ въ роли жрецовъ, исполнителей языческаго обряда. Память объ этомъ значеніи окрутниковъ уцѣлѣла въ ихъ названіи: чеш. *okrut* (польск. okret) значатъ *корабль*.

Подъ именемъ халдеевъ въ началѣ XVII вѣка у насъ извѣстны были шуты, устроивавшіе свои игры за недѣлю до Рождества Христова. По словамъ Олеарія, они ежегодно получали отъ патріарха позволеніе производить въ Москвѣ свои шутовскія представленія: они бѣгали съ зажженными лучинами по улицамъ, жгли у встрѣчныхъ бороды и т. п. Халдеи одѣвались совершенно, какъ нѣмецкіе актеры мясопустныхъ игръ [5]) въ деревянныя расписанныя шапки и назывались халдеями (понят wilde Männer?), потому что представляли рабовъ Навуходоносора, которые разводили въ печи огонь для наказанія трехъ отроковъ. Во время своихъ бѣганій по городу, *они считались нечистыми язычниками, людьми отлученными отъ церкви*. Поэтому наканунѣ крещенія господня они были подвергаемы крещенію, чтобы смыть съ себя нечистоту.

Святочные окрутники, какъ и homines vagi средневѣковой Германіи, были народными комедіантами и вмѣстѣ представителями языческой старины, призывавшими плодородіе землѣ при наступленіи весны. Ихъ роль въ настоящее время измѣнилась; прежнее значеніе давно утратилось; переряживаніе во время святокъ остается теперь просто веселымъ и забавнымъ обыкновеніемъ. Крестьяне и

---

[1]) Снегирева, Русскіе простонародные праздники и суевѣрные обряды II, 33—34.

[2]) Freytag, De initiis scenicae poesis apud Germanos, p 9—10.

[3]) Grimm, Deutsche Mythologie, p. 236 syb.

[4]) Kuhn въ Indische Studien I, 354. Ср. Geschichte d. deutschen Sprache I, p. 39.

[5]) Flögel, Geschichte des groteskekomischen, p. 226.

теперь, во время святочныхъ посидѣлокъ принимаютъ видъ разныхъ животныхъ: волковъ, лисицъ журавлей [1]); но это дѣлается просто для потѣхи зрителей. Въ такъ называемые *кривые вечера* (отъ 27 декабря по 7 января) крестьяне собираются для игръ и забавъ, разсказываютъ бѣсни, предлагаютъ другъ другу загадки [2]).

Современный обычай принимать во время этихъ игръ видъ животныхъ или по крайней мѣрѣ отказываться отъ своего обыкновеннаго образа [3]) безсознательно коренится въ древнихъ языческихъ воззрѣніяхъ на природу и на отношеніи человѣка къ животному міру — воззрѣніяхъ, которыя дали жизнь и животному эпосу и убѣжденію въ существованіи оборотней. и т. д. Въ настоящее время проводы масляницы состав. е драматическое зрѣлище нашего народа передъ велик ъ ярославской губерніи оно устроивается такимъ образо ъ десять лошадей и болѣе въ нарочно приготовленную возку; лошади впрягаются гусемъ одна за другою: на ихъ сажаютъ вершника въ рубищѣ, разодранномъ съ го всего выпачканнаго сажею. Одинъ вершникъ держитъ б другой метлу; вездѣ, и даже на свои шеи, навѣшиваютъ ьчики и всякія погремушки; рогожаную кибитку, всю з вѣшиваютъ вѣниками и сажаютъ въ нее пьянаго человѣка, то выпачканнаго и въ рубищѣ, облитомъ пивомъ. Подлѣ него стоитъ боченокъ съ пивомъ, напротивъ сундукъ съ съѣстными припасами. Этотъ человѣкъ представляетъ свою масляницу. Весь этотъ поѣздъ означаетъ, что *масляница идетъ домой*. Нѣкоторые, искренне желая удержать масляницу хотя на нѣсколько еще времени, останавливаютъ пьяницу и упрашиваютъ погостить еще хоть денекъ; но онъ не соглашается отговариваясь тѣмъ, что ему непремѣнно нужно наскоро ѣхать въ Ростовъ на ярмарку, и уѣзжаетъ въ другое селеніе» [4]). Поѣздъ масляницы совершается и въ другомъ видѣ. «Связали вмѣстѣ нѣсколько креселъ, такъ чтобъ они не могли раздвинуться, прикрѣпили по срединѣ ихъ и перпендикулярно къ нимъ длинную слѣгу въ видѣ мачты; нижній ярусъ обвертѣли рогожами конусообразно, а на верхнемъ ярусѣ прикрѣпили надѣтое на мачту колесо и покрыли его женскимъ сарафаномъ. Въ этотъ поѣздъ впрягли лошадей 20; на каждую посадили по вершнику *въ маскѣ и въ однообразной шутовской одеждѣ*. На колесо

---

[1]) Этнограф. сборникъ II, 37, 229.

[2]) Этнографическій сборникъ, II, 227.

[3]) Переряживаются не только въ животныхъ, но и въ цыганъ; рядятся и самою масляницею.

[4]) *Этнографическій сборникъ*, II, 40—41.

протянули веревочную лѣстницу и на него посадили самаго ловкаго шалуна, одѣтаго въ женское платье съ большимъ кокошникомъ на головѣ и въ маскѣ. Впереди ѣхало нѣсколько всадниковъ, тоже наряженныхъ въ шутовское платье — цыганами»[1]). Масляницу и здѣсь провожали такимъ же образомъ, какъ и въ прежнемъ обрядѣ. Лубошныя картины часто представляютъ этотъ знаменитый отъѣздъ масляницы въ Ростовъ со всею драматическою обстановкою, которою онъ сопровождается; здѣсь можно найдти и текстъ той небольшой народной драмы, которая разыгрывается по поводу печальнаго событія. Это тѣ самобытныя народныя піесы, которыя соотвѣтствуютъ нѣмецкимъ Fastnachtspiele.

Если нѣмецкія народныя фарсы сдѣлались довольно вѣрной картиной обыденной жизни низшаго класса; то и у насъ хороводныя святочныя игры часто принимаютъ видъ небольшой, но полной и характеристичной сцены. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ хороводная игра сопровождается представленіемъ примиренія мужа съ женой. «Всѣ становятся въ кругъ, исключая одного мущины и одной женщины: первый ходитъ въ кругѣ, а послѣдняя за кругомъ. При этомъ поютъ пѣсню, которая показываетъ дѣйствіе обоихъ:

Ухъ, вы людзи, людзи добрая мая!
Вы сусѣдзи приближенная мая!
Малода жана нялюбитсь миня,
Що нялюбитсь (миня) ни глядзитсь на миня;
Идзѣ сóйдитца, ни кланяитца,
А разыйдится—ня проститца.

Послѣ этого та, которая ходила за кругомъ, входитъ въ кругъ и кланяется играющему роль мужа, причемъ поютъ:

Вы спасиба людзи добрая мая!
Самирили зъ малодой жаной миня:
Идзѣ сойдится паклонитца,
Разыйдѣтца—пацалуитца» [2]).

Браки, вмѣстѣ праздниками и обрядами языческаго происхожденія, сопровождались въ древней Россіи драматическою обстановкой и завязывали первый узелъ народной драмы. Уже начальная лѣтопись свидѣтельствуетъ о Радимичахъ, Вятичахъ и Сѣверянахъ, что «браци не бываху въ нихъ, но *игрища* межю селы: схожахуся на игрища, на плясанье и на вся бѣсовская игрища». Драматическія игрища язычества, указанныя Несторомъ, продолжали жить и въ христіянскую

[1]) Этнограф. сборникъ II, 41.
[2]) Этнографическій сборникъ, I. 274.

эпоху, лишь слегка измѣнивши свою «бѣсовскую» форму. Въ той же лѣтописи читаемъ подъ 1068 годомъ: «Сими дьяволъ лститъ и другыми нравы, всячьскыми лестми превабляя ны отъ Бога: трубами и скоморохы, гусльми и русальи. Видимъ бо *игрища утолочена* и людій много множьство, яко упихати начнутъ другъ друга, позоры дѣюще отъ бѣса замышленнаго дѣла, а церкви стоять.» Въ XVI вѣкѣ необыкновенно сильны были эти языческія игрища, тѣсно примкнувшія къ обрядамъ христіанскимъ. «Въ мірскихъ свадьбахъ (говоритъ Стоглавъ) играютъ глумотворцы, и органники, и смѣхотворцы и гусельники и бѣсовскія пѣсни поютъ. И какъ къ церкви вѣнчатися ѣдутъ: священникъ со кре[illegible] и передъ нимъ со всѣми тѣми играми бѣсовскими ры[illegible]а свадьба, но цѣлый рядъ языческихъ игръ и обрядов[illegible]звивалъ въ народѣ любовь къ драматизму. Память вер[illegible]воды Рафа Всеволожскаго говоритъ, что «мірскіе люд[illegible]вятаго пѣнія къ церквамъ божіимъ не ходятъ, а у[illegible] людяхъ всякое мятежное бѣсовское дѣйство, скомор[illegible]якими бѣсовскими играми: многіе люди, забывъ Бога, [illegible]охомъ послѣдствуютъ, на безчинныя ихъ прельщенія [illegible]черамъ на позорища; и на улицахъ и на поляхъ богов[illegible] скверныхъ пѣсней и всякихъ бѣсовскихъ игръ слуш[illegible]кладываютъ на себя личины и платье скоморошское, межь себя наряди бѣсовскую кобылку водятъ. А въ городахъ на свадьбахъ бываютъ всякіе безчинники и скоморохи со всякими бѣсовскими играми». Воевода предписываетъ бить такихъ людей батогами.

Современные свадебные обряды, это лучшее и полнѣйшее драматическое зрѣлище нашего народа, всего лучше убѣждаетъ насъ въ стародавности и глубокомъ миѳическомъ смыслѣ этихъ сценъ безыскуственной народной драмы. Свадебныя церемоніи нашего крестьянина переносятъ насъ въ иной бытъ, въ иныя вѣрованія; въ этихъ церемоніихъ ярко выражаются старыя понятія родоваго быта и древнія вѣрованія, еще облеченныя въ формы обрядовой эпической поэзіи народа. Свадьба представляетъ послѣдовательный рядъ многознаменательныхъ сценъ, напередъ изученныхъ, переходящихъ по преданію отъ одного поколѣнія къ другому. Опытные люди, призванные соблюдать жизнь отцовъ безъ всякой порухи, сохраняютъ и свадебную драму въ возможной чистотѣ. Для невѣсты заблаговременно выбираются изъ замужнихъ женщинъ двѣ подружки, чтобы провести свадебную драму по старинѣ: та, которая лучше другихъ знаетъ пѣсни, употребляемыя въ этомъ случаѣ, называется *заводницей;* она руководитъ невѣстой и другими

неопытными актерами піэсы [1]). Но настоящимъ устроителемъ-режиссеромъ всѣхъ свадебныхъ обрядовъ бываетъ *дружка большій* [2]) или *тысячкій* [3]). Сцена продажи невѣсты составляетъ существенную часть свадебной церемоніи. Когда дружка приходитъ для сватовства вмѣстѣ съ женихомъ, возлѣ невѣсты сидитъ уже продавецъ, у котораго дружка долженъ выкупить невѣсту или деньгами, или рѣшеніемъ загадокъ. Между продавцомъ и дружкою завязывается такой разговоръ. *Дружка.* Добрый молодецъ! скажика мнѣ, чѣмъ ты торгуешь? Куницамъ али лисицамъ? атласомъ или бархатомъ? *Продав.* Торгую я не куницамъ, не лисицамъ, не атласомъ и не бархатомъ, но дѣвичьей красотой». Дружка проситъ потомъ уступить ему мѣсто подлѣ невѣсты и продавецъ предлагаетъ ему рядъ вопросовъ и загадокъ: напр.: «Дай ты мнѣ море съ берегомъ ровно и чтобъ донушко было посеребрено.» Дружка наливаетъ ковшъ пива и бросаетъ на дно серебряную монету. «Дай ты мнѣ краше краснова солнушка и свѣтлѣе свѣтлова мѣсяца». Дружка подаетъ икону. «Друженька! что такое: самъ нагъ, а рубашка въ пазухѣ?» Дружка подаетъ ему свѣчу [4]). Другая драматическая сцена начинается, когда поѣзжане молодаго подъѣдутъ къ дому невѣсты послѣ вѣнчанія. Дружка жениха стучитъ въ ворота и спрашиваетъ: «Можно ли намъ тутъ обогрѣться? Если въ этомъ дому хозяинъ: или батюшка, или матушка, или дружка — вѣрная служка, легкая ножка, скорая посылка, крутая поговорка?» Ему отвѣчаютъ вопросомъ: «Какіе вы люди? Куда ѣдете? Можетъ, вы какіе разбойники злодѣи: если у васъ видъ?» — «Мы люди подрожные: виду у насъ нѣтъ.» Наконецъ дружка жениха объявляетъ, что они ищутъ дѣвицу. На это отпирающіе ворота отвѣчаютъ: «Она тутъ, только тяжело достать: наша княгиня молодая ходила гулять по лѣсамъ, по лугамъ, по синю морю, островамъ, и чего догуляла? златы ключи потеряла. Теперь пошла ключовъ искать; придется вамъ постоять.» Дружка возражаетъ: «Эта, пріятель, твоя сказка нашимъ дѣламъ не повязка. Нашъ князь молодой не гулялъ, съѣздилъ въ городъ, шолку накупилъ, съ шелку сѣтей навязалъ, и въ сине море покидалъ: тамъ бѣлу щуку онъ поймалъ, щуки сердце разрѣзалъ, златы ключи вынималъ. Ключи княгинины у насъ». Дружка молодой отвѣчаетъ: «Ну такъ и княгиня будетъ у васъ» [5]).

---

[1]) Этнографическій сборникъ, II, 155.

[2]) Тамъ же, стр. 161, 163.

[3]) Въ азбуковникѣ XVII в. Гр А. С. Уварова (№ 675, Царск. № 353) читаемъ: «*Архитриклинъ*—большой надъ пиршественными служебники, ему же поручено все строеніе и промышленіе пира, или тысяцкой браку.» л. 10 об.

[4]) Этнографическій сборникъ II, 22—23.

[5]) Этнографическій сборникъ II, 155.

брядовыя пѣсни и голошенья, столь же обычныя, какъ и причи-
ья надъ покойникомъ, составляютъ лирическую часть свадебной
мы. Голошенья должны соотвѣтствовать положенію невѣсты. Если
ней нѣтъ ни отца, ни матери, ея голошенья должны отличаться
ъ голошенья подружекъ: она должна голосить *по-мертвецки*, какъ
удто на похоронахъ или на могилѣ родителей [1]). Музыка со скрип-
кою или дудою подыгрываетъ подъ звуки голошенья и такимъ
бразомъ указываетъ и сохраняетъ обычный напѣвъ свадебныхъ го-
лошеній. Свадебные обряды до такой степени похожи на увлека-
тельное драматическое зрѣлище, что народъ вмѣсто забавъ любитъ
представлять свадьбу. Во время святочныхъ посидѣлокъ «при крикѣ
свадебныхъ пѣсенъ, при стукѣ и топо[illegible]цихъ, молодежь обо-
его пола переряживается, женщины и [illegible]въ мужчинъ, мужчины
въ женщинъ, и разыгрываются свадьб[illegible]оторыхъ молодецъ же-
нится на дѣвицѣ или женщинѣ, или жен[illegible]вицы между собою» [2]).

Свадебная драма слагается изъ жи[illegible]басенъ, загадокъ, при-
читаній и совершается въ духѣ стар[illegible]всевозможными предо-
сторожностями противъ злаго глаза и [illegible]тва, въ строгой вѣрности
заповѣданному отъ предковъ чину.

Любя драматизмъ въ своихъ яз[illegible]играхъ и обрядахъ, въ
своихъ свадьбахъ и похоронахъ, [illegible]стественно не прочь былъ
требовать того и отъ христіанскихъ [illegible]жествъ. По крайней мѣрѣ
не легко было ему разстаться съ драматической стороной своей род-
ной старины. Начиная съ XI и вплоть до XVIII вѣка, и даже далѣе
слышимъ мы возгласы нашего духовенства противъ москолудства, ли-
чинъ, игръ и пѣсенъ бѣсовскихъ, скаканій, русалій; но эти мірскія язы-
ческія забавы не прекращались. Удовлетворяя народной привязан-
ности къ подобнымъ зрѣлищамъ, Западная церковь устроила мисте-
ріи въ храмахъ, приняла «бѣсовскія» игры въ свою службу, указала
имъ новую-христіянскую цѣль. Наша церковь не дѣлала уступокъ
язычеству; хотя повидимому въ народѣ заявлялось желаніе видѣть
драматизмъ и въ христіянскомъ богослуженіи. Правило русскаго
митрополита Зосимы замѣчаетъ между прочимъ: «а иже безумніи попы
печатаютъ *съ народомъ* двері царскіе въ вечерю суботы великія,
уже позде суще подобяся жидомъ, сего не подобаетъ творити» [3]).
Замѣчательно, что правило выставляетъ народъ главнымъ виновни-
комъ такого обряда, а за нимъ «безумныхъ» поповъ.

---

[1]) Тамъ же, стр. 167.

[2]) Тамъ же, стр. 36.

[3]) Сборникъ Синодальн. библіотеки, № 853, л. 7. Тоже самое запрещеніе и *почти въ тѣхъ же выраженіяхъ* читается и въ Златой Чѣпи, по Троицкому спи-

На помощь къ языческимъ начаткамъ безъискуственной народной драмы не пришла ни церковь, ни книжная литература. Преслѣдуя постоянно бѣсовскія игры, наша церковь не считала нужнымъ замѣнить ихъ зрѣлищами христіянскими, а духовенство, совершенно чуждое эстетическихъ потребностей, довело до совершеннаго упадка чинъ и порядокъ христіянскаго богослуженія. Наше богослуженіе (въ XVI и XVII вѣк.) не имѣло строго выдержанной драматической обстановки и глубокій символическій смыслъ его часто былъ тайною для самыхъ совершителей литургіи. Невѣжество и равнодушіе духовенства вносило въ него лишь произволъ и не въ силахъ было дать отпора тѣмъ языческимъ безчинствамъ народа, которыя вторгались въ храмъ. «Обращешили чинопослѣдованіе по указанному святыхъ отецъ взаконенію?» спрашиваетъ Курбскій. Церковь во время богослуженія представляла безпорядочное зрѣлище площади, гдѣ юродивые, шпыни, иноки прокураты и всякихъ чиновъ люди ползали, писк творили и великій соблазнъ полагали въ простыхъ человѣцѣхъ. Затерявши драматическое начало христіянскаго богослуженія, наше духовенство не могло притти къ мысли объ устройствѣ церковной драмы для народа. Въ XVII вѣкѣ совершались у насъ, правда, два три драматическія зрѣлища, заимствованные изъ Византіи; но они оставались на первой ступени драматическаго развитія. Хожденіе на осляти и пещное дѣйствіе больше подходятъ къ нѣмымъ представленіямъ, нежели къ духовной драмѣ. Въ Константинополѣ хожденіе на осляти извѣстно было уже въ IV вѣкѣ; у насъ оно совершалось слѣдующимъ образомъ. Недалеко отъ Лобнаго мѣста, со стороны Красной площади, стояла лошадь, покрытая бѣлою попоною и изображавшая осля. Тутъ же находился экипажъ съ нарядно-приготовленными деревьями, которыя украшались различными плодами: грушами винными ягодами. «Верба зеленовалась, якобы сейчасъ разцвѣла; листы сучинены зеленые и плоды видятся, яко бы отъ земли возросли и яблоки большіе и средніе, и завязи малыя и птицы всякія различными виды видятся.» Патріархъ вошедъ на Лобное мѣсто, раздавалъ ваіи; потомъ діаконъ читалъ евангеліе и «какъ дойдетъ до словъ, чт Христосъ послалъ двухъ отъ учениковъ своихъ, соборный протопоп и ключарь, представлявшіе учениковъ, подходили къ патріарху, ко

ску XIV вѣка: «не печатати двери церковныхъ, *якоже латина*» Чтенія въ Об ществѣ ист. и древн. при Московскомъ университетѣ, 1846, № 2, отд. IV, ст 46. Но не доказано, чтобы статья, содержащая это запрещеніе, была Визан тійскаго происхожденія; да еслибы это было и такъ, то сказаніе Зосимы не дл ромъ же упоминаетъ объ этомъ обрядѣ въ перечнѣ такихъ суевѣрныхъ обрядовъ какъ напр. вношенія въ алтарь съ просфорами и масляной яди, яицъ и про

торый словами евангельскаго текста посылалъ ихъ по осля. Протопопъ и ключарь, принявши благословеніе, шли по осля къ уготованному мѣсту и пришедъ, отрешётъ и; причемъ боярин патріаршій спроситъ: «что отрѣшаете осля?» А они отвѣчаютъ: «Господь требуетъ.» И поведутъ ученики осля, и приведутъ къ патріарху, къ лобному мѣсту; а патріаршіе дьяки несутъ сукна, которыя и разстилаются по дорогѣ во время процессіи. Патріархъ садился на осля съ крестомъ и евангеліемъ: государь велъ подъ уздцы его лошадь. Передъ нимъ ѣхала нарядная верба, около которой стояли мальчики въ бѣлыхъ одеждахъ и пѣли стихиры. [1]) Передъ рождествомъ совершался обрядъ пещнаго дѣйствія, въ которомъ видна уже болѣе смѣлая попытка создать церковную драму. Халдеи играли въ немъ главную роль. Пещное дѣйствіе совершалось во время заутрени. На святительскомъ мѣстѣ заранѣе поставлена была печь. Передъ патріархомъ выходили изъ алтаря три отрока въ бѣлыхъ одеждахъ, а за ними два халдея *въ халдейскихъ одеждахъ*. Халдеи пальцами указывали отрокамъ на пещь и говорили: «Дѣти царевы! видите ли сію пещь огнемъ горящу и вельми раскаляему? Сія пещь уготовася вамъ на мученіе.» Когда халдеи вводили отроковъ въ пещь и показывали видъ, что разводятъ огонь, пѣвчіе и отроки пѣли приличныя священныя пѣсни. За тѣмъ сходилъ ангелъ господень въ пещь къ отрокамъ» въ трубѣ велицѣ съ громомъ вельми» и послѣ краткаго разговора халдеевъ между собою, отроки выходили изъ пещи, и богослуженіе продолжалось обыкновеннымъ порядкомъ.

Хожденіе на ослятѣ и пещное дѣйствіе по скудости діалога и дѣйствія скорѣе могутъ быть названы эпизодами изъ театра маріонетокъ нежели духовными драмами. Въ первомъ случаѣ ограничивались немногими діалогами патріарха и протопопа съ ключаремъ, изображавшихъ учениковъ Христа; а остальное время было занято торжественною процессіею патріарха и нарядной вербы. Не драматическій разговоръ дѣйствующихъ лицъ, а «хожденіе» составляло главное содержаніе этого обряда [2]). Въ пещное дѣйствіе даже халдеямъ не удалось внести жизни и разнообразія: въ пещь халдеевъ спускалась статуя ангела и все это зрѣлище, довольно краткое, на столько же относится къ театру маріонетокъ, насколько и къ духовной драмѣ.

---

[1]) Забѣлина, Домашній бытъ русскихъ царей. От. Зап.

[2]) Въ Голландіи и Австріи, въ началѣ прошлаго вѣка, совершалось такія же процессія въ день Вербнаго воскресенія; но при этомъ возили на ослятѣ только деревянное изображеніе Спасителя. Magnin, Histoire des marionettes en Europe, p. 279.

Народъ оставался безъ мистерій. Равнодушный къ порядку богослуженія, непріученый понимать драматическую сторону и символическій смыслъ христіянской литургіи, постоянный зритель дракъ и «лая смраднаго» въ храмахъ, онъ съ тѣмъ большею строгостью и отчетливостію соблюдалъ драматическія сцены своихъ свадебъ и старыхъ праздниковъ языческаго происхожденія

О духовной драмѣ въ самой церкви не могло быть и рѣчи, особенно въ то время. Ея постоянно чуждалось строгое византійское воззрѣніе нашего духовенства и прежде; XVII вѣкъ всего менѣе благопріятствовалъ развитію храмовой драмы. Симеонъ Полоцкій пытался ввести нѣкоторые драматическіе и поэтическіе элементы въ придворное богослуженіе; но попытка его не могла имѣть успѣха. Въ силлабическихъ виршахъ разлагалъ Полоцкій легенду о святомъ на отдѣльные куплеты, которые поочередно пѣлись въ церкви «отроками», точно также какъ въ западную литургію вносилось пѣніе извѣстныхъ сивиллиныхъ предсказаній о Христѣ. Но католическія нововведенія Полоцкаго не встрѣтили сочувствія въ православномъ духовенствѣ, которое вообще подозрительно смотрѣло на него. Духовенство православнаго сѣвера недоброжелательно относилось къ духовенству южному; въ послѣднемъ видѣли наклонность къ латинскимъ ересямъ и при стремленіи сохранить и поддержать въ возможной чистотѣ греческое православіе часто встрѣчали враждебно даже и то, что само по себѣ не заслуживало нападенія. Притомъ въ послѣдней четверти XVII вѣка, болѣе чѣмъ когда-нибудь, отстранялись отъ всякихъ нововведеній церковныхъ, которыя могли быть заподозрѣны въ латинствѣ. Православіе рѣшительно высказалось противъ раскола. Та и другая сторона выставляла свои исключительныя права на соблюденіе древняго православія въ его византійской чистотѣ; та и другая равно боялась подать поводъ къ упреку въ чемъ нибудь отреченномъ и естественно избѣгала всякихъ прибавокъ противъ общецерковной канонической формы.

Оставляя въ сторонѣ южнорусскія драмы, зачинавшіяся подъ польскимъ вліяніемъ, и проникавшія въ Москву, мы не можемъ обойти куколь ныхъ піэсъ малорусскаго вертепа, которому принадлежитъ довольно почетное мѣсто въ исторіи и, малорусскаго и великорусскаго народнаго театра.

Вертепная драма сдѣлалась въ южной Руси наиболѣе любимымъ и распространеннымъ видомъ *народно-христіанской* мистеріи. И по существу представляемаго событія, и по языческимъ воспоминаніямъ тиготѣвшимъ къ этому празднику, рождественская драма вертеп близка была къ народу и успѣла выработаться въ своеобразныхъ

ахъ литературныхъ, Польша имѣла свою долю вліянія на происхожденіе и развитіе ея.

Праздникъ Рождества Христова наиболѣе способенъ былъ сдѣлаться темою народной піэсы: поклоненіе Христу пастуховъ ввелъ прямо въ число дѣйствующихъ лицъ событія представителей родной жизни. Почти всеобщій обычай западной Европы заставлялъ во время Рождества ставить въ церквахъ ясли и живописныя изображенія осла и быка. Францъ Ассизи, желая придать воспоминанію великаго событія еще болѣе наглядности, велѣлъ устроить ясли въ лѣсу и тамъ разыгрывать рождественскую драму. Въ Германіи съ празднованіемъ Рождест[ва] Христова соединяются остатки языческаго поклоненія богинѣ Гол[ьдѣ] Берхтѣ, которой въ древнее время посвящены были двѣна[дцать] ночей передъ январемъ мѣсяцемъ. По народнымъ вѣрованіямъ [она] странствовала въ это время по селамъ, посѣщала крестьян[скія] избы, хвалила и поощряла женщинъ, прилежно занимавшихся пр[ядѣніемъ], порицала и наказывала лѣнивыхъ. Христіанство дало этому [преданію] новый видъ. Теперь въ Германіи около этого времени ходя[тъ] по селамъ переряженные люди, представляющіе Христа или Бог[а]. Они входятъ въ избы, поощряютъ добрыхъ дѣтей, пугаютъ з[лыхъ]. При переряженномъ странникѣ бываетъ одинъ или нѣсколь[ко] товарищей, которые носятъ имя, то Іосифа, то Николая Чудотворца. Одѣтый въ черную одежду, онъ пугаетъ дѣтей, грозитъ имъ ударами, обѣщаетъ выколоть имъ глаза. Въ языческое время спутникомъ Гольды былъ Knecht Ruprecht. Въ другихъ мѣстностяхъ Германіи господствуетъ другой обычай: молодые люди, особеннымъ образомъ наряженные, бродятъ по селамъ и полямъ съ бичами и колокольчиками: ими думаютъ отогнать старое божество, которое въ это время по общему повѣрью странствуетъ по землѣ. Послѣднему обычаю соотвѣтствуютъ наши колядованья: дѣти бродятъ съ пѣснями по селу и тѣмъ разгоняютъ злыхъ духовъ, которые въ это время вездѣ ищутъ себѣ убѣжища. У насъ въ XVII вѣкѣ, о рождествѣ и до богоявленьева дня, сходились мужскаго и женскаго полу многіе люди въ бѣсовское сонмище, на дьявольскія прелести, во многое бѣсовское дѣйство: играютъ во всякія бѣсовскія игры; а въ навечеріе Рождества Христова клички бѣсовскія кличутъ: Коляду, Таусень и Плуту.

Въ Польшѣ во время Рождества во многихъ церквахъ разыгрывалась вертепная драма: въ церкви ставили изображеніе вертепа, въ которомъ помѣщались картонныя изображенія Богоматери, Іосифа, Христа, ангеловъ, пастуховъ и трехъ царей; зрителю видны были также быкъ, оселъ и овца Іоанна Крестителя.

Представлялось избіеніе невинныхъ младенцевъ, въ числѣ которыхъ погибалъ и сынъ Ирода. Послѣдній въ припадкѣ отчаянія призывалъ смерть: она являлась въ видѣ скелета и снимала съ него голову; за нею выбѣгалъ дьяволъ, весь черный, съ острыми рогами, длиннымъ хвостомъ, краснымъ языкомъ: онъ уносилъ трупъ Ирода въ адъ [1]). Въ половинѣ прошлаго вѣка эти зрѣлища были однако запрещены, потому что вертепъ съ теченіемъ времени совершенно утратилъ церковный характеръ; въ немъ уже показывались оживленная пляска солдатъ и крестьянокъ; въ немъ являлись и украинскій казакъ, и житель карпатскихъ горъ, и жидъ маркитантъ, умѣвшій всякаго обмануть и въ заключеніе попадавшій въ когти къ дьяволу. Народный элементъ взялъ верхъ надъ церковнымъ. Въ Литвѣ передъ крещеніемъ на всѣхъ дверяхъ пишутъ латинскія буквы, которыми начинаются имена трехъ царей, приходившихъ на поклоненіе Христу въ церквахъ, около престоловъ висятъ на лентахъ люльки, а въ нихъ лежитъ вылитое изъ воску изображеніе младенца; у изголовья стоятъ оселъ и быкъ; вокругъ люльки помѣщаются изображеніе Богородицы, Іосифа и трехъ волхвовъ. Подходящіе къ люлькѣ качаютъ ее три раза и молятся. Въ Литвѣ распространена и вертепная драма.

Подъ именемъ вертепа извѣстны ящики въ три этажа: въ первомъ и третьемъ этажѣ происходитъ дѣйствіе посредствомъ куколъ, второй назначенъ для машинъ и пружинъ, которыми приводятся въ движеніе фигуры. Въ Польшѣ и Малороссіи вертепъ является большею частію въ двухъ видахъ: представленія городскаго вертепа сопровождаются рѣчами показывающаго, который съ различными измѣненіями голоса читаетъ по очереди роли куколъ; въ деревнѣ вертепъ сопровождается только пѣніемъ колядскихъ пѣсенъ. Вертепныя піэсы всегда и вездѣ находились въ связи съ мистеріями, служа или зародышемъ или же сокращеніемъ ихъ. Меньше распространенія и значенія должны были они имѣть въ западной Европѣ, встрѣчая опасное соперничество въ духовной драмѣ; у насъ они долго были *для народа* единственнымъ видомъ духовной піэсы и даже забавныхъ интерлюдій. Драматическое изображеніе жизни народа и сатирическія изліянія его антипатій нашли себѣ мѣсто въ полуимпровизированныхъ піэсахъ вертепа: въ немъ прежде всего эпизоды духовной драмы переплелись съ картинами обыденной жизни и народнаго быта; забавный интерлюдій незамѣтно вкрадывался въ рождественскую драму. Представленіе вертепа открывалось напр. поклоненіемъ волхвовъ Христу. За тѣмъ изъ боковой башенки выходилъ Полякъ, на встрѣчу ему женщина въ

[1]) Magnin, Histoire des marionettes en Europe, p. 278

національномъ костюмѣ: отдавши другъ другу поклонъ, они начинали пляску, которая смѣнялась малороссійскимъ танцомъ. На сцену является и цыганъ съ медвѣдемъ и работникомъ. Разнообразныя пляски ихъ оканчиваются выходомъ царя Ирода, котораго сопровождаетъ неразлучный совѣтникъ его на всякое зло — жидъ. Иродъ грозитъ погубить весь свѣтъ; но смерть пресѣкаетъ своею косою хвастовство царя и навѣты жида. На сценѣ показывается не надолго сѣтующая Ревекка; а тамъ библейскія событія снова замѣняются сценами народной жизни во врем ровница дѣлаетъ масло, а дьяволъ украдкою выпиваетъ у [1]). Наиболѣе обыкновеннымъ содержаніемъ вертепн смерть Ирода послѣ его напрасной попытки умертви время представленія пѣлась польская пѣсня: W złobie

Рождественская драма ма тепа есть не иное что, какъ повтореніе рождественской видѣ, какъ она ходила въ западной Европѣ или какъ трій Ростовскій; вертепное представленіе ея сопровожд ѣніемъ духовныхъ стиховъ и народныхъ дѣтскихъ слав епѣ, освѣщенномъ восковыми свѣчами, изображалось появленіе звѣзды на востокѣ, рожденіе Спасителя въ яслехъ, привѣтствіе ангеловъ, поклоненіе волхвовъ, бѣгство въ Египетъ. Во дворцѣ царя Ирода, куда переносится зритель, пиръ и музыка. Балъ открываютъ деревянныя фигуры, которыя пляшутъ и вертятся, пока упадутъ въ обморокъ. Иродъ, очарованный красотою Іродіады, приказываетъ отрубить голову Іоанну Крестителю и принести ее на блюдѣ. Затѣмъ выскакиваетъ Смерть: она отсѣкаетъ голову Ироду, который падаетъ, дрягаетъ ногами и кричитъ: «Оцежь лихо мыни! Якъ бы я знавъ, что всему причиною дивчата, тобъ ни танцовавъ и ни жартовавъ. Карае за нихъ Небесный Царь!» Иногда длинная народная пѣсня сопровождала всю исторію Рождества Христова, представлявшуюся на сценѣ; пѣсня начиналась словами:

Христосъ народывся,
Весь міръ возвеселився.

Но и бѣдная вертепная драма Малороссіи стѣсняема была въ своемъ развитіи тѣмъ обстоятельствомъ, что попадала въ руки бурсаковъ кіевской академіи, которые замѣняли народныя пѣсни схоластическими виршами школы.

Съ зрѣлищемъ вертепа часто соединяется другой народный обычай — хожденіе дѣтей со звѣздою для славленія, наканунѣ и въ первые

[1]) Pieśni ludu krakowskiego zebrał I. K. (W Krakowie 1840), p. 85—86

три дни Рождества Христова. Звѣзда дѣлается изъ бичайки, оклеенной желтой бумагой, пропитанной масломъ; на одной сторонѣ ея изображено лицо, на другой поклоненіе пастырей; въ срединѣ вставлена зажженная свѣча, чтобъ рисунокъ былъ виденъ. Въ бѣлыхъ одеждахъ, съ коронами на головахъ, ходятъ трое дѣтей и поютъ стихъ о Рождествѣ Христовѣ:

Нова радость стала,
Яка не бувала и т. д.

Пѣсни оканчиваются просьбою о милостыни и могутъ быть названы драматизированными духовными стихами слѣпцовъ-нищихъ, «прошающихъ святую милостыню.»[1]) Дѣти, одѣтые восточными царями, драматически исполняютъ передъ зрителями народную легенду, которую пѣвцы, калики перехожіе, поютъ безъ драматической обстановки: становясь во единой кругъ, они

Клюки, посохи въ землю потыкали,
А и сумочки изповѣсили,
Скрипчатъ калики зычнымъ голосомъ:
Дрогнетъ матушка сыра земля,
Съ деревъ вершины попадали. . . .

Около вертепа и рождественской звѣзды группировались и драматически распредѣлялись народныя пѣсни и легенды, хранимыя то каликами-перехожими, то дѣтьми, принимающими на себя роль народныхъ пѣвцовъ въ рождественскихъ обрядахъ.

Представленіе классической драмы вертепа-смерти Ирода, сопровождалось часто колядками и пѣснями, которыя не имѣли никакого отношенія къ представляемому событію, а служили иногда отголосками языческихъ вѣрованій народа. То пѣли разсказъ о богатырѣ, который обложилъ городъ Львовъ (или Краковъ) и не хотѣлъ отступить ни за какую дань, требуя, чтобъ ему выдали золотую дѣвицу[2]); то слышались насмѣшливые стихи о жидахъ, которые пустились промышлять обманомъ. Судьба святаго семейства, изображеніе котораго стояло въ серединѣ вертепа, объяснялась пѣніемъ народныхъ легендъ и духовныхъ стиховъ. Въ однихъ разсказывалось, какъ Марія просила ночлега у крестьянина: бѣднякъ мѣстомъ убѣжища могъ предложить ей только конюшню, гдѣ она и рождаетъ Христа; въ другихъ какую нищету терпѣла Богородица: она не имѣетъ денегъ, чтобъ купить пищи и жалѣетъ, что не можетъ достать рыбы; ребенокъ

[1]) Ср. пѣсню «Сорокъ калекъ съ калекою» въ Древнихъ русскихъ стихотвореніяхъ.

[2]) Piesni ludu Krakowskiego, p. 90.

Христосъ наловилъ ей рыбы, а ангелы приготовили ужинъ. Богоматерь удивляется чуду, и Христосъ говоритъ ей:

«A ty Matuchno nie wierzysz,
Żeby ja miał być syn Boży»,
Oj stało nam się wesele,
Boże Narodzenie!
«Stworzyłem Żydów, Tatarów,
J was Chrześcianów»
Oj stało
«Stworzyłem ctwo,
Sudziom na
Oj stało

Третья легенда разсказыва Іоаннъ водитъ коней по крестьянскому полю: вмѣстѣ и Св. Стефаномъ пашетъ онъ золотымъ плугомъ, а Бо ми ходила,

Śnia
Szcz Ma.

Легенда заключается молитвою объ урожаѣ [2]). Такъ примкнули къ вертепной драмѣ древнее вѣрованіе о божественныхъ покровителяхъ поля и основанный на немъ обрядъ призывать ихъ милость на пашню, — обрядъ, связанный въ старину съ обнесеніемъ плуга и съ процессіею окрутниковъ.

Кромѣ легендъ, въ которыхъ доносятся къ намъ вѣрованія языческой эпохи и которыя примкнули къ рождественской драмѣ, на сценѣ вертепа находили себѣ мѣсто и параболическія піесы, moralités, объяснявшіяся народными пѣснями и стихами. Довольно часто представлялась въ вертепѣ притча о богатомъ, который призывалъ къ себѣ всѣ земныя удовольствія и хвастался своимъ могуществомъ. Собесѣдникомъ богача была Смерть: она напрасно старалась обратить его къ покаянію; богачъ надѣялся откупиться отъ нея. Когда уже она порушила его, богачъ со слезами проситъ у ней помилованія, чтобы покаяться; но Смерть отвѣчаетъ ему:

---

[1]) Ibidem, p. 93

[2]) Нѣтъ нужды объяснять, что на христіанскія лица перенесены вѣрованія въ старыхъ языческихъ боговъ. Въ великорусскихъ сказаніяхъ мѣсто Св. Стефана заступаетъ Илья Пророкъ; въ скандинавской миѳологіи эта роль принадлежитъ Тору, громоносному покровителю земледѣлія и мирныхъ полевыхъ работъ. Въ индексѣ отреченныхъ книгъ XVII вѣка упомянуты «обходи апостольстіи, что приходили ко граду, обрѣтоша человѣка орюща волы и просиша хлѣба; онъ же иде въ градъ хлѣба ради, апостоли же безъ него взоравше ниву и насѣявше, и *пріиде* [illegible] и обрѣте пшеницу зрѣлу.» Щаповъ, Русскій расколъ, стр. 449.

Miałeś na to czasu dosyć.
Teraz nie dam się uprosić.

Дьяволы и ангелы приходятъ по душу богача и начинаютъ спорить о ней [1]). Эта вертепная піеса представляетъ намъ не болѣе, какъ постановку на сцену одного изъ любимыхъ мотивовъ народной литературы. Какъ у насъ Аника воинъ, встрѣтившись съ смертью, предлагаетъ ей золоту казну и умоляетъ ее объ отсрочкѣ, чтобъ проститься съ отцомъ съ матерью и покаяться; такъ точно богачь въ польскомъ и малорусскомъ вертепѣ откупается отъ смерти тысячью копъ серебра и золота и, видя безполезность этой попытки, проситъ срока,

Niech dam komu co potrzeba,
By modlili za mnie Nieba.

Вертепная піеса о Смерти и Богачѣ, а также и о самомъ Иродѣ, кромѣ стиха объ Аникѣ воинѣ, стоитъ въ ближайшей связи съ стихами о Лазарѣ и богатомъ, а черезъ нихъ съ тѣмъ богатымъ запасомъ народныхъ представленій, которыя выразились въ «Пляскѣ мертвыхъ». Эпизоды послѣдней украсили стѣны храмовъ и листы народныхъ книгъ, нашли себѣ мѣсто на средневѣковой сценѣ западной Европы, у насъ въ вертепѣ и на лубошныхъ картинахъ. Связь вертепной піэсы съ лубошными повѣстями и народными діалогами тѣмъ важнѣе, что впослѣдствіи фигуры вертепа смѣнились лубошными картинами и вертепъ превратился въ раекъ, передавши ему свое содержаніе.

Вертепная драма, вращаясь въ кругу народа, пережила тѣже два главные періода, которые ясно выдѣляются въ исторіи западной мистеріи: первоначальный, церковно — каноническій характеръ ея стерся и развѣялся отъ напора народныхъ началъ; церковное содержаніе мистерій сначала профанировалось сценами обыденной жизни, выходками народнаго юмора, апокрифическими вставками, интерлюдіями, а подъ конецъ было совершено ими вытѣснено. Въ вертепѣ, забывшемъ рождественскую драму съ ея легендарной обстановкой, представлялись самыя разнообразныя сцены народной жизни Малороссовъ. Около шинкаря жида, обманывавшаго покупателей, собирались въ вертепной комедіи самыя разнохарактерныя лица и веселье ихъ всегда оканчивалось плохо для обманщика. Или представлялось въ вертепѣ возвращеніе домой пьянаго мужа: онъ капризничалъ, приказывалъ приготовить себѣ постель на дворѣ и предавался астрономическимъ наблюденіямъ. Указывая на созвѣздіе большой медвѣдицы, онъ спрашивалъ жену, какъ оно называется, и когда она отвѣчала: *Возъ* (общеупотреби-

[1]) Izopolskiego. Dramat wertepowy, въ Athenaeum, 1843, Oddz. trzeci, III, 60—64

тельное въ украинскомъ народѣ названіе созвѣздія), пьяный вскакивалъ и начиналъ бить свою жену, за то что она положила его, какъ собаку какую нибудь, спать *подъ возомъ*. Иногда вертепныя піесы имѣли совершенно скандалезное содержаніе; любовныя похожденія представлялись съ тѣмъ же цинизмомъ и въ тойже наготѣ, которыми отличаются нѣкоторыя изъ извѣстныхъ намъ народныхъ интермедій [1]) и пока не позволяютъ печатно говорить о нихъ.

Такіе драматическіе зародыши застала нѣмецкая мистерія при своемъ первомъ появленіи у насъ. Эти зародыши были по преимуществу безыскуственныя произведенія [illegible]зіи, хранившія память о своемъ родствѣ съ языческой [illegible] глазахъ церкви они были бѣсовскою игрою и отреченіе[illegible]олько немногіе церковные праздники получили бѣдную д[illegible]обстановку; да и та болѣе дѣлала ихъ похожими на нѣм[illegible]нія, нежели на символическую мистерію запада. По[illegible]вѣтскую поэзію въ церковь не одобрялась православ[illegible]ствомъ, какъ католичество; новое церковное пѣніе, введе[illegible]ъ, далеко было отъ мотивовъ народной пѣсни. Богос[illegible]чѣмъ когда нибудь, облекалось формализмомъ и кано[illegible]авильностію; хожденіе на ослятѣ и пещное дѣйствіе бы[illegible]. Вертепная драма Малороссіи не свободна была отъ вліянія схоластическихъ виршъ кіевской академіи, уже давно тяготѣвшаго надъ духовной драмой юга. Православные пурпсты съ особенной энергіей поднимали преслѣдованія на мірскія пѣсни, игры, свадебныя церемоніи и старались подавить ихъ драматическую сторону. [2]) На перваго человѣка, который дѣятельно взялся за устройство театральныхъ зрѣлищъ при московскомъ дворѣ, на Матвѣева многіе смотрѣли, какъ на чернокнижника или, по крайней мѣрѣ, желали огласить его такимъ.

Немного свѣдѣній имѣемъ мы о началѣ театральныхъ зрѣлищъ при московскомъ дворѣ XVII вѣка. На эту нѣмецкую забаву, устроенную Матвѣевымъ для русскихъ государей, почти не обратили вниманія и лишь въ два-три оффиціальные акта занесены объ ней случайныя и скудныя свѣдѣнія. «Тогожъ году (1672 г.) была у великаго Госу-

---

[1]) Такова напр. «Интеремѣдія», записанная въ сборникѣ прошлаго вѣка, Толстов. V, № 62, л. 9 об. и слд. Въ этой народной піэсѣ, написанной стихотворнымъ складомъ, выводятся на сцену *Гаеръ*, *старуха*, *ея дочь*, которая переходитъ изъ рукъ въ руки, *Шляхта*, *Цыганъ*, который выдаетъ гаера за своего крестьянина и продаетъ его. а гаеръ у своего хозяина, какъ Совиздралъ, только портитъ все и объѣдаетъ господина. Судя по сценическимъ указаніямъ интермедія была представлена, — вѣроятно, во время масляницы.

[2]) *Акты историческіе* IV, 124, 355.

даря въ селѣ Преображенскомъ комедіе: тѣшили его великаго Государя иноземцы, какъ Алаферна царица царю голову отсѣкла, и на органахъ играли Нѣмцы да люди дворовые боярина Артемона Сергѣевича Матвѣева; а за нимъ великимъ государемъ были въ комедіи бояре и околничіе, и думные дворяне, и думные дьяки, и ближніе люди всѣ и столники и стряпчіе.» [1]) Такое извѣстіе сохранилось въ Дворцовыхъ Запискахъ о начальныхъ театральныхъ зрѣлищахъ при русскомъ дворѣ. При отсутствіи всякихъ положительныхъ и опредѣленныхъ извѣстій о тогдашнемъ устройствѣ придворнаго театра и обстановкѣ игравшихся на немъ піэсъ, мы можемъ составить о томъ понятіе только на основаніи нѣкоторыхъ указаній въ рукописныхъ піэсахъ того времени и расходныхъ книгъ приказовъ владимірской и галицкой чети, на счетъ которыхъ поддерживался придворный театръ при Алексѣѣ Михайловичѣ [2]).

«1672 года іюня въ 4 день великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичь, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ, указалъ иноземцу магистру Ягану Готфриду учинити комедію, а на комедіи дѣйствовать изъ библіи книгу Есфирь и для того дѣйства устроить хоромину *вновь*, а на строенье тое хоромины и что въ нее надобно покупать изъ приказу володимерской чети. И по тому великаго государя указу камидѣйная хоромина построена въ селѣ Преображенскомъ со всѣмъ нарядомъ, что въ тое хоромину надобно. А сколько въ тое хоромину лѣсныхъ запасовъ, и всякаго наряду и на сколько по цѣнѣ чего пошло и тому смѣтную роспись подалъ окольничему Артемону Сергѣевичу Матвѣеву да дьякомъ думному Григорью Богданову, да Якову Поздышеву, да Изану Евстафьеву приказу володимерские чети подьячей Аѳанасей Дмитріевъ» [3]).

Театръ переносился изъ Преображенскаго въ Москву, въ хоромы боярина Милославскаго (называвшіеся оттого потѣшнымъ дворцомъ), а отсюда снова въ Преображенское, смотря по мѣстопребыванію го-

---

[1]) Выходы государей царей, стр. 41 прим.

[2]) Изъ піэсъ XVII вѣка сценическими указаніями особенно богата Комедія о царѣ Давидѣ въ рукописи XVIII вѣка гр. А. С. Уварова, № 622 (Царск. № 468) и драма объ Алексѣѣ, Божіемъ человѣкѣ, въ рукописи XVII вѣка Императорской Публичной Библіотеки XIV, Q.7 (Толст. Отд. II, № 314). За разрѣшеніе пользоваться расходными книгами приказовъ владимірской и галицкой чети, хранящимися въ Московскомъ Главномъ архивѣ Министерства иностранныхъ дѣлъ, приносимъ глубокую благодарность Управляющему архивомъ князю М. А. Оболенскому.

[3]) Расходныя книги володимирской и галицкой чети.

ря. Театръ располагался тнкже надъ придворною аптекою [1]). ючемъ въ Преображенскомъ построена была постоянная комидійная ромина; она находилась отдѣльно отъ дворца и обнесена была заромъ. Внутри она обита была коврами и сукнами и во время предавленія освѣщалась сальными свѣчами [2]), подсвѣчники съ которыми гверждены были на доскахъ.

Актеры для придворнаго театра набраны были изъ подьячихъ, какъ наиболѣе грамотныхъ людей того времени. Изъ 60 мѣщанскихъ и польческихъ дѣтей устроена была въ нѣмецкой слободѣ особенная школа, гдѣ магистръ Іоганнъ Готфридъ Грегори [3]) обучалъ ихъ комидійному дѣйству. Школа получала отъ двора содержаніе, а комедіантамъ положено было царское жалованье [4]). Нѣкоторые изъ подь-

---

[1]) «181 года генваря въ 22 день великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичь всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ, указалъ надъ оптѣкою, что на дворцѣ въ полатахъ построить какъ быть комидѣйному дѣлу».... Ibidem.—«181 г. генваря въ 22 день по указу великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, окольничей Артемонъ Сергѣевичь Матвѣевъ приказалъ съ двора боярина Ильи Даниловича Милославскаго изъ полаты ковры и сукна и всякое потѣшное платье, что взято изъ села Преображенскаго, перенесть въ село Преображенское и комидѣйную хоромину нарядить по прежнему, чтобъ къ комидѣйному дѣйству генваря къ 25-му числу все было готово..... И тогожъ числа з двора боярина Ильи Даниловича Милославскаго въ село Преображенское ковры и сукна и всякое потѣшное платье перевезено.... Нынѣшняго жъ 181 г. генваря въ 23 день велик г. ц. и в. кн. Алексѣй Михайловичь вс. в. и м. и б. Рос. самодержецъ указалъ надъ приказомъ аптекарскіе полаты въ полатахъ построить и нарядить какъ-быть комидѣйному дѣйству».—«181 г. генваря въ 23 день по указу великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, вс. в. и м. и б. Рос. самодержца, и по приказу окольничаго Артемона Сергѣевича Матвѣева перевезены изъ села Преображенскаго изъ комидійной хоромины рамы перспективаго письма въ Москвѣ и взнесены въ палаты, что надъ оптѣкою, а для износу, что большіе и середніе рамы въ двери не прошли, перетерты и построены здвижныя и къ тѣмъ рамачъ придѣлано сто задвижекъ да двѣсти скобъ желѣзныхъ. За желѣзо и за дѣло по уговору кузнецу Сенкѣ Троимову три рубли десять алтынъ, да провозу отъ тѣхъ рамъ отъ тритцати ото шти штукъ отъ села Преображенскаго къ Москве до дворца на десять подводъ извощикамъ Андрюшке Яковлеву съ товарыщи по три алтына на подводу, всего четыре рубли шесть алтынъ четыре денги.»—Ibidem.

[2]) Расх. книги влад. и гал. чети.

[3]) Такъ расписался самъ онъ въ одномъ изъ документовъ гал. чети.

[4]) Школа учреждена вскорѣ послѣ того, какъ Іоганнъ Готфридъ Грегори принялъ на себя обязанность играть при дворѣ духовныя комедіи. «*181 г. генваря съ 22 день* по указу великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, вс. в. и м. и б. Рос. самодержца, окольничей Артемонъ Сергѣевичь *Матвѣевъ* приказалъ въ новонемецкую слободу, къ магистру къ Ягану Годфриду

ческихъ дѣтей, поступившихъ въ эту школу въ 1673 г., подали царю слѣдующую челобитную. «Царю государю и великому князю Алексѣю Михайловичу, всеа великия и малыя и бѣлыя Росіи самодержцу, бьютъ челомъ подьячишка Васка Мешалкинъ с товарыщи. В нынешнем государь во 181 году іюня въ день по твоему великаго государя указу отослали насъ, холопей твоихъ, в немецкую слободу для научения камидѣйного дѣла къ магистру къ Ягану Готфрету, а твоего великаго Государя жалованья корму намъ, холопемъ твоимъ, ничего не учинено и ныне мы, холопи твои, по вся дни ходя к нему магистру и учася унего, платьишком ободрались и сапожишками обносились, а пить ѣсть нечего и помираемъ мы, холопи твои, голодною смертію. Милосердый государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичь, всеа великия и малыя и бѣлыя Росіи самодержецъ! пожалуй насъ, холопей своихъ: вели, государь, намъ свое великаго государя жалованье на препитанье поденной кормъ учинить, чтобъ намъ, холопемъ твоимъ, будучи у того комединаго дѣла, голодною смертью не умереть. Царь государь смилуйся!» [1]).

Во второй половинѣ XVII вѣка мистерія, впервые показавшаяся тогда въ Россіи, была чѣмъ-то прошедшимъ для литературъ западныхъ. Во Франціи она была изгнана съ публичныхъ театровъ и запрещена въ XVI вѣкѣ, потому что она была уже не духовной драмой, а циническою потѣхой народа, льстившей дурнымъ наклонностямъ толпы. Въ Германіи, за вестфальскимъ миромъ, послѣдовало полное торжество аристократическаго начала; народъ вездѣ осѣлъ; мѣсто мистеріи заняли придворныя оперы или школьныя драмы іезуитовъ. Тѣ и другія разсчитывали лишь на эффектъ внѣшней обстановки и театральныя зрѣлища дѣлались орудіемъ для распространенія и усиленія извѣстныхъ принциповъ,—дорогихъ для двора или для братства Іисуса. Нашей духовной драмѣ XVII вѣка мы можемъ указывать параллельныя явленія въ европейскихъ литературахъ XV или много-много XVI вѣка. Надъ драмами, заимствованными нами съ запада и изъ Польши, тяготѣли тѣ неблагопріятныя обстоятельства, которыя мы указали выше и которыя ясно выражаются въ словахъ: «царь указалъ дѣйствовать *изъ библіи* книгу Есфирь.» Однообразно религіозный отпечатокъ лежитъ на всей исторіи нашей мистеріи: хотя она и не осталась чужда народнымъ легендамъ, хотя она приняла въ себя не-

въ школу, въ которой онъ учитъ дѣтей к комидѣйному дѣйству, дать двѣ сажени дровъ съ малороссійскаго двора.» Ibid. На первое время актерами были дворовые люди боярина Матвѣева вмѣстѣ съ нѣмцами.

[1]) На оборотѣ челобитной написано: «Дать комедиянтом царскаго жалованья с того числа, какъ начали быть въ ученьи.»

многія черты современной русской жизни; но ея литературное развитіе не пошло далеко, потому что она вращалась въ замкнутомъ кружкѣ придворной жизни или въ стѣнахъ школы. Удаленная отъ народнаго творчества, оставленная въ рукахъ ученаго южнаго духовенства, русская руховная драма сохранила за собою тотъ строго религіозный типъ, какой имѣла на западѣ мистерія и moralité въ первые періоды своего развитія. Не давая никакого мѣста свѣтскому элементу, исключивши изъ своего круга сцены обыденной жизни, русская духовная драма, если отступала отъ своего легендарнаго содержанія или отъ Св. Писанія, то и эти отступленія скорѣе дѣлались въ пользу классической миѳологіи, нежели въ пользу родной жизни и поэзіи [1]). Въ этомъ нельзя не видѣть отчасти отголосковъ тогдашней польской литературы, мельчавшей и упадавшей въ рабскомъ подражаніи древнимъ при послѣдователяхъ Кохановскаго. Дворъ и школа оставили свои слѣды на русской драмѣ XVII и XVIII вѣка.

Этимъ общимъ характеромъ и направленіемъ въ Россіи духовной драмы должно было опредѣлиться и самое устройство сцены, на которой она разыгрывалась. Извѣстно, что средневѣковая сцена западной Европы раздѣлялась на три, правда соединенныя между собою, сцены, но имѣвшія каждая самостоятельное значеніе: самая нижняя часть сцены (часто полузакрытая) представляла адъ; надъ ней раскидывалась средняя сцена, на которой разыгрывались событія земной жизни, верхняя сцена изображала рай. Нашъ театръ XVII в. [2]) сохранялъ довольно вѣрно устройство и видъ средневѣковой европейской сцены относительно средняго и частію верхняго этажа (т. е. земной сцены и рая); за то, сколько извѣстно, въ немъ никогда не было мѣста аду, или нижнему этажу западно-европейской сцены. Отсутствіе ада въ нашемъ театрѣ составляетъ характеристическую черту его въ отличіе отъ западныхъ. Дьяволъ и шутъ уже въ первыя времена существованія мистерій отождествлялись; адъ былъ жилищемъ дьяволовъ и сценою, на которой разыгрывались ихъ грубыя шутки, на которой слышался не строгій и торжественный тонъ библейскаго языка, и обыденная площадная рѣчь повседневной жизни. Зло и безобразіе были для народа синонимами глупости и шутовства; дьяволъ и шутъ были въ западной драмѣ однимъ и тѣмъ же лицомъ. Нѣмецкій Hanswurst не иное что, какъ перерожденный дьяволъ старой мистеріи.

---

[1]) Исключеніемъ служитъ пока едва ли не одна рождественская драма Димитрія Ростовскаго, гдѣ сцена пастуховъ изображена правдивыми чертами народной жизни.

[2]) Говоримъ преимущественно о придворномъ театрѣ, на которомъ представлена была драма объ Алексѣѣ, Божіемъ человѣкѣ.

Весь комическій элементъ духовной драмы среднихъ вѣковъ развился въ аду (въ нижнемъ этажѣ сцены) среди дьяволовъ и оттуда перешелъ на среднюю сцену, на землю, куда дьяволы имѣютъ постоянный доступъ. Этотъ комическій элементъ и тяготѣетъ постоянно къ аду, своему источнику. Народная средневѣковая комедія, начавшаяся въ сферѣ еще духовной драмы, имѣетъ своимъ первообразомъ дьяволовъ; въ аду, а потомъ и на землѣ впервые нашло себѣ мѣсто народное туземное начало въ западныхъ мистеріяхъ, начало со всею полнотою выразившееся въ фарсахъ, sotties, Fastnachtspiele и подавившее религіозный смыслъ мистеріи; въ аду и на земной сценѣ впервые начали вплетаться въ мистерію сцены домашней жизни того народа, среди котораго драма разыгрывалась. Отсюда мірской смѣхъ, профанирующій церковное содержаніе мистерій, сталъ распространяться все далѣе и далѣе, пока не прокрался даже въ верхнее святилище — въ рай и не превратилъ лицъ, тамъ дѣйствовавшихъ, въ насмѣшниковъ надъ божествомъ. Тогда религіозное значеніе мистеріи падаетъ подъ преобладаніемъ прозаической дѣйствительности, народный юморъ беретъ перевѣсъ надъ церковнымъ лиризмомъ. Отсутствіе ада на нашей сценѣ условливается архаическимъ, библейски выдержаннымъ тономъ нашей духовной драмы; русскую мистерію робко старались удержать на ея канонической основѣ и строго выдѣляли изъ нея всякую примѣсь свѣтскаго и народнаго начала. Ни шутъ, ни дьяволъ не показывались на нашей сценѣ; комическіе интерлюдіи почти не пробивались въ ней [1]). Какой интересъ могли имѣть въ глазахъ двора и боярства сцены изъ жизни народа,—этой неразвитой и безправной массы, которую нужно было сдерживать не только въ дѣйствительности, но даже и на театральныхъ подмосткахъ? Драма объ Алексѣѣ, божіемъ человѣкѣ, вывела правда «на позорище» мужиковъ; но для того только, чтобъ зритель видѣлъ, какъ они приносятъ поздравленія Евфиміану, пируютъ на свадьбѣ его сына, какъ потомъ «сваръ и битва всѣхъ мужиковъ стается». За возможность явиться въ такой незавидной роли одинъ мужикъ, за всѣхъ своихъ товарищей, «отъ людей прощеніе просить»:

.....Панове! пробачьте,
А на ихъ пьяныхъ за то дивовать не рачьте.

---

[1]) Къ сожалѣнію мы не имѣемъ свѣдѣній о тѣхъ «потѣшныхъ комедіяхъ», которыя были играны при Алексѣѣ Михайловичѣ вмѣстѣ съ «Жалостною комедіею объ Адамѣ и Еввѣ», какъ свидѣтельствуетъ прологъ. Были ли то въ самомъ дѣлѣ комическія піесы или только нѣмыя потѣшныя представленія придворныхъ скомороховъ?

Народная комедія развивалась внѣ мистеріи, особнякомъ отъ дворцовыхъ потѣхъ, безъ всякихъ почти связей съ нею. Она начала сближаться съ духовной драмой, когда послѣднія изъ высшихъ сферъ общества, отъ людей образованныхъ спустилась въ народъ. Адъ не имѣлъ мѣста на нашей сценѣ, дьяволы не появлялись на ней. Если нужно было напомнить объ адскихъ мученіяхъ, то зрителямъ показывалась змѣиная голова. Указанія на это встрѣтилось намъ только въ драмѣ объ Алексѣѣ, божіемъ человѣкѣ [1]). Когда Алексѣй колеблется въ выборѣ себѣ жите[illegible]ляется Виртусъ и не совѣтуетъ ему итти простран[illegible]вѣта, потому что мученія уготованы злымъ. «Ту змій [illegible]ъ и дымъ испущаетъ,» замѣчаетъ піэса.

Рай, если того требова[illegible]піэсы, изображался на нашемъ театрѣ отдѣльнымъ эт[illegible]ымъ надъ сценою, съ которою онъ соединялся нѣск[illegible]ями. Ангелы Гавріилъ и Рафаилъ, чтобы внушить [illegible]ность соблюдать тѣлесную чистоту, должны изъ рая, с[illegible]ыванія, спуститься на землю. «*Ангеломъ, низходящи[illegible]ей высоты*, носящимъ цвѣты, Алексѣй имъ показуетс[illegible]у.» Въ то время, когда зритель видѣлъ Алексѣя, сидящаго на землѣ въ своей хижинѣ, троекратный «*глась слышить з неба*: Пріидѣте ко мнѣ всѣ труждающіися.»

---

[1]) Устройство такой подвижной сцены, какова была придворная въ XVII вѣкѣ, не могло быть постоянно одинаковымъ; рай напр. приставлялся, если то нужно было по ходу піэсы. Но стараясь уловить общій типъ нашей придворной сцены, мы имѣемъ право пользоваться указаніями драмы объ Алексѣѣ божіемъ человѣкѣ. Было высказано мнѣніе (и мы сами прежде раздѣляли его), что эта піэса написана въ Польшѣ и оттуда перенесена къ намъ. Но 1) піэса представлена была въ присутствіи Алексѣя Михайловича при московскомъ дворѣ, 2) она написана въ южной Россіи или, по крайней мѣрѣ, значительно передѣлана тамъ. На это прежде всего указываетъ прологъ піэсы, написанный тѣмъ же размѣромъ, слогомъ и въ томъ же духѣ, какъ и вся драма. А между тѣмъ прологъ объявляетъ, что представленіе этой піесы

Будетъ на славу пресвѣтлому и благочестивому царю Алексѣю,
Котрый, въ Бога и въ святыхъ маючи надѣю,
Съ непріятелемъ креста Христова дѣло начинаетъ.

3) Во время сильныхъ неудовольствій русскаго двора съ Польшею не могъ быть написанъ въ Польшѣ заключительный «эпилогъ» піэсы; 4) Житіе Алексѣя, вставленное въ драму, не имѣетъ ни одного полонизма и заимствовано изъ славянскаго житейника; 5) Надгробныя причитанья родителей и жены Алексѣя Божія человѣка, выдѣляющіяся изъ силлабическихъ виршъ церковною прозою, буквально взяты изъ житія Алексѣя, напечатаннаго въ Анеологіонѣ, 1660 г. Піэса была «*явлена черезъ шляхетну молодь*» въ Кіевѣ и напечатана въ 1674 г.—*Русская Бесѣда 1857*, Кн. I, Смѣсь, стр. 74.

Наконецъ вслѣдъ за изображеніемъ всего того, что произошло въ Римѣ по смерти Божія человѣка, зритель видѣлъ, какъ святой «тѣшится въ раю среди ангеловъ». Земная жизнь героя духовной драмы кончилась,—и дѣйствіе переносится въ рай, гдѣ началась для него новая жизнь.

Но если русскій придворный театръ XVII вѣка не давалъ у себя мѣста аду, если рай изображался въ немъ рѣдко въ видѣ приставочнаго этажа; за то сцена земная сохранила у насъ въ XVII в. нѣсколько существеннѣйшихъ свойствъ западнаго средневѣковаго театра. Правда по самымъ мѣстнымъ условіямъ (театръ помѣщался въ особомъ зданіи, а не на вольномъ воздухѣ) она не могла такъ раздвинуться въ длину, какъ ея прототипъ; но и на болѣе тѣсномъ пространствѣ ея совмѣщались тѣ разнородныя и удаленныя одна отъ другой мѣстности, которыя фривольно группировались на западной сценѣ. Расписанныя декораціи (рамы перспективнаго письма) извѣстны были нашему придворному театру; имя, вѣроятно, и означались на нашей сценѣ нѣсколько отдѣленій, изъ которыхъ каждое представляло особую мѣстность, особый городъ. На одной сторонѣ сцены находился Римъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ него стоялъ Эфесъ. Зритель узнавалъ названіе мѣстности точно также, какъ и значеніе дѣйствующихъ лицъ: актеръ называлъ мѣстность и при первомъ появленіи своемъ на сцену разсказывалъ, кого онъ представляетъ. Алексѣй оставляетъ домъ родительскій, бѣжитъ изъ Рима въ Месопотамію и зритель слѣдитъ за нимъ въ продолженіе всей дороги. Путь коротокъ: разстояніе отъ Рима до Эфеса такъ ничтожно, что Алексѣй едва успѣваетъ сказать два небольшихъ монолога на переходѣ отъ одного города къ другому. Вышедши изъ Рима, обозначеннаго на сценѣ особымъ отдѣленіемъ, Алексѣй встрѣчаетъ нищаго и мѣняетъ съ нимъ свои богатыя шаты (одежду) на старческія латы и по удаленіи нищаго благодаритъ Бога за то, что ему удалось переодѣться: теперь и слуги отца не узнаютъ его. Архангелъ Гавріилъ является святому (конечно изъ рая, или поднятаго надъ остальной сценой этажа) и совѣтуетъ ему итти въ Эфесъ и тамъ жить въ храмѣ Богородицы. Алексѣй, едва успѣлъ сказать:

Боже! благодарю Тя, же ми путь сказалесь;
Спѣшу ся тамъ охочо, гдѣ ми росказалесь,—

и уже находится близъ Эфеса. «*Приближающися до Ефеса*, Алексѣй говоритъ:

Се градъ Ефесъ; се есть той храмъ царицы неба;
Тутъ мнѣ, якожъ слышелъ, склонитись треба.

Смотрячи пречистой Маріи Дѣвы на образъ, такъ до него молитъ Алексѣй:

Подъ твой покровъ, чистая Дѣво, прибѣгаю и т. д.

Иногда два параллельно идущихъ дѣйствія въ одно время разыгрываются на разныхъ мѣстностяхъ сцены; монологи дѣйствующихъ лицъ въ Эфесѣ смѣняются разговорами дѣйствующихъ лицъ, находящихся въ Римѣ, и кромѣ того въ эти событія земной жизни вторгаются неземныя существа, пребывающія въ раю. Вниманіе зрителя должно постоянно перебѣгать на разные концы сцены, въ разныя сферы бытія. Ангелъ Гавріилъ объявляетъ людямъ Алексѣя, человѣка Божія, совѣтуетъ обращаться къ нему «въ своихъ потребахъ.» Къ Алексѣю, которой въ то время находится въ Эфесѣ, дѣйствительно приходятъ просящіе; отпустивши ихъ, Алексѣй хочетъ итти въ другое мѣсто, потому что въ Эфесѣ народъ уже узналъ его. «*Смотрячи на Римъ,*» Алексѣй говоритъ:

До Рима, бачу, тая дорога приводитъ.

Онъ рѣшается итти въ Римъ и поселиться въ отцовскомъ домѣ. Пока онъ держитъ туда путь, отецъ его Евѳиміянъ возвратился отъ цесаря и въ монологѣ выражаетъ надежду, что слуги, которыхъ онъ послалъ разыскивать Алексѣя, возвратятъ ему сына. Тутъ Алексѣй «пришелъ до Евѳиміяна и до него рѣчи говоритъ.» Отецъ позволяетъ ему жить въ своемъ домѣ и поставить для себя кущу. «Ту Алексѣй хижину себѣ устроилъ.» Теперь дѣйствіе происходитъ то на дворѣ Евѳиміяна, который приглашаетъ нищихъ къ своему столу; то въ хижинѣ Алексѣя, который чувствуетъ приближеніе смерти и посылаетъ за чернилами и хартіею, чтобъ описать свое житіе.

Въ томъ отдѣленіи сцены, которое изображало Римъ, зритель видѣлъ опять нѣсколько мѣстностей, по которымъ распредѣлено было дѣйствіе. Сначала цесарь Гонорій съ ужасомъ разсказывалъ боярамъ, что во время литургіи слышанъ былъ съ неба гласъ: «Ищите человѣка Божія,» и, не смотря на всѣ поиски, въ Римѣ не нашли такого человѣка. По совѣту одного изъ бояръ цесарь идетъ въ домъ Евѳиміяна; сюда же переходитъ и дѣйствіе. Послѣ небольшаго разговора здѣсь между Гоноріемъ, Евѳиміяномъ и его слугою, «Цесарь и Евѳиміянъ пришелъ до тѣла Алексѣева со всею полатою:» дѣйствіе переходитъ въ третій пунктъ Рима.

Предложенные выводы объ устройствѣ придворнаго русскаго театра получатъ свое значеніе въ исторіи сценической постановки русскихъ мистерій, если мы сблизимъ ихъ съ сценическими указаніями позднѣйшей пѣсни «*О царѣ Давидѣ и сынѣ его Соломонѣ.*»

Въ ней, по видимому, на земной сценѣ не было тѣхъ отдѣленій, которыя соотвѣтствовали различнымъ мѣстностямъ — Риму, Эфесу и т. д. Земная (и единственная) сцена представляетъ уже одну мѣстность. Аданія, сынъ царя Давида, посылаетъ одного изъ воиновъ за Іоавомъ, «Ити воину въ уборную палату и привесть Іоава предъ Адания.» Послѣдній приказываетъ этому воеводѣ созвать своихъ братій, первыхъ вельможъ, жителей города и іерея Авіаѳара, чтобъ онъ помазалъ его на царство. «Притить Іоаву въ уборную и взять Авіаѳара и всемъ воинамъ и сенаторамъ и набрать маленкихъ робятъ и притти Іаву предъ Адания, а Аданію сво встретить.» (Рук. А. С. Уварова № 622, ч. 180 об.). Іерей благословляетъ Аданія на царство, возливая на него елей; Аданія славитъ Бога, воины и сенаторы поздравляютъ его. Дѣйствіе переносится отсюда въ палату другой жены Давида Вирсавіи. «Сидеть предъ тропомъ на стуле матери соломоновой Вирсавие и *открыть шпалеръ* и въ то время притти къ ней (къ) трону Наѳану.» Когда шпалеръ открывался, актеры, которые должны были играть въ этомъ явленіи, были уже на мѣстахъ: не принимавшіе участія въ явленіи или тѣ, которые, по ходу піэсы, должны были выти по призыву въ средниѣ явленія, находились въ уборной палатѣ. (См. ibid. л. 178, 180, 184, 185). Перемѣна мѣста дѣйствія сопровождалась закрытіемъ и поднятіемъ шпалера; піэса дробилась на явленія, сообразуясь съ переходомъ дѣйствія изъ одной мѣстности въ другую (ibid. л. 179 об., 181 об., 187 об.) и, стало быть, краткія явленія русскихъ піэсъ XVIII вѣка соотвѣтствуютъ нынѣшнимъ дѣйствіямъ или картинамъ. Вмѣсто того, чтобъ дѣлить сцену на отдѣленія, въ которыхъ послѣдовательно происходило дѣйствіе, на смѣну мѣста дѣйствія указываетъ постоянное закрытіе и открытіе шпалера. Явленія иногда были очень коротки. Такъ все 7-е явленіе упомянутой піэсы состоитъ въ слѣдующемъ: «*Сидеть на стулѣ предъ тропомъ Аданію и при немъ быть воеводѣ Іавву и открыть шпалеръ.*

Рѣчь Аданія:

Іоавъ воевода,
Правитель израилтелева народа!
Кто весьма радостно такъ играетъ?
Каковую же бо радость себѣ днесь получаетъ?
Шедши, потщися ихъ вопросити
И паки возвратися мнѣ возвѣстити:
Тако повелѣваю тебѣ сотворити.

Рѣчь Іоава:

Готовъ волю твою исполнати
И во всемъ тебѣ угождати.

(И закрыть тпалеры). Въ слѣдующемъ явленіи «притить Іоаву въ домъ Давыдовъ и вопрошать пророка Нафана, а пророку быть въ готовности предъ тропомъ и, какъ шпалеры отворятъ, итить къ Іоаву». (л. 186 об.—187).

Помѣщая Римъ рядомъ съ Виѳлеемомъ, и также мало дорожа условіями времени, какъ и условіями мѣста, средневѣковая драма западной Европы часто ничѣмъ не выкупала этихъ скачковъ черезъ вѣка и пространства. Поэтическая иллюзія не стирала для зрителя этихъ вопіющихъ анахронизмовъ. Мистерія, особенно позднѣйшаго времени, не могла похвалиться единствомъ и выдержанностью идеи; она не производила въ зрителяхъ цѣльнаго, опредѣленнаго настроенія: рядомъ съ событіями евангельской исторіи разыгрывались шутовскіе эпизоды изъ обыденной дѣйствительности или же просто только что сыгранная сцена изъ жизни святаго пародировалась самымъ циническимъ образомъ.

Русская духовная драма XVII вѣка уклонялась отъ подобныхъ вставокъ. Она, можетъ быть, выигрывала черезъ это въ единствѣ и выдержанности идеи; но, сохранив свой сурово—архаическій стиль, она стояла внѣ всякаго соприкосновенія съ животворными элементами народной жизни и поэзіи. Псевдоклассическая теорія ограничила строгими правилами это пренебреженіе условіями времени и мѣста, а также и праздную игру чувствомъ и мыслію зрителя; но вмѣстѣ съ тѣмъ отреклась и отъ народной поэзіи, отъ народнаго содержанія трагедіи въ пользу началъ чуждыхъ. Наша духовная драма XVII вѣка точно также поплатилась за свою вѣрность канонической основѣ живымъ народнымъ содержаніемъ.

Искупленіе человѣческаго рода было древнѣйшимъ сюжетомъ христіянской драмы. Въ длинномъ рядѣ разнообразныхъ ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ эпизодовъ выражала великую тайну искупленія духовная драма, начинавшаяся часто сотвореніемъ міра и завершавшаяся изображеніемъ страшнаго суда. Рождественская драма среднихъ вѣковъ, вѣрная догматическому ученію церкви, почти всегда предпосылала картину грѣхопаденія изображенію рождества Спасителя: только тогда являлось оно зрителю въ своемъ истинномъ значеніи. Мистеріи объ Адамѣ и Еввѣ почти никогда не составляли отдѣльнаго самостоятельнаго цѣлаго; и вообще ветхозавѣтное содержаніе дѣлалось предметомъ духовной драмы не иначе, какъ въ связи съ

новозавѣтнымъ или въ примѣненіи къ нему [1]). Въ «Жалостной комедіи объ Адамѣ и Еввѣ» доносятся къ намъ существенные мотивы рождественской драмы западной Европы. До сихъ поръ «Жалостная комедія» извѣстна намъ по неполной копіи, сдѣланной для библіотеки Гр. Сухтелена въ настоящемъ столѣтіи [2]). Піэса названа «Жалостною комедіею»; такое названіе (klägliche Comödie) давалось въ нѣмецкой литературѣ піесамъ серьезнымъ и трогательнымъ—тѣмъ, которыя мы называемъ драмою въ тѣсномъ смыслѣ. Въ этомъ названіи уже выражается шаткость взгляда на сущность трагедіи и комедіи; у насъ, какъ рабское заимствованіе, оно не имѣетъ особеннаго значенія.

Піэса открывается рѣчью пролога, этого исконнаго актера мистерій, который въ началѣ піэсы вкратцѣ излагалъ зрителямъ ея содержаніе, а въ концѣ выводилъ изъ нея нравоученіе. Первое дѣйствіе состоитъ изъ трехъ «сѣней» или явленій. Сначала Адамъ въ небольшомъ монологѣ описываетъ свое блаженное состояніе въ раю; потомъ къ нему приходитъ ангелъ Уріилъ и напоминаетъ заповѣдь господню—не вкушать запрещеннаго плода: злые ангелы Луциперъ и Веліалъ замышляютъ соблазнить къ тому Адама. По удаленіи Уріила Адамъ и Евва даютъ взаимное обѣщаніе сохранить заповѣдь божію. Дѣйствіе заключается пѣніемъ ангеловъ: «Святъ есть Господь Богъ Саваоѳъ.» Въ этомъ эпическомъ складѣ мистеріи, цѣлое дѣйствіе которой лишено всякаго движенія, всякой драматической жизни, и посвящено

---

[1]) Съ такимъ значеніемъ является у насъ нѣмая піэса о грѣхопаденіи Адама и Еввы, представленная въ Тобольскѣ въ 1733 году. Содержаніе ея изложено у Флёгеля (Geschichte der komischen literatur. 1787, IV, p. 27—28) слѣдующимъ образомъ: Піэса открылась пѣніемъ. Потомъ вышелъ отрокъ и поздравилъ съ праздникомъ пасхи. За тѣмъ явился человѣкъ весь черный, представлявшій дьявола; онъ гналъ передъ собою дряхлаго старика въ сѣдою бородою, который жалобно кряхтѣлъ и выражалъ обычные недуги старости: это былъ Адамъ. Дьяволъ всячески издѣвался надъ нимъ и наконецъ клалъ ему на плеча чучелу змѣи, съ яблокомъ въ пасти: полумертвый Адамъ падалъ на землю подъ этимъ бременемъ. Тогда выходила смерть съ косою и хотѣла овладѣть старикомъ, но дьяволъ противился тому и выкидывалъ всякаго рода шутки. Наконецъ показывался Христосъ съ крестомъ въ одной и вѣнцомъ въ другой рукѣ; дьяволомъ овладѣвала съ приближеніемъ Христа трусость и онъ, послѣ неудачныхъ попытокъ спрятаться, уходилъ со сцены. Сила креста возвращала Адаму жизнь; приказавши старику встать, Христосъ возлагалъ на него золотой вѣнецъ. Адамъ не зналъ, какъ благодарить Искупителя: Христосъ уводилъ его на небо.

[2]) Эта рукопись принадлежитъ теперь Императорской Публичной Библіотекѣ и означена XIV, F, 6. Переписчикъ плохо былъ знакомъ съ скорописью XVII вѣка: букву *е* онъ передаетъ въ своей копіи постоянно буквою *п*, букву *п* буквою *и*

исключительно разсказу о пребываніи Адама въ раю, въ сохраненіи церковной пѣсни, которая занимаетъ средину между двумя дѣйствіями, въ удержаніи роли пролога мы видимъ признаки и живые остатки *древней* мистеріи. Второе дѣйствіе также коротко и также слабо ведено, какъ и первое. Оно состоитъ изъ двухъ явленій. Въ первомъ змѣя приходитъ къ Еввѣ и искушаетъ ее; Евва срываетъ яблоко и ѣстъ его; за нею дѣлаетъ тоже и Адамъ. Вѣроятно, змѣя изображалась на нашей сценѣ точно также, какъ и въ Германіи—въ видѣ дѣвицы съ длинною косою [1]). Средневѣковая сцена руководствовалась въ этомъ случаѣ, какъ и вообще въ постановкѣ піесъ, церковною живописью: на древнѣйшихъ иконахъ змѣя писалась въ видѣ женщины; на миніатюрахъ древнихъ библій змѣя является съ женской головой. — Вкусивши плоды, Адамъ и Евва отходятъ. Во второмъ явленіи того же дѣйствія Адамъ стоитъ на колѣнахъ въ иномъ одѣяніи: все явленіе занято его лирическими сѣтованіями на свой грѣхъ и сравненіемъ прежняго состоянія своего съ настоящимъ. Дѣйствіе оканчивается пѣніемъ: «Чрезъ адамово паденіе вси роды погублены.»

Въ третьемъ актѣ архангелы Гавріилъ, Уріилъ и Рафаилъ, по повелѣнію божію, приготовляютъ мѣсто для суда надъ преступленіемъ Адама. Уріилъ разсказываетъ, что всѣ силы небесныя соболѣзнуютъ объ его паденіи, вся вселенная оглашается скорбными стонами о томъ: ни одна птица уже не поетъ, ни одинъ звѣрь не ищетъ про себя пищи, ни одинъ цвѣтокъ не сохранился въ прежней красотѣ своей; деревья отъ печали роняютъ на землю листья свои и трава увядаетъ. Въ этомъ эпизодическомъ разсказѣ какъ-будто отдаются христіянскія и восточныя сказанія о покаянномъ плачѣ Адама: чтобы омыть свой грѣхъ, онъ погрузился въ Іорданъ и сорокъ дней стоялъ тамъ въ постѣ и покаяніи: сюда сошлись всѣ звѣри, птицы, ангелы и вмѣстѣ съ Адамомъ плакали о его паденіи [2]). Это единственный

---

[1]) Weinhold, Weihnacht — Spiele und Lieder aus Süddeutschland und Schlesein, p. 311.

[2]) Ср. Weil, Biblische Legenden der Muselmänner, p. 30, Adam's Klage въ Gesammtabenteuer Fargen, и наше апокрифическое *Слово о исповѣданіи евгини и болѣзни адамовѣ*: «Ту снидошася вси звѣрие и птица и иножество ангелъ плакаху.»

слабый слѣдъ въ нашей мистеріи апокрифическихъ христіанскихъ разсказовъ, которые принимали такое сильное участіе въ развитіи средневѣковой европейской драмы и обогащали ее прекрасными поэтическими мотивами.—Змія торжествуетъ и хвалится, что вслѣдствіе нарушенія заповѣди божіей родъ человѣческій принадлежитъ теперь ей и никто уже не вырветъ его изъ власти дьявола. Архангелъ Михаилъ стоитъ съ мечемъ, ожидая Господа. Змѣя приводитъ связанныхъ Адама и Евву. Дьяволъ и въ «Жалостной комедіи» обмолвился шуткою надъ согрѣшившими людьми. «Приходите, послушливыя чада мои (говоритъ онъ имъ); нынѣ васъ на лучшее мѣсто поведу: здѣсь дрожите знатно отъ стужи, но тамо учнете отъ тоски потѣти.» Эта выходка Змѣи остается бѣднымъ обломкомъ той роли, которую адскій насмѣшникъ надъ блаженствомъ и могуществомъ человѣка игралъ въ средневѣковомъ искусствѣ и поэзіи. За тѣмъ начинается надъ прародителями судъ по всей юридической формѣ. Змѣя является истцомъ: она требуетъ, чтобъ Адамъ и Евва, какъ нарушители заповѣди божіей, были отданы ей и постигнуты смертію. Адамъ и Евва признаютъ справедливость обвиненій. Архангелъ Михаилъ, выслушавъ обѣ стороны, повелѣваетъ истцу и отвѣтчику отступить, ожидая изрѣченія великаго Судіи. Жалобы дьявола (змѣи) смѣняются и вытѣсняются картиною небеснаго процесса, который съ XIII вѣка былъ любимою темою средневѣковой поэзіи католическаго запада. Для суда надъ Адамомъ приходятъ Богъ-Отецъ, Богъ-Сынъ, Правда, Истина, Милосердіе и Миръ. Правда, держа въ рукѣ жезлъ, обращается къ Богу Отцу съ прошеніемъ, чтобъ Онъ предалъ человѣка такому же осужденію, какому подверглись гордые небесные ангелы, свергнутые въ геенну огненную. «Люди нечистому духу больше служили, нежели Богу; свою свободную волю наклонили къ злу, а не къ добру,» и Правда протягиваетъ Богу-Отцу свой жезлъ съ тѣмъ, чтобъ Онъ сокрушилъ его надъ главою грѣшниковъ. Уже Богъ-Отецъ хочетъ исполнить требованіе Правды; но Сынъ Божій проситъ потерпѣть въ праведномъ гнѣвѣ, пока сами люди дадутъ отвѣтъ предъ его престоломъ. За примирительными словами Сына Божія раздается строгій голосъ Истины: она напоминаетъ завѣтъ Бога съ Адамомъ и требуетъ, чтобъ никакое заступничество не могло потушить Истины. Но и Милосердіе всегда имѣетъ доступъ къ престолу божію: оно-то является теперь ходатаемъ за человѣческій родъ. Просьбы Милосердія не въ силахъ однако поколебать Божества: иначе Ему пришлось бы нарушить вѣчную Правду. Напрасно и Миръ приходитъ на мѣсто

суда, чтобы вдохнуть единство въ небесныхъ сестеръ—въ Милосердіе, Правду и Истину. Правда не можетъ взять назадъ свое требованіе, потому что ей подобаетъ во всѣхъ судьбахъ сіять, какъ утренней зарѣ: уступка помрачила бы ее. Истина также не можетъ отречься отъ своихъ словъ, потому что это значило бы отказаться отъ своего существа. Всѣ небесныя сестры идутъ наконецъ къ Богу-Сыну, чтобы у него испросить совѣта, какъ избавить родъ человѣческій отъ геенны; но прежде они положили между собою, чтобъ ни одна изъ нихъ не претерпѣла оскорбленія, чтобъ Милосердіе Божіе сочеталось съ Правдою, а Истина съ Миромъ. На общее прошеніе ихъ Богъ-Сынъ отвѣчаетъ совѣтомъ отыскать такого мужа, который бы своею смертію воздалъ долгъ за Адама и Евву. На этомъ прерывается извѣстный намъ списокъ «Жалостной Комедіи.»

Процессъ между Небесными Сестрами принадлежитъ къ любимымъ темамъ средневѣковой литературы: цѣлыя столѣтія служилъ онъ для простаго народа наглядным объясненіемъ основнаго догмата христіянской религіи. Историческія библіи (Historienbibel), популярно, со внесеніемъ множества туземныхъ поэтическихъ и апокрифическихъ сказаній, излагавшія ветхозавѣтную исторію, любили повторять разсказъ о небесномъ процессѣ. Бернардъ, аббатъ Клервò, (въ половинѣ XV стол.) первый въ проповѣди на Благовѣщеніе развилъ въ формѣ живой и длинной параболы стихъ 81 псалма: «Милость и истина срѣтостася, правда и миръ облобызастася.» [1]) Этому примиренію Милосердія и Истины, Правды и Мира предшествовало конечно какое-нибудь разногласіе (говоритъ Бернардъ) и это разногласіе выразилось именно относительно судьбы человѣческаго рода послѣ грѣхопаденія. Только добровольный вызовъ Бога-Сына принести себя очистительною жертвою божественной Истинѣ и Правдѣ примиряетъ Небесныхъ Сестеръ. Парабола Бернарда во множествѣ варіацій обошла всю католическую Европу. Трактатъ Якоба Θерамо *Belial* или *Consolatio peccatorum* (1378—1389 г.) въ формѣ небеснаго процесса выразилъ догматъ объ искупленіи. Это произведеніе во множествѣ переводовъ на новые языки распространилось по всему Западу и легло въ основу одного польскаго догматическаго трактата, переведеннаго

[1]) См. статью Пипера Der Rathschluss der Menschenwerdung und Erlösung въ его Evangelischer Kalender, 1859, p. 17—42,

въ 1674 г. на русскій языкъ. У Ѳерамо демоны, въ лицѣ представителя своего Веліара, ведутъ процессъ съ человѣческимъ родомъ и требуютъ вѣчнаго его осужденія. Моисей становится защитникомъ людей. На осужденіе настаиваютъ Истина и Справедливость; противятся тому Миръ и Милосердіе. Тогда Богъ-Сынъ объявляетъ, что добровольная смерть праведнаго человѣка можетъ примирить разнорѣчащія требованія Небесныхъ Сестеръ. Истина по всему міру отыскиваетъ безгрѣшнаго человѣка и не находитъ. Наконецъ Сынъ Божій изъявляетъ готовность умереть за человѣка.

Это параболическое толкованіе догмата объ искупленіи до такой степени освоилось въ поэзіи европейскихъ народовъ, что во Франціи оно часто слышится въ народныхъ рожественскихъ пѣсняхъ; въ нѣмецкой народной драмѣ [1]) даже въ томъ видѣ, въ какомъ она и теперь гнѣздится по нѣкоторымъ захолустьямъ Германіи, сцена небеснаго процесса составляетъ лучшую и самую патетическую часть рожественской піэсы. Въ Швеціи во время одного представленія драмы грѣхопаденія, когда появились на сцену небесныя сестры, народъ съ умиленіемъ упалъ на колѣни [2]).

Въ русской литературѣ XVII вѣка небесный споръ извѣстенъ былъ и изъ другихъ произведеній, помимо «Жалостной комедіи.» По своей связи съ драматической литературой особеннаго вниманія заслуживаетъ «*Противъ человѣка, всечестнаго божія созданія, за истное сужденіе и злое поведеніе проклятаго демона. Съ польска языка*

---

[1]) Весьма распространенное въ средніе вѣка нѣмецкое стихотвореніе Sich huop vor gotes trône напечатано въ Die Erlösung, herausg. von Karl Bartsch. Quedlinburg, 1858 (p. VIII—XX). Необыкновенно близка къ «Жалостной комедіи» многими подробностями *Paradeis—Spiel*, которая и теперь каждую зиму, около Рождества Христова, играется крестьянами въ верхней Штиріи. Она издана съ превосходными объясненіями Вейнгольдомъ въ его Weihnacht-Spiele und Lieder, p. 294—328. Не можемъ также не обратить вниманія на богатую древними мотивами нижненѣмецкую мистерію *Sündenfall* Арнольда Иммессенъ, который «хотѣлъ сдѣлать Священное Писаніе доступнѣе для народа, ради истиннаго благочестія.» Многіе стихи ея часто буквально повторяются въ нашей «Жалостной комедіи». Ср. напр. стихи 3624, 3631, 3659, 3720 по изданію Шёнеманна: Der Sündenfall und Marienklage. Hannover. 1855.

[2]) Devrient, Geschichte der deutschen Schauspielkunst, I, 344.

преведеное.» [1]) Этотъ длинный трактатъ о козняхъ дьявола принадлежитъ къ числу тѣхъ произведеній католической церковной литературы, въ которыхъ народная легенда, апокрифъ и богословскій догматъ равноправно соединялись съ дидактической цѣлью. Вышеупомянутый *Belial* служилъ образцомъ польскому писателю при изображеніи небеснаго процесса. Исторія грѣхопаденія передана съ особенной подробностью; главные виновники грѣха въ людяхъ, дьяволы составляютъ сильное и могучее царство тьмы. Оно постоянно занято разсужденіями, какъ искусить и погубить человѣка. «Сужденіе демоновъ» представляетъ довольно много матеріяловъ для исторіи обычаевъ и народныхъ суевѣрій въ Польшѣ и западной Россіи, въ XVI столѣтіи. Глава 17-я *О демонскомъ собраніи и думѣ* рисуетъ, какъ Луциферъ разсылаетъ во всѣ края и предѣлы свѣта бѣсовъ, которые отвращали бы людей отъ евангельскаго и апостольскаго ученія. Разошлись демоны по всему свѣту сводить и уловлять человѣковъ и теперь «мало уже знать, кто чьего стада». Злобные супостаты «насѣяли плевелъ лютыхъ въ простомъ народѣ: чарованія, губленія, шептанія, волхвованія и многоразличная зла изобрѣтенія». Жидовъ научили они ни въ чемъ не сообщаться съ христіанами, «и повелѣли имъ сокровища подавати въ лихву». Демонскія сестры научили бабъ «чаровать зельемъ и кореньемъ управлять и вырывать во времена къ тому удобныя»; «у гордыхъ людей они крадутъ дѣтей изъ колыбелей; иныяже подметаютъ, и такихъ летавцы приносятъ демонамъ.» Къ Нѣмцамъ послана цѣлая тьма демоновъ, потому что тамъ призываютъ ихъ тысящами. Къ нимъ отправился Теутъ съ своимъ полкомъ, «да учитъ противленіе чинити князей противу кесаря, да не имутъ ни соединенія, ни послушанія». Теутъ научилъ ихъ такъ называемымъ «свободнымъ» (а по мнѣнію автора «невольнымъ») наукамъ, «научилъ же ихъ оттуда развращенія сѣяти, въ спорахъ же и упрямствахъ люторскаго поданія стоити. Назвашежеся, отнелѣже отъ Теута ученіе пріяша, Теутоны; зѣло убо проклятымъ своимъ ученіемъ мудры мнятся быти и зовутся евангелисты». «Такожде Луциперъ посла и въ нашу страну (заключаетъ сочинитель) Польшу цѣлой

---

[1]) Рукопись XVII вѣка въ моей библіотекѣ. Списки «Сужденія» попадаются нерѣдко. Въ рукописи бывшей Царскаго, № 428, означенъ и годъ перевода 1674. Ср. Рукопись Толстовскаго каталога, отд. II, № 268.

полкъ демоновъ или паче тьму ловити и приводити во многая любо
страстія, а паче въ гордость и въ піанство, въ прохлады и танцы
Подослаже и сестры свои, бабъ проклятыхъ—вѣдунью-вѣдьму, воро
жейку, гадку и прочихъ; чрезъ Польшу посла въ Литву, въ Бѣлу
Русь и въ самую Москву: тамо и паче Бахусъ возможе и Гордад
и всю полуночную страну Бахусъ одолѣ съ товарыщи своими».

Этихъ немногихъ выписокъ довольно, чтобы познакомиться с
направленіемъ и взглядомъ автора «Сужденія» Замѣчательно, ч
уже въ первой половинѣ XVII вѣка высказывалось мнѣніе, буд
литературное сближеніе московскаго государства съ Польшею пр
водило въ простой народъ бѣсовскія ухищренія и волхвованія; ч
черезъ Польшу входили въ самую Москву «прохлады и танцы
Дѣйствительно, Польша передала намъ много отреченныхъ сборн
ковъ мистическаго содержанія, гадательныхъ книгъ, волховниковъ
т. п. Даже «Сужденіе демоновъ» потому, безъ сомнѣнія, и интерес
было для русскихъ читателей, что представляло имъ много апокриф
ческихъ сказаній и довольно подробную характеристику бѣсов
разосланныхъ по свѣту сѣять свои плевелы и совращать людей
поганскую прелесть. Содержаніе совѣщательныхъ засѣданій демоно
исторія грѣхопаденія и небесный процессъ изложены въ діалогическ
формѣ; остальная часть сочиненія имѣетъ повѣствовательную фор
Исторія грѣхопаденія и небеснаго процесса составляетъ цѣлую
полную мистерію; всѣ условія драмы соблюдены въ точности и
вольно приходишь къ предположенію, что дѣйствительно отдѣль
піэса вплетена въ сборникъ апокрифическо-догматическихъ стат
Споръ небесныхъ сестеръ по содержанію очень близокъ къ *Beli*
мѣсто Моисея занимаетъ здѣсь (какъ и въ Жалостной комедіи) арх
гелъ Михаилъ, который ходатайствуетъ за человѣческій родъ пер
престоломъ божіимъ. Сначала Веліаръ проситъ, чтобы родъ че
вѣческій навсегда присужденъ былъ демонамъ. Архангелъ Миха
заступается за людей; но Веліаръ прерываетъ его рѣчь упрек
за несоблюденіе юридическихъ формальностей. Тогда небесные ас
соры «приводятъ опасателей, дабы обѣ страны не глаголали по гн
но учтиво и благочестно.» Въ сознаніи своей справедливости Вел
проситъ, чтобы сама святая Правда, которая никогда не отлуча
отъ престола божія, приняла на себя какой-нибудь образъ и ус
рила между ними сваръ и распри. Правда принимаетъ на себя обр
«дѣвицы нетлѣннаго тѣла.» Она становится передъ престоломъ Госп

Сердцевѣдца, «имѣя въ рукѣ скипетръ долгій и пресвѣтлый», который во время суда ставитъ передъ собою и начинаетъ говорить, «не ожесточевая рода демонскаго.» Но ея слова не въ пользу рода человѣческаго. Архангелъ Михаилъ призываетъ Клемснцію и съ краскою стыда, «воспламенившись червленостію», начинаетъ она «тихую» рѣчь свою передъ престоломъ божіимъ. Замѣтивши, что Господь склоняется къ ея рѣчамъ, демонъ» разъярися на ню и сказалъ гласомъ гнуснымъ, подобнымъ встеклому: «Женескъ родъ мѣста не имать при судѣ говорити или за кого ходатайствовати; но имутъ молчаніе хранити, яко и въ церкви: точію сіе единымъ мужемъ належитъ.» Послѣ длиннаго ряда юридическихъ доводовъ и опроверженій со стороны Веліара и архангела Михаила, на небѣ «настаетъ веліе молчаніе въ ожиданіи божественнаго суда», и за тѣмъ является «указъ по дѣлу», который повелѣвается прочесть предъ всѣми небесными чинами и предъ всѣми ангельскими полками и записать въ книгу живота архангелу Рафаилу. Содержаніе его — обѣтъ Бога-Сына.

Небесный процессъ польскаго «Сужденія» не можетъ быть обойденъ исторіею нашей драматической словесности. Сравнивая его съ «Жалостной комедіею объ Адамѣ и Еввѣ», мы видимъ, что польское произведеніе указываетъ гораздо болѣе оттѣнковъ для актера, нежели «Жалостная комедія»: характеристическія черты Милосердія, Правды и демона схвачены и выставлены довольно живо. Процессъ ведется съ соблюденіемъ всѣхъ тонкостей юридической практики: тяжущіеся пользуются всякою неточностью и оплошностью противника, привязываются къ словамъ, призываютъ небесныхъ ассессоровъ для того, чтобъ ни одна формальность не была нарушена: дѣло развивается въ длинную запутанную процедуру, изъ которой, повидимому, нѣтъ исхода. Юридическому схоластицизму и судебнымъ тонкостямъ данъ полный просторъ. Это расширеніе объема небеснаго процесса стоитъ въ связи съ историческимъ развитіемъ и драмы, и юридической практики на 3 падѣ.

Clerici французскихъ юристовъ, составившіе знаменитую корпорацію Королевства Базошь, для упражненія въ судебной практикѣ и юридическихъ словопреніяхъ, разыгрывали вымышленные судебные процессы, изъ которыхъ впослѣдствіи образовались «фарсы». Содержаніемъ этихъ процессовъ были преимущественно запутанныя происше-

ствія обыденной жизни, бросавшіяся въ глаза своею странностію или скандалезностію. Но чѣмъ болѣе обобщались главные типы фарсовъ, чѣмъ болѣе развитія въ литературѣ получала аллегорія, тѣмъ ближе подходили фарсы къ перерожденію въ новую форму—въ soltie. Какъ мистерія, отказавшись отъ историческаго развитія церковнаго сюжета, смѣнивши библейскія личности общими аллегорическими фигурами, переходила въ moralité, такъ и фарсъ въ soltie. Матеріалъ, которымъ пользовалась Базошь для своихъ драматическихъ игръ, заимствовался часто изъ юридической литературы прежняго времени; мистерія и moralité брали также содержаніе изъ судебныхъ процессовъ. Знаменитый итальянскій юристъ Бартоло написалъ въ первой половинѣ XIV вѣка *Processus et tractatus quaestionis ventilatae coram Domino Jesu Christo inter Mariam, advocatam humani generis, ex una parte et diabolum ex altera parte.* Бартоло потратилъ свою ученость на юридическую обработку темы, которая вошла въ составъ мистерій, моралитэ. Въ странѣ, прославленной служеніемъ Мадоннѣ, Богоматерь является заступницею человѣческаго рода вмѣсто архангела Михаила [1]) Въ переводномъ «Сужденіи» демоновъ противъ рода человѣческаго мы позволяемъ себѣ видѣть перенесеніе въ нашу литературу того, что было выработано въ этомъ предметѣ драматическою и юридическою практикою запада.

Такимъ образомъ третье дѣйствіе «Жалостной комедіи» представляетъ болѣе драматическаго движенія; своимъ содержаніемъ и складомъ оно обнаруживаетъ уже позднѣйшую ступень въ исторіи драматическаго искусства, когда мистерія начала замѣтно переходить въ moralité, библейскія лица смѣняться аллегорическими, историческое начало—дидактическимъ. Подъ перомъ кіевскихъ писателей послѣднее получаетъ совершенный перевѣсъ и мистерію смѣняетъ moralité, процвѣтающая до второй половины XVIII столѣтія.

Но стоя на переходѣ къ moralité, выводя аллегорическія личности, принося къ намъ одно изъ положеній западнаго богословія, развитое

---

[1]) Впрочемъ Богоматерь является заступницею рода человѣческаго во многихъ нѣмецкихъ, французскихъ, англійскихъ и славянскихъ произведеніяхъ народной поэзіи, примыкающихъ къ великой драмѣ страшнаго суда.

въ форму цѣлаго процесса, «Жалостная комедія» вѣрна архаическому стилю духовной драмы и въ сценической постановкѣ сохраняетъ связь съ церковнымъ искусствомъ Запада. Древнія мистеріи, какъ простое наглядное представленіе библейскихъ событій, имѣла одну задачу съ иконописью: для необразованнаго простолюдина она должна была, какъ икона, служить замѣною и объясненіемъ священнаго писанія. Это совпаденіе въ задачахъ церковной живописи и духовной драмы не осталось безъ вліянія на структуру и сценическую постановку послѣдней. Актеръ, выходя на сцену, точно также называлъ имя представляемаго имъ лица и предлагалъ краткую характеристику его зрителямъ, какъ на иконахъ изъ устъ изображенныхъ на нихъ святыхъ выходили или подписи ихъ именъ, или произносимый ими текстъ. Дѣйствующія лица мистерій являлись въ томъ же видѣ, съ тѣми аттрибутами и въ тѣхъ же одеждахъ, въ какихъ уже изобразила ихъ иконопись или скульптурныя изображенія, украшавшія храмы и церковные порталы. Вообще, чѣмъ древнѣе мистерія, тѣмъ вѣрнѣе она художественному типу образовательныхъ искусствъ христіанскаго времени. Постановка духовной драмы на русскомъ придворномъ театрѣ незамѣтно сближала насъ съ западнымъ искусствомъ. Сцена, когда Правда подаетъ Господу скипетръ, чтобы переломить его надъ головою грѣшниковъ, когда Змѣя, въ образѣ дѣвицы, приводитъ Адама и Еву къ суду—гораздо ранѣе получили себѣ выраженіе въ живописи, нежели на театрѣ: мистерія изобразила въ образѣ живыхъ людей то, что нашла въ церковной живописи и скульптурѣ.

Таковы, по нашему мнѣнію, важнѣйшія черты «Жалостной комедіи», перенесенной съ запада на подмостки придворнаго театра царя Алексѣя Михайловича.

П. Тихоправовъ.

ЖАЛОСТНАЯ КОМЕДІЯ.

—

ЛИЦА, КЪ ТОЙ КОМЕДІИ ПРИНАДЛЕЖАЩІЯ:

1) Прологъ, то есть предисловецъ.
2) Адамъ.
3) Ева.

Добрые ангелы:

1) Уріилъ. *2) Гаврііилъ.*
3) Рафаилъ. *4) Михаилъ.*

1) Истинна. *2) Правда.*
3) Милосердіе. *4) Миръ.*

Змія.

Нѣкоторые еще ангелы, которые поютъ.

Богъ Отецъ.

Богъ Сынъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Всевсмогущѣйшій монарше! человѣческое житіе, еже по Бозѣ подъ милостивымъ защищеніемъ Вашего царскаго Величества имѣемъ и въ немъ содержаны бываемъ,—во оном такожде всѣ [1]) прохлажденіе и радость взыскуемъ; но обрѣтаемъ скорбь и бѣду. Ей, взыскуемъ въ немъ мѣру, по чтоже обрѣтаемъ? не смиреніе, а брань; взыскуемъ посмѣшеніе, но обрѣтаемъ плачь и рыданіе; взыскуемъ въ немъ здравіе, но обрѣтаемъ болѣзнь и недугъ. Ей поистинно (sic!) сгда мы, простые человѣцы, таковыми отягченьми въ зерцалѣ разсмотримся, тог-

[1]) Въ рукописи: *все.*

да на насъ с коротой ево[1]) въ помышленіе надходитъ:—якоже многіе сіе (но еже языческіи есть) началу созданія нашего восхотѣша приписать, но мыже носимъ предателя неизвѣстно въ нѣдрахъ нашихъ, а имянно древняго Адама, то есть истую плоть и кровь нашу, ей, врагъ[2]), иже тую бѣду скоро при созданіи напесе той оную междо нами, человѣческіи отроки, и разсади, непрестая до скончанія міра ю всегда распространити;—чтобъ тогда намъ нынѣ, при потѣшныхъ радостныхъ комедіяхъ, и едину малую жалобную комедію примѣшат, чего ради смиренно молю Вашего царскаго Величества о милосердомъ прошеніи, да мы ю яко человѣцы и о человѣческомъ началѣ, также о паденіи и конечной погибели его нѣчто въ малой жалобной комедіи, то есть о Адамѣ и Еввѣ, представимъ; ащели же что прегрѣшится, паки о милостивомъ прощеніи смиренно просимъ.

ПЕРВАГО ДѢЙСТВА СѢНЬ ПЕРВАЯ.

Адамъ единъ глаголетъ. О како усердно возрадуюся, како возвеселяюся о Бозѣ моемъ, иже превышнемъ добромъ моимъ, свѣтъ сердца моего, радость и веселіе мое, ей! начало и конецъ мой есть! Божественное могутство, честь и силы его превосходитъ небо и земля. Ей велѣможенъ еси ты, и велія и сила твоя никогда не оскудѣетъ. Имя твое и власти твоя зелной чести достойна, тѣмъ же достойную ти славу и честь да воздаемъ! Отъ персти земля преобразил мя; ей славнымъ и великимъ сотворилъ мя еси. Паче всѣхъ звѣрей земныхъ превышилъ мя еси, и вси птицы небесныя, рыбы морскія, имъ же нѣсть числа, и вся, яже на земли, подъ ноги поддалъ еси, о велій Боже Савоовъ О Господи и творче мой! како лѣпо и благо здѣ быть и обитать: идѣже бо очеса моя вождену, тамо возрадуется всем сердце мое. Но что же ти за то воздамъ, что мя создалъ еси не точію бо чудесно сотворенъ есмь, но и премудрымъ совѣтомъ твоимъ Ева ми познаменена бысть: да въ единств не пребуду, отъ ребра моея тобою изображена есть, егда ус

[1]) Въ рук. неразборчиво: *скоротомево*.
[2]) Въ рук.: *прахъ*

нухъ; тѣмъ же ничтоже во всемъ мірѣ любезнѣйша кромѣ ея не имѣю, понеже она ближайшая честь сердца моего, отъ меня взята есть; убо матерью всѣхъ на свѣтѣ родящихъ человѣкъ наречется.

О Боже, Боже мой! азъ паки возвѣщаю, яко милости твоея нѣсть мѣры, ниже числа, юже надо мною сотворилъ еси: чемъ ми тя благодарити, или что ти[1]) за то воздати имамъ? Праведенъ и благъ еси [illegible]ла твои благи; даждь, яко да азъ и весь чело[illegible] за то тя во вѣки хвалити,[2]) славити и вели[illegible] превозносить достойни будемъ. Но когоже там[illegible]грядуща?

ПЕРВАГО [illegible] ВТОРАЯ.

У[illegible]з.

Уриилъ. Адаме! рад[illegible] глаголю ти, радуйся! О како усердно возвеселюся, видящи тя въ сицевой великой чести! вѣчно же еси съ собою да радуемся и возвеселимся.[3]) но слышиже, брате мой, Адаме, знаешили дрѣво сие[4])? Вѣмъ бо, яко Богъ ти заповѣда, да подъ лишеніемъ живота своего отъ него не ясн, ниже ко овощамъ его да не прикоснешися. Тѣмъ же и не сомнѣваюсь,—зане Богъ много тя паки увѣщеваетъ,—что яко послушливое отроча отца своего съ радостію послушаешь, ибо Веліалъ и Луциперъ со иными многими ангелы гордости ихъ ради изъ неба извержены: тѣмъ же стережися, яко Веліалъ тя къ паденію не приведетъ, понеже злый промыслъ надъ тобою измышляетъ.

Адамъ. Охъ! ужели сіе на семъ свѣтѣ содѣяся (sic!) они? Азъ въ томъ не опасаюся, однакоже ти, возлюбленный ми ангелы, за твое благое увѣщеваніе благодареніе воздаю; но радъ быхъ о томъ[5]), како то учинилось, извѣщены были; обаче же до иного времени пущаю, ныне бо вождѣю съ Еввою мосю повидатися.

---

[1]) Въ рук.: *мы*.
[2]) Въ рукописи: *хвалить. Славати.*
[3]) *Да радуешся и возвеселишся?*
[4]) Въ рук: *сія*.
[5]) *да о томъ?*

ПЕРВАГО ДѢЙСТВА СѢНЬ ТРЕТЬЯ.

Адамъ да Евва.

Адамъ. О Евва, возлюбленная моя Евва! о какихъ чудесныхъ слышалъ есмь вещехъ: нынѣ бо ангелъ Уріилъ у меня бяше, иже ми нѣчто извѣсти.

Евва. Что же ти извѣстилъ есть?

Адамъ. Сказалъ ми онъ, яко великій ангелъ Луциперъ отпаде, а Веліалъ купно съ нимъ и со многочисленными ангелы изъ неба изверженны суть, зане гордостію своею на Бога возносилися; нынѣ же жилище ихъ въ нѣкоемъ пустомъ мѣстѣ обрѣтается, тѣмъ же увѣщева мя, яко да отъ прелесныхъ промысловъ ихъ остерегателенъ буду, понежъ прилѣжаніе имѣютъ нѣчто[1]) злобное намъ наносити.

Евва. Не скорби о семъ, Адаме: ибо прелстити имъ азъ не поддамся.

Адамъ. И азъ ихъ къ тому не допущу; иди же со мною, да любовію время во вертоградѣ упразднимъ.

Евва. Благоволеніе твое да будетъ; азъ съ радостію послушати готова тебя, чесоже ради да придемъ.

Здѣ Адамъ да Евва идутъ и хранятся за древа.

По Анелы поютъ.

Анелы. Бога та мы хвалимъ,
Богу благодаримъ.

1-й анелъ. Святый есть Богъ Господь, Богъ Саваоѳъ!

2-й анелъ. Святый есть Богъ Господь Саваоѳъ!

Вси 3 анели. Святъ есть Господь Богъ нашъ!
Святъ есть Господь Богъ нашъ!
Святъ есть Господь Богъ нашъ,
Господь Богъ Саваоѳъ!

—

ВТОРАГО ДѢЙСТВА СѢНЬ ПЕРВАЯ.

Змія, Адамъ, Евва.

Змія. Мати моя Евва! я..... [2]), благоли живѣте, как

[1]) Въ рук.: *ничто.*

[2]) Въ рук. пропущенное слово было скопировано переписчикомъ безсознательно: *имѣетесь.*

мужу твоему Адаму поводится. Гдѣ онъ нынѣ есть? зане онаго при тебѣ не обрѣлъ есть.

Евва. Адамъ не далѣче. Богъ всегда съ нимъ.

Змія. О коль блаженъ мужъ Адамъ, егоже Богъ сице почтилъ есть! Гдѣ бо множая таковаго рая обрѣсти, въ немъ же нынѣ Адамъ и Евва обитаютъ? То бо жилище и лутшимъ прохлажденіемъ нашимъ есть. Имяннож видите и слышите лепотныхъ струевъ шумы [illegible] ышите красныхъ птицъ пѣніе, имѣте также прох[illegible] и радость въ звѣряхъ и рыбъ въ водахъ; возм[illegible] тѣшитися въ прекрасны злакахъ и древесахъ и [illegible]ъ цвѣтахъ. Азъ днесь, во утріи [1]) зѣло рано пр[illegible]мъ всходомъ стояще, не возмогъ доволи утѣш[illegible]льного пѣнія птицъ во вертоградѣ, очеса мои [illegible] въ прекрасныхъ овощахъ на древесехъ. Посе[illegible]свѣтло сіяющее солнце мало росу отъ травъ осуш[illegible]сть нѣчто [2]) прогулятися и обрѣтохъ различные кра[illegible]ные овощи. По междо иныхъ овощъ, евоже ровни никогда лутше обрѣсти невозможно: какъ скоро бо оного вкусихъ, воспріяхъ такую охоту и радость въ сердцѣ моемъ веденіемъ въ себѣ самымъ; и вѣдати не могу, какъ скоро рѣчь языка моего въ пріятную сладость премѣнися, еже оддано [3]) все отъ васъ приходитъ, зане вамъ къ ползѣ Господь Богъ созда и мы ради вашея даровъ такихъ причащаемся. Нынежемъ [4]) отходити, да недолго тя задержу.

Евва. Ни, нимало; но слышиже: возможноли то древо еще познати.

Змія. Что познати? Охъ его! Никогда же ми лѣпота древа того и сладость овощъ его въ забвеніи не будетъ. Дасть Боже, да и вы отъ него вкусите: ей! истинно тогдабъ мя похвалили есте, рекуще, яко вамъ неложныя предложилъ вещи.

Евва. Змія любимая! идиже тогда со мною, зане зѣло желаю то прекрасное дрѣво видѣти и возьми змію твою съ собою.

Змія. Азъ то радъ учинити, ащели желаеши: тебѣ бе ради пошелъ быхъ и изъ свѣта сего. *Здѣ они идутъ къ древу.*

---

[1]) Въ рукописи: *поутріи.*

[2]) Въ р.: *ничто.*

[3]) *Однако?*

[4]) *Нынѣ же имамъ?*

Тое то красное древо и сладкія овощи! Утѣшайся ими и вкуси ихъ: ей! благодареніе ми воздаси.

Ева. Никогда же то учиню. Азъ начаяхся, иному древу быти; но нынѣ вижу, вижу, яко тое есть, къ нему же прикоснутися Богъ намъ крѣпко заповѣдалъ есть; но отъ иныхъ всѣхъ даровъ божіихъ, яже на семъ свѣтѣ, волно намъ есть вкусити.

Змія. Какъ велія польза вамъ есть, что вся вашея ради создано ползы; такъ великое было бы вредство, когдабъ сицевой презрядной овощъ древа того завѣдѣнъ. Но знятели (sic!) его воистинно: тое ли то истое, о немъ же глаголете?

Ева. Ей! истинно то есть, понеже имянно его знаю: нарицаетъ бо ся древо вѣдѣнія добра и зла.

Змія. Азъ тому вѣрую, яко возможно тако быти, понеже имянно согласуется съ самомъ дѣломъ, и азъ на самомъ себѣ искусно провѣдалъ есть. Но паки тому вѣрити не могу, чтобъ Богъ такъ крѣпко и весма овощу древа того вкусити имѣлъ запрещеніе. Не смущайтеся, того ради, и образумитеся.

Ева. Что глаголеши: образумитеся?

Змія. Тако и есть; не смѣтьли ми къ древу тому прикоснутися?

Ева. Азъ паки глаголю, яко Богъ намъ жестоко заповѣда при клятвѣ: овощу того вкусимъ, вѣчною смертію умирать намъ будетъ.

Змія. О любимая мати моя! *не* устрашайся [1]): овощъ бо сей сицеваго въ себѣ не имѣетъ яду, инако бы уже давно умершевленъ былъ; прими токмо да вкушай.

Ева. Хотя бы невѣдомо, каковъ овощъ былъ; однакожде не учиню для него, и не хощу милость божію погубити.

Змія. О какіе вы чюдные люди! Тоголи бъ ради Богъ имѣлъ таковое древо, еже сицевые презрядныі овощіі родитъ, создати, имиже смерть родитися имѣла, его же ровенство во всемъ вертоградѣ не обрѣтается кромѣ того единого? И вамъ токмо къ пользѣ создано есть, а отъ него никій ангелъ вкусить и смѣетъ: къ чему же бы таковые овощи потребни были? Тѣмъ пріими, зане вся наша суть; и вкушай и даждь такожде муж

[1]) Въ рукописи слово *не* пропущено.

твоему Адаму вкусити: вѣмъ убо, яко тогда и очеса ваша отверсти будутъ и познаете вся, яже блага и зла на сей земли; ей! ащели ми вѣрите хощете: самому уподобитесь Богу.

Евва. Истинно, когда бы иный овощъ былъ; но въ семъ смерти опаство сокровенно есть.

Змія. Кое смерти опаство? Не начаяхся, яко вы, повосозданные человѣцы, такъ боязливи будете. Самаже сказала еси, яко Богъ повелѣ отъ всѣхъ д[illegible] кромѣ сего единаго, и то мню я, яко неистин[illegible] еси. Нѣсть ни единаго опаства, а когда бы тако [illegible]глаголеши, то бы Богъ къ вамъ не былъ милости[illegible] Богъ, яко сами вѣсте, любовію самъ нарицает[illegible] Богу никакую вражду приписати недостоитъ, и [illegible]ожетъ, токмо да васъ возлюбитъ, понеже изоб[illegible]ло рукъ его есте. Почтожь убо сицевымъ яв[illegible]? осязайте токмо вся и ядите, что хощете: ничт[illegible]едить имать.

Евва. Скоро быхъ дерз[illegible]имать.

Змія. Ей, ей! ево ягоды точію! можешь бо сама разумѣти, когда бы нѣкоторой [1]) овощъ бы въ вертоградѣ былъ, которой бы смерть родилъ, то бы и некакую разнь отъ иныхъ овощей имѣлъ. Смотри токмо, сестрицо: какой преизрядной сей овощъ есть, но тысящу преизрядніе и сладше укусъ его.

Змія отходитъ тихо. Евва, послѣ она пѣетъ. Преизрядной цвѣтъ сего овоща, нужда ми его вкушати. Охъ когда бы и Адамъ здѣ былъ! О Адаме, Адаме! когда бы и ты зде былъ!

Адамъ. Здѣ азъ есми, Евва: что хощеши?

Евва. О Адаме! возлюбленный мой Адаме! воззри токмо на сей прекрасный овощь, его же намъ Богъ запрети вкушати. Нынѣ же въ разумъ пріиде, яко не тако Богъ мыслитъ: азъ бо уже отъ него вкусихъ, а еще въ живыхъ обрѣтаюся, взаимно аки осязаю въ себѣ небесную мудрость. Дасть Боже, да и ты о овощу того преизрядного яси!

Адамъ. Тако ли есть, яко глаголеши? и иный никто бы ми не возмогъ наговорити.

Евва. Возлюбленное сокровище мое, Адаме! Что глаголеши

[1]) *Въ рук. никоторый.*

сицевыя чюдные рѣчи? Когдажъ предъ тобою солгахъ или какъ ми тебя прелстить? Самъ бо видиши мя очевидно безопасну, и еже живу, иже еще тогожъ овощу ясти буду. Молю тя, яко и ты со мною вкуспши. *Здѣ она ѣстъ.*

Адамъ. Даждь сѣмо, возлюбленная Евва моя! Не хощу ти сіе отрещи, понежъ сице дерзнула и жива осталась еси; тѣмъ же и азъ увижу, кая въ немъ добродѣтель сокровенна. *Здѣ она ѣстъ, потомъ глаголетъ.* О горе, горе! Что мнѣ учинилося? О Евва что! ты сотворила еси? Увы, увы! не вѣмъ отъ тоски, гдѣ имамъ пойти.

Здѣ отходятъ.

ВТОРАГО ДѢЙСТВА СѢНЬ ВТОРАЯ.

Адамъ стоитъ на колѣняхъ во иномъ одѣяніи.

Охъ! куды же мнѣ пойти? Чювство и естество мое весма превратилось. Ей! истинно злый мой конецъ будетъ и въ подлинѣ таковому доброй конецъ быти не можетъ, иже очи и сердце отъ слова божія отвратитъ; таковому вся злоключенія скоро во слѣдъ [1]) идутъ. Азъ прежде имѣлъ превышнюю мудрость и благоразуміе, къ томужъ и все вѣдалъ, но нынѣ разумъ мой весьма помраченъ; во мнѣ пребысть истинная правда, нынѣ же весма со мною премѣнилося; азъ бѣхъ святъ и безъ порока, но нынѣ есть головня преисподней гіенны; пресвѣтлые драгоцѣнные каменія, аспидъ и яхантъ сіянію палаты моей уступали, нынѣже и то отъ меня отъиде, еже прежде того примѣчати не возмогълъ: нынѣ бо обрѣтаюся быть нагимъ. Ко Господу Богу бяше упованіе мое, не бояхся [2]) никогоже: но нынѣ трепещу и страшуся, нищетная земля, и предъ листвіемъ деревовымъ; прежде обыдоша окрестъ безчисленныхъ полковъ, но нынѣ вся отъ меня отступиста; звѣріе такожде ко мнѣ во множествѣ числѣ совокупистася, но нынѣ вся отъ меня убѣгаютъ; солнце, луна и звездѣ воззрятъ на мя зѣло печальными образы и земля не хощетъ мя вящше носити: ничтоже, того ради, оставаетъ, точію во отчаянія ми пріити.

---

[1]) Въ рук.: *послѣдъ*.

[2]) Въ рук.: *небоялся*.

О Евво, Евво! что сотворила еси? таяли овощу того сила? не на божіемъ ли хотѣли есмы сѣдалищѣ сидѣти? нынѣже принуждени есми въ кромешной адовой лужи купатися. Восхотѣли самому Богу сравниться; но нынѣ преобразны есми діаволу самому, вѣдая, яко добро на зло премѣнили. О страсть, о боязнь, о трепетъ! о како сердце мое въ тяжести пребываетъ! О тоска, о отчаяніе, о страсти, яже мя попираютъ! Охъ, охъ! принужденъ [illegible]ся.

Здѣ поютъ пѣснь:

Чрезъ адамово [illegible]ы погублены,
Зане тотъ ядъ [illegible] и уже не можемъ жити
[illegible] руки силней,

Яже насъ выру[illegible]
Егда змія Евву [illegible]
Казнь на насъ [illegible]

ТРѢТЬЯГО ДѢЙСТВА СѢНЬ ПЕРВАЯ.

Гавріилъ, Уріилъ, Рафаилъ.

Гавріилъ. Извѣстно вамъ есть, возлюбленние сопутешественницы мои, чесо ради Богъ насъ послалъ есть: имянно, чтобъ намъ мѣсто на семъ свѣтѣ устроить, идѣже Богу дѣло то, еже,—о горе!—нынѣ учинилось, судити. Тѣмъ же азъ нынѣ пойду повелѣнное ми исправити, то есть Адама и Евву къ суду поставити, выже междо симъ уготовите мѣсто.

Уріилъ. Той нынѣ тамо идетъ; но, увы! желалъ быхъ, чтобъ тѣ убогіе человѣцы во инемъ благополучнемъ поведеніи.

Рафаилъ. И азъ желалъ быхъ, чтобъ имъ предъ жестокое судилище не становитися, ибо того дѣла ради зѣло печаленъ есть. О! что же нынѣ они сами помышляютъ? Увы, увы бѣдному созданію тому!

Уріилъ. Ей, истинно! кто бы о таковомъ плачевномъ паденіи не печаленъ былъ? Всѣ небесныя силы соболѣзнуютъ о семъ и никакой радости ужъ болше нѣсть, также и вся во всей вселенней стонетъ, скорбящи зѣло о томъ: никая бо птица больши не поетъ, никій звѣрь больши не ищетъ про *себя пищи, никій цвѣтокъ* не обрѣтается въ прежней быв-

шей красотѣ, древеса низ сроняютъ отъ печали листы своя и трава увядаетъ.

Рафаилъ. Уже время ко уготовленію суднаго дѣла.

Змія. Человѣческій родъ нынѣ мой, а Богу уже нѣсть права больши къ нему; понеже бо они слово его отринули, тогда власть азъ надъ ними получихъ и хощу ихъ держати. Увижу, кто ихъ отъ меня отъиметъ.

Михаилъ. Молчи, діаволе! Слушай, что азъ ти повѣмъ: нынѣшняго дня Богъ судъ творити учнетъ надъ плачевнымъ паденіемъ человѣка, тѣмъ же повелѣваю вамъ, яко ничтоже человѣкомъ да судите, донелѣже судное изреченія (sic!) отъ Господа Бога не примутъ. Однакоже толико вамъ повелѣно быти имѣетъ купно же съ ними предъ судилищемъ становитися, предлагая жалобы ваши. *Михаилъ отходитъ.*

Змія. Удивлятися ми приходитъ о сицевомъ дѣлѣ, еже[1]) намъ о человѣцехъ судитися. Чаю, чаю, что въ сегодишнемъ числѣ нѣчто намъ противное учинится.

Зміяжъ. Азъ же надъ тѣми богохудники, то есть надъ женою и мужемъ: горе, горе! возопію. Посемъ же да увидимъ, аще возмогутъ отъ насъ убѣжати.

Зміяжъ. Доволно. Всякъ лутче промыслъ свой да исполнитъ: азъ же уповаю, яко родъ человѣческій и свойство получится (sic!) сподобимся.

ТРЕТЬЯГО ДѢЙСТВА СѢНЬ ВТОРАЯ.

Гавріилъ, Адамъ, Ева.

Гавріилъ. Взыскую, ничтоже обрѣтаю. Адаме, Адаме! гд еси ты? Посланъ есмь отъ Господа Бога, да ищу тя. Адаме Адаме! вѣмъ истинно, яко съ женою своею нѣгдѣ сохранилс есть страха и боязни ради, тѣмъ же и молчишъ. Адаме, Ада ме! повеленіемъ божіимъ посланъ есмь тебя взыскати и во лю божію ти извѣстити; не слышишь ли, Адаме? Изыди, гд еси ты?

Адамъ отъ страху трепещетъ. Увы! здѣ азъ лежу в великомъ страху и, какъ гласъ божій слышалъ есть, устра шихся и сокрыхся, зане увидѣхъ, яко нагъ есмь.

---

[1]) Въ р.: еще.

Гавріилъ. Кто ти о томъ сказалъ, яко нагъ еси? занеже и преже сего, какъ тя Богъ сотвори, нагъ былъ еси и не боялся. Истинно нѣчто иное въ томъ сокрыто есть. Почто трепещеши тако? не ялъ ли еси овощу, егоже ти Богъ подъ смертною казнею вкусити запрети?... Таколи заповѣдь божію сохранилъ еси? Такоели воздаеши благодареніе за великую милость, яко тя создалъ есть?

Ева. Увы, увы! ко[illegible]олиже учинилось было! Нынѣ убо погибли есмы[illegible]

Гавріилъ. О! нынѣ х[illegible]ѣшеніи каятися, но всуе. Послушайте убо божіе [illegible]ценіе: яко милосердый и купно ревнительный Бо[illegible] васъ праведнаго ради гнѣву своего абіе вѣчн[illegible]знити; но милосердіе его велико есть и гнѣвъ ег[illegible]нивъ, яко беззаконіе и неправедное дѣло ваше [illegible]о предъ праведнымъ судилищемъ слушати хощ[illegible] готови будьте купно со дьяволы связаны предъ с[illegible]евышняго Бога ставитися.

Адамъ. О! аще быхъ крыла имѣлъ, яко голубь, дабы въ дивныхъ пустыняхъ и лѣсахъ сокрытися могль, да отъ гнѣву Его убѣжу! Кто убо предъ страшнымъ лицомъ Его состоятися можетъ?

Ева. О горе, горе намъ, яко и демони вязати насъ имѣютъ! Охъ! охъ! когда такъ безопасна была, да въ каменной разселинѣ въ пустомъ мѣстѣ сохранитися могла! Ей! лутше, да земля разступится меня поглотити, нежели чтобъ ми надъ демонскія лица зрѣти. Еще въ помышленіи вижу и вострепещущей страшной ликъ его, которой въ то время имѣлъ; а нынѣ ми паки въ рукахъ его быти! Увы, увы! смертію опасною насъ убьетъ!

Гавріилъ. Упокоитися и не отчиевайте, зане трепетъ вашъ и боязнь вамъ ничтоже помощи не дастъ: ибо врагъ той лукавой ни мало, кромѣ допущенія божія, вамъ сотворити не можетъ. Мнѣ же нынѣ нужда есть паки отходити; междо сим готовитеся къ суду.

ТРЕТЬЯГО ДѢЙСТВА СѢНЬ ПЕРВАЯ.

Михаилъ, Адамъ, Ева, Змія.

Михаилъ со мечемъ. Послушайте всѣ, служащія къ Богу, и

вси лики небесные внимайте о страшномъ судѣ, егоже Богъ надъ Адамомъ и надъ Еввою уложи. Премудрость вѣчная въ совѣтѣ Святыя Троицы сіе въ совершеніе приведе. Понеже Богъ всю вселенную со всѣмъ, яже на ней, созда и по семъ человѣка сего по образу своему и по подобію сотвори надо всю тварь подъ владѣніе, ничего себѣ не оставляя, кромѣ единаго древа, да отъ него не вкушаютъ, отъ того благодаренія токмо произвѣдати; но когда подъ смертною казнію изданную заповѣдь преступив, божій на себя гнѣвъ навели и похотемъ своимъ послушали[1]), тогда превѣчный Богъ благоизволи предъ страшный судъ ихъ поставити и дѣла оныхъ слушати; тѣмъ же кто какую жалобу имѣетъ предложити, той безъ мѣшкоты сотвори, прежде нежели предъ превышнимъ престоломъ ставится.

Змія. Азъ прихожу передъ судъ сей, имѣя полную мочь въ томъ дѣлѣ отъ перваначальника своего Луцыпера. Вопрошаю тогда сопзволеніемъ, не время ли тѣхъ презрителевъ, Адама и Евву, къ суду поставити.

Михаилъ. Такъ, время; но судъ божій надъ ними вящит не позволяетъ токмо, да связанныхъ къ суду поставишь.

Змія Адама да Евву приводитъ. Приходите, послушливые чада мои: нынѣ васъ на лучшее мѣсто поведу, здѣ дрожите знатно отъ стужи, но тамо учнете отъ тоски потѣти. Идите, идите, помози ихъ держати, нынѣ ихъ лѣнотою устрою, въ чемъ имъ у суду явитися; помози держати, да не убѣгутъ.

Адамъ. О горе! Никогда, никогда не чаялъ, яко нас проклятые враги имутъ вязати. Ох! къ чему семы приведены! о горе, того безчестія ради и мученія!

Евва. Увы, увы! прихожу во отчаяніе. Нынѣ ли намъ въ демонскія руки впасть, яко да въ посмѣхъ духомъ адовомъ подани будемъ?

Змія. Азъ впервые вопию: горе! страшного ради паденія Адама и Еввы, которые презрѣніемъ Бога въ вѣчную смерть впали.

Евва. О горе! еще наругаешися съ нашего безумія, а самъ прельстилъ насъ еси.

---

[1]) Въ рук.: *послушати*.

Змія. Такъ, такъ. Ащелибъ ти кто рекъ: иди въ воду и утопися; не чаю, чтобъ сіе сотворил бы, но нынѣ бѣдный бѣсъ виноватъ твоея свободныя воли. Азъ втретие вопию: горе! страшнаго ради паденія Адама и Еввы, которые презрѣніемъ Бога въ вѣчную смерть впали.

Михаилъ. Всякъ тогда да молчитъ, яко да возможно жалобу съ единой страны и отвѣтъ на то съ другія страны слышати и потомъ судебную расправу учинити.

Змія. Азъ еще предлагаю жалобу предъ судомъ божіимъ тяжкаго паденія и безчести ма и Еввы. Аще сіе всѣмъ довольно и вѣдомо ес вкратцѣ паки воспомяну: тѣмъ бо престолъ бож аки бы Богъ во лжи востанетъ и словеса своя ь, когда отъ овощу того не вкушаютъ, къ сему хъ зломнителство яко имъ отъ овощу того завиду тебѣ равными быти помышляху. Тѣмъ же зри, вс какими послушливыми суды (чады?) являются, иже заповѣдь твою, единой подъ смертію запрещенной с. аду тебѣ вкусили, отъ чего же ничто иное разсуди извѣ что они жестокую заповѣдь твою въ ложь ставят ю токмо наругаются. Тогоже ради предлагаю на мужа сего и жену, на тѣло и животъ ихъ жалобу, уповающе съ товарищами моими, яко по божественному суду своему даси ихъ къ смерти преподати, а что болши въ семъ судномъ дѣлѣ еще принадлежитъ, то нынѣ себѣ предоставляю.

Михаилъ. Адаме! чреда къ отвѣту нынѣ къ тебѣ приходит, да ти потребное извѣщаеш?

Адамъ. Увы! лживити не могу, что преступихъ заповѣдь божію; но недерзостнымъ предложеніемъ, токмо по ласкателнымъ словамъ жены, еяже Богъ ми далъ есть, вкусихъ малую часть.

Михаилъ. Вы ли послушливые чада божіи? Евва! скажи: чесо ради сіе сотворила еси.

Евва. Увы! врагъ лукавый со змією своею тако мя извѣлъ есть сладостными прелестными словами, и азъ вкусихъ и Адаму дала; нынѣ же на насъ еще жалобу творитъ, толкуя сіе всякою злобою. Азъ истинно въ то время не начаяхся [1]), чтобъ по такихъ словахъ сицева гореть надходити имѣла.

[1]) Въ рук.: *почаяся.*

Змія. Смотрите: нынѣ Ева смѣетъ еще говорити, яко бѣсъ[1]) ея извѣлъ есть. Не возмогла ли въ то время слова божія держатися, а мнѣ супротивлятися? Не возмогъ быхъ тя сплою принудити, егда возпѣла бысть изрядную пѣснь; но гордость, невѣріе, ненависть и зависть принуждали тя со мною къ древу итти, начая, яко Богъ овощу того тебѣ завидуетъ. Но когда бы мнѣніе твое и сбылось, о како супротиволь бысть Богу! ни мало меншихъ хотѣла быхъ[2]) еси быти Бога. Тѣмъ же сицевое великое поношеніе и безчиніе не изволь, о праведный Боже, терпѣти, ниже правду свою разорити: не могутъ бо очищатися, зане слово свое ихъ осудитъ, еже вѣчную имъ смерть обѣщало, аще заповѣдь твою проступятъ. Содержиже тогда то, яко Богъ истинны, и даждь ихъ во владѣніе мое, азъ ихъ уже тако мучити учну, да увѣдаютъ, яко инаго Господа имѣютъ, нежели ты еси.

Михаилъ. Истче да отвѣтчику! отступите, всеожидаясь изреченія великаго судіи.

ТРЕТЬЯГО ДѢЙСТВА СѢНЬ ВТОРАЯ.

Богъ Отецъ, Богъ Сынъ, Правда, Истинна, Милосердіе, Миръ.

Богъ Отецъ. Зѣло ми Правда и усердно болѣзнуетъ о бѣдномъ паденіи человѣческомъ Адама и Евы, въ кое прелестею бѣсовскою впали, яко же и вамъ о семъ вѣдомо добре есть, чего ради достоитъ о томъ совѣтное постановленіе учинити и по семъ на нихъ праведный судъ издати.

Правда, держаще жезлъ въ рукахъ. О Господи и праведный Боже, любивый правду и вся во святомъ свѣтѣ твоемъ правдою исправляяй! покажи и въ симъ: Богъ еси ты, возненавидяй беззаконія. Не произвѣдали ми предобрыи ангелы, иже изъ небесъ во кромѣшную геенну повержены, тѣмъ же и множае человѣкъ согрѣшш, и того ради въ равномъ ему быти осужденіи[3]). Аще и правда, отъ демона прельщены, но почто нечистому духу болши, нежели тебя слушали? и почто свободную волю свою къ тварямъ, а не къ Богу, къ злобнымъ, а

[1]) Въ рук.: *без.*
[2]) Въ р.: *бы.*
[3]) Въ рук.: *осужденіе.*

не къ благимъ наклонили? Почесому малое является прощеніе, но паче муку вѣчную получити, яже праведная мзда за ихъ злодѣяніе; тѣмже праведному чину твоему лепость[1]) надъ ними жезлъ сей крушити.

Здѣ Отецъ емлетъ жезлъ и хочетъ его разломити.

Сынъ. Отче возлюбленный! потерпи, молю тя, въ праведномъ гнѣвѣ твоемъ до тѣхъ мѣстъ, до коихъ они сами отвѣтъ предъ превышнимъ престоломъ твоимъ учинятъ.

Истинна. Боже истинн[illegible]истинна пребываетъ во вѣки! яко же самымъ дѣлом[illegible]е исполняешь, а понеже тогда изреклъ еси и ч[illegible]о ему жити, аще сохранитъ заповѣдь твою; пр[illegible]аще отъ запрещеннаго овощу вкусит, вѣчно ему [illegible]отію: совершиже того ради то, да будетъ истинн[illegible]е сильно ихъ до основанія погубити, и не допу[illegible]помощи истинну твою затушити: что бо глаголеши[illegible] перемѣнити. Тѣмъ же исполни судъ твой надъ тѣм[illegible]вующими.

Сынъ. Еще мало да потерпишь, молю, Отче! зане и Милосердіе причастіе имѣетъ къ божественному престолу твоему, потерпи и услыши, каковъ оно приговоръ учинитъ.

Милосердіе. О горе! сердце мое хощетъ ми сокрушитися въ лишеніи надежды помощи ради! Тому ли адову врагу предобрѣйшимъ созданіемъ, еже на всей земли, сице удобно владѣти, и ему наругатися ей? И надъ Богомъ самимъ[2]) возгордійся рѣкуще толи презрядное созданіе во образъ божій и подобіе его сотворенное, еже ангеломъ въ ровенствѣ во вѣки имѣло пребыти, тому ли нечистому демону вящшую честь получити, нежели презрядному созданію Божію? Правда есть, яко человѣкъ не достоинъ милости твоей получити, зане въ то же пріиде паденіе, что и дьяволы; однакожде междо человѣкъ и дьяволъ великая обрѣтается разность, и возмоглъ діаволъ со всѣмъ адовымъ собраніемъ удобь единаго человѣка прельстити, къ сему человѣкъ кается паденія своего; но дьяволъ не кается, что божій престолъ обезчестилъ, но паче кается въ томъ, что невозможно ему злѣйше нѣчто сотворити. О ми-

---

[1]) *Лѣпо есть?*

[2]) Въ р.: *самъ.*

лосердый Боже! умилостивись и отъими у нечистаго духа возхищенное: что бо ти поможетъ кровь ихъ? и что ти ползуетъ смерть ихъ? Помяни, Господи: яко самымъ нареченъ бываеши милосердіемъ. Кто убо въ мертвыхъ ти воздаяніе подастъ, и кто тя въ преисподнихъ восхвалитъ?

Правда. Единому токмо Милосердію быти, гдѣ же мнѣ пребыти? Убо праведенъ Богъ и правда его состоятися должна; аще и весь свѣтъ преставится, однако же Богъ ничто же супротиво правды не учинитъ.

Милосердіе. О окаянный и от потешенія лишенный человѣче! камо тя уподобляти? Всѣ волны злочастія тя открываютъ, никтоже сіе не внимаютъ, зѣлная язва твоя и неизцѣльная рана твоя. Увы! скорблю зѣло о страшномъ наденіи твоемъ. Но Господи, Господи, въ совѣтѣ сильный, долготерпѣливый и многомилостивый! даждь ми услышати, яко ты Боже прорекъ и рабу твоему и рабыни твоей миръ и помощь дати обѣщаеши. О Господи, Господи, сотворивый небо и землю и вся, яже на ней! на что хощеши всему всуе быти сотворенну и человѣку сице вскорѣ погубленну? О сотвори надъ ними милость, рекъ бо еси въ началѣ, яко возрадуешься и возвеселишися въ ныхъ; нынѣ же то демону хощетъ поступитися. О Господи! часъ пріиде, да помилуеши ихъ; прости имъ согрѣшенія ихъ: милосердіе бо твое велико, яко и ты самъ великъ еси.

Сынъ. Охъ ты согласный Мире! чего ради молчиши? возможно ли ти есть на сіе безслезными очми смотрѣти?

Миръ. О Господи соединенія и Боже примиренія! понеже мы всѣ имена наши отъ божественнаго бытія твоего пріяхомъ, тѣмъ же, миротворивый Господи, услыши ны: милосердіе бо твое превыдетъ яже на небеси и на земли. Якоже [1]) и Богъ примиренія отъ вѣка еси ты, того ради, дабы на жестокомъ судѣ Твоемъ единая часть другую не уславѣла, молю тя, повели ми, да любимыхъ сестръ моихъ къ соединенію приведу и потомъ Твой божественной судъ исполню.

Сынъ. О Мире! сотвори радѣтельное тщаніе, дабы дѣло въ соединеніе привести и доброе учинилось совершеніе.

---

[1]) Въ рук.: *яже.*

ЧЕТВЕРТАГО ДѢЙСТВА СѢНЬ ПЕРВАЯ.

Миръ, Милосердіе, Правда, Истинна.

Миръ. Возлюбленныя сестры! не скорбители о страшномъ согрѣшеніи человѣческомъ, то однакожде сожалѣйте сицеваго препзряднаго созданія, о немъже небо скорбитъ. Молю вы, да съ соединеніи будемъ, ты же, Правда, воспоминай и на Милосердіе не буде сице жестока и ты, Правдо, возможешь сице въ мирѣ пребыти, аще Господь Богъ по жестокому суду своему человѣческій родъ не погуби.

Милосердіе. О Правдо! не [illegible]а жестока, но прилусти моленію моему у себѣ [illegible]ити.

Правда. Но якоже то бы [illegible] хотябъ и рада хотѣла? Разсудите сами: Правд[illegible] всѣхъ судьбахъ сіяшся яко утреннія зари, но т[illegible]внымъ обычаемъ почраченабъ была.

Истинна. Аще же азъ [illegible]овѣту присовокупилась бы, тогда Богъ никогда [illegible]лъ, тѣмъ же въ симъ никакова совѣта не имѣю; но если вы вѣдаете, и азъ пособити рада.

Миръ. О Боже! помози. Нынѣ паки пріиду въ чувство въ надеждѣ сущей, яко все еще добро будетъ. Возлюбленныи сестры мои! аще ми послушати хощете въ томъ, что никая отвражденої будетъ, а однакоже человѣкъ отъ діавольскія силы свободенъ быть можетъ, тогда идите во слѣдъ меня. Азъ вѣмъ единого мужа, той намъ въ дѣлѣ томъ лучшій совѣтъ подастъ.

Милосердіе. О! со усердіемъ азъ съ вами иду.

ЧЕТВЕРТАГО ДѢЙСТВА СѢНЬ ВТОРАЯ.

Богъ Сынъ, Миръ, Правда, Истинна, Милосердіе.

Миръ. О вѣчный Сынъ Божій, со Отцемъ во равенствѣ сый! положили есмы въ любви и смиреніи сей уставъ: есть ли бъ возможно было, яко да никто отъ насъ повреждепіе пріиметъ, Милосердіе божіе съ Правдою, да Истину[2]) съ Миромъ

[1]) Въ рук.: *никоида*.

[2]) Въ рук.: *истинно*.

соединити, чтобъ человѣка изъ гортани дьявольской изторгнути; но не вѣмы никакого къ тому совѣта, ниже ко исполненію средствія; тѣмъ же приходимъ къ Тебѣ, къ вѣчной премудрости отча, моляще въ томъ отъ насъ не отступити, инако бо человѣку во вѣчномъ пребыть осужденіи.

Милосердіе. О премудрость божія! утѣшеніе даждь намъ совѣтъ свой и помощь свою, да безъ ущербленія нашего бѣдный человѣкъ свободу одержати могль.

Правда. О пребогатый Боже! аще возможно, да Правда устоится купно съ Милосердіемъ тогда Твоимъ, яко да премудрость Твоя насъ проводитъ и человѣка бѣднаго освободитъ.

Истинна. О премудре сыне божій! дабы такожде въ семъ дѣлѣ Истинна божія состоялася, то соединеніе наше изволилъ проводит вѣчнымъ совѣтомъ своимъ, дабы бѣдной человѣкъ отъ узъ дьяволскихъ избавленъ былъ.

Сынъ Божій. По вашему согласному прошенію хощу вамъ и совѣтъ преподати, но никакое иное средствіе изобрѣтено быти можетъ, развѣ единый за то да терпитъ; тѣмъ же взыщите такова мужа, иже смертію за нихъ долгъ той воздастъ: такимъ бо образомъ безвредны пребудете и бѣдный человѣкъ освободится. Любви ради къ человѣкомъ скорблю о семъ и хотѣлъ быхъ усердно, дабы въ живыхъ сохранены были.....

СЛОВО О ВѢРѢ ХРИСТІЯНСКОЙ И ЖИДОВСКОЙ.

—

Предисловіе.

Вмѣстѣ съ преданіями о старинныхъ богатыряхъ и герояхъ въ народѣ ходятъ гораздо позднѣйшаго происхожденія повѣсти о дуракахъ и шутахъ, которые однако всегда съумѣютъ поставить въ тупикъ и осмѣять книжниковъ и ученыхъ философовъ. Грубый неучь Эзопъ дурачитъ философа Ксанта, привязываясь къ словамъ и играя ими; грязный Маркольфъ торжествуетъ надъ премудрымъ Соломономъ; хитрый Эйлен-

шпигель рѣшаетъ всѣ вопросы ученыхъ профессоровъ пражскаго университета; Панюржъ осмѣиваетъ Ѳавмаста. Къ числу подобныхъ героевъ принадлежитъ и спорящій съ Тараской жидовиномъ «глупецъ, скоморохъ и голышъ кабацкій.» Онъ побѣждаетъ жидовскаго философа, съ которымъ состязается въ «скрытыхъ премудростяхъ», своею простотою именно благодаря тому, что совершенно не въ попадъ объясняетъ себѣ его мимику. Напечатанный нами подъ № 2 списокъ передаетъ преданіе въ большей полнотѣ и чистотѣ, нежели *слово о вѣрѣ христіянской и жидовской*, № 1. Въ послѣднемъ смыслъ борьбы какъ будто затемнѣнъ; читателю не объяснено, что герои препираются въ «скрытыхъ мудростяхъ» и потому подробности о томъ, какъ скоморохъ грозитъ выколоть глаза, когда тотъ уставилъ противъ него палецъ, кажущимися къ спору. А между тѣмъ эта борьба скрытыми взаимное непониманіе спорящими мимическихъ знаковъ существенное содержаніе народныхъ анекдотовъ о борьбѣ жидовскаго съ скоморохомъ, о которыхъ хотимъ мы теперь нѣсколько замѣчаній. Уже въ глоссахъ Аккурсія († 1260) находится разсказъ о томъ, какъ Греки послали грека, чтобъ узнать, достойны ли Римляне того, законы. «Qui quum Romam venisset, Romani cogitantes fieri, *quendam stultum* ad disputandum cum Graeco p[illegible] superderet, tantum derisio esset. *Graecus* sapiens *nutu disputans* coepit et *elevavit unum digitum*, unum deum significans. Stultus credens, quod vellet eum uno oculo excaecare, elevavit duos et cum eis elevavit etiam pollicem, sicut naturaliter evenit, quasi caecare eum vellet utroque. Graecus autem credidit, quod trinitatem ostenderet. Item Graecus apertam manum ostendit, quasi ostenderet omnia nuda et aperta Deo. Stultus autem timens, maxillatam sibi dari, pugnum clausum quasi repercussurus elevavit. Graecus intellexit, quod deus omnia clauderet palma: et sic credens Romanos dignos legibus recessit et leges his sapientibus concedi fecit in civitate Athenarum et Lacedaemonum.» Замѣчательно, что побѣда шута надъ философомъ даетъ здѣсь Римлянамъ право пріобрѣсть совершенные законы, какъ въ нашемъ разсказѣ содѣйствуетъ утвержденію христіянской вѣры. Обходя пересказы того же преданія въ европейскихъ литературахъ [1]), остановимся на одномъ произведеніи Ганса Розенблюта «Ein disputaz eins freiheits mit eim Juden»,

[1]) Указанія на нихъ можно найти въ статьѣ Рейнгольда Кёлера Rosenblats Disputaz eines Freiheits mit einem Juden, напечатанной въ журналѣ Пфейффера Germania, Vierter Jahrgang, 4-s Heft.

въ которыхъ подробно и очень близко къ нашему анекдоту разсказана таже борьба [1]). Въ Нидерландахъ въ одномъ городѣ поднялся, «*als man mir gesaget hat*», большой споръ между жидами и христіанами. По предложенію одного стараго жида рѣшили наконецъ избрать съ той и другой стороны по мудрецу (meister) для диспута о вѣрѣ. Но христіане не могли отыскать ни мудреца, ни ученаго доктора, которому можно бы было поручить дѣло.

So kombt gegangen in die stat
Ein freiheit gar in schnöder wat
Zue einem wirt er ein wart fragen.

Freiheit вызывается вступить въ диспутъ съ жидомъ. Христіане довольны; снабжаютъ Freiheit приличной одеждой и, подкрѣпившись въ день диспута мальвазіей, онъ торжественно идетъ на мѣсто боя. Онъ предлагаетъ жидовскому философу, чтобъ не затягивать спора, рѣшить дѣло или тремя вопросами, или тремя жестами (mit drei deüten). Жидъ выбираетъ послѣднее и прѣніе начинается. Жидъ поднимаетъ вверхъ одинъ палецъ, Freiheit въ отвѣтъ на то—поднимаетъ два. Жидъ объявляетъ себя побѣжденнымъ. «Я задумалъ (говоритъ онъ своимъ соплеменникамъ), что есть одинъ истинный путь; а онъ возразилъ мнѣ, что такихъ путей два: одинъ къ радости, другой къ скорби, одинъ въ рай, другой въ адъ». А Freiheit объясняетъ въ тоже время христіянамъ, что жидъ изъ мести хотѣлъ ему выколоть глазъ:

Do gedacht ist mir: wöll gott
Mit helfen noch sein gnad senden
An baiden augen will ich dich plenden
Darumb ich jm dann zwen vinger pot.

Сошлись снова. Жидъ поднялъ вверхъ раскрытую ладонь, Freiheit сжатый кулакъ. Жидъ опять признаетъ себя побѣжденнымъ: раскрытой ладонью онъ хотѣлъ сказать, что милосердіе божіе доступно всѣмъ и ни для кого не закрыто; а противникъ возразилъ, что оно не для всѣхъ отверсто. Freiheit объясняетъ христіянамъ: «жидъ хотѣлъ дать мнѣ пощечину, а я погрозилъ ему кулакомъ». Сходятся въ послѣдній разъ. Жидъ вставилъ себѣ въ ротъ палецъ, а Freiheit всею ладонью потрепалъ себя по животу. Жидъ и здѣсь видитъ себѣ пораженіе. Онъ задумалъ, что всякая рѣчь исходитъ изъ устъ, а противникъ возразилъ, что рѣчь истекаетъ изъ сердца. Freiheit разсказываетъ своимъ, что жидъ жаловался на голодъ, а онъ чувствуетъ себя совер-

[1]) См. Fastnachtspiele aus dem funfzehnten Jahrhundert. Stuttgardt. 1853, III, p. 1115—19.

нно сытымъ. — Жиды принуждены были оставить городъ, а Frei-
it.

In hohe wird ward er gesetzt
Und auch sein lebtag wol gehalten.

Имена спорящихъ и въ нашемъ, и въ нѣмецкомъ разсказѣ заслу-
иваютъ особеннаго вниманія: они могутъ навести на тотъ путь, ко-
рымъ пришло преданіе въ нашу и въ нѣмецкую литературу. Поте-
явши имя шута и обобщивши его личность, какъ представителя
убой необразованной черни, наши разсказы согласно называютъ жида
раскою; Disputaz Розенблюта, не зная имени жида, называетъ его
отивника Freiheit, что по Кёлеру значитъ Vagabund. Но намъ ка-
ется, что имена вмѣстѣ съ завязкою разсказа заимствованы изъ ви-
нтійскаго памятника, довольно рано получившаго извѣстность въ
ванскихъ литературахъ [1]) и упомянутаго между прочимъ въ ин-
кѣ отреченныхъ книгъ. Это *Обрѣтеніе о 12 пятьницахъ святаго
лферія*. Здѣсь спорящіе названы *Тарсѣе* овиномъ (позднѣй-
й Тараска) и *Елевоеріемъ* (Ἐλευθέριος— й, Freiheit). Этотъ
изантійскій разсказъ далъ обстановку и з ашему и нѣмецкому
амятнику, какъ можно заключить изъ сл начала *Обрѣтенія:*
Въ западнѣй странѣ есть земля лаоура есть градъ великыи
іпитан. в томъ же градѣ бяше множестви , и споръ имѣяхоу
о крстьяны овогда в торгоу, овогда во р градныхъ. и (въ?)
норѣ томь побиваховуся. Се же быс при коринѣ цри. и собращас
иды, придоша ко крстьяномъ и рекша имъ доколе намъ злоба си
ежю собою имѣти не можемъ детеи своихъ видѣти побиваемыхъ:
зберитеся оубо себѣ моужа добра философа, а мы от себя другаго
илософа исберем да и та вниоуть в повѣсть. а мы слоушаемъ ею.
о аще преприть вашь философъ нашего философа, то мы крестимся;
ще ли кто от нашихъ не крестится, то от васъ елицѣ яремъ боу-
ет. аще ли нашь философъ преприть вашег философа, то вы в на-
ноу вѣроу идѣте. Се же глаголахоу жидове, надѣющеся на своего
удраго философа и любы быс крстьяномъ словесе ихъ. избрашя
рестияне от себе моужа богобоязниваименем елферья. а жидове от
себѣ тарсия. и начаста събиратися съходящася на едино мѣсто. а они
слоушають ею.» [2]) Дальнѣйшій разсказъ не имѣетъ отношенія къ
изданнымъ нами памятникамъ; борьба ведется не жестами: главное

[1]) Караджичь (Примјери српско-славенскога језика. У Бечу. 1857. стр. 26) указываетъ книжку, напечатанную на сербскомъ языкѣ, въ которой между прочимъ находится *сказание о 12 петки великие кое подобает почитовати васакому христянину.* [2]) По рук. XVI в. Син. биб., № 830, л. 7 об. Этотъ списокъ древнѣе нап. въ Православн. Собесѣд. 1859, № 2, стр. 190.

содержаніе *Обрѣтенія* разсказъ, какъ Елевѳерій узналъ отъ Малха, сына Тарсіева, о 12 пятницахъ.

Первое изъ напечатанныхъ нами словъ издано по списку конца XVII вѣка, скорописью, находящемуся въ Московской Синодальной Библіотекѣ, № 557; варіанты къ нему подведены по списку гр. Уварова, прошлаго вѣка, входящему въ составъ Тульскаго сборника (л. 208 об. слд.). Списокъ Тульскаго сборника представляетъ одну редакцію съ синодальнымъ и озаглавленъ такимъ образомъ: *Слово отъ древнихъ писаній о вѣрѣ христіанстѣй и жидовстѣй.* Болѣе полная редакція напечатана по списку прошлаго же вѣка изъ сборника переводныхъ народныхъ повѣстей и романовъ, принадлежащаго П. Е. Забѣлину.

Н. Тихонравовъ.

---

1. *Слово о древнихъ писаныхъ о вѣрѣ христіянской і о жидовской, еже есть вопрос первых никійськая* [1]).

Нѣкіі человѣкъ [2]) бѣша князь христіянскіі, спираяся з жидовскими велможами о вере христіянской і жидовьской. Рече князь христіянскіі жидовскимъ велможам: Наша вѣра [3]) Богу угодна і святая. І рекоша жидовскіе вельможи: Наша вѣра лутше вашей; наша вѣра [4]) ізначала. І много вирекли глаголаша. Послѣдиже [5]) рекоша: Утвердимъ вѣру едину между собою: аще будеть ваша христіяньская вѣра лутше нашей, і намъ вити в вашу вѣру і креститися; аще будеть наша вѣра [6]) лутше вашей, і вамъ вити въ нашу вѣру. Рече князь христіянски на . . . . . философа іспыта . . . . . наж, которая вѣра лутше [7]). І рекоша жидовскіі велможи: Взыщем философовъ, вы от себя, а мы от себя і велимъ говорить перед нами [8]) от создания мира и доныне і до совершения [9]). И любо

---

[1]) Описки рукописи оставляемъ безъ поправокъ; на испорченныхъ мѣстахъ ставимъ точки.

[2]) Этого слова въ спискѣ гр. Уварова нѣтъ.

[3]) Въ сп. У.: *Наша убо вѣра христіянская лутче.*

[4]) Вмѣсто этихъ двухъ словъ въ сп. Ув.: *понеже.*

[5]) Въ сп. У.: *А последи и ротту глаголаше: утвердимъ.*

[6]) Это слово повторено въ печатаемомъ спискѣ два раза.

[7]) Въ сп. У.: *И рече князь християнскій: како намъ испытати, кая вѣра лутче.*

[8]) Въ сп. У.: *Передъ народомъ.*

[9]) Этихъ словъ въ сп. У. нѣтъ.

ысть обѣимъ: оучиниша срокъ і разыдошася вси. І начаша искати князь христианскій в своеі вѣре христианска философа іскаше мѣсяць і не обретоша ни едина философа і печален ысть князь христианскі. И приіде к нему скоморох [1]) і рече скоморох князю христианскому [2]): Господине! [3]) аз хощу говорити і пръкы [4]) з жидовьскыми философы [5]) о вѣре нашей христианской и о жидовской. І снидошася на срокъ и помыслиние [6]) велможи жидовския, что христианскі князь послалъ скомороха в философово мѣсто, а жидовския велможи послали [7]) философа отъ себя, именемъ Тараска жидовина, муа мудра и горазда к книгам і велерѣчива [8]). А жидовинъ атарской [9]) плешив, борода у него велика зело. І паки став атарской жидовина [10]), едини перстъ [illegible] скомороху і помысливъ скоморох: то ми хощеть гл[illegible]ют, и скоморохъ му два перста устави [11]): аз тебѣ д[illegible] выколю. И снидошася оба въмѣсто [12]) и удари скомор[illegible]истианеск [13]) жидовин по уху и рече ему: Послушай, хри[illegible]ский философъ [14]): ъ вѣрѣ вашей во [15]) святом еванги[illegible]етъ: аще хто тя дарит по лаците и ты и ему обрати [illegible]ю. Рече ему скоморохъ: Послушай, философъ жидовскій: въ том же во святом вангилии пишетъ: Како вам человѣцы творят [16])... і удари скоморох жидовина по уху и рече жидовин скомороху: Отгодай ы философе, загадку: курица ли от яица іли яйцо от курицы? И скоморох, сняв з жидовина шапку і ударив жидовина ъ плешъ, и рече: Отгадай ты, философе жидовской: отчево

---

[1]) Въ сп. У.: *скомрахъ*.
[2]) Трехъ послѣднихъ словъ въ сп. У. нѣтъ.
[3]) Въ сп. У. прибавлено: *князь христианскій*.
[4]) Ошибочно вмѣсто: *прьти*: *Спиратися* въ сп. У.
[5]) *Съ жидовиномъ* въ сп. У.
[6]) *Увидѣша* въ сп. У.
[7]) *Выбрали* въ сп. У.
[8]) *Книгамъ гораздо наученъ и велерѣчивъ*.
[9]) Очевидно ошибка; слѣдуетъ: *Тараска*.
[10]) *И Тараска, ставъ далече*.
[11]) Послѣ этого прибавлено въ сп. У.: *и глаголя*.
[12]) *Вмѣстѣ*.
[13]) Это слово зачеркнуто въ рукописи.
[14]) *Послушай, скомраше, что азъ, жидовинъ, тебѣ глаголю*.
[15]) Въ рукописи: *но*.
[16]) Въ сп. У. вполнѣ: *и вы имъ такожде творите*.

трѣськъ трещит от плѣшъ ли или от руки или рука от плеши? II рече жидовин: Оставим то все; сочтемъ в году в коей вѣре празников больше, та и лутше вѣра. II рече скоморохъ: Добро реклъ еси, жидовине философе [1]); наперед в моей вѣре счести празниковъ въ году, а дай мнѣ у тебя изъ бороды по волосу рват і [2]) класти перед собою и перед тобою; ино тебѣ внятно будетъ, а мнѣ паметно: сколко в году праздниковъ и сколко котораго дни святых, и яз столко вырву у тебя волосов. А ты, жидовин, станешь щитать въ своей вѣре жидовской, сколко праздников въ году, и ты у меня по волосу рви изъ бороды [3]), да клади перед собою і передо мною. II рече жидовин: Добро реклъ еси, философе [4]): буди тако, і твори, ясеж хощеши [5]). Рече скоморохъ жидовину. Послушай, философъ жидовьской: в нашей христианской вѣре начало въ году празников въ году [6]) рожество Господа нашего Іисуса Христа, иже вы, жидове, роспяше его на крестѣ зависти ради і въ трети день воскресе. А у жидовина волос із бороды выдрали і положили предо всѣми. А на завтрее [7]) у нас рожество христове праздникъ соборъ пресвятыя Богородицы. Да волоз же у жидовина вырвалъ. А на трети день святаго первомученика Стефана архидиакона. Да волось же у него вырвали [8]). А на четьверты день празникъ у насъ святыхъ мученик двѣ тмы. І поимав жидовина за бороду обѣими руками, выдрал [9]) у него мало не всю бороду. А на пятой день празникъ у нас 14,000 избіенныхъ младенецъ [10]). І выдралъ уже и остаток [11]) бороды; жидовин же, не стерпя стояти, і побежа посрамълень от ско-

---

[1]) Этой фразы въ сп. У. нѣтъ, а вмѣсто нея прямо: *Дай же ми, философе жидовине, наперёд въ моей вѣрѣ счести праздники, сколко в году.*

[2]) *Да стану тѣ вины класти...*

[3]) Въ сп. У.: *А сколько в твоей вѣрѣ праздников, и ты оу меня столкоже оурви из брады власов, да клади...*

[4]) Этой фразы въ сп. У. нѣтъ.

[5]) *И сотворим то, жидовину та рѣчь полюбилася.*

[6]) *Начало всѣм праздникам в году первый праздник рождество*

[7]) *А на оутріи оу нас рожества христова.*

[8]) Въ сп. У. постоянно прибавляется: *и положил перед собою и пред ним*

[9]) *Выдрал бороды, сколько хотѣл.*

[10]) *14,000 младенцев, избіенных от Ирода царя.*

[11]) *И скомрах оу жидовина и досталь браду и с усом выдрал до остатку что ничего не осталось.*

мороха і вси жидове [1]) разбегошася. Князь же христіянскій рад велми і даде даръ скомороху і и вѣкое мѣсто властелина скомороха постави его, вмѣсто воеводы [2]); область великую дасть ему [3]).

2. *О преніи христіанъ со жиды и о вѣрѣ ставленія.*

Бысть убо въ нѣкое время: возсташа жиды на христіанъ и начаша ратовати на святую Христову вѣру и злословити хульними словесы и князя христіанскаго принуждаху о вѣрѣ, яко датъ имъ премудрѣйшаго философа, изряднаго ритора, ктобы сими претися о вѣрѣ и стязатися. Князь же христіанскій вельми печаленъ бысть, потомъ и въ недоумѣніе впаде ..... положиша совѣтъ между собою, глаголюще, яко да утвердится вѣра..... философъ мудрыхъ людей единаго отъ христіанъ, а другаго отъ жидовъ и уставиша день, вонъже о вѣрѣ прѣнію быти. Жиды избраша у себе единаго жидовина мудраго и премудраго человѣка именемъ Тараску; христіанскій же князь нача изъ христіанъ взыскивати мудраго человѣка. И уже близъ день, вонъже имати о вѣрѣ истязатися, не можаху изъ христіанъ избрати такова велерѣчива и ученаго человѣка, кому бы съ жидовиномъ Тараскою о вѣрѣ глаголати: никтоже смѣяше, вѣдая такова мудраго человѣка жидовина Тараску. Князь же христіянскій нача плакати и тужити о семъ и сжалися зело, и во многѣ и велицѣ бывши недоумѣніи и не вѣдая, кому будетъ отвѣтъ творити [4]). И бысть же нѣкто скоморохъ, піяница голыпъ кабацкій, размышляя въ себѣ: иду азъ за христіанскую вѣру съ Тараскою жидовиномъ истязатися: аще возвысится христіанская вѣра и побѣжду врага нашего Тараску, то немалую честь пріиму; аще препретъ мя Тараска и азъ не могу у жидовъ убѣжати. Той же скоморохъ плѣшивъ и объ единомъ оку, прінде ко князю христіянскому и рече: «Господине, князю! хощу азъ

[1]) Прибавлено въ сп. У.: *с великимъ срамомъ и стыдомъ посрамлены от скомораха.*

[2]) Въ печатаем. спискѣ: *воеды.*

[3]) Въ сп. У.: *И постави его во своей области властелином на нѣкоем мѣсте славне и богатѣ, и тако укрѣпися христіянская вѣра*

[4]) *Въ рукописи: трити.*

съ жиды о вѣрѣ христіянской истязатися: знаю азъ, господине княже! что права наша христіанская, а ихъ жидовская вѣра стараго закону.» И рече князь къ скомороху: «Какъ ты можеши съ Тараскою о вѣрѣ глаголати? Тараска жидовинъ мудръ бѣ человѣкъ и ученъ философи, а ты скоморохъ неученъ грамотѣ ни писанія; то твоя наука — что скоморошить и у христіанъ деньги выманивать?» И рече скоморохъ: «Княже, мой господине! и христіянъ обманивать надобно умѣючи; зободливаго обманить, а середнаго возвеселить, а скупаго добра и податливаго учинить. А, не учась, и у христіанъ ничего не добыть и головы своей не прокормить. И то, господине, учился памятно и по книгамъ отчасти; помню только немного и Тараску скоро побѣжду и васъ безпечальныхъ учиню, а жидовъ посрамленныхъ отпущу.» И князю угодна бысть рѣчь скоморошія и размышляя въ себѣ, яко есть въ немъ глубина премудрости, и вземъ князь скомороха и совлече съ него раздраныя рубища, и облече во свѣтлую одежду и повелѣлъ скомороха поставить на мѣстѣ, идѣже съ жидовиномъ претися о вѣрѣ. И тутъ прiиде на то мѣсто много жидовскихъ вельможъ, христіянскихъ немного бяше. Вельможи же жидовскіи посмѣяшася, что князь христіянскій вмѣсто философа привелъ скомороха; Тараска же веселяся, что сталъ противу его не мудрецъ, но глупецъ, скоморохъ и голышъ кабацкій iму (?) его побѣдити, надѣяся на свою хитрость и велерѣчіе. Тараска же плѣшивъ и брадатъ зѣло. И сташа оба прямо другъ друга молча; Тараска жидовинъ нача скрытыя премудрости творити: поднявъ руку высоко, и помысли: кто сотвори небо? И скоморохъ помысли въ себѣ: «Хощетъ де меня въ голову ударить»; и махнулъ рукою по земли и помысли: «Ты де меня въ голову, а я тебя по боку.» Тараска же мысляше: «Я де указалъ вверхъ рукою — кто сотворi небо? а онъ, махнулъ рукою — тотъ де и землю; и онъ тi де мою загадку отгадалъ: тотъ же будетъ судити и на земли. Тараска же устави перстъ единъ концемъ къ скоморохv и помысли: «Богъ единъ сотвори человѣка единаго Адама. А скоморохъ помысли «что де азъ кривъ и онъ хочетъ другой глазъ выколоть», и постави ему концемъ два перст и мыслями: «Я де тебѣ и оба выколю.» Тараска же мысляше

«Азъ де загадалъ, что Богъ сотвори Адама, а онъ де сказалъ: тойже сотвори и Евву.» И мысляше Тараска, яко зѣло премудръ скоморохъ отвѣтъ творитъ. Тараска же указа на ожегъ и помысли: «Чего ради бѣси черны?» Скоморохъ же мысляще: яко хощетъ меня ударить ожегомъ и указа на смоленой помазъ, и помысли: «Ты де меня ожегомъ, а я тебя помазомъ.» Тараска же помысли: «Я де подумалъ: чего ради бѣси черни? а онъ де сказалъ: и втред имъ въ смолы.» Жидовинъ же Тараска постави перстъ съ крюкомъ и повернулъ къ себѣ и помысли: «Ко[illegible]шутъ бѣси крюками въ муку?» Скоморохъ же пом[illegible] де хощешъ вернуть за шею крюкомъ?» И взявъ [illegible]ололъ его концемъ въ груди и помысли: «Ты де [illegible]мъ, а я тебя шестомъ.» Тараска же помысли: «Я [illegible], что грѣшниковъ такъ станутъ бѣси тянуть крю[illegible] муку пихать.» Тараска же подья руку, сдинъ п[illegible] выше главы скомороховы и помысли: «Чего [illegible]с крюками?» Скоморохъ же помысли: «Такъ онъ х[illegible]и одною рукою за волосы поднять.» Скоморохъ же, по[illegible] обѣ руки кверху, и помысли: «Ты де меня одною рукою, а я тебя обѣми стану драть.» И нача скоморохъ Тараску за волосы драть и волочить; и, поволоча ринулъ его отъ себя о землю. Жидовинъ же возста отъ земли и помысли: «Я де подумалъ, что бѣси въ день страшный суда будутъ съ крюками; а онъ мнѣ и отгадалъ: ангели де ихъ тако мучили и съ небеси въ преисподнюю сверзали.» И удивляяся Тараска скоморошью отвѣту премудрому: яко огнь палящъ вода угашаетъ, тако глупаго отвѣтъ премудраго велерѣчіе посрамляетъ. Тараска же рече къ скомороху: «Полно намъ молча загадокъ загадывать: я къ тебѣ съ загадками, а ты ко мнѣ съ дракою.» И удари Тараска скомороха по уху и рече: «Послушай, христіанскій философе! По вашей вѣрѣ во святомъ евангеліи написано: аще кто тя ударитъ по десной ланитѣ и ты обрати ему и другую.» Скоморохъ же рече: «Послушай, брате Тараска: въ томъ же евангеліи написано, якоже хощете да творятъ вамъ человѣцы, и вы такожде имъ творите.» И удари Тараску по уху и рече: «Отгадай, брате Тараска: курица ли отъ яица или яицо отъ курицы?» Тараска же отвѣта никакова ему не даде. Потомъ

Тараска, снемъ шапку скомороха, и удари его по плѣши и рече: «Отгадай, брате скомороше: отъ чего треснуло, — отъ руки или отъ плѣши?» И рече Тараска: «Брате скомороше! оставимъ то все и станемъ считать въ году праздники: и въ которой вѣрѣ болѣе праздниковъ будетъ, то въ тое вѣру и вѣровать станемъ!» И рече скоморохъ: Добро рекъ мнѣ такое слово: твори тако. Толькы дай ты мнѣ брате Тараска, напредъ въ моей вѣрѣ праздники всѣ и прочихъ святыхъ въ году почитати и утвердимъ между собою вѣру крѣпку и неподвижну; только дай ты мнѣ противъ всякаго праздника изъ брады по волосу вырвать и предъ себя полагать; тебѣ будетъ паметно и мнѣ внятно: сколько во дне праздниковъ и во дне святыхъ, и азъ столько у тебе изъ бороды и волосовъ вырву. А послѣ ты, брате Тараска, станешь свои праздники считать во своей вѣрѣ и скольки начтешь праздниковъ, столки и я изъ броды волосовъ дамъ — на всякой праздникъ по волосу.» И рече Тараска скомороху: «Брате скомороше! добре рекъ еси; твори тако: любо мнѣ такое слово.» Потомъ рече скоморахъ жидовину: «Послушай, брате Тараска: въ нашей христіанской вѣрѣ начало всѣмъ праздникамъ въ году рождество Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, его же вы зависти ради распяша на крестѣ и въ третій день воскресе изъ мертвыхъ.» И вырванъ у Тараска изъ броды единъ волосъ и положилъ предъ собою и предъ нимъ; жидовинъ же Тараска воздохнувъ зѣло тяжкія ради болѣзни. Рече же ему скоморохъ: «Се первый у насъ праздникъ сказахъ ти [1]) и единъ власъ брады твоея вырвалъ; ты же не скорбѣлъ еси. И еще повѣмъ ти: Назавтріе рождества Христова праздникъ Соборъ Пресватыя Богородицы.» Да у жидовина и другій власъ вырвалъ и положилъ предъ собою и предъ нимъ; жидовинъ же вельми скорбенъ бысть о изгубленіи брады своея. Скоморохъ рече ему: «Что скорбиши, брате Тараско? Терпи за вѣру свою: аще до конца претерпиши, то спасенъ будеши. На третій день рождества Христова праздникъ первомученика и архидіакона Стефана и съ нимъ убіенныхъ Никодима и Малелеиха и иныхъ многихъ, ихъ же

[1]) Въ рукописи: *сказати*.

жиды каменіемъ побиша.» И вырвалъ у Тараски три волоса и положилъ предъ собою и предъ нимъ. Тараска же возопи гласомъ велiимъ и рече: «Охъ мнѣ! погубилъ.» Жидове же уныли бяху, стояще, и рекоша ему: «Терпи, брате Тараска, закона ради нашего.» Скоморохъ же рече ему: «Тараско! Слушай, внятно чтобъ тебѣ было и впередъ памятно: на четвертый день рождества Христова праздникъ двѣ тьмы мучениkъ Христовыхъ.» И взявъ Тараску за браду обѣма руками и нача у него браду драти. Жидовинъ же хотя бѣжати и нача скакати и вопети: «Горе, горе мнѣ! яко обезумился еси: далъ браду свою драти.» Жидове же стояще поблѣдоша и отепенѣвше отъ страха и рекоша вси со слезами: «Терпи, брате Тараско: то у насъ послѣдней праздникъ.» А у Тараски уже брады мало осталось. Скоморохъ же рече: «Еще не послѣдней праздникъ. Начало праздниковъ сіе. Потѣха приходитъ тебѣ, брате Тараско, не къ смѣху, но къ плачу. Ещежъ на пятой день рождества Христова праздникъ 4000 младенцевъ, отъ Ирода царя избіенныхъ и отъ васъ жидовъ: укажите, какъ вы избили ихъ.» И, взялъ жидовина за остатки брады и нача драти, и терзати, и мечемъ посѣкати, и рече: «Такъ вы младенцевъ побивали во время рождества Христова въ Виѳлеемѣ іудейстѣмъ.» Тараска же нача вопити велiимъ гласомъ: «О горе мнѣ, погибохъ, яко попадохъ въ немилостивы руки скоморошьи.» Скоморохъ же и остатки брады у Тараски вырвалъ и рече ему; «Жестоко ти есть противa роджу прати: тако и вамъ жидамъ противу истинныя вѣры стояти.» Князь же христіанскій со христіаны нача веселитися и глаголати: «Велеумный и велерѣчивый жидовскій философе, Тараско! Что, шалуна себя давъ, стоишь поруганъ, аки бѣсъ безхвостой? Гдѣ твоя брада? гдѣ твой разумъ и велерѣчіе? Гдѣ премудрость еллинская? гдѣ твоя наука философская? гдѣ твоя слава и честь жидовская? Разумѣй, какова вѣра христіанскаго: пьянаго глупость погубила философскую мудрость.» И потомъ скоморохъ рече къ жидовину: «Послушай Тараско: еще у насъ впреди все праздники господскіе — крещеніе господне, обрѣзаніе господне и протчіе; а у тебя въ брадѣ нѣтъ ни единаго волоса, а на головѣ и не осталась, что имаши противу праздниковъ ставить. Отсѣку тебѣ и руки и ноги, а

противу обрѣзанія обрѣжу тебѣ губы и носъ.» Тараска же стоя, плача и рыдая горько и вси жиды съ нимъ. И отъ страха и срама бѣжаше Тараска и вси жиды съ нимъ побѣгоше, вельми посрамлены, и срама ради не могуще зрѣти на христіянъ о погибели мудреца своего Тараска. И вопіяху вси единогласно: «Како ты обезумих(ом)ся, Тараска? отъ христіянъ бѣжишь поруганъ.» Глаголюще: «Како скоморохъ, — не книжникъ, но піяница и голышъ кабацкій всѣхъ книжниковъ и ученыхъ посрамилъ, но и всѣмъ вѣчный положилъ позоръ?» Скоморохъ же нача плясати, и играти, и жидовскую вѣру ругати. Князь же нача со христіаны веселитися; князь же даде скомороху много имѣнія и постави его властію, и неотступно велѣ ему себя веселити. Скоморохъ же нача постоянно жити и всегда Бога благодарити, ему же слава [1]) всегда нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ Аминь.

ИНТЕРМЕДІЯ

НА ТРИ ПЕРСОНИ: СМЕРТЬ, ВОИНЪ И ХЛОПЕЦЪ [2]).

Воинъ выходитъ и молвитъ:

Я есть воинъ славній,
Всему свѣту справній;
Вишолъ звитязаючи,
Зе много звитязалъ:
Якъ би съ тоею смертію
Спробовать самъ (ся малъ?)
Звѣдати забилъ з луку:
Нехай смертъ не попадается въ мою руку!

Смерть вніиде и молвитъ:

Отъвожъ и я тутъ, Смерть, завитала,
Же бимъ ся съ тобою, воине, спробовала.
Самсонъ былъ надній,

---

[1]) Это слово въ рукописи пропущено.

[2]) Предлагаемая интермедія заимствована мною изъ сборника разныхъ народныхъ произведеній, составленнаго въ 1788 году на югѣ и подареннаго въ мою библіотеку А. А Камковымъ. Въ рукописи печатаемая статья названа: *Интермедія на три персони: смерть, воинъ и хлопецъ.* Ред.

(Соломонъ) [1]) мудрій;
А я надъ Самсономъ сильнѣйша,
А надъ Соломономъ мудрѣйша.

Воинъ мовитъ:

Почто, Смерте, мене воина лякаешь?
Покажи мнѣ, що ти за поратунокъ маешь?

Смерть мовитъ:

Ото: косу, грабль, заступъ маю.
Еще царей, и коро[illegible] и гетма[illegible]стинаю.
Не вважаю я на свят[illegible] тріарх[illegible]
Закопую я въ землю [illegible] [illegible]е монархи,
И еще съ тоби, вои[illegible]обовати,
Лукъ еще щаста ст[illegible]

[illegible]инъ наставляетъ шабляю, а [illegible]нъ мовитъ:

Вставай, Смерте, т[illegible]
Будемъ битися съ тоюю.
Хлопче! подай мнѣ стрелбу,
На смерть буду.

Хлопецъ подае стрельбу, а смерть мовитъ:

Не уповай, воине, на тѣлесное здравіе,
Воспомяни небесное царствіе и житіе вѣчное:
Видиши ти, яко сильніе и мудріе умираютъ,
Нѣ ве келіяхъ, нѣ дворахъ предо мною ся ни сховаютъ.
Не надѣися, воине, на мимоходящую красоту:
Бо ей оберну въ самую темноту.

Воинъ стрѣляючи мовитъ.

А вжежъ побачимо: кто кого звоюетъ,
Той живъ до дому пойдетъ.
Стреляю якъ упія, таки могу застрелити я тебѣ:
Бо ти по свѣту людей заидаешъ
И въ темніе гроби ихъ упровожаешъ;
Уже не будешъ людей заидати.
Буду на тебе з лучницы стреляти.

Стрелилъ воинъ и мовитъ:

Смерте сухоребра!
Стрѣлилъ воинъ у твои ребра.

Смерть упаде, а воинъ [2]) хвалится:

Уже панъ смерть застрѣлилъ

---

[1]) во въ рукоп. пропущено.
рукописи. Вѣроятно, должно быть. хлопецъ.

Такъ, якъ самъ хотѣлъ:
Уже не будетъ болшъ людей заидати
И на поединокъ воина призивати.

Смерть востанетъ отъ стрелби и мовитъ:

Безуміе все, воине, сотворяешь.
И почто на Смерть страляешь?
Самъ Христосъ плотію умиравъ
И намъ [1]) свой образъ показалъ,
Матфусамъ жилъ девятъ
Сотъ лѣтъ и еще девятъ.
Помишляй денъ страшній:
Бо пойдемъ во гробъ темній.

Воинъ мовитъ:

Почто мя, Смерте, гробомъ устрашаешь
И почто надо мною косою махаешь?
Стрелбу вседобрую маю
И до тебѣ якъ унія страляю

Воинъ стрелилъ, а смертъ воина затнатъ и мовитъ:

Востани, воине. Ко Богу
Ото заразъ пойдешь подъ ногу.
Кто творяй, воине, таковая,
Яко же ти творишъ вся злая?
Яко же свиня лѣзешъ до калу,
Ото заразъ упадешъ къ земному долу.

Воинъ лежачи мовитъ.

Дивная и морская Смерте!
Пришла еси воинову главу стерти:
Трепещьми гро очима взираю (?)
Съ тоюжь ити до гробу маю,
Связанъ нинѣ многими грѣховъ пленицами.
Отъ южъ служачу темній дворь,
Широкій путъ, оде усадніе власти
И ворота теперь павшы
Въ темность въ гробѣ гнисти.
Горе будетъ отсилаемому у муку!
Подай, воине, Смертѣ свою руку
И зъ людми ужъ попрощайся,
А тутъ и не обавляйся.

Аминь.

[1]) *си нашъ.*

III.

СМѢСЬ И БИБЛІОГРАФІЯ.

МИНІАТЮРЫ ОСТРОМІРОВА ЕВАНГЕЛІЯ.

Извѣстно, что знаменитая рукопись, написанная въ $10^{56}/_{57}$ году
я новгородскаго посадника Остромира, украшена четырьмя миніа-
орами, изображающими четырехъ евангелистовъ, заставками и
ногочисленными заглавными буквами. Всякій, кто знакомъ съ па-
ятниками средневѣковаго искусства, съ перваго взгляда съумѣетъ
личить въ этихъ живописныхъ произведеніяхъ двѣ руки: миніатюры
инадлежатъ одному художнику, и именно живописцу, и изготовлены
я этой рукописи, а не взяты изъ какой-либо другой, напримѣръ
ческой и приставлены на свои мѣста для вящаго изукрашенія
ого манускрипта, что вообще часто встрѣчается въ рукописяхъ.
то доказывается какъ пергаменомъ одного достоинства, такъ и
инаковой съ пергаменомъ писаннаго текста величиною. Заставки же
заглавныя буквы явно, по исполненію своему, принадлежатъ дру-
ому художнику—каллиграфу, на которомъ лежала обязанность укра-
ать рукописи подобными орнаментами послѣ окончанія перепис-
и текста, что доказывается многими неоконченными средневѣковыми
анускриптами и даже нѣкоторыми типографскими инкунабулами.
ставляя въ сторонѣ послѣднія живописныя украшенія Остромірова
Евангелія, какъ относящіяся къ средневѣковой каллиграфіи, я осмѣ-
иваюсь обратить вниманіе знатоковъ средневѣковой живописи только
а миніатюры четырехъ евангелистовъ. Когда разсматриваешь ихъ, не-
ольно раждается вопросъ, рѣшеніе котораго тѣсно связано со всѣмъ
остояніемъ искусства въ древнѣйшую эпоху Россіи: принадлежатъ
и эти изображенія византійскому живописцу, Греку, научившемуся
ъ Византіи своему искусству, пріѣхавшему къ намъ и работавшему
ля нашихъ религіозныхъ потребностей, или они оригинальное произве-
еніе русскаго художника? Если допустить первое, то замѣчательное
исполненіе этихъ произведеній и всѣ ихъ особенности вполнѣ ста-
новятся понятны. Если же согласиться на второе, то должно допу-

стить, что въ ту эпоху, когда былъ написанъ этотъ древнѣйшій памятникъ церковно-славянской письменности, искусство въ Россіи находилось на такой высокой степени процвѣтанія, какъ и въ Византіи, и въ ней проявляется тотъ же фактъ, какъ и въ этой послѣдней странѣ; а именно, съ каждымъ вѣкомъ искусство въ ней падаетъ глубже и глубже. Кромѣ того надо допустить, что если одна вѣтвь искусства,—и притомъ весьма второстепенная, каково изукрашеніе манускриптовъ,—находилась на такой степени процвѣтанія въ XI-мъ столѣтіи въ Россіи, то другія, болѣе самостоятельныя, вѣтви искусства, каковы архитектура, стѣнная и иконная живопись, стояли еще выше и слѣдовательно Россіи, для созиданія храмовъ, не нужно было призывать ни въ то время, ни послѣ напр. зодчихъ изъ Византіи, Германіи и Италіи. Кромѣ того, допуская послѣднюю гипотезу, слѣдуетъ также допустить, что русскіе художники XI вѣка, во внѣшнихъ отношеніяхъ, позволяли себѣ работать совершенно по волѣ своей художественной фантазіи, потому что въ этомъ-то отношеніи именно миніатюры Остромірова Евангелія и представляютъ замѣчательное даже въ византійскомъ искусствѣ исключеніе, на которое никто до сихъ поръ не обратилъ вниманія.

Уже въ статьѣ моей «О состояніи живописи въ сѣверной Европѣ отъ Карла Великаго до начала романской эпохи», напечатанной въ Жур. Мин. Нар. Пр. 1859 г., я старался провести мысль и доказать ее фактически, что въ миніатюрахъ средневѣковыхъ рукописей вообще отражается самымъ полнымъ образомъ состояніе живописи каждаго вѣка, стиль каждаго вѣка и направленія его различныхъ школъ. Но, изучая памятники средневѣковой миніатюрной живописи я сдѣлалъ еще другое любопытное наблюденіе: не говоря объ общемъ характерѣ стиля эпохи, лежащемъ на этихъ произведеніяхъ, ихъ авторы любили иногда передавать въ своихъ крошечныхъ созданіяхъ стиль тѣхъ художественныхъ предметовъ, которые въ извѣстную эпоху находились въ модѣ. Сколько ни покажется это страннымъ съ перваго взгляда, но вѣроятно всѣ знакомые съ внутреннею жизнію среднихъ вѣковъ знаютъ, что мода въ эти наивныя времена тиранствовала столько же сильно, какъ и въ наши. Такъ напр. когда въ западной Европѣ вошли въ большую моду расписанныя стекла въ церквахъ, то миніатюрные живописцы воспроизводили въ точности технику этихъ произведеній въ своихъ миніатюрахъ. Я нашелъ нѣсколько примѣровъ тому. Когда крестоносцы съ востока привезли съ собою восточные ткани и ковры, то миніатюристы начали переносить въ свои миніатюры странные рисунки, иногда восточно-религіознаго характера, которыми изукрашали тексты религіозно-хри

стіанскихъ твореній. Въ X столѣтіи высоко процвѣтала въ Византіи эмалевая живопись: многочисленныя произведенія ея были въ общей модѣ (см. мою статью: Исторія византійской эмали, въ первой книжкѣ Л. Р. Л. и Д.). Миніатюристъ, украсившій Остромірово Евангеліе, возпроизвелъ въ своихъ четырехъ миніатюрахъ всю технику такъ называемой *инкрустированной* эмали, бывшей тогда въ исключительномъ употребленіи въ Византіи (см. стр. 40 сейчасъ названной статьи). Вотъ почему миніатюры Остромірова Евангелія представляютъ совершенное исключеніе въ византійской живописи и любопытно было бы найти другіе, схожіе съ ними, примѣры. Глядя на эти миніатюры, можно принять ихъ съ перваго взгляда за эмали: очертанія фигуръ сдѣланы какъ-будто изъ золотыхъ пластинокъ и промежуточныя пространства между ними наполнены соотвѣтственною каждому изображаемому предмету краскою. Если эти миніатюры — оригинальное произведеніе, то живописецъ, ихъ написавшій, долженъ былъ быть хорошо знакомъ съ техникою эмали. Не совсѣмъ вѣроятно, чтобы онъ списалъ ихъ съ дѣйствительныхъ эмалевыхъ напр. иконъ, потому что сдвали на иконахъ евангелисты изображались въ этихъ самыхъ позахъ. Византійскій живописецъ легко могъ знакомую ему технику возпроизвесть въ своихъ миніатюрахъ; напротивъ едва ли въ XI столѣтіи была она обще-извѣстна и распространена въ Россіи. Наконецъ можно допустить еще одно и послѣднее предположеніе: миніатюры Остромірова Евангелія могутъ также быть копіями съ неизвѣстныхъ намъ византійскихъ миніатюръ, точно такъ же исполненныхъ, и въ такомъ случаѣ копіями русскаго художника, воспитаннаго въ византійской школѣ. Но руки копіиста я въ нихъ не замѣчаю: исполненіе ихъ чрезвычайно самостоятельно. Древнѣйшій памятникъ русской живописи есть въ тоже время лучшій и древнѣйшій образецъ миніатюрной живописи въ нашемъ отечествѣ.

Я сочту себя счастливымъ, если эта замѣтка вызоветъ болѣе подробное изслѣдованіе этого важнаго памятника живописи и всѣхъ связанныхъ съ нимъ вопросовъ, чѣмъ мнѣ можно было это сдѣлать во время недавняго кратковременнаго моего пребыванія въ Петербургѣ.

К. Гёцъ.

ЖЕНИТЬБА СОЛНЦА НА КРАСАВИЦѢ ГРОЗДАНКѢ [1]).

(Болгарская сказка).

У Славки дѣти не живутъ; но вотъ родила Славка дѣвочку, которая собою очень хороша; Славка думаетъ и гадаетъ, какое бы дать имя своей дочери. Назвала она ее Гроздaнкой: пусть будетъ это имя грознымъ. Росла Гроздaнка и выросла, стала ужь большой дѣвицей, а Солнце ни разу еще не видало ея. Разъ Гроздaнка вышла погулять въ батюшкинъ садикъ, передъ батюшкинымъ дворомъ. Тамъ-то и увидало ее Солнце! Увидавши ее, оно три дня и три ночи трепетало, трепетало и не заходило. А мать ему ужь приготовила ужинъ, приготовила и думаетъ: «отъ чего бы это запоздало Солнце?» Только что Солнце воротилось домой, мать стала было журить его, журила а сама спрашивала: «Солнушко, матушкино дитятко! отъ чего ты, солнце, запоздало? а я тебѣ и ужинъ было приготовила, ужинъ изъ яловой коровы и девяти печеныхъ кислыхъ хлѣбовъ». А Солнушко и говоритъ матери: «Знай же, матушка, знай, какую я усмотрѣлъ дѣвушку на дольней землѣ, на другомъ свѣтѣ! Если не возьму за себя этой дѣвушки, не буду я такъ ясно восходить, какъ до сихъ поръ восходилъ. Иди, матушка, иди; иди ты, матушка, къ Богу, иди да спроси Его: можемъ ли мы ее взять, живою сюда поднять и могу ли я на ней жениться». Приходитъ мать солнцева къ Богу и говоритъ: «Боже, благодарю тебя! Солнце тужитъ и горюетъ: увидѣло

---

[1]) Заимствуемъ эту сказку изъ книги Раковскаго: Показалецъ или руководство, какъ да ся изисквуть и издирють най стари чьрти нашего бытія, языка, народопоколѣния, стараго ни правленія, славнаго ни прошествія и проч. часть пьрва Одесса. 1859. Въ этомъ сборникѣ есть нѣсколько любопытныхъ подробностей о бытѣ и устной поэзіи Болгарскаго народа, хотя попытки ученаго объясненія ихъ мало удаются издателю. Переводъ предлагаемой сказки сдѣланъ г. Петринымъ.

Ред.

оно разъ дѣвицу внизу, на дольней землѣ; можно ли и прилично ли намъ взять эту дѣвицу къ себѣ живою?» Господь отвѣчаетъ матери: «Старушка ты, солнцева матушка! можно и пристойно. Давайте спустимъ золотыя качели на дворъ Грозданкинъ, опустимъ ихъ въ самый Егорьевъ день: пусть приходятъ сюда и малые и большіе, пусть на здоровье качаются на нихъ. Послѣ всѣхъ придетъ сюда и Грозданка, сядетъ она на эти качели, будетъ на нихъ качаться; тогда мы поднимемъ эти качели и давайте возьмемъ ее къ себѣ на высоту». Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Въ самый Егорьевъ день спущены были золотыя качели на Грозданкинъ дворъ. Качались большіе и малые, качались на здоровье. Качались всѣ и перекачались, наконецъ пришла сюда и Грозданка, мать сама ее качала. Только что сѣла она на качели, и покрылось все вдругъ темною мглою, качели сдвинулись и, какъ пошли онѣ на верхъ, мать начинаетъ плакать о своей дочери и наказывать ей: «Грозданка, милая дочка! Девять лѣтъ кормила я тебя, и девять лѣтъ, смотри, не говори ни со свекоромъ, ни съ свекровью, ни съ первымъ любимымъ женихомъ». А Грозданкѣ почудилось: девять лѣтъ не говори! И вотъ Грозданка девять лѣтъ не говоритъ ни со свекоромъ, ни со свекровью, ни съ первымъ женихомъ-солнушкомъ. Грустно стало Солнцу, что Грозданка-нѣмая; и хочетъ онъ взять за себя другую дѣвицу, которая бы не была нѣма. Грозданка же будетъ кумой (шаферомъ), Грозданка обвѣнчаетъ ихъ. Затѣяли большую свадьбу. Грозданка накинула на невѣсту покрывало; а покрывало вдругъ само и вспыхнуло. И проговоритъ тогда невѣста изъ-подъ покрывала: «Грозданка, опытная прислужница! если ты изъ нѣмыхъ нѣмая, то не изъ слѣпыхъ слѣпая, чтобы зажечь мое покрывало»! Грозданка засмѣялась и сказала невѣстѣ такое слово: «Не зажигала я твоего покрывала, и не нѣмая я изъ нѣмыхъ, не слѣпая изъ слѣпыхъ. Мнѣ матушка говорила: девять лѣтъ я тебя кормила, девять лѣтъ за это не говори ни со свекоромъ, ни со свекровью. Теперь ужъ минуло девять лѣтъ, теперь хочу я говорить». Услыхало о томъ Солнце и старая его мать, солнцева: невѣсту назадъ вернули, а Грозданку съ Солнцемъ обвѣнчали.

СКАЗКА ОБЪ ИВАНѢ БѢЛОМЪ [1]).

Билъ себѣ царь да в его три дочки, а 1 синъ, и жили себѣ въ пущахъ и такие у нихъ доми хорошие и пришло до іхъ въ ночи подъ окно и рече: «Добри вѣчеръ тебѣ, царю!» и говоритъ подъ полатами: «Царю! отдай за мене старшую свою дочаръ». Царь въ полатахъ озвавшися и рече: «Коли добъре, иди въ хату». Старшая дочаръ ево отворила дверѣ и виглянула: и воно ухватило и помчало. Царь же, схватившися не хоромъ, и ище велми усюди по пущамъ и не искалъ. На другую ночъ пришло подъ окошко и рече царю: «Отдай за мене подстаршую дочаръ». Царь въ полатахъ озвавшися і рече: «Коли добре, иди въ хату». Подстаршая дочаръ ево выскочила не хати и (воно) вхватило и помчало. Царъ, схватившися с хоромъ, и ище велми усюди и не искалъ и скорбелъ велми дуже. И умре царъ и царица и остался синъ и меншая дочаръ, и приде черезъ три дни у глухую ночъ под окошко и рече: «Отдай, царевичу! меншую сестру». И царевичъ в полатахъ озвавшися: «Коли добре, иди в хату». І меншая сестра ево отсунула окошко и выглянула, и вхватило и помчало, Богъ знае хто и вѣдкул. И царевичъ велми тужилъ и плакалъ, искалъ и не искалъ и пошелъ искать, и шелъ 3 недѣли и бьются три человека и говоритъ имъ царевичъ: «За что ви бьетеся?» И вони, смотря на ево красоту, и говорятъ ему: «За баткѣвщину». И говоритъ царевичъ: «За какую баткувщину?»—За шкарупѣлку, за шапку, за чоботи. И онъ говоритъ тимъ человекамъ: «А якая то шкарупѣлка, и шапка, и чоботи?» И тіи человеки говорятъ: «Шкарупѣлка такая, что куля не пробуе и утѣшная; а шапка якъ наложитъ на голову, то и человека не видно; а чоботи такие, якъ убуется да и скажетъ: несѣтъ мене, куди я исхочу, то они и понесутъ». Царевичъ имъ говоритъ: «Пойдѣте у тое лози и вѣрѣжте по луку и по стрѣлцѣ и стрѣляите: да кто далѣ стрелитъ, тому и шка-

[1]) Эта сказка заимствована нами изъ того же сборника Е. Д. Филимонова, изъ котораго взяты и *заговоры на оружіе*, напечатанные въ 4-й книжкѣ «Лѣтописей».

Ред.

рупѣлки, а кто ближе, тому чоботи, а кто ище ближе, тому шапка». А они съ радостию пошли у лози, а царевичъ, шапку на голову наложивъ, у чоботи убувся, у шкарупѣлку одѣвся и сказалъ:.....[1]) Вдарилъ и говоритъ: «Знать у тебе бахури естъ». Она и сказала: «Чтожъ? мой братъ приходилъ, да твоего духу спужался и не знаю, где девался». Онъ его искатъ. Какъ узялъ плакать и говоритъ: «Колибъ я его найшолъ!....» Жена ему говоритъ: «Чтожъ? якъ ти его найдешъ, ти его зальешъ, ти его забьешъ». И говоритъ: «не буду». А онъ въ (за)куте сидѣлъ и вишолъ. «Здоров, зятю!» И онъ говоритъ: «Здоров, шурину!» И п[illegible], стали питъ и гулятъ, и говоритъ шуринъ: «Зятю! навъч[illegible]го лицарства». И онъ говоритъ: «Навчу.» И вишли ис пол[illegible]нулись громомъ и подялисъ високо, стали стучетъ и гр[illegible]елъ хорошо, а ученикъ лутче. И прилетѣли и стали питъ [illegible] сказалъ «Зятю! прощайте». Они плачутся, не пущаютъ[illegible]и пошелъ за дворъ, и клонился и пошелъ и сказалъ на [illegible]сѣтъ мене до пѣдстаршои сестры». И ишолъ онъ лесом[illegible]пришолъ у такие пущи и петры! И пойшелъ у тие пущи — [illegible]ородъ каменной, и пошелъ у той дворъ и въ томъ двор[illegible]каменние, а его сестра подстаршая на горницѣ своему м[illegible]омъ хусточки шіе. И вскочила изъ горницы до ево; онъ заговорилъ; до ево собаки сунулись, сестра ево оборонае, онъ и вскочилъ на горницу. И поздоровкались и спрашиваетъ ево сестра: «Зачимъ ти, брате, сюди заишолъ?» И говоритъ: «Ноги занесли». И спрашиваетъ: «За кимъ ти, сестра моя любезная? Кто твой мужъ?» И она говоритъ: «Мой мужъ дощъ. Охъ! мой мужъ лихъ: какъ онъ прилетитъ, онъ тебе зальетъ, онъ тебе забьетъ! где мѣнѣ тебе и сховати?» Онъ говоритъ: «Не бойся, сестро!» Онъ и летитъ, вдарился въ дворе и перекинулся молодцомъ краснимъ и вошелъ у хоромы и говоритъ: «Что руская костъ воня?» А жена ему говоритъ: «Где бивалъ, где ти леталъ, тамъ ти руской кости набрався и тутъ тобѣ воня». Онъ ее въ щоку вдарилъ и говоритъ: «Знать у тебе бахуры естъ?» Она и сказала: «Чтожъ? мой братъ приходилъ, да твоего духу спужался, не знаю, гдѣ девался». Онъ сталъ искатъ; какъ узялъ плакатъ и говоритъ, что «колибъ я его найшолъ».... Жена ему говоритъ: «Чтожъ? якъ ти ево найдешъ, ти его зальешъ, ти его забьешъ?» И говоритъ:

[1]) Здѣсь одного листка не достаетъ; но нить разсказа, благодаря эпическому повторенію частностей, легко возстановляется изъ послѣдующаго. Царевичъ пожелалъ перенестись къ своей старшей сестрѣ. Услыхавши о возвратѣ своего мужа, она спрятала его; но громъ сталъ допрашивать жену: отчего русскимъ духомъ пахнетъ.

«Не буду». А онъ за столомъ сидѣлъ и вышолъ: «Здорово, зятю!» ««Здорово, шурину!»» И поздоровкались и стали пить и гулять и говорить: «Зятю! навчи мене свого лицарства». И онъ говоритъ: «Навчу». И вишли изъ полатъ и перекинулись дощемъ, и стали литъ, топить села и города: учитель гораздъ, а ученикъ лутче. И прилетѣли и стали пить и гулять. И сказалъ: «Зятю! прощайте». Они плачутся, не пущаютъ ево, онъ и пошелъ за дворъ и поклонился, и пошелъ и сказалъ на чоботи: «Несетѣ мене до меншої сестры». Шолъ онъ лесомъ 8 денъ и въ лесу каменной городъ такой, что не можно перелѣзть, ни птицѣ перелетѣть. И пошелъ у той городъ и въ томъ городе каменни полати и ево сестра на горнеци своему мужу хусточку шолкомъ шие, а прикованніе на воротѣхъ олень..... на головѣ то семъ роговъ; и скачилъ на горнецу и поцеловался съ своею сестрою и спрашиваетъ: «Сестра моя родная! кто мужъ твой?» И говоритъ ему сестра: «Мой мужъ ветеръ; гдежъ мнѣ тебя сховати? мой мужъ строгъ, онъ тебе забье, онъ тебе разнесе». Онъ и летитъ, и вдарился молодцомъ и войшелъ у хороми и говоритъ: «Что руска кость воня?» Жена: «Где ти бивалъ, где ти леталъ, тамъ ти руской кости набрався». Онъ ее въ щеку ударилъ и говоритъ: «Цытъ! у тебе бахуры есть». Она ему и сказала: «Чтожь! мой братъ билъ, да твоего духу спужался, не знаю, где девался». Онъ сталъ искать, узялъ плакать и говорилъ, что «колибъ я его изнаишолъ».... Жена ему говоритъ: «Чтожъ якъ ти ево найдешъ, ти ево забьешь и *вѣтра* разнесешъ». И онъ говоритъ: «Не буду». И онъ сидѣлъ на комнатномъ порозѣ и идетъ и говоритъ: «Здоровъ, зятю!» — ««Здоровъ, шурину!»» И поздоровкались и стали пить и гулять и говоритъ: «Навчи мене, зятю, своего лицарства». И говоритъ: «Навчу». И вишли изъ хоромъ и перекинулись и пойшли дуть раздувать, и многіе царства раздувать, и хати перевертатъ: учителъ добре, а ученикъ лутче. И прилетѣля на дворъ и вдарились и стали молодцами, войшли у хату, и стали пить и гулять. И говоритъ шуринъ: «Прощай, зятю, и ты, сестра!» И они его не пущаютъ, и плачутся, и говорятъ: «живи у насъ». И онъ вишолъ за дворъ, и уклонился, и пошелъ и думае: «Кудажь теперь мене повернутся?» И говорила ему ево родная баба, что естъ у ево братъ Иванъ Бѣлой, подъ беломъ наметомъ живетъ, и говоритъ чеботѣмъ: «Несѣте мене до брата». И они говорятъ, что «я ходилъ во всѣхъ царствахъ и во всѣхъ государствахъ, а того не знаю». И онъ ихъ, чеботи, бросилъ подъ лѣсомъ, и вошелъ въ такіе пущѣ и нетрѣ и въ тѣхъ натрядхъ городъ каменной. И онъ прйшолъ подъ ворота и стукнулъ палечкою, изъ того города вийшолъ старенкой дѣдъ. Онъ и говоритъ: «Здоровъ, дѣду!» И онъ говоритъ: «Здоровъ,

сынку! чего ти сюди зашолъ?» И онъ и спрашиваетъ: «Чи не знаешь ли ти, дѣдусю, мого брата Бѣлого Ивана, подъ бѣлимъ наметомъ?» И онъ думалъ и говоритъ: «Не знаю! Сколки я городовъ и царствъ знаю, а того не знаю: хиба мои слуги чи не знаютъ?» И вйшолъ за дворъ, и свиснулъ велми, и бежатъ гади всякія и говоритъ имъ: «Не знаете ли, слуги мои, Бѣлого Ивана, подъ бѣлимъ наметомъ живетъ?» И онѣ всѣ воскликнаху: «Не знаемъ!» Говоритъ имъ: «Скажѣте, я вамъ голови поодтинаю». И говоритъ: «Не знаютъ, сынку: онибъ и сказали, а то не знаю[illegible]ди, хиба, есть у мене старшой братъ, того спроси: той [illegible]тъ?» Онъ и пошелъ и шолъ лѣсомъ, йшелъ 3 недѣлѣ и войш[illegible]у пущѣ и въ нетрѣ и въ тихъ нетрихъ городъ каменной, и [illegible]йшовъ подъ городъ и стукнулъ палечкою у ворота и ви[illegible]человѣкъ. Онъ єво и спрашиваетъ: «Чего ти сюди зни[illegible]ревичъ говоритъ: «Чи не знаешъ, мой батку родной! есть [illegible]атъ родной Иванъ Бѣлой, подъ бѣлимъ наметомъ живетъ[illegible]умалъ[1]) и сказалъ, что «не знаю, хиба мои слуги чи не зн[illegible]онъ вишолъ за городъ и свиснулъ богатирскимъ гласомъ и сбѣ[illegible]всѣ звѣри, что есть на свѣтѣ, и говоритъ: «Чи не знаете, слуги мои, Ивана Бѣлого, подъ бѣлимъ наметомъ живетъ?» И они ему отвѣщавши: «Не знаемъ». Онъ имъ говоритъ: «Скажите! я вамъ голови поотрубаю». И они ему отвѣщавши, говорятъ: «Не знаемъ» И тотъ старикъ царевичу: «Онибъ сказали, та не знаютъ; пойди, есть у мене старшой братъ: тотъ знаетъ». И онъ пошелъ лесомъ и шолъ 6 (недѣль?) и войщелъ въ пущи и въ нетры. И въ тихъ нетряхъ каменной городъ, и въ томъ городѣ подъ сребромъ палати. И стукнулъ у воротъ и вишолъ старикъ такой старой, что не можно сказать, и говоритъ царевичу: «Что ти мене испрашуешъ?» И онъ ему говоритъ: «Знаешъ лѣ ти моего брата, Ивана Бѣлаго, подъ бѣлимъ наметомъ живетъ?» И онъ думалъ три дни и говоритъ: «Сколки я ходилъ по государствамъ и всякаго человѣка знаю, а того не знаю. Есть у мене слуги: чи не знаютъ?» И вишолъ за ворота и свиснулъ, и такъ свиснулъ, что земля издвигнулась; и злетѣлись всѣ птицѣ, что есть на свѣтѣ и онъ ихъ и спрашиваетъ: «Знаете ви, мои слуги вѣрніи, того человѣка?» И они имъ говорятъ: «Якого?»—«Бѣлого Ивана, подъ бѣлимъ наметомъ живетъ?»» И они ему отвѣщавши: «Не знаемъ». И всѣ птицѣ злетѣлись, толки одной не маетъ, толки той птицѣ перо и такое перо, что она хоть дѣ будетъ, а, якъ станетъ тое перо на догонъ палити, то тая пътиця прилетитъ. И онъ сталъ палитъ тое перо, и она при-

[1]) Въ рукописи: *думъ*.

лстѣла и говоритъ своему пану: «Что ти мене строго посмикаешъ?» И онъ барзо разсердился. Она ему говоритъ: «Чего ти сердишся?»— ««Знаешъ ли ти того человѣка,' от сого парубка братъ старшій, Иванъ Бѣлий, подъ бѣлимъ каметомъ живетъ?»» Она ему говоритъ: «Якъ намъ не знати? Толки ми отъ него и . . . . .[1]) и жыви. И онъ имъ говоритъ: «Смотрѣтѣ ви, (мои) слуги, поставте отъ сого человѣка с . . . . . »[2]) и они ему говорятъ: «Наготовь же 50 бочокъ (ма)са[3]), набій дичини, и 50 бочокъ меду, то ми его и поставимо». Онъ и наготовилъ. Они его и понесли, а онъ той птицы и кидаетъ мясо и они ему говорятъ: «Чи видно землю?» Онъ имъ говоритъ: «Не видно». Они его понесли еще выше и говорятъ: «Чи видно?» Онъ ему говоритъ: «Не видно». Они его подняли такъ, что на головѣ волосья погорело, и говорятъ ему: «Глянь назадъ и напередъ: чи видно землю?» Онъ и глянулъ и говоритъ имъ: «И съ заду вода, и съ переду вода». И они что закричатъ, то онъ имъ и кидае мясо и викидалъ усе. И они кричатъ, онъ урезалъ своей ноги и бросилъ имъ. Они его и пустили и говорятъ: «Чего ти намъ кинулъ такого на остатку солодкого?» Онъ боится, не каже. Они кажутъ: «Скажи! не бойся». Онъ и сказалъ: «А чтож я своего стегна урезалъ и вамъ[4]) бросилъ». Они ему плюнули, а оно и загоилось, а онъ дивитци назадъ и напередъ: и стоитъ на островѣ, а в его билконъ, и хортъ и соколъ. И онъ себѣ и здумалъ: Какъ мене зятѣ своего лицарства учили? Онъ перекинулся ветромъ и охватилъ своего коня, понесъ високо и спустилъ на березѣ, и вбилъ, и сталъ плакать и сталъ водою одливать и одлилъ, и с(ѣлъ), и поехалъ, и приехалъ до своего брата Ивана. И онъ спитъ, а его багатирской конь жаръ ѣстъ, а хортъ зайця, а соколъ утку. Онъ отогнавши его коня, и приставилъ сво(его), отогналъ хорта и приставилъ своего, отогналъ сокола и приставилъ своего, и легъ у своего брата за плечима спатъ. И ево братъ прокинулся, Иванъ Бѣлой, и думаетъ себе: «Что се? чей это конъ, и соколъ, и хортъ? Мой конъ на сторонѣ, а той жаръ істъ; мой хортъ на сторонѣ, а той зайця істъ; мой соколъ на сторонѣ, а той утку істъ?» Глянулъ на свою постелъ: и лежитъ человѣкъ и онъ из жалю и схватилъ свой мечъ самосѣчъ и хотѣлъ ему голову отрубати и раздумалъ себѣ: «Не такъ; каби онъ худъ человѣкъ, такъ онъ би мнѣ голову отрубалъ; а то, знать, добръ человѣкъ». И возбу-

---

[1]) Въ этомъ мѣстѣ рукопись истлѣла.

[2]) Истлѣло.

[3]) Въ скобки поставлено внесенное по догадкѣ на испорченныхъ мѣстахъ.

[4]) Въ рукописи ошибочно: *ваши*.

далъ: «Устанъ, человѣче! чего ти ко мнѣ зайшолъ?» Онъ и всталъ и говоритъ: «Я твой братъ меншой тебе, ти мой братъ старшой, Бѣлой Иванъ». Онъ говоритъ: «Я Иванъ Бѣлой». И поздоровкались и стали пить и гулять.

И пришло до Бѣлого Ивана писмо: «Скрипливѣи ворота, похилая шапка! ступай на баталъ». И онъ говоритъ: «Заразъ». И онъ пошелъ подъ мостъ и сталъ гострить свой мечъ самосѣчъ, и проситъ его братъ, Ивана Бѣлого: «Дай я, брате, пойду за тебе на баталъ».— ««Брате! естъ тутъ и съ трома голо : онъ те(бе) изрубае»». И онъ говоритъ: «Ужежъ пойду». тъ ему: «Всѣхъ рубай, толки т(и) не рубай, что съ тро . И по(шелъ), и сталъ рубатъ, и порубалъ все вѣско; ися, думае себѣ, «что скольки я тисящъ погубилъ?» и оего богатирскаго коня и той не втече, а той не нажене: гора, онъ у гору ушелъ, той и вернулся и пріѣхалъ до сво Ивана. И той питается: «А что, брате, порубалъ?«—««І Черезъ 3 дни пришло писмо: «Скрипливѣи ворота, похила ступай на баталъ». И онъ говоритъ: «Тотчасъ». И пошелъ гострить свой мечъ самосѣчъ, и проситъ его братъ, Ивана Бѣлого: «Дай я, брате, пойду за тебе на баталъ». ««Брате! есть тута и съ трома [1]) головами змѣй: онъ тебе изрубае»». И онъ говоритъ: «Уже же пойду». И говоритъ ему: «Всѣхъ рубай, толки того не рубай, что и съ шестяма головами». И пошелъ, и сталъ рубатъ и порубалъ все войско, одинъ зостался; и думае себѣ, что «скольки я тисящъ порубалъ?» И полягъ на своего богатирскаго коня, и той не втече, а той не дожене: разступилась гора и онъ у гору ушелъ. Той и вернулся и пріѣхалъ до своего брата Ивана. И той питается: «А что, брате, порубалъ?» — ««Порубалъ»». Черезъ три дня пришло писмо до Бѣлого Ивана: «Скрипливѣи ворота, похилая шапка! ступай на баталъ». И онъ говоритъ: «Заразъ». И взялъ свой мечъ самосѣчъ и пошелъ подъ мостъ гострить и гострилъ трое сутокъ. И говоритъ: «Дай, брате, я за тебе пойду на баталъ».—««Брате! есть тута и съ 12 головами змѣй: онъ тебе изрубае»» И онъ говоритъ: «Ужежъ пойду». И пошелъ и винялъ свой мечъ самосѣчъ и махнулъ на обѣ сторони и такъ рубае тое войско и съ переду, якъ пѣсокъ, а и съ заду, якъ покоси. И вирубалъ, и зостался тотъ змѣй, что съ 12 головами и онъ себѣ подумалъ: «Что, Боже мой милостивой! сколки я тисящъ всего порубалъ, а то вже менѣ сего не зрубати?» И полягъ на своего богатирскаго коня и такъ за нимъ бѣжитъ, что подъ нимъ земля сту-

[1]) *Ошибка, вмѣсто:* съ шестяма, какъ видно изъ дальнѣйшаго разсказа.

гнетъ. И той не втече, а той не дожене, и прибѣгли до такой гори болшой, и тая гора разступилась и той змѣй у гору ушелъ. И той царевичъ, своего богатырскаго [1]) не вдержавъ, и вбѣгъ у тою гору, куди змѣй, и тая гора и сступилась.

Тиі всѣ змѣи в.... кричали: «А тутъ ти, проклати с(ыну), что хотѣлъ насъ порубати!» И въ тѣхъ горахъ горница, и на той горницѣ тихъ трехъ змѣевъ родная сестра рубашки своимъ братамъ шие. И тіи змѣи говорятъ: «Теперь ти намъ попався, ми тебе убьемъ; лѣзъ до нашей сестри, спочивай». Онъ и полѣзъ, и тамъ они себѣ поздоровкались, и она ему говоритъ: «Зачимъ ти сюди заѣхалъ?» И онъ говоритъ: «Мене сюда конъ мой занесъ». И она ему говоритъ: «Чи возмишъ мене за себе, то мои брати тебе не вбьютъ; а якъ не возмишъ, то вбьютъ». И онъ говоритъ: «Возьму и заприсягъ, что возьму». Тута и кричитъ змѣй: «Лѣзь сюда битси». Онъ и полѣзъ. И онъ говоритъ, змѣй: «Дми тичокъ, будемъ молотити». И онъ говоритъ, онъ ему говоритъ: «Твой домъ—твоя воля; дми ти». И онъ говоритъ: «Дми, вражій сыну; я тебе убью». Царевичъ дмухнулъ посребривъ, а той дмухнулъ помѣдив и стали биться, и онъ змѣя убилъ. Другій говоритъ: «Озбавиж ти, уражій сыну, намъ брата; лѣзь и спочивай». Онъ и полѣзъ и спочивае. И говоритъ: «Лѣзь биться». И полѣзъ онъ. И говоритъ: «Дми тичокъ, будемъ молотити». И онъ говоритъ: «Дми ти».—««Дми, вражій сыну, я тебе убью»».—«Твой домъ—твоя воля, дми ти, змѣю!» — ««Дми, царевичу! я тебе убью»». Царевичъ дмухнувъ помѣдивъ, а змѣй дмухнувъ посребрывъ и стали биться. И тотъ змѣй якъ (дмухнулъ) у зеленой мѣды, такъ его неякими мѣрами не можетъ убыти. Такъ ево сестра дала царевичевѣ два ножа булатнихъ и онъ змѣя ударилъ тѣми ножами подъ руки и убилъ. И полѣзъ на горницу спочивати и говоритъ змѣивна: «А что убилъ?» И онъ говоритъ, что убилъ. Онъ и пошелъ по всѣхъ коморахъ; и она ему говоритъ: «Усюди ходи, толки не иди (въ тую), что золотою печаткою запечатана». Онъ таки не утерпилъ и думае, что, «Боже мой милостивой, какъ мѣнѣ.....» И тамъ виситъ сі батко родной за ребро желѣзнимъ крюкомъ и подъ нимъ горитъ огонъ великой, а на томъ огнѣ казанъ смоли кипитъ. И онъ говоритъ: «Прими отъ тую смолу». Царевичъ говоритъ: «Не будешь бытси?» Онъ говоритъ: «Не буду». Царевичъ и принявъ. Онъ ухватилъ и говоритъ: «(На) що ти моихъ сыновъ побивъ? теперъ я тебе у смалу в тую укину». Царевичъ говоритъ: «Ходимъ». И пойшли. Змѣивна ему говоритъ: «А що я тебѣ говорила, что не

[1]) Пропущено: *коня*.

». Царевичъ говоритъ: «Якъ мнѣ его убити?» Она говоритъ:
го не можно никому убить, онъ увесь каменной». Она ему тако-
песку дала, что, аби одно зерно упало въ око, то вискочитъ
есь видъ. Старой змѣй кричитъ: «Иди биться». Онъ и пошелъ и
ли биться. Царевичъ ему песку у вѣчи кинулъ, онъ и умеръ.
И пошелъ до своего брата Бѣлого Ивана, подъ бѣлимъ наметомъ
петъ, и говоритъ: Ей здоровъ, брате старшій!» И онъ говоритъ:
доровъ, брате!» И стали пити и гуляти. «Нумо ми брате . . . . .
нитися» и онъ говоритъ: «Нумо». И он братъ поихалъ и
женився и привезъ до старшаго брата свои у и пьютъ и гу-
ютъ. И меншой братъ говоритъ: «На т ите старшій, отъ
ю жинку». Онъ говоритъ: «А тобѣ?» (итъ: «Я себѣ най-
Семикрасу». Тотъ старшой братъ узялъ . А тотъ меншой
атъ поѣхалъ и взялъ себѣ тую змѣивну асу и пріехалъ и
али пити и гуляти, отца и матеръ помин ворятъ: «Богу на-
му слава во вѣки вѣковъ, аминь».

СТИХЪ ОБЪ АНТИХРИСТѢ [1]).

Кто бы, кто бы мнѣ построилъ
Во темныхъ лѣсахъ келію?
Кто бы мнѣ поставилъ
Не на жительномъ бы мѣстѣ,
Гдѣ бы люди не ходили,
Гдѣ бы птицы не летали,
Гдѣ тебѣ, Христу, угодно,—
Гдѣ душамъ нашимъ на пользю?
Какъ во римской будетъ власти
Злый антихристъ народится,
Народится и воцарится.
Онъ пуститъ свою прелесть
По всей области вселенней,

[1]) Напечатанъ по рукописи новаго письма. Сравни у Кирѣевскаго, № 42.

Рососставитъ онъ свои сѣти
По всему міру крещеному,
Онъ исходитъ и прельщаетъ,
Въ свои сѣти уловлястъ.
Самъ Господь Богъ проглаголетъ
Невангельскимъ своимъ гласомъ:
«Вы рабы мои рабыни,
Православніи христіане!
Вы не весело ходите;
Не забыхъ Бога, живите;
И отъ оного прелестника
Не будетъ вамъ уходу
Ни въ градѣхъ и не въ заводѣхъ,
Ни въ селѣхъ и не въ деревнѣхъ,
Ни во темныхъ во лѣсахъ,
Ни во дальныхъ пустыняхъ.
Уходите вы, мои свѣты,
Вы во горы, во вертепы,
Вы во пропасти земныя;
Засыпайтесь вы, мои свѣты,
Вы пеплами и песками,
Еще мелкими хрящами;
Вы постойте, мои свѣты,
За крестъ и за молитву
И за вѣру христіянскую.
Не уморю я васъ, свѣты,
Голодною смертію;
Накормлю я васъ, мои свѣты,
Единой крошечкой христовой;
Напою я васъ, мои свѣты,
Единой капелькой дождевой;
Подарю я вамъ, мои свѣты,
Подарочки драгіе —
На главы вѣнцы золотые,
И веселю я васъ, мои свѣты,
Во прекрасный рай со святыми;
Огражу я васъ, мои свѣты,
Своей рученькой христовой».

СЛОВО ІЕРОМОНАХА ЕВѲИМІЯ *).

Глетъ еѵглистъ: всякъ возносяйся сми[illegible]мираяйся вознесется.

Есть во во чл҃цѣ творяся істинѣ[illegible]гл҃ами же и ср҃цѣ сущимъ вочимъ, а не очимъ; смиренномъ [illegible]ланяеся до земли, давы каменіе собрà і на глв҃у твою ме[illegible] сказуеть винова, вѣмъ: а зàвеми нагогоки на тебя семъ ло[illegible]ние сїи вочее, а не очее. Вѣдати подобаѐ, како ся вокъ смиряе, когда [illegible]цу улолаѐ їли коня ухалаетъ... не точию главою челомъ бие к земли пре оцею, но и на чревѣ позлѐ і хвостомъ ласкатенѣ творитъ і очима влисаетъ весело, яко свѣщами: оцà рàсуждаетъ, яко то у вока і на ср҃цѣ, что і на хвостѣ.

---

*) Предлагаемое слово напечатано по рукописи Синодальной Библіотеки, XVII вѣка № 557. Передъ нимъ, подъ изображеніемъ киноварью креста, читается въ видѣ заглавія слѣдующее «Изорязися сие слово к пр҃твующе градѣ Москвѣ монахомъ Сѳиміемъ устна обители Архистратига михаила чюдова нарицаемаго і угодника бж҃ия великаго архиерея Алексия митрополита московскаго і всея росіи праглагоустивö црѣ і велико кнзе алеѯиі михаиловиче всея великая і малыя і бѣлыя росіи самодержцѣ». Указатель Московской Синодальной Библіотеки (стр. 232) ошибочно говоритъ, что въ этой рукописи находятся *слова* Евѳимія: другихъ словъ того же іеромонаха, кромѣ этого, въ рукописи нѣтъ. Притчи, приводимыя въ словѣ Евѳимія, могли быть извѣстны ему изъ книжныхъ источниковъ. Въ сборникѣ басенъ, переведенномъ на русскій языкъ въ XVII в. съ нѣмецкаго: «Зрѣлище житія человѣчя, въ немъ же изъяснены суть дивные бесѣды животныхъ со истинными къ тому приличными повѣстьми *въ наученіе всякаго чина и сана человѣкомъ*» одна басня разсказываетъ о львѣ и конѣ тоже самое, что Евѳимій передаетъ о волкѣ и ослѣ. Басня сопровождается въ «Зрѣлищѣ» слѣдующимъ нравоученіемъ: Сице бывіетъ улкв хотящемв искренняго своего лукавствомъ погубити, и емуже аще кто ровъ ископаетъ, самъ прежде в него *впадетъ*. Ред.

нѣ, бѣдная овечка! плюй на его челобитье, утѣкай от него, бѣжи: ібо стомах боковъ и чрево, яко пещъ халдейская на тебя распаляеся, згоришь въ огня: потоля ошибомъ ласкательствуетъ, поколя зубов не роня, а егда обори, тогда тебѣ испо бори.... Тако нѣцыи человѣцы словами ласкателными глаголютъ і пред собою зряще хвалятъ і яко с любовию бесѣдуютъ, отшедши же уничижаютъ і оклеветают. Слушайте пророка глаголюща: умякнуша словеса их паче елея и та суть стрѣлы.... устнами осклабляются, а вдругь [1]) вѣрити никакоже возможно, яко Господь рече: устнами чтут мя, сердце их далече отстоит от мене: тако і братию свою устнами чтут, сердце же далече отстоять: почнут хвалити, какь премудрь! как учтень! как учень! голощикь, читатель, сказатель искусный! Убо таковымъ [2]) вѣрити никако же возможи. Слушайте пророка Ісаия глаголюща: людие мои блажащие вы лобатъ: разумѣте же, возлюбленіи что есть: дарование ли [3]) божие в тебѣ пребывает; никако то правда, но омануетъ, прельщаетъ: потоля тебя хвалитъ, поколя не оманетъ, а как обманет [4]), абие тебе аки волкъ потребит. О окаянне вочии нраве! і что же то твое смирение; человѣка снадение, поглощение; кла ти отюду прибыл; кла годоть, да ядешь с нимъ гадаешь; нѣсть ли че еси: таковым Господь гордымъ противится, смиреннымже дает благодать; но и соломон глаголет: сия помыслиша і соблазниша: ослѣпи бо их злоба их і не вѣдеша тайн божиих. Христе, свѣте истинный! сними от нас сию злобу и слепоту і дажд нам свѣт правды і истинны, благостыни і смиреномудрия. Повѣмъ вамъ, возлюбленіи, притчю о волцѣ і о ослѣ на смирено лукавых, іранее же на тѣх, котории людемъ зло дѣлати умышляют, по мале нѣкогда и сами к ню впадают, по пророку: ископаша яму і впадоша в ню, о волцѣ яко уже есть слышали о его коварствѣ і хитрости, которыи [5]) приде нѣкого ко ослу, на поли пасущему, і глаголет дружески: здрав ли еси; что здѣ дѣлаши; отвѣщаетъ оселъ: челом бью на коемъ добром вопрошеніи, но не вѣми здо-

---

1) Вмѣсто этого слова позднѣйшею рукою написано сверху: **нимъ же.**
2) Это слово приписано сверху позднѣйшею рукою. 3) Тою же рукою.
4) Позднѣйшею же рукою. 5) Это слово приписано позднѣе.

ро, волочу ногу за ногу, не могу же и страхы вкусити. А воку то и на руку, приближаяся вокъ и мяхкими словесы гле к нему: друже, како ти имя, осе же яко дурі, овачє и к дурии нѣкогда обрѣтаеся [1]) свои разумъ, рече воку: вратецъ волкъ, того теве, прости мя, не умѣю сказати: забы во, уже дано ѿ оца и матери своеи разлучихся [2]), токо единаче памятую, что имя мое они написали на копыте заднее ноги: аще хощеши знати, прочти: подыму ти ю горѣ. Вокже, любомудрствующи хотя знати имя осло[во], присмотрятся вли ста на [к]опыте писаная [3]). Оселъ же, имѣя велику силу в ногѣ, видѣ[illegible]а с[illegible]раща писмени на копыте, обеде копыто и велико скоро и [illegible]шо пус[illegible] и удучи волка по губе и сотвори его пасти аки ведущ[illegible]де. Она видѣвши, лисица ѿ стороны стоящи яко хи[illegible]и вся гадания ѿгаданна и и ве толку разумѣ и, [illegible]у, гле: здравствуй вкуша.... а остаки осла побереги [illegible]ния прича смѣшная овачє тымъ не вими потѣшная, [illegible]ю дерзкы своими люде сѣти претиняю, нѣкогда же сами себе ими уловляю, по пррку: в сѣти своеи указе грѣшникъ, тому же прилично во Есѳирь глава .д. о аманѣ и о мардохи. О паве повѣдаютъ, яко взирая на перье осуива (ошива) своего красное нача надыматися и годо ходити: егда воритъ на ноги своя черныя абие умилно вопиетъ и пере опущаетъ, аки вы пойма свою совѣсть, видя, что не согласуется красное перье с ногами черными. Такожде и многие члвцы, видяще себѣ честно аки пеемъ пестрымъ украшенны, начинаютъ надыматися, иныя охуждающе, аки вы во семъ выли совершены. егда же нѣкогда приходяще в чювство и себе поняю и свое оскудѣние и злову вразумѣю, окидаю фарисейское возношение и приемлю мытерево смирение, глюще: бже! милостив вуди мнѣ грѣшному! и со двдо: не ходи в велики ни в дивны паче мене, аще не смиренномудрьствова, и инде: влго мнѣ, яко смири мя еси. Аминь.

---

[1]) Приписано позднѣе. [2]) Написано позднѣе вмѣсто зачеркнутаго: воидо.

[3]) Слѣдующія за этимъ слова до: лисица приписаны внизу другою рукою.

ПОВѢСТИ О ВАВИЛОНСКОМЪ ЦАРСТВѢ [1]).

I.

Во времена сицево сказуется. притча о вавилонѣ градѣ.

Бысть в вавилонско(м) царствѣ. царь Адердъ, славою и величество(м) превыше многихъ велики(х) царей. много лѣтъ во царствующемъ градѣ вавилонско(м) царствовавъ. нравъ же имѣлъ во срдцы своемъ таковъ бяше. аще у котораго князя. или у болярина, или у вельможи. или ѿ просты(х) людей, увидитъ на лбу красно с копейку. и царь Адердъ, велѣ тѣхъ людей высылати из града на лѣсъ за двадесят поприщъ ѿ града. да пусть тамо живутъ. а хоти и помрутъ. и царь Адердъ тако вавилонъ гра(д) ѿ мору соблюлъ та убо есть признака морской пострѣлы. минувши же той призначной лунѣ многое время. родители же тѣ(х) людей выношаху к ни(м) из града ѣсти. и покладаше на пняхъ. а с родителями своими не схождашеся. Тоже царь Адердъ ѿ царствія своего преставися умре. тѣже люди мнози на лѣсу живучи, не видали никаковой птицы, ни звѣря. слышавше же тѣ люди, что в вавилонѣ царя не стало и начаша собиратися, хотяху во гра(д) итти. и обрѣтоша на соснѣ совъ. да тутоже по сосною младенецъ. да у тоже сосны козу

[1]) Въ дополненіе къ напечатанной во 2-й книжкѣ «Лѣтописей» *Повѣсти, какъ приходилъ греческій царь Василій подъ Вавилонъ градъ*, предлагаемъ новыя редакціи повѣстей о Вавилонскомъ царствѣ. Первая заимствована изъ синодальнаго сборника XVII вѣка № 850, писаннаго полууставной скорописью, въ 4-ку. Вторая представляетъ только позднѣйшій видъ предъидущей и дополняетъ ее *сказаніемъ о царѣ Алеуѣ и о царицѣ Александрѣ*, къ сожалѣнію не дописанымъ. Эта редакція напечатана по довольно неисправному списку новаго письма, принадлежащему А. В. Горскому. Третья редакція находится въ одномъ раскольническомъ сборникѣ, также новаго письма. *Ред.*

дикую. и тѣ люди не знающе какъ младенцу имя дати. и нарекоша
себѣ имя носоръ, а козѣ имя аха. а младенцу имя навходъ. и даша
младенцу изъ вовса во трою. навходоносоръ. и взяша младенца, и на-
чаша питати его. и поидоша вси людіе весчислено много во гра вави-
лонъ. и виндоша вси люди во гра с лѣсу, и выстъ радость велика во
градѣ вавилонѣ. что вси сродичи снидошася. а иніи мнози на лѣсу по-
мроша. князи же и боляре и велможи. и вси вавилоняне живяху не-
многое время. донележе царя не быт... ...торыи днь, князи и бо-
ляре и велможи и вси вавилонстіи ...ии, ...ошася к лобному мѣс-
ту. и совѣтъ сотвориша, како вы... ...вавилонѣ царя обрѣс-
ти, чтобы еди на нимы царь был... ...коша вси князи и боляре
и велможи и вси вавилоняне. немоч... ...ыбрати из князей і из
болярх. і и вельможъ. но суть ... ...і великородны. и приду-
маша вси, и приговориша вси вави... ...поставити рогъ со из-
мирно во вратѣ грады. и повелѣша вс... ...язем и боляро, и вел-
можа, и всѣмъ вавилоняномъ итти и ехати из града вонъ, и во гра
въехати. и на кѣмъ рогъ вокипитъ, тотъ и царь буди на нами в ва-
вилонѣ. и сотвориша тако поставиша рогъ со измирно во вратѣхъ грады.
тоже ча по единому вси князи и боляре и велможи и вси вавилоняне
ездаше конные и пѣшіе хождаху из града, и во гра многажды. и ни на
кѣмъ рогъ не воскипѣ. какъ поехалъ найденои младенецъ навходоносоръ
из града и во гра. тои часъ рогъ воскипѣ со измирно. князиже и боля-
ре и вельможи и вси вавилоняне видѣша такое великое чюдо, и снидо-
ша с конеи свои. и выстъ с пѣшими вкупѣ. и поклонишася вкупѣ вси
навходоносору, и рекоша вси, радуися, навходоносоре царю вавилонъскіи. царст-
вуя на престолѣ сидя в скипетродержателно велико преславуще гдртвѣ.
и буди намъ, и всему вавилонскомоу гдртву, поборникъ и заступникъ,
свои велеоумны смысло, и велики храбры храбрьство, ѿ нахожденія ве-
ликихъ царей. и введоша его в црков домъ. и возложиша на него цар-
ское одѣяніе, и вѣнецъ царскіи возложиша на главоу ему. и скипетръ

цркіи в руку ему вдаша и посадиша его на црко престолѣ, и поклонишася вси, князи и боляре, и велможи и вси вавилоньстіи витязи. и рекоша. радуйся великіи силныи и храбрыи велеумныи. навхоносоръ црю вавилонскіи. царствуй в скипетродержателно вавилонъско грьствѣ, тоже навходъносоръ царь вавилонъскіи бысть мла ѕѣло но велеумною мудростію и храбростію старъ. нача царствовати, и бысть мръ ѕѣло.

В нѣкоторыи день навхоносоръ царь повелѣ к себѣ быти всѣмъ князе, и боляро, и велможа, и всѣ вавилоняно, тотъ чл. и вси съехалися. навхоносоръ царь нача говорити. князи и боляре и велможи, и вси вавилонстіи витязи, сотворите мнѣ новыи градъ вавилонъ. о седми стѣнахъ, на семи верста а въездъ, и выездъ едины врата. а около града сотворите змiи великъ. во главу бы змиеву въездъ во гра. онижe вси князи и боляре и велможи и вси вавилонстіи витязи. и вси вавилоняне царя не ослушалися, сотвориша новыи гра вавилонъ велми чюде. полюбися новыи гра вавилонъ навхоносору царю. и вниде навхоносоръ царь в новыи царъскіи домъ. и вси князи и боляре, и вельможи в новыя домы свои. и повелѣ навхоносоръ царь во все вавилонѣ градѣ знамя учинити на платье и на оружіе, и на коня. и на уздахъ и на сѣдла. и на хорома на всякомъ врене. и на двеpя. и на окошка. и на судахъ. на стабца, и на блюда, и на лошка. и на всякихъ судахъ. и на всяко скоту. знама все змiи. полюбися царю то знама. и повелѣ себѣ здѣлати мечь самосѣкъ аспидъ змеи. и вза за себя царицу ѿ великого роду царьского. и прижилъ с нею сна царевича имане василiя. В нѣкоторыи днь великіи навхоносоръ царь, повелѣ во вратѣ градны, во главѣ змиевѣ по обѣ сторонѣ решотки мѣдные подѣлати. и за тѣ решотки повелѣ уголiя навозити. и какъ во время посольскаго приходу. егда послы прiидутъ ѿ велики царей, или ѿ велики кралеи. и тогда навходъносоръ царь вавилонскіи, повелитъ грозны свои воевода за градо на полѣ, на двацати верста до града полки великія урядити, и по полъкамъ знамена львовы. и во всѣхъ полцѣ набаты и накры и

ногогласныя трубы. Егдаже послы пойдꙋ сквозь великїе полки, тог-
ко всѣхъ полкѡ ꙋдарити повелятъ воеводы во всѣ набаты и на-
ы. и во многогласные трубы и тогда послы веселовꙋяши идꙋчи. а
къ близъ вратъ градныхъ прїидꙋтъ и тогда триста кꙋзнецовъ начнꙋтъ
мѣхи дꙋти разжогши ꙋголье. и тогда дымъ і искры. а какъ внидꙋтъ
слы во врата во главꙋ змиевꙋ. и тогда огнь и полома сполятъ по-
совъ. и тогда послы ꙋжасти великїя наполнятся. и пришедъ к вели-
комꙋ царю навꙋхносорꙋ поклонятся. и трепе [illegible] ми своими, и едва
осольство справи.

В нѣкоторый день, совращася мноѕи ца [illegible] ими силами и пои-
доша на великїи градъ вавилонъ. и егда м [illegible] с великими силами
приидоша в вавилонскїе предѣлы, и начаша [illegible] мнози грады вави-
лонского держательства поплѣниша, и оустреми [illegible] вавилонъ градъ. той-
же часъ возвѣстиша вѣстницы великомꙋ ц [illegible] сорꙋ вавилонскомꙋ
о прихожденїи многихъ великихъ царей с велики [illegible].

Великїи же царь навꙋходносоръ вавилонскїи слышавъ ѿ вѣстниковъ.
ярости и гнѣвꙋ наполнися, тогда повелѣ грозным воеводамъ на полѣ пол-
ки великїя оурядити. яко быть, ҂т тысящей. да всякїи воевода во
всемъ полкꙋ по оуставꙋ, на златой колесницѣ во всей храбрости смѣло-
во сердца мꙋжественно на вои направитися повелѣ. грозныиже воевода тев-
ризъ вавилонскїи мореистровичь, любимъ бяше навꙋходносоромъ царемъ. свой
полкомъ, яко быть, ҂м, тысящей. в полкꙋ оу него храбрыхъ вавилонскихъ
витязей, толико храбро и мꙋжественно оударишася на полки многихъ великихъ
царей, бесчисленно много поби. двꙋхъ царей живыхъ взя к великомꙋ царю
навꙋхоносорꙋ во градъ отослалъ. ҂п, побилъ. тойже часъ многи цари собокꙋ-
пишася полками своими великими, з двꙋхъ сторонъ оударишася на полкъ
тевризовъ. и едва его с мѣста тронꙋша. тойже часъ грозныи воевода аталинъ
вавилонскїи, свои полкомъ. ҂в. приспѣ к тевризꙋ. елико храбро и мꙋжественно
оударишася. без милости сѣчахꙋ. яко быть, ҂р, побиша. донележе при-
спѣша к нимъ, еі, царей тракликскихъ, с великими силами. яко быть ҂г. тако

пожеꙋша грозныи воеводъ. тоиже часъ царевичь василеи навхоносоровичь ꙗрости и гнѣву наполнися. датковичи властеличника волъгаристра на бои посла. дастъ ему ѿ полку своего царского двора, ҂р҃, храбрыи вавилонъски витязеи. повелѣ ему совокупитися з грозными воеводами. с тевризомъ, да с атланомъ. и повелѣ имъ ударитися на многи цари мужественно. ѡниже волгаристръ властеличникъ и теври воевода, и атланъ воевода, храбрость восприяша великою ꙗростию мужественно ударишася, толико ве милости сѣчаху на пять поприщь гнаша. десять цареи траклинъски живыхъ взяша. ҂г҃ побиша. и тѣхъ цареи отосляша, в великия полки к царевичю василию навхоносоровичю. царевичь же василеи ѿтосла ихъ во градъ ко отцу своему к великому царю, и грозному навхоносору вавилонскому. великии же царь навхоносоръ, повелѣ тои часъ за градомъ на древѣ распяти их, тоиже часъ приспѣша, л҃. цареи долматинскихъ с великими силами, с ними, ҂т҃. елико вкупѣ замѣсиша, вавилоньстии витязи и цари далматиньстии ве милости сѣчахуся изо утра, и до вечера. и побиша промежу собою безчислено много. еі цареи долматинъских живых взяша. и отосляша в великие полки, къ царевичю василию навходъносоровичю. великии же царь навхоносоръ повелѣ их за градомъ на древѣ распяти. а силы их побито, ҂т҃. а вавилонъских витязеи побито, ҂в҃ тоиже часъ приидоша к нимъ, о҃ цареи нечестивыхъ с великими силами, и налегоша бестудно на грозныи воеводъ вавилонъских. грозныиже воевода нача витися тевризъ своимъ полкомъ точма, а грозныи воевода атланъ свои полкомъ с правои руки, мужествено наступи. а датковичь властеличникъ своимъ полкомъ велми храбро и свободно наступи ꙗростию и гнѣвомъ одержимъ бяше. ꙗки неудобъ мнима. грозно бяше видѣти и слышати такое кровопролитие. супостатных враговъ многихъ великих цареи безъ милости сѣчахуся изутра и до вечера. егда наста нощная сѣнь. тогда разыдошася по своимъ станомъ. и на томъ бою л҃. цареи нечестивыи живыи взяша. ҂у҃. побиша. а вавилонянъ побито. ҂і҃. слышавъ же навходносоръ царь вавилонъскии. что побито вавилонянъ. наутрии же день навходносо…

і царскіе воиньскіе врѣмя. и опояса по бедрѣ своем мечь свой само-
съ аспидъ змін. и повелѣ себѣ великіи конь оседлати, и всѣде на вели-
і конь. и взя с собою двора своего црского храбры витязи, ,р и
іде за градъ къ своим на помощь. егда воиско с воиско сразишася,
іаша витися. навходъносоръ царь вельми борзо приспѣ къ своимъ. и
ѣхнися во свое воиско. тогда мечь самосѣкъ аспидъ змін ѿ царя и
кенъ выпорхнулъ, и нача безъ милости сѣчь. тотъ часъ всѣхъ царей
ѣче с великими силами. токмо единъ царь тракликінъскіи со стомъ
инкъ оутече. грозніи же воеводы вавилоньстіи … авріи витязи, сни-
ша с коней вси вкупѣ, поклонишася великому … односору вавилон-
му, и рекоша вси единогласно. радуися и весе… великіи царю сил-
и и грозныи и велеоумныи и храбрыи, на… вавилонъскіи. вся
юстаты своя побѣдникъ. вавилонъское гдрьс… ивъ ѿ нахожденія
естивыхъ царей. и всѣдоша вси на великіе … инде навходносоръ
нь со всѣми силами своими во гра. и нача … асти и веселити-
 и много веселяся навходъносоръ царь в ва… ного лѣтъ царство-
іъ. и оузна свою смерть. и повелѣ во градную стѣну мечь свой само-
съ аспидъ змін замуровати. и закля не повелѣ вынимати до скончанія
вѣку. и оумре великіи и силныи. грозныи и храбрыи и велеоумныи навходъ-
соръ царь вавилонскіи ѿ царьствія своего. и на его мѣсто посгави во
рі в вавилонѣ на царьство сына его, царевича василія. и царь васи-
і навходносоровичь, немного лѣтъ царствова в вавилонѣ. только ѡдну
сять лѣтъ.

В нѣкоторыя дни, слышавъ многіе цари что в вавилонѣ навходъно-
ра царя не стало. а царствуе в вавилонѣ сынъ его царь василеи. и собоку-
шася многіе цари с великими силами, и поидоша к вавилону. и ег-
а внидоша к вавилонъскіе предѣлы. тогда возвѣстиша царю василію
вуходъносоровичю о пришествіи многихъ великихъ царей, с великими си-
лми. тотъ же часъ царь василеи навходносоровичь, повелѣ грозны своимъ
водам, полки великіе оурядити. яко быть, ,т. и повелѣ имъ витися.

Онижe грознии воеводы вавилонстии начаша битися, но не в силу имъ баше. Вспять ко граду понуждаеми грознииже воеводы князиже и боляре и вельможи, приступиша к великому царю Василию, и рекоша вси велегласно: великии царю Василии Навходоносоровичь, не в силу нам битися со многими великими цари. Выни, гсдрь црь, из градныя стены отца своего меч самосекъ, аспидъ змии на нынешнее воинъское время, да заступи насъ, и вавилонъское гсдртво от нахождения многих царей иноплеменных. Царь же Василии рече к ним: заклятъ меч у отца моего до скончания века, не повелелъ его вынимати. Ониже вси вавилоняне велегласно рекоша: выми, гсдрь, на нынешнее время, а какъ минется воинъское время, и ты, царю, опять сохрани его. Онижe великии царь зжалився о вавилонянехъ, повеле имъ битися. А самъ великии царь Василеи вынявъ меч отца своего самосекъ и повеле себе великии конь оседлати. И оубрався во златокованные царъские воинъские брони, и опояса меч самосекъ по бедре своей. И вседе на великии конь, и взя с собою храбрых витязеи вавилонянъ, и поиде из града къ своим на помощъ. Егда же царь Василии Навходъносоровичь вмешися въ свои полки хотѣ битися, тотъ же часъ меч самосекъ аспидъ змии, от царя из ноженъ выпорхнулъ, и отсече царю Василию главу. И цареи великихъ посече с великими силами. А у вавилонъских витязеи, воинско все, что у нихъ было знама на платии, и на оружии, на конях, и на оузди и на седлах, и всякои воиньскои зъбруе змии, те все змии живы стали, вавилонъское воиско все поели. А во граде что было знама змии, женъ и детеи поели, и всякои скот. А что былъ великии змии около града каменъ, и тотъ живъ сталъ свистал и рыкал. От техже местъ и до ниѣ царъствующии Вавилонъ градъ новыи пустъ сталъ. И семоу [illegible]

II.

Сказаніе о Вавилонскомъ царствѣ и о царѣ Аскерксѣ, какъ онъ людей своихъ отъ мору соблюлъ.

Бысть въ Вавилонѣ градѣ царь Аскерксъ, славенъ величествомъ
ревыше многихъ великихъ царей; а нравъ по сердцѣ своемъ имѣлъ
ковъ: аще у котораго князя, или у боярина, или у вельможъ, или
простыхъ людей увидитъ мало нѣчто пожитковъ или одѣяніе на
ихъ красно, и тѣхъ людей велитъ на лѣсъ высылать, да пусть тамо
ивутъ, хотя и помрутъ. Та убо придта (sic!) моровой пострѣлъ. Роди-
ели же ихъ приношаху имъ ясти и на [illegible]агаху: съ родители
юними не схождаху(с?) много лѣтъ; и[illegible]ли, а иные мнози
продилися, и поженилися. И не видали, [illegible]а лѣсу, ни птицы,
и звѣря велики (sic!). Царь Аскерксъ [illegible]и, и нача [1]) соби-
ратися на край лѣсу: хотятъ итти съ [illegible]Вавилонъ. И обрѣ-
оша на соснѣ сову, а подъ сосною м[illegible]а тутъ же стоитъ
икая коза. Они же недоумѣвахуся, какъ [illegible] младенцу и козѣ
ия дати; и даша имя совѣ осоръ, а мла[illegible]одно, а козѣ осоръ.
взяша младенца въ трою Новходносо[illegible]яша его, яко левъ
яше, и взяша его начатъ питати, идеша [illegible] лѣсу въ Вавилонъ.
авилонстіи же князи, и бояре, и вельможи, [illegible] вавилонстіи храбры
итязи и вси вавилонстіи людіе срѣтоша сродичевъ ихъ съ великою
адостію: безчисленное великое войско яко бысть болѣ двою сотъ
ысящъ. И бысть въ Вавилонѣ радость великая, что вси сродичи съѣ-
алися, иныхъ не знающе, понеже въ лѣсу померли, а болѣ того
ородилися и поженилися—и, во градъ вшедъ, вѣнчалися.

И бысть вкупѣ три лѣта безъ царя. И въ нѣкоторый день вави-
онстіи князи, и бояре, и вельможи, и храбрые витязи и вси вави-
онстіи люди съѣхалися къ лобному мѣсту и начаша совѣтывать:
Царя у насъ нѣтъ надъ нами, всякъ у насъ большой; а нынѣ мнози
царіи совокупляются съ великими силами на градъ нашъ Вавилонъ,
хотятъ насъ разорить до основанія; изъ князей, изъ бояръ, изъ вель-
ожъ выбрать намъ царя, ино много большихъ, и никто ни подъ
кѣмъ быть не похощетъ». И совѣтовавши, и поставили рогъ со из-
ирномъ на вратѣхъ градныхъ и повелѣ ѣздить конным и ходить
ѣшимъ изъ града и во градъ: и надъ кѣмъ рогъ воскипитъ, тотъ
адъ нами въ вавилонскомъ царствѣ и царь будетъ. И поставиша
рогъ со змирномъ и начаша ѣздить и ходить изъ града и во градъ отъ
мала и до велика:—ни надъ кѣмъ рогъ не воскипѣлъ. И какъ поѣ-
калъ изъ града и во градъ найденой младенецъ, что на лѣсу нашли

[1]) Здѣсь пропущено *народъ* или что нибудь подобное.

подъ сосною, въ той часъ рогъ воскипѣлъ со змиремъ. Видѣвши же велицы князи, бояре и вельможи такое великое чудо и многи радовашеся и глаголаху. И снидоша съ коней и бысть съ пѣшими вкупѣ и поклонишася вси, радующеся, и веселяхуся и рече: «Радуйся, Новходоносоръ царь во скипетродержавномъ въ вавилонскомъ царствѣ! Буди надъ нами царь во вѣки». И ведоша его въ царскій домъ и воздѣша на него діадиму царскую и даша ему въ руку скипетръ царской, и посадиша его на царскій престолъ, и поклонишася ему князи, и бояре, и вельможи, ихъ храбрые витязи и вси вавилонстіи людіе и рѣша ему вси: «Радуйся и веселися, великій и сильный, и храбрый и велеумный Новходоносоръ, царь вавилонскій (въ)скипетродержавномъ государствѣ надъ нами вовѣки! И оборони насъ и застуни храбростію своею и велеумно смысломъ своимъ отъ находящихъ на насъ людей и великихъ царей». Бысть въ Вавилонѣ радость великая. Новходоносоръ царь нача царствовати въ Вавилонѣ и бысть мудръ и храбръ и велеуменъ. Бысть же Новходоносоръ царь тритцети лѣтъ, а сѣлъ на царство шти лѣтъ. Нѣкоторой день Новходоносоръ царь въ Вавилонѣ бысть (sic!) всѣмъ своимъ княземъ, и боярамъ и вельможемъ, и храбрымъ витязямъ и всѣмъ вавилонскимъ людемъ къ лобному мѣсту. Тотъ часъ вси съѣхались и великій царь Новходоносоръ нача говорити: «Сотворите мнѣ новой градъ Вавилонъ, на семи стѣнахъ, на семи верстахъ, а врата бы единъ въѣздъ и выѣздъ, а около града змій великій, глава бы зміева во вратѣхъ градныхъ и хоботомъ свилась». Они же князи, и бояре, и вельможи, ихъ храбрые витязи и вси вавилонстіи людіе царева повелѣнія послушались, новый градъ Вавилонъ сотворища. И повелѣ царицѣ домъ учинити и всѣмъ домы своя устрогти, и (по)цареву велѣнію вся устрониа и полюбися царю новый градъ Вавилонъ: виде въ него со всѣми силами своими и повелѣ царь во всемъ градѣ, и въ хоромѣхъ, и на платьѣ, и на оружьѣ, и на сосудѣхъ, и на стѣнѣхъ и на сѣдлахъ все зміи учинить. И полюбися царю знамя то, повелѣ царь во вратѣхъ градныхъ, во главѣ зміевѣ по обѣ стороны рѣшетки желѣзныя и мѣдныя подѣлати. Въ нѣкоторый же день съ рубежа вавилонскихъ предѣлъ пріѣхаша вѣстницы и повѣдоша царю Новходоносору, что пришли съ великимъ войскомъ въ вавилонскіе предѣлы. Великій же царь Новходоносоръ великія ярости наполнися и повелѣ въ тотъ часъ царицѣ великія радости наполнитися (?). Великій царь Новходоносоръ вавилонскій узналъ свою смерть, мечь свой самосѣкъ аспидъ змій въ градную стѣну повелѣ замуравить до скончанія вѣка, и заповѣдахъ его не выняти, и заклятіяхъ бяше и умре и по смерти его нача владѣти и вавилонское царство держати сынъ его царевичь Василей Новходоносоровичь.

Сказаніе о царѣ Василеѣ, сынѣ Новходоносора, царя вавилонскаго.

Бысть царь Василей въ Вавилонѣ на царствѣ токмо седмь лѣтъ. Слышавше же великіе многіе царіе, что въ Вавилонѣ Новходоносора царя не стало и совокупишася многіе царіе съ великими силами и поидоша къ Вавилону граду на разореніе и пріѣхаша съ рубежа къ царю Василію вѣстницы, возвѣстиша о пришествіи великихъ многихъ царей съ великими силами, что плѣнятъ вавилонскіе предѣлы. Великійжъ царь Василей, слышавъ, повелѣ въ той часъ полки великіе урядить. Егдаже многіе царіе съ великими силами къ Вавилону граду приближася, тогда великій царь и повелѣ воеводамъ битися. И бишася изъ утра до вечера, и никто никого не одолѣетъ. Тогда вавилонстіи воеводы повѣдаша великому государю Василію, что не могоша пришедшихъ съ великими силами отъ града отбить и прошая у царя, дабы онъ вынялъ изъ градныя стѣны мечь отца своего самосѣка аспидъ змій и дабы заступилъ храбростію своею и отца помощію. Царь же Василей отвѣща имъ, рече: «Заклятъ у отца мечь до скончанія вѣка: не повелѣ никому вынимать». Они же молиху его, дабы то сотворилъ. Онъ же сжалися и повелѣ воеводамъ битися, а самъ великій Василей Новходоносоровичь вынялъ у отца своего мечь самосѣкъ изъ градныя стѣны и повелѣ у себя великаго коня осѣдлать и, убрався во златокованныя царскія воинскія брони, и опоясяся ко бедрѣ своей мечь свой самосѣкъ и сяде на конь и поѣдѣ къ своимъ на помощь. Егда вмѣшися въ свое войско, тогда мечь самосѣкъ аспидъ змѣй у царя изъ ноженъ выпорхнулъ и отсѣкъ царю своему главу и многихъ великихъ царей съ великими силами.....[1]). А что у вавилонскаго воинства было знамя змѣи, около града змѣй великій каменной и тотъ сталъ живъ, свистая и рыкая. И съ тѣхъ мѣстъ градъ великій пустъ сталъ и донынѣ въ него невходимо, зміемъ обладанъ великій....

Сказаніе о царѣ Алевуѣ и о царицѣ Александрѣ и о посланіи въ Вавилонъ градъ.

Бысть во Царѣградѣ царь Алевуй, а царица у него Александра. Много во Царѣградѣ царствовалъ, своею честію и величествомъ превыше многихъ царей. Въ нѣкоторый день царь Алевуй повелѣ къ себѣ быть всѣмъ княземъ и боярамъ и вельможамъ и всѣмъ царемъ[2]) градскимъ мужемъ. Въ той часъ вси съѣхались и великій же царь Але-

[1]) Одно слово пропущено.

[2]) Такъ въ рукописи.

вуй говоритъ: «Князи и бояре и вельможи и вси цареградскіе мужи сотворите волю мою, изберите мнѣ трехъ мужей—воиновъ добрыхъ и велеумныхъ [1])... языкомъ, третіе обѣжески языкомъ. Они же тѣ три написанныя разтолковали вкупѣ сице: «аще которые благовѣрые человѣцы пріидутъ съ Руси и изъ Цареграда, и они бы по лѣстницѣ взошли на градную стѣну безъ страху и безъ боязни». Они же, призвавъ Бога на помощь, Василей Русенинъ со крестомъ поиде на градную стѣну, Лавръ Греченинъ, Іяковъ Обѣженинъ по немъ поидоша и обрѣтоша стезицу [2]) малу. Они же тою стезею доидоша до часовни. И видоша въ часовню и видѣша спасовъ образъ и пречистыя Богородицы и свѣчи горятъ негасимыя. Видѣша на гробахъ кубокъ златъ со смирномъ; они же, чающе вино и чары златая, они же испиша изъ кубка по три чары и по просвирѣ съѣли, и быша сыти и пьяни и уснуша долго часъ. Бысть же имъ гласъ во снѣ отъ гробовъ святыхъ страстотерпцевъ: «Полно вамъ спать! вѣдь вы не домой пришли спать!» Они же очутишася и возсташа отъ сна и видѣша на гробахъ кубокъ съ водою и полотенца. Они же умыша лица своя и полотенцомъ утрошася и поидоша въ царскій домъ. И видоша въ царскую палату и видѣша на стѣнѣ спасовъ образъ; они же помолишася спасову образу и видѣша на грядахъ царское платье уложено, видѣша тѣло, а все нетлѣно. Много дивятся и видоша въ другую палату и обрѣтоша на одрѣ коробьицу и на коробьицѣ обрѣтоша три написанныя слова. Они же тѣ три слова растолковаша вкупѣ сице: «Аще которые благовѣрные человѣцы [3]) пріидутъ съ Руси, изъ Цареграда, отъ царя Алевуя и они бы коробьицу отомкнули и распечатали и выняхъ порфиру царску и вѣнецъ царской.» Они же вельми ради быша и видоша въ третію палату и обрѣтоша сундукъ великъ окованъ желѣзомъ, замкнутъ и запечатанъ, а на немъ написанныя три слова: одно руское, другое греческое [4]). Тѣ три написанныя слова растолковали вкупѣ: «Аще которые благовѣрные человѣцы пріидутъ съ Руси изъ Цареграда отъ царя Алевуя и они бы сундукъ отомкнули, и распечатали, и выняли отъ царскаго дивнаго узорочія». Они же сундукъ отомкнуша и распечаташа и выняша много царскаго [5]) дивнаго узорочья, елико могоша несть и великія радости наполнишася [6]) и видоша въ четвертую палату и видѣша спасовъ образъ и пречистыя Богородицы и обрѣтоша—на столѣ ска-

---

[1]) Здѣсь очевидный пропускъ.

[2]) Въ рукописи ошибочно: *стѣну*.

[3]) Въ рукописи: *цреци*.

[4]) Здѣсь опять легко восполнимый пропускъ.

[5]) Въ рукописи: *царское*.

[6]) Въ рукописи: *напоимся*.

терть покрыта, на златомъ блюдѣ хлѣбецъ малъ бѣлъ и на столѣ склянница съ виномъ. Они же хлѣбецъ разрѣзали, вино по три чары выпили: и быша сыти и пьяни и уснуша долго часъ. И бысть гласъ: «Полно вамъ спать; вѣдь.....[1]) царское знамя и запдите ко гробомъ..... смирну и ѳиміянъ и ладонъ и пойде(те)..... ранѣе, до коихъ мѣстъ змій не возбудился». Они же скоро очутишася отъ сна своего, умылися, спасову образу (помолилися?), и испиша вина по три чары, и взяша бремена своя изъ царскаго дому, и пріидоша ко гробомъ страстотерпцовымъ и помолишася спасову образу и пречистой его матери и образамъ святымъ; простишася и взяша смирну, и ѳиміянъ и ладонъ и [illegible]ъ града. Василій Русенинъ со крестомъ по лѣстницѣ сни[illegible] Греченинъ по немъ сниде, Лавръ Бѣженинъ двухъ ступеней [illegible]ступи[illegible]ся, запнулся за змія ногою и паде на землю и возсталъ. [illegible]же [illegible]зникій возбудися отъ сна своего, и нача надыматися ч[illegible]ь, возста аки великія волны морскія, равно будетъ с[illegible]гѣною и разинувъ ротъ и челюсти, и свиснувъ трижд[illegible]великій. Они же три мужи падоша на землю, аки мер[illegible] пору въ полкахъ у царя Алевуя за двадцать поприщъ [illegible]сящъ войска отъ свистанія зміева померли. Въ той же [illegible]левуй[2]).....

III.

Книга патерика іерусалимскій, сказаніе о вавилонскомъ царствѣ и о трієхъ отроцехъ Ананіе, Азаріе и Мисаилѣ.

Ославъ[3]) убо царь, нареченный во святомъ крещеніи Василій Іоанновичь, въ Вавилонъ градъ испытати, како святіи тріе отроцы лежатъ, и повелѣ взяти у нихъ знаменіе. И посла первіе три человѣка; они же ему рѣша: «Нельзя намъ, царю, итти единовѣрнымъ въ Вавилонъ градъ: посли, царю, изъ Грекъ Гречѣнина, и изъ Руси Русинина, и отъ Бежа (sic!) Бежанина.» Царь же сотвори тако, и они же поѣхаша въ Вавилонъ градъ. И ѣхаша до Вавилона три недѣли изъ Ерусалима, а до Вавилона тысяща миль. И когда пріѣхаша близь Вавилона и видѣша стезицу малую, единаго звѣря хожденіе; а градъ бяше обросъ быліемъ, едва видѣша. Градъ стоитъ надъ моремъ близь поля сѣнаарскаго; во градѣ же Вавилонѣ нѣсть живущаго человѣка, токмо едини зміи и гади. И бысть той день воскресеніе заутра. И видѣша змія велика, облежащаго около града кругомъ, вхожденіе же во градъ — змію во уста. Змій же той

[1]) Точками означены тѣ мѣста, которыя въ рукописи прорваны.

[2]) На этомъ рукопись прерывается.

[3]) *Въ рукописи: Послима.*

содѣланъ хитростію: тогда же зміемъ молившася, и потомъ вселися во онь діяволъ и начатъ человѣки пожирати. Они же, посланники, пріѣхаша ко вратамъ града того и привязаша кони и видѣша змія лежаща, а входъ во градъ во уста змінны. Они же устрашишася вельми. Змій же устнама своима недвижимъ лежитъ, яко мертвъ; и прекрестиша лица своя и помолишася Богу и святымъ тріемъ отрокамъ и пондоша къ церкви святыхъ тріехъ отрокъ и влѣзоша въ ню и поклонишася гробомъ святыхъ тріехъ отрокъ Ананіи, Азаріи и Мисаилу и отпѣвше утреню. И стоитъ у святыхъ, у гроба, во главахъ кубокъ, полонъ мура и ливана. Они же испиша и весели быша и рекоша между собою: «Возьмемъ кубокъ сей.» И вземъ, о Василіе царю. И бысть имъ гласъ изъ гроба; услышавше гласъ, и ужасошася. Гласъ же бысть сей: «Пондите въ домъ царевъ; и есть въ дому цареву таковъ же кубокъ, и возьмите его; и да есть тамо два вѣнца Новходоносора царя и его царицы; а тѣ вѣнцы издавна сотворены были отъ драгаго макакула и отъ самфира; тѣ вѣнцы да будутъ положены на благовѣрномъ царѣ Василіѣ и на его царицѣ Александрѣ.» И пондоша къ дому цареву и пріндоша къ лѣствицѣ; лѣствица же чрезъ зміевъ хвостъ къ полатамъ царевымъ, а ступеней осмьнадесятъ: на первой ступени написано: «русьси аще пріндутъ, приведетъ Богъ человѣка къ лѣствицѣ сей»; на второй ступени написано гречески [1]): «понди безъ боязни»; на третей ступени написано обѣжески: «пондя въ палаты» [2]). И начаша имати порфиры и запоны царскія: и всѣ тѣ прахъ бысть. И обрѣтоша много сребра, и злата, и драгаго земчюгу и взяша царю 24 камени драгихъ и земчюгу довольно и злата и сребра довольноже, яко нести возможно, да взяша кубокъ и пондоша вспять. И како хотѣша [3]) понти по лѣствицѣ, и бысть при вечерѣ воскресеніе и запенся Іяковъ обожескій до земли за пятьнадесять ступеней и паде на змія. И возста на зміи чешуя, аки волна морская; а иныхъ зміевъ и гадовъ много во градѣ безъ числа, но божіемъ повелѣніемъ въ воскресеніе отъ восхода солнечнаго зміи лежатъ яко мертви до захожденія солнцу, къ понедѣльнику же и оживутъ. Вси зміи ожиша и быша живы всю недѣлю до воскресенія. Они же пріѣхаша во градъ въ Вавилонъ въ день въ воскресеніе христово и подняша друга своего и видѣша бызшая, и нападе на нихъ страхъ и ужасъ; и отъ страха омертвѣша и пондоша въ церковь святыхъ тріехъ отрокъ, и пѣвше вечерню, и поклонишася гробомъ ихъ и взяша кубокъ и второе испиша и весели быша. И бысть имъ гласъ изъ гроба: «Се уже вечеръ; пондите вы вонъ изъ

[1]) Въ рукописи: *обжески*.

[2]) Здѣсь, кажется, пропущено нѣсколько словъ.

[3]) Въ рукописи: *хотяша*.

града путемъ своимъ вспять, а ни мало медлите, Богомъ хранимы, къ царю Василію.» Они же поидоша вонъ изъ града и быша у вратъ града и видѣша змія великаго жива. И бысть солнечное захожденіе и начаша зміи оживати и егда поидоша во градныя врата, во зміены уста и хотѣша зміи пожрати ихъ; но еще не можаше. Они же изыдоша изъ града и борзо сѣдоша на коня своя, и начаша зміи вельми великимъ гласомъ свистати. Отъ зміева же свистанія падоша кони подъ ними; они же сами невредими быша, святыхъ тріехъ отрокъ молитвами.

Царь же Василій стоялъ отъ Вавилона за пятьнадесять поприщъ [1]). И услыша царь зміево свистаніе и уб[illegible]гъ зміева же свистанія многія стады конскія падоша и отдви[illegible]царь съ того мѣста за шесть поприщъ [2]), а самъ глагола: [illegible]моихъ лѣтей, да еще [illegible]ожду». И назва ихъ царь себѣ дѣты[illegible]шуша дней дванадесять и пріѣхаша отъ Вавилона послы [illegible]дѣша ихъ царь и возрадовашася. Они же даша ему вѣ[illegible]Новходоносора царя, и кубокъ съ миромъ и съ ливаномъ, [illegible]двадесять и четыре, и земчюгу довольно, и злата безъ [illegible]ебра довольно и много. Царь же вземъ вѣнцы и кубокъ, [illegible]и земчюгу себѣ, а имъ злата много даде и сребра и отпус[illegible]ь въ домы своя и глаголя имъ: «Прославите Бога и Господа и [illegible]вятыхъ тріехъ отрокъ, Ананія, Азарія и Мисаила, и мене, царя Василія». И вземъ царь полнъ кубокъ и злата и послалъ во Іерусалимъ къ патріарху и глаголя царь: «Да не буду азъ отлученъ отъ Іерусалима». И самъ царь поиде на страны полунощныя, на языки иноѣрные, и призывая себѣ вышняго Бога на помощь. Въ градѣ же Вавилонѣ, когда Вавилоняне моляшася (зміямъ?) и чтяху ихъ, яко Бога, обложиша около града змія древяна и сотвориша его хитра вельми, яко жива и на всѣхъ хоромѣхъ, и рекоша: «Се есть стражъ граду нашему». И начаша въ нихъ вѣровати вси Вавилоне и чтити ихъ, яко боги, и жертвы ему приносити. И виде вышній Господь Богъ прелесть людей и разгнѣвася на нихъ и вдастъ врагомъ ихъ: и вселися во змія діяволъ и нача пожирати человѣка, на всякъ день множество людей, и видѣша людіе погибель града своего и разыдошася вси по единому лицу всея земли, и запустѣ градъ и домове ихъ падоша по многихъ лѣтѣхъ, и токмо едини зміи живутъ; людіе же нѣсть ни единаго, живущаго въ Вавилонѣ. Богу нашему слава всегда и нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ. Аминь.

---

[1]) Надъ этимъ словомъ приписано: *дней*.

[2]) Также.

ЗАМѢТКИ О СТАРИНѢ И НАРОДНОСТИ.

Книги, пріобрѣтеніе которыхъ считалось нужнымъ въ Москвѣ въ XVII вѣкѣ. Князь Репнинъ-Оболенскій, будучи посломъ в Польшѣ въ 1653 году, по государеву указу купилъ тамъ слѣдующі книги: 1) Лексиконъ Словено-Русскій — дано $4^1/_2$ злотыхъ поль скихъ; 2) Граноградъ Пясецкаго — дано десять злотыхъ; 3) Дикціо нарь или Лексиконъ Гданскій на трехъ языкахъ: на Нѣмецкомъ, Ла тинскомъ и Польскомъ, дано 15 злотыхъ; 4) Гвагвинъ, дано 40 зло тыхъ; 5) Библія на Польскомъ языкѣ, дано 50 злотыхъ; 6) Книг —Описаніе Польшѣ, дано 24 злотыхъ, да отъ переплету 6 злотыхъ 7) Конституція нынѣшняго 161 года, дано левокъ; всего куплено книг на 25 злотыхъ.

С. Соловьевъ.

Шемякинъ судъ. Въ 4-й книжкѣ «Архива историческихъ практическихъ свѣдѣній о Россіи» (отд. V, стр. 1—10) г. Пыпин напечаталъ извѣстную сказку о Шемякиномъ судѣ по списку XV вѣка, присоединивъ къ изданію своему нѣсколько объяснительныхъ замѣчаній. «Не имѣя теперь достаточно данныхъ для опредѣленія ис торіи «Шемякина суда» (говоритъ г. Пыпинъ), остановимъ вниман изслѣдователей народной словесности на одномъ восточномъ проис веденіи, которое было намъ указано г. Шифнеромъ. Въ тибетско «Дзанглунѣ», заключающемъ въ себѣ религіозныя буддійскія предані во множествѣ разныхъ поэтическихъ сказаній находится одно весь сходное съ темой нашего разсказа». Сравнивши сказаніе «Дзанглун съ нашей сказкой, г. Пыпинъ приходитъ къ слѣдующимъ заключе ніямъ: 1) «наша редакція вставляетъ сатирическую мысль и пріуро чиваетъ разсказъ къ историческому лицу и 2) наша редакція не имѣетъ сказочнаго окончанія тибетской повѣсти, гдѣ миѳическая ос нова удержалась свѣжѣе» (стр. 10).

Бенфей въ обширномъ введеніи къ своему переводу «Панчатан ры»[1]) первый указалъ на сходство русской повѣсти о Шемякин судѣ съ тѣмъ сказаніемъ «Дзанглуна», которое переведено г. Пып нымъ въ «Архивѣ». Стараясь объяснить исторію распространен

[1]) Pantschatantra: Fünf Bücher indischer Fabeln, Märchen und Erzählunge Aus dem Sanskrit übersetzt mit Einleitung und Anmerkungen von Theod Benfey. Leipzig. 1859.

той буддійской легенды, Бенфей привелъ нѣсколько однородныхъ сказаній, которыя бросаютъ свѣтъ на происхожденіе и значеніе Шемякина суда». Эти сказанія, являясь то въ формѣ отдѣльныхъ трывочныхъ эпизодовъ, то въ совокупности, болѣе или менѣе близо подходящей къ нашей повѣсти, распространяются и въ восточныхъ и въ западныхъ литературахъ. Будда говоритъ, что если жрецъ ечаянно умертвитъ ребенка, сѣвши на него, то онъ лишается своего званія и долженъ сдѣлать матери новаго въ замѣнъ умершаго. Другая буддійская легенда разсказываетъ, что одинъ брахманъ бросился со скалы и упалъ на дровосѣка, котораго и расшибъ до смерти; а самъ остался живъ. Онъ спрашиваетъ у Будды: долженъ ли онъ за это потерять свое званіе, и Будда отвѣчаетъ: нѣтъ, потому что убійство произведено было ненамѣренно. Лёгёллахъ, Индіецъ-магометанинъ, сообщаетъ слѣдующую индѣйскую сказку: «Въ третьемъ вѣкѣ геджры жилъ въ Каирѣ судья Мансуръ-бенъ-Мусіа. Въ его-то время одинъ солдатъ занялъ у жида деньги и въ случаѣ неустойки обязался дать у себя вырѣзать фунтъ мяса. Когда онъ не могъ заплатить долгъ, жидъ хочетъ тащить его въ судъ; но солдатъ спасается бѣгствомъ. Во время бѣгства столкнулся онъ съ беременной женщиной, сбилъ ее съ ногъ и она выкинула; потомъ онъ сталкивается съ всадникомъ и нечаянно вышибаетъ у лошади глазъ; наконецъ спрыгиваетъ въ каменоломню и убиваетъ человѣка, на котораго упалъ». Жидъ, родственникъ женщины, всадникъ и сынъ убитаго приводятъ солдата въ судъ. Передъ домомъ судьи онъ видитъ пьянаго старика (что противно постановленіямъ Ислама) и человѣка, заживо похороненнаго. Судья рѣшаетъ искъ жида точно также, какъ въ «Венеціанскомъ купцѣ» Шекспира; сыну убитаго и выкинутой женщинѣ произноситъ онъ тѣ же приговоры, какіе находятся въ русской повѣсти и тибетскомъ «Дзангдунѣ». Всадникъ говоритъ, что за лошадь онъ заплатилъ 200 червонцевъ и требуетъ съ отвѣтчика половину этой суммы. Судья приговариваетъ: распилить лошадь въ длину на двѣ равныя части; изъ нихъ половину съ здоровымъ глазомъ оставить у отвѣтчика, а другую отдать истцу, который обязанъ за то заплатить 100 червонцевъ. Всѣ отказываются отъ взысканія и должны еще заплатить пеню. По окончаніи процесса отвѣтчикъ проситъ у судьи объясненія тому, что видѣлъ онъ передъ его домомъ, и судья исполняетъ его желаніе.

И въ буддійскихъ легендахъ и въ приведенной сказкѣ нѣтъ и тѣни сатиры: напротивъ въ однихъ разсказъ имѣетъ религіозный смыслъ, въ другой судья является представителемъ мудрости, Соломономъ. Этотъ первобытный характеръ сказанія сохранился и въ пѣснѣ о

Правда Короля Карла, которая была напечатана въ 1493 г. [1]). Связь преданія, составляющаго содержаніе этой пѣсни, съ «Шемякинымъ судомъ» была уже довольно давно указана [2]). Средневѣковая поэзія нѣмецкая не разъ воспѣвала строгое правосудіе императора Карла Великаго. Содержаніе пѣсни *Kaiser Karl's Recht* слѣдующее: «Одинъ богатый купецъ оставилъ сыну все свое состояніе; но тотъ промоталъ его въ одинъ годъ. Онъ занимаетъ 1000 гульденовъ у жида, чтобы попытать счастія на чужбинѣ. Право вырѣзать у должника фунтъ мяса въ случаѣ неустойки—входитъ и здѣсь въ условіе. Съ богатою выручкою возвращается купецъ назадъ; но не находитъ жида на мѣстѣ и такимъ образомъ пропускаетъ срокъ платы. Жидъ объявляетъ, что контрактъ нарушенъ. Они рѣшаются отправиться на судъ къ королю Карлу. Во время пути купецъ заснулъ на лошади и задавилъ до смерти ребенка, который бѣгалъ по дорогѣ. Отецъ мальчика обвиняетъ купца въ убійствѣ и идетъ вмѣстѣ съ нимъ и жидомъ во дворецъ короля. Купца сажаютъ подъ караулъ; но и здѣсь онъ падаетъ изъ окна и убиваетъ до смерти стараго судью, который сидѣлъ внизу на скамейкѣ. Сынъ этого купца идетъ также просить у Карла правосудія. Жалобу жида король рѣшаетъ извѣстнымъ образомъ; отцу задавленнаго ребенка онъ говоритъ:

«Leg ihn zu deinem Weibe,
Dass er ein ander Kind dir macht».—
«Nein», sprach der Mann: «das Kind lass ich eh fahren».

Сыну судьи король совѣтуетъ броситься изъ окна и задавить до смерти купца, который будетъ посаженъ внизу на скамейкѣ. Сынъ отказывается отъ такого права.

По мнѣнію г. Пыпина сказка о Шемякинѣ судѣ не могла къ намъ зайти изъ польскихъ книгъ, хотя Толстовскій списокъ XVII вѣка прямо говоритъ: «*выписано изъ польскихъ книгъ*». Мы думаемъ, что эта замѣтка рукописи заключаетъ *свою долю правды*. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ своемъ настоящемъ видѣ наша сатирическая повѣсть о судьѣ, уже окрещенномъ именемъ Шемяки, прошла черезъ передѣлку русскаго человѣка и получила краски чисто народныя; но отдѣльные эпизоды ея могли быть заимствованы «изъ польскихъ книгъ». По крайней мѣрѣ можно найдти доказательства тому, что нѣкоторые разсказы нашей повѣсти были извѣстны въ польской литературѣ. «Похожденія новаго увеселительнаго шута и великаго въ

[1]) Docen въ Altdeutsches Museum II, 279—283. Къ сожалѣнію мы не имѣли подъ руками этого изданія и должны были пользоваться выписками изъ него, приведенными у Зимрока (Shakspeare's Quellen III, 198) и Бенфея.

[2]) Hagen und Büsching, Literarischer Grundriss zur Geschichte der deutschen Poesie. Berlin, 1812. p. 172.

дѣлахъ любовныхъ плута Совѣст-драла (часть I, переведена съ Польскаго и дополнена съ другихъ языковъ)» заключаетъ въ себѣ между прочимъ слѣдующій разсказъ «*О печальномъ случаѣ*»: «Каменьщикъ, работая на высокой башнѣ, нечаянно съ оныя упалъ, и по счастію своему попалъ на человѣка, въ низу сидящаго, котораго въ тожъ время убилъ до смерти. Сынъ убитаго, позвавъ на судъ каменьщика, доказывалъ, что онъ смертоубивство сдѣлалъ. Но каменьщикъ въ отвѣтъ ему сказалъ: другъ мой! естьли я погрѣшилъ, то не требую я покаянія; взойди ты на то мѣсто, откуда я упалъ, а я сяду, гдѣ сидѣлъ твой отецъ, и такъ бросся въ низъ, и убей меня до смерти»[1]).

Могутъ возразить, что этотъ народный анекдотъ могъ быть переведенъ и не съ польскаго, а «съ другихъ языковъ»; что онъ занесенъ и въ Vera Utopiae descriptio Видерманна; но это будетъ говорить только о распространеніи этого эпизода нашей повѣсти въ народныхъ литературахъ Европы вообще — распространеніи, которое даетъ право думать, что анекдотъ былъ извѣстенъ и въ польскихъ народныхъ разсказахъ.

Rozrywki ucieszne y dowcipne z przydatkiem wielu nowych zabawnych historyiek powtornie przedrukowane w Warszawie 1768, p. 222 представляютъ также разсказъ, довольно близкій къ одному изъ процессовъ «Дзанглуна»: Pewny chłop pożyczył konia swemu sąsiadowi w drogę, z którey sąsiad powrociwszy pozno, a nie chcąc budzić iuż spiącego owego chłopa, puścił tego konia na podworze iego. Tym czasem wilcy w nocy tam wlazłszy ziadły owego konia. Ztąd kłotnia między niemi. Jdą na sąd obadwa, każdy swą sprawę przekłada iak może. Ow chłop, którego koń był, upomina się zań zapłaty, tamten nie chce zań płacić. Nakoniec sędzia spyta się owego chłopa czy dobry był ten koń iego? Na co chłop z żalem odpowie: Ach i iak dobry był! Ztąd W. M. Pan poznay, że wilcy i iednego kawałeczka z niego nie zostawili. Окончаніе не блеститъ особеннымъ остроуміемъ; но въ сборникѣ анекдотовъ изъ котораго выписанъ нами разсказъ, кое-что могло быть передѣлано и подновлено.

Сказаніе о судахъ, нѣкоторые факты изъ исторіи котораго мы изложили, получило у насъ сатирическій смыслъ и примкнуло къ историческому имени Шемяки, который въ дѣлѣ правосудія пользовался у насъ такою же популярностью, какъ Карлъ Великій у Нѣмцовъ, хотя и «съ другой стороны». Народная память видно не имѣла другаго героя правды и разсказъ принялъ форму сатиры. «*Чисто-*

[1]) См. Собраніе разныхъ исторій, приложенное при 2 части «Совѣст-драла» стр. 56.

русское мотивированіе приговора — мнимый подкупъ, вѣроятно, вставлено позднѣе», справедливо замѣчаетъ Бенфей (стр. 401). Вотъ оно:

«Убогій же мысляше, какъ бы ему бѣдъ избыти и умысля: взя камень и завертѣ въ платъ и положи въ шапку и ста предъ судьею..... судіяжъ, выслушавъ челобитную въ лошади и рече судія убогому: отвѣщай. Убогій же не вѣды, что отвѣщати и вынявъ изъ шапки въ платѣ заверченой камень и показа судьѣ и поклонися. Судьяжъ надѣяся, что ему отъ дѣла сулилъ..... Судія же высла человѣка своего ко отвѣтчику и велѣлъ у его взять показанные три узла; человѣкъ же судейской нача у него трехъ узловъ просити; онъ же, вынявъ изъ шапки заверченой камень въ платѣ, показа тому человѣку и человѣкъ нача его вопрошати: «что то за камень кажешь?» Онъ же рече: «я де того ради сей камень судьѣ казалъ..... кабы онъ не помнѣ судилъ и я тѣмъ каменемъ хотѣлъ его ушибити.» (Архивъ, стр. 4—5). У извѣстнаго польскаго писателя второй половины XVI вѣка Николая Рея изъ Нагловицъ находимъ въ его стихотворныхъ переложеніяхъ народныхъ сказаній и анекдотовъ — Figliki — слѣдующій разсказъ о человѣкѣ,

CO SĘDZIEMU KAMIEŃ UKAZOWAL:

Przyszedł jeden do sądu, kamień w zanadrzu miał,
Więc sędziemu przez suknią palcem ukazował.
Sędzia mniemał iż worek, więc wnet za nim
wskazał.
Osądziwszy szedł k' niemu, aby mu ukazał.
On mu kamień ukazał: «Mniemasz by darować
«Czekałem ia gdy będziesz dekreta ferować.
«Jeśli niesprawiedliwie, tym pamiętnym w czoło
«Miałem ci dać, ażby się był obrócił w koło. [1])

Не знаемъ, принадлежитъ ли этомъ анекдотъ къ циклу нашей сказки; но во всякомъ случаѣ «польскія книги» представляютъ нѣкоторыя аналогическіе съ нею эпизоды. Наша сатирическая повѣсть сложилась своеобразно подъ условіями нашего быта и воззрѣній, но матеріалы ея (основная сага) принадлежатъ въ такой же степени и восточнымъ и западно-европейскимъ литературамъ. Истиннымъ героемъ нашей сказки остается убогій, изворотливый умъ котораго торжествуетъ и надъ случайностями житейскими, и надъ матеріальной силой богача, истцовъ и самаго Шемяки судьи.

Н. Тихонравовъ.

[1]) Wojcicki, Historya literatury polskiey w zarysach, II. 154.

ЛЕКЦІИ ИЗЪ КУРСА ИСТОРІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, ЧИТАННАГО СТУДЕНТАМЪ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА ВЪ 186⅞ АКАДЕМ. ГОДУ.

I.

Въ XIV и XV столѣтіяхъ, когда изсякли мѣстныя преданія кіевской Руси, на сѣверѣ и сѣверовостокѣ зачиналась новая дѣятельность, подъ темнымъ вліяніемъ татарщины. Возрастаніе новыхъ центровъ русской жизни во Владимірѣ и Москвѣ совершалось въ тѣни этого анти-національнаго преобладанія, которому новые города не могли противопоставить своихъ нравственныхъ силъ, еще не успѣвшихъ созрѣть. Поощряемая сомнительною связью князей и духовенства съ Татарами въ Ростовѣ, Ярославлѣ и другихъ городахъ, Москва, чтобы подняться надъ старыми городами, безъ зазрѣнія совѣсти, пользовалась снисходительною дружбой и покровительствомъ татарскихъ хановъ. Самыя ранніе преданія этого города проникнуты элементомъ татарскимъ. Приходилось сносить самыя тяжкія оскорбленія азіятскихъ тирановъ, и употреблять ихъ въ свою пользу. Двуличный характеръ этихъ сношеній до позднѣйшихъ временъ отзывается въ сказаньяхъ о зачинавшемся на сѣверовостокѣ нашего отечества преобладаніи Москвы, придавая какой-то мрачный и темный колоритъ даже, казалось бы, и самымъ лучшимъ

страницамъ исторіи Москвы. Какъ напримѣръ грустно и тяжело для національнаго чувства звучитъ слѣдующій разсказъ о митрополитѣ Алексіѣ (по печатному прологу подъ 12 числомъ февраля), по извѣстному случаю, когда ханъ Чанибекъ писалъ къ великому князю Ивану Ивановичу: «Мы слышали, что небо ни въ чемъ не отказываетъ молитвѣ главнаго *попа* вашего: да испроситъ же онъ здравіе моей супругѣ.» Царица Тайдула «бяше бо три лѣта слѣпа, къ сему и демонствуема. Онъ же (т. е. митрополитъ Алексій) аще за смиреномудріе и отрицашеся, обаче пѣвъ молебное пѣніе Господу Богу у гроба св. Петра чудотворца, идѣже свѣща о себѣ самой возжеся, юже разда по части народу на благословеніе, останокъ же съ собою взя. И емся пути съ клиромъ, немедленно дошелъ во Орду, пріемлется честно отъ царя Чжанибека и сына его Бердебека и прочихъ его сыновъ, и уврачева молитвою своею недугующую царицу: и отъ всѣхъ удивленъ и почествованъ и одарованъ вельми, отпущенъ съ великою честію, пріиде на Москву.» Послѣ того въ Ордѣ было великое смущеніе. Злодѣй Бердебекъ, удавивъ своего отца и перебивъ всѣхъ братьевъ, завладѣлъ ханскою властью, и послалъ грозныхъ пословъ ко всѣмъ русскимъ князьямъ, *покушаяся ити воевати россійское христіянство*—какъ сказано въ прологѣ. «Слышавъ же сія великій князь Іоаннъ, и вѣдая буесть варвара того, молитъ святѣйшаго Алексія митрополита ити въ Орду, и утолити гнѣвъ злонравнаго онаго царя. Онъ же ни мало стужавъ иде въ Орду, и многую тамо злостужность отъ безбожныхъ Татаръ притерпѣ: обаче гнѣвъ царевъ укроти, и благополучно на престолъ свой возвратися, миръ земли россійстѣй нося. *Къ сему даде ему царь ярлыкъ свой*, рекше грамоту свободительную, яковыя и прежде сущимъ митрополитомъ—Михаилу второму, Іоанну, Петру и Ѳеогносту прежніи ординстіи царіе даяху, и отъ всякихъ даней и поборовъ свободивъ, творяще церкви и монастыри, и земли ихъ, и воды, и ограды, и вся движная и недвижная даная церквемъ и монастыремъ, да *свободно* отъ всѣхъ плищей и попеченій клирицы и монахи живутъ, и *безмолвно* и *немятежно* Бога молятъ.» Могло-ли духовенство *безмятежно* и *спокойно* молиться Богу, когда другіе классы народа бѣдствовали подъ игомъ басурманъ?

Тѣмъ же мрачнымъ тономъ отличаются преданія объ основаніи нѣкоторыхъ московскихъ святынь. Такъ Чудовъ монастырь основанъ былъ Алексіемъ митрополитомъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ татарскій конюшенный дворъ, подаренный этому святителю ханомъ Чанибекомъ за исцѣленіе его супруги отъ слѣпоты и бѣснованія [1]).

Татарщина захватила своимъ темнымъ колоритомъ мѣстныя сказанья и нѣкоторыхъ другихъ городовъ сѣверовосточной Руси, но не такъ полно и всецѣло обняла всѣ элементы жизни, какъ въ Москвѣ.

И князь Ѳеодоръ Ярославскій—какъ мы уже видѣли прежде—игралъ постыдную роль при дворѣ хана, будучи въ сомнительной милости у самой ханши, и потомъ, женившись на ея дочери, долженъ былъ съ бою брать свой удѣлъ при помощи татарскихъ войскъ; но Ярославль благородно отстаивалъ свою національность противъ князя, влачившаго раболѣпную жизнь въ услугѣ у Татарина и женившагося на басурманкѣ. Мы видѣли также, что и въ древнемъ, благочестивомъ Ростовѣ сильно разшатались нравственныя понятія, потому что въ теченіе столѣтія духовенство, покровительствуемое Татарами, поддерживало авторитетъ татарской фамиліи, родъ царевича Петра, гордившійся тѣмъ, что идетъ отъ татарскаго племени и татарской кости; но въ пользу Ростова можно сказать еще то, что князья ростовскіе, хотя бы изъ корыстливыхъ цѣлей, въ теченіе столѣтія вели тяжбу за Ростовское озеро съ потомками царевича Петра, и протестовали противъ ихъ татарской спѣси, поддерживаемой татарскимъ войскомъ и усердными списателями, некстати присовокупившими къ житью св. Петра, царевича ординскаго, сказаніе объ этой тяжбѣ за Ростовское озеро, память о которой—какъ я позволяю себѣ думать—сохранилась въ народѣ до позднѣйшихъ временъ въ сатирической баснѣ о томъ, какъ Ершъ Ершовичъ сынъ Щетинниковъ не по праву завладѣлъ ростовскимъ озеромъ.

---

[1]) Памятники московской древности, Снегирева, о Чудовѣ монастырѣ.

Ничего утѣшительнаго въ нравственномъ отношеніи не представляютъ намъ древнѣйшія преданія Москвы изъ ранней эпохи татарскаго господства. Если темная память соединяется въ нашихъ сказаніяхъ съ Москвою временъ великаго князя Ивана Ивановича и митрополита Алексія, то еще мрачнѣе отзываются въ сказаніяхъ предшествующія тому событія. Мученическая смерть князя Михаила тверскаго возбудила къ Москвѣ непримиримую ненависть въ тѣхъ городахъ, гдѣ старыя національныя преданія могли противопоставить татарскому насилію какіе либо нравственные принципы. Не только Тверь, но и Псковъ былъ возмущенъ татарскими нравами Москвы, и, безъ сомнѣнія, не изъ этого города распространилась и доселѣ живетъ въ народѣ пѣсня, въ которой онъ горько протестуетъ противъ хана Узбека, тестя Георгію Даниловичу, и друга, союзника и покровителя московскихъ князей Ивана Калиты и Симеона:

А и дѣялось въ Ордѣ,
Передѣялось въ Большой —
На стулѣ золотѣ,
На рытомъ бархатѣ,
На червчати камкѣ,
Сидитъ тутъ царь Азвякъ,
Азвякъ Тавруловичъ:
Суды разсуживаетъ,
И ряды разряживаетъ,
Костылемъ размахиваетъ
По бритымъ тѣмъ усамъ,
По татарскимъ тѣмъ головамъ...
Шурьевъ царь дарилъ,
Азвяки Тавруловича
Городами стольными:
Василья на Плесу,
Гордѣя къ Вологдѣ,
Ахрамѣя къ Костромѣ, и т. д.

Какъ смотрѣли старые города на подвиги зачинавшейся Москвы, можно видѣть изъ участія, какое Псковъ принималъ въ семействѣ замученаго князя Михаила тверскаго.

Извѣстно, что почти весь родъ этого князя пострадалъ отъ жестокости Татаръ, при содѣйствіи Москвы. Въ княженіе Ивана Калиты, при св. Ѳеогностѣ митрополитѣ, сыновья Михаила тверскаго должны были ѣхать на поклонъ къ Узбеку. Но Александръ Михайловичъ, находясь въ Псковѣ, не явился къ хану. Послы московскаго князя и новгородскіе съ архіепископомъ новгородскимъ, отправившись въ Псковъ, убѣждали Александра явиться къ хану на судъ. «Итакъ вмѣсто защиты, говорилъ тверской князь,—я нахожу въ васъ гонителей! Христіане помогаютъ невѣрнымъ, служатъ имъ и предаютъ свою братію.» Когда Псковичи, препебрегая татарской грозою, благородно рѣшились не выдавать Александра, самъ Иванъ Калита съ Ѳеогностомъ митрополитомъ и со многими князьями отправился въ Новгородъ и оттуда ко Пскову—и даже расположился станомъ, чтобы съ бою взять тверскаго князя. «Но—(здѣсь продолжаю болѣе умѣренными словами Карамзина) князь (Карамзинъ говоритъ объ Иванѣ Калитѣ) видя, что надобно сражаться или уступить, прибѣгнулъ къ иному способу, необыкновенному въ древней Россіи: склонилъ митрополита наложить проклятіе на Александра и на всѣхъ жителей Пскова, если они не покорятся. Сія духовная казнь, соединенная съ отлученіемъ отъ церкви, устрашила народъ. Однакожь (замѣтьте это обстоятельство!) граждане все еще не хотѣли предать несчастнаго сына Михаилова». Но уже самъ Александръ оставилъ Псковъ. «Великій князь былъ доволенъ, — продолжаетъ Карамзинъ, — и митрополитъ разрѣшивъ Псковитянъ, далъ имъ благословеніе. Хотя Іоаннъ въ семъ случаѣ казался только невольнымъ орудіемъ ханскаго гнѣва, но добрые Россіяне не хвалили его за то, что онъ, *въ угодность невѣрнымъ*, гналъ своего родственника и *заставилъ Ѳеогноста возложить церковное проклятіе на усердныхъ христіанъ, коихъ вина состояла въ великодушіи*». Въ этихъ умѣренныхъ выраженіяхъ Карамзина, отзывающихся нѣкоторою сантиментальностію, мы не должны видѣть обвиненія въ жестокихъ правахъ, столь обычныхъ для того времени; но не можемъ не замѣтить различнаго отношенія къ татарщинѣ раболѣпной Москвы и самостоятельнаго Пскова, и конечно не вообще *добрые Россіяне*,—по нѣжному выраженію Карамзина,—пори-

цали московскаго князя и митрополита, а порицали ихъ только Псковичи. Москва, какъ новый станъ великокняжеской и царской силы, не была еще столько развита, чтобы практическими выгодами умѣла жертвовать въ пользу нравственныхъ убѣжденій, которыя въ то время имѣли единственную основу въ религіозныхъ идеяхъ и въ мѣстной привязанности къ родинѣ. Извѣстно, что Псковичи были правы въ своемъ протестѣ противъ московскаго князя и св. Ѳеогноста, потому что когда Александръ Михайловичъ съ своимъ юнымъ сыномъ Ѳеодоромъ явились къ хану Узбеку, ихъ тотчасъ схватили, мучили, и убивъ, розняли ихъ по составамъ.

Итакъ изъ самыхъ отношеній къ Татарамъ Москвы и другихъ городовъ уже явствуетъ, что нравственныя понятія, состоявшія тогда преимущественно въ противоположеніи русскаго и христіанскаго иноземному, татарскому и поганому, не одинаково были развиты въ Ростовѣ, Ярославлѣ, Смоленскѣ, Твери, Псковѣ, Новгородѣ и въ Москвѣ. А такъ какъ нравственныя начала историческаго народа возникаютъ и совершенствуются на основѣ историческихъ родовыхъ преданій, разработываемыхъ въ теченіе вѣковъ изустно и письменно, то бѣглый взглядъ на русскіе города и области XIV вѣка даетъ уже намъ разумѣть о неодинаковой степени ихъ просвѣщенія, то-есть, грамотности, и слѣдовательно литературы.

Москва, не только въ XIV, но даже въ XV вѣкѣ, въ отношеніи литературномъ, несравненно ниже стояла Кіева или Новагорода XII столѣтія. Это значитъ не то, чтобы книжное просвѣщеніе на Руси коснѣло, или что въ XIV вѣкѣ оно пошло назадъ; но то, что близорукій взглядъ историковъ Россіи, историковъ ея церкви и литературы, не умѣлъ отдѣлить мѣстнаго, то-есть, городскаго и областнаго развитія русской жизни и литературы отъ общей хронологической таблицы по вѣкамъ, въ которую безсмысленно помѣщались факты разныхъ мѣстностей и только производили путаницу въ вопросахъ объ историческомъ развитіи древней Руси.

Какъ погрѣшительна эта система въ разработкѣ русской литературы, можно видѣть изъ мѣста, какое историки русской

литературы даютъ митрополиту Кипріану, въ разсужденіи книжнаго просвѣщенія Россіи.

Митрополитъ Евгеній въ своемъ «Историч. словарѣ о писателяхъ духовнаго чина», говоритъ о Кипріанѣ слѣдующее: «Сей пастырь былъ первымъ возстановителемъ по нашествіи Татаръ упавшаго въ Россіи просвѣщенія. Онъ привезъ къ намъ нѣсколько славянскихъ переводовъ разныхъ церковныхъ и отечественныхъ книгъ, сохранившихся у задунайскихъ славянскихъ поколѣній». Слѣдуя Евгенію, и архіепископъ Филаретъ въ своемъ «Обзорѣ Русской духовной литературы» въ § 74 повторяетъ о Кипріанѣ: «Пастырь образованный, много заботившійся о возстановленіи упавшаго просвѣщенія въ Россіи.»

Невѣрность, или по крайней мѣрѣ односторонность этого мнѣнія открывается сама собою, если мы повѣримъ его системою мѣстнаго или областнаго развитія національныхъ и литературныхъ интересовъ древней Руси.

1) Что такое значитъ упавшее просвѣщеніе *въ Россіи*? Гдѣ была Россія въ XIV вѣкѣ, когда палъ Кіевъ? Ужь, конечно, не въ Москвѣ, которая, какъ мы видѣли уже и еще много разъ увидимъ, стремилась проводить анти-національныя начала, и въ свою пользу налагала ихъ тамъ, гдѣ находила уступки своимъ чисто матеріяльнымъ силамъ. Что же касается до Пскова, Новгорода и нѣкоторыхъ другихъ старыхъ городовъ, то *просвѣщеніе* (конечно принимаемое въ самомъ снисходительномъ смыслѣ) не только не пало въ нихъ въ XIV вѣкѣ, но быстро шло впередъ и даже распространялось въ массахъ, чему свидѣтельствомъ служитъ зарожденіе духа пытливости и критики, правда обнаружившагося въ ереси стригольниковъ, и слѣдовательно какъ бы въ уклоненіи отъ преданія, но все же говорящаго въ пользу развитія идей въ массахъ народа, хотя бы строгій пуристъ и порицалъ это развитіе съ своей слишкомъ исключительной точки зрѣнія. Исторія литературы заявляетъ только объ умственномъ и литературномъ развитіи, обнаружившемся въ стригольникахъ, не касаясь щекотливаго вопроса объ отношеніи ихъ къ исторіи русской церкви. Что же касается до Новагорода, то достаточно упомянуть о св. Василіи, архіепископѣ новгородскомъ

(1331—1352 г.), который въ своемъ посланіи къ тверскому епископу Ѳеодору о земномъ раѣ, даетъ намъ самыя положительныя доказательства тому, что въ Новѣгородѣ въ половинѣ XIV вѣка, читались книги даже не церковнаго, но апокрифическаго содержанія и усвоивались массою гражданъ, входя въ составъ мѣстныхъ сказаній. Итакъ услуги Москвѣ митрополита Кипріяна въ возстановленіи падшаго просвѣщенія не имѣли мѣста *въ Россіи*, то-есть, въ тѣхъ городахъ, гдѣ по преимуществу сохранялись русскія преданія, когда палъ Кіевъ, а Москва еще становилась только на ноги.

2) Не относятся ли заслуги Кипріана преимущественно къ Москвѣ, такъ какъ онѣ неприложимы къ Новугороду или Пскову? И дѣйствительно, литературная дѣятельность его ограничивается по преимуществу Москвою, а въ этомъ городѣ не могло *просвѣщеніе пасть*, потому что его тамъ еще вовсе не было, да и не могло быть: и, безъ сомнѣнія, презрѣніе старыхъ городовъ къ Москвѣ въ XIV и XV вѣкѣ, объясняется не одною только татарщиною въ политикѣ этого города, но и его безграмотностью.

Итакъ 3) въ чемъ же состояли заслуги Кипріана? А онѣ дѣйствительно должны быть признаны. Желая водворить книжное ученіе въ дикомъ воинскомъ станѣ, называвшемся тогда Москвою, св. Кипріанъ захватилъ съ собою много церковныхъ книгъ, необходимыхъ для практическаго употребленія въ населеніи, которое должно было обзавестись церквами, чтобы стать настоящимъ городомъ. Въ этомъ отношеніи заслуги Кипріана для Москвы не подлежатъ сомнѣнію. Но и здѣсь, по печальной судьбѣ этого города, пугавшаго всѣхъ своими иноземными средствами оказался тотъ же, противный областнымъ національностямъ принципъ. Въ то время, когда въ новгородской области народный языкъ уже началъ брать рѣшительный перевѣсъ надъ книжною рѣчью, завезенною къ нимъ изъ Болгаріи, Кипріанъ привезъ въ Москву кучу переводовъ древне-болгарскихъ, да еще переписанныхъ Сербами: и распространеніе этихъ болгаро-сербскихъ рукописей, способствуя въ Москвѣ церковному просвѣщенію, въ отношеніи собственно литературномъ имѣло свои великія невыгоды, наводнивъ русскія писанія варваризмами болгаро-

сербскаго характера, и удаливъ на нѣкоторое время нашу письменность отъ чисто русской рѣчи.

Таково было состояніе русскаго просвѣщенія и литературы въ XIV вѣкѣ. Чтобы разрѣшить множество недоумѣній, которыми полна исторія Россіи этихъ временъ, мы должны, отказавшись на время отъ хронологической системы, слѣдить за развитіемъ литературныхъ идей древней Руси по городамъ и областямъ.

—

II.

Архіепископъ Моисей, причисленый также какъ и Василій къ мѣстнымъ новгородскимъ святымъ, былъ современникомъ Василія, и дважды возсѣдалъ на архіерейскомъ престолѣ, сначала до Василія, именно съ 1325 г. по 1329 г., а потомъ по смерти Василія, т. е. съ 1352 года. Съ 1329 по 1352 г. онъ удалился на покой, безъ сомнѣнія, по нѣкоторымъ неудовольствіямъ между нимъ и Новгородцами. Эти неудовольствія можно, кажется, съ нѣкоторою вѣроятностію объяснить тѣмъ, что онъ былъ поставленъ въ архіепископы не по народному избранію жребіемъ, а уже отъ Петра митрополита московскаго (+1326). Вліяніе Москвы могло бросить тѣнь на Моисея, почему онъ и удалился на время; но какъ человѣкъ энергическій, онъ умѣлъ устранить всѣ недоразумѣнія и по смерти св. Василія вновь возведенъ былъ на архіепископскій престолъ.

Подобно архіепископу Іоанну, Моисей происходилъ отъ богатыхъ родителей, и старался пріобрѣсти популярность сооруженіемъ въ Новѣгородѣ многихъ церквей и монастырей, о чемъ упоминается въ новгородскихъ лѣтописяхъ. Вообще лѣтописцы Новгорода относятся о Моисеѣ съ особенною похвалою, приписывая ему книжное образованіе и талантъ въ сочиненіи поученій. «Добрѣ пасяше свое стадо... многы писца изыскавъ и книгы многы исписавъ... многы утвердивъ ученьемъ своимъ... и прихождаху къ нему, поучающеся отъ него день и нощь... скончася, многа писанія оставивъ» (Собр. Лѣт. III, 182). Впрочемъ, не смотря на свое книжное образованіе и сооруженіе храмовъ и монастырей, онъ вто-

рично долженъ былъ оставить архіепископскій столъ, и послѣдніе два года своей жизни провелъ въ построенномъ имъ монастырѣ Сковирійскомъ, во имя Михаила Архангела на Сковирдкѣ, гдѣ умеръ въ 1362 г.; онъ погребенъ въ храмѣ Михаила Архангела.

Вообще преданіе ставитъ архіепископа Моисея въ связи съ Москвою. Доселѣ сохраняются памятники этихъ связей. Такъ въ московскомъ Благовѣщенскомъ соборѣ показываютъ икону Всемилостиваго Спаса, сѣдящаго на престолѣ съ раскрытымъ Евангеліемъ въ рукахъ, которую будто бы московскій митрополитъ Петръ поднесъ св. Моисею при рукоположеніи. Тамъ же находятся и яшмовые сосуды, поднесенные св. Петру Московскому отъ Моисея новгородскаго, съ надписью 1328 г. [1]).

Такимъ образомъ уже при первыхъ начаткахъ московскаго преобладанія обнаруживаются иныя отношенія архіепископа новгородскаго къ Новугороду, а вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторый протестъ новгородской національности противъ чуждаго преобладателя.

Впрочемъ съ именемъ Моисея Новгородцы связывали также память о своей родной старинѣ и въ сказаніи о немъ выразили свой протестъ противъ Москвы. Таковъ знаменательный эпизодъ въ житіи Моисея о Сергіи, который былъ избранъ въ архіепископы Новгороду при Іоаннѣ III, изъ монаховъ Троицко-Сергіева монастыря, прежде бывши Боровицкимъ протопопомъ.

Новгородскій Трифологіонъ, принадлежащій мнѣ, разсказываетъ слѣдующее объ этомъ Сергіи.

«Сергій архіепископъ, бывый прежде *отецъ духовный* великаго князя, новопоставленъ на архіепископство въ великій Новгородъ, и вниде въ обитель св. Архангела Михаила помолитися, помоливъ же ся и паки изъ церкви возвращашеся. Тогда повѣдаша ему гробъ создателя храма и обители великаго святителя Моисея. Онъ же, взглянувъ на бывшаго тутъ іерея, велѣлъ ему открыть гробъ, чтобъ видѣть мощи св. Моисея. Іерей же отвѣчалъ ему: «Я не смѣю, владыко! Это твоего архіерейства дѣло». Слышавъ то, Сергій *вознесеся умомъ высоты ради сана своего, и яко отъ Москвы пріиде.* И рече

[1]) Снегирева Памятники моск. древн. стр. 88, 91.

дерзновенно: «*Кого сего смердія сына и смотрити!*» Итакъ вышелъ изъ церкви и изъ монастыря.

«И отъ того же часа сталъ у него умъ отступать и *изумѣватися* и страшиться, и до того дошолъ, что на конечное изступленіе впалъ. И выходилъ изъ кельи безлѣпотно не во время, безъ одѣянія архіерейскаго и сѣдяше при церкви преподобнаго Евѳимія, иже внутрь епископіи, а иногда же и у вратъ Св. Софіи; и такъ пребывъ мало время, яко девять мѣсяцевъ, возвращенъ былъ во свояси, въ томъ же болѣзно впавъ, *иже убо* божія угодника дѣявъ равнаго ему саномъ не почте, но паче укори. *Такова суть воздаянія горделивымъ здѣ видимо, въ будущемъ же вѣцѣ безконечно.*»

Изъ этого сказанія видно, съ какимъ презрѣніемъ относились Москвичи о мѣстныхъ преданіяхъ Новгорода. Но элементъ Новгорода восторжествовалъ, какъ здѣсь, такъ и во многихъ другихъ сказаніяхъ. Гордость и наянливость Москвы была наказана здѣсь на землѣ, а по убѣжденію благочестиваго списателя и еще больше того ожидаетъ ее въ будущей жизни.

Здѣсь же кстати приведу другой эпизодъ о томъ, какъ святыня новгородская отстаиваетъ права велик. Новгорода противъ враждебной власти Москвичей.

Это преданіе касается мощей Варлаама хутынскаго. Великій князь московскій Иванъ Васильевичъ III, въ 1462 г., передъ покореніемъ Новгорода, былъ въ хутынскомъ монастырѣ, и входилъ въ Преображенскую церковь, гдѣ покоились мощи Варлаама хутынскаго. Онъ хотѣлъ открыть мощи угодника и видѣть ихъ: тогда внезапно изъ гробницы хлынулъ пламень, и пожогъ было московскаго великаго князя, который, будучи пораженъ ужасомъ, бѣжалъ изъ храма. Отъ этого событія доселѣ остаются въ цѣлости обожженныя пламенемъ деревянная дверь и трость великаго князя [1]).

Приближалось время роковое для новгородской старины и пошлины. Всѣ чувствовали, что рано или поздно сбудется то страшное пророчество, которое преданія соединяли съ изображеніемъ Спасителя въ Софійскомъ храмѣ, держащаго въ своей десницѣ судьбы Новгорода. Приведу это общерис-

[1]) Макарій, Археол. Опис. 1, 434.

пространенное, знаменитое сказаніе, для тѣхъ кому оно не извѣстно. Оно въ лѣтописяхъ помѣщается подъ 1045 г. Заложилъ великій князь Владиміръ Ярославичь, внукъ великому князю Владиміру кіевскому, въ Новѣгородѣ церковь каменную Св. Софіи, при епископѣ Лукѣ, а дѣлали ее семь лѣтъ, и устроили прекрасную и огромную церковь. Потомъ привели изъ Цараграда иконописцевъ, которые стали подписывать ее въ главѣ. И написали они образъ І. Христа съ благословляющею рукой. На утро приходитъ епископъ Лука и видитъ образъ не съ благословляющею рукой, и велѣлъ передѣлать, и три утра иконописцы переписывали руку Спасителя, и всякій разъ она сама собою появлялась сжатою. И на третій день былъ иконописцамъ гласъ отъ того образа: «Писари, о писари! Не пишите меня съ благословляющею рукою, а пишите меня *съ рукою сжатою*; потому что въ этой рукѣ держу я великій Новгородъ: *а когда эта рука моя распрострется, тогда Новугороду будетъ скончаніе*».

Рука Спасителя, держащая Новгородъ, стала разжиматься, всѣ чувствовали, что скоро наступитъ скончаніе Новугороду. Кромѣ механической силы, Москва уже начала надѣяться и на вліяніе іерархическое, церковное, хотя и не могла бороться съ новгородскою грамотностію и съ религіозною православною старинною, столь прославившеюся во множествѣ преданій. Если съ одной стороны слышатся въ новгородскихъ сказаніяхъ жалобы на оскорбленія національному чувству Новгородца отъ Москвы, грозившія протестомъ противъ ихъ святотатства, какъ въ приведенномъ мною разсказѣ о гробѣ Варлаама хутынскаго, то съ другой стороны слышатся зловѣщія пророчества о паденіи Новагорода, о подчиненіи его московской силѣ. «Днесь во градѣ Москвѣ радость», такъ провидѣлъ и предсказывалъ Михаилъ клопскій, юродивый Новагорода [1]): «родибося у великаго князя сынъ Тимофей иже наречется Іоаннъ, *иже всѣмъ страшенъ явится* и градъ сей (т. е. Новгородъ) въ область свою пріиметъ, и *сущая здѣ обычая измѣнитъ*»; и все это сбылось, говоритъ новгородскій списатель, черезъ 40 лѣтъ. Говорилъ также Михаилъ клопскій юродивый о на-

[1]) Въ житіи Михаила клоп.

шествіи Іоанна на Новгородъ: «Почто яко пьяніи мятетеся, аще его не утолите, многу бѣду подъиметъ, *понеже прежде рожденія* его возвѣщено Духомъ Святымъ о немъ: яко сей (т. е. Іоаннъ III) *обычая здѣ сущая измѣнитъ, и градъ въ свою область пріиметъ, и всю волю свою въ немъ сотворитъ.*»

Конечно, всѣ эти предвѣщанія и протесты Новгородцевъ составлены и записаны уже послѣ роковаго паденія Новгорода. Но уже въ первой половинѣ XV вѣка дѣйствительно чувствовалось въ Новѣгородѣ приближеніе грозы со стороны Москвы. Слѣдовало вооружиться не только воинскими и политическими средствами, но и еще болѣе—нравственными, которыми такъ высоко стоялъ Новгородъ надъ Москвой.

Надобно было привести къ окончательному результату все великое и славное, чѣмъ была богата православная, чисто народная старина новгородская. Надобно было Новугороду, передъ своимъ паденьемъ, обратиться назадъ и свести свои историческіе счеты, чтобы было всѣмъ и каждому очевидно, что онъ совершилъ великаго и славнаго для русской народности. Эта послѣдняя знаменитая эпоха въ исторіи Новгорода относится ко времени св. архіепископа новгородскаго Евѳимія.

—

III.

Новгородскій архіепископъ Евѳимій (1430—1458) и Іона (1458—1471), относятся къ той роковой эпохѣ, когда Новгородъ, болѣе и болѣе подчиняясь могуществу московскихъ князей, наконецъ долженъ былъ утратить свою національную самостоятельность. Оба эти замѣчательные человѣка, видя печальную судьбу своей родины въ настоящемъ и будущемъ, хотѣли возвысить въ умахъ современниковъ по крайней мѣрѣ прошедшую славу, знаменитую старину новгородскую. Что было блистательно сдѣлано по этому предмету Евѳиміемъ, то было продолжаемо и какъ бы доводимо до конца Іоною. Событія шли такъ быстро, что надобно было торопиться: и Іона почелъ нужнымъ вскорѣ по смерти Евѳимія имѣть уже житіе

его, которое и заказалъ составить Сербу Пахомію Логоѳету, вмѣстѣ съ житіями нѣкоторыхъ другихъ новгородскихъ угодниковъ.

Житіе архіепископа Евѳимія мы имѣемъ въ краткой, болѣе простой редакціи, и въ витіеватой, пространной, какимъ щеголялъ, какъ литературною новостью, прибывшій на Русь Сербъ Пахомій.

Архіепископъ Евѳимій, именемъ 2-й (о первомъ Евѳиміи будетъ сказано мною нѣсколько словъ въ житіи Михаила клопскаго юродиваго), особенно знаменитъ въ исторіи новгородской возстановленіемъ отживавшихъ уже свой вѣкъ старинныхъ и древнихъ мѣстныхъ преданій.

1) Съ именемъ его связывается послѣднее окончательное украшеніе и возвеличеніе монументальной старины Новгородской. Онъ строилъ многія церкви, а обветшавшія возобновлялъ,—«не едину или двѣ, говоритъ Пахомій Сербинъ, но многое множество. Аще ли хощеши видѣти нѣчто мало отъ великихъ, пріиди къ великому храму Премудрости Божія, и возведи окрестъ очи своя, и тамо видиши пресвѣтлы храмы святыя, *яко звѣзды или горы стоящя*, иже отъ него созданныя: не голосомъ, но самымъ веществомъ вопіютъ и своею красотою: «Сія архіепископъ Евѳимій дарова ми!» Сверхъ многихъ церквей возобновилъ онъ и украсилъ иконами храмъ св. Софіи: вмѣсто деревянной палаты построилъ каменную, воздвигъ *столпъ каменный, зѣло высокъ*, на высокомъ мѣстѣ, *имуще часы верху вельми предивны, иже весь градъ оглашаютъ*. Для многочисленныхъ построекъ имѣлъ онъ у себя помощника, *нѣкоего инока, казначея, хитра суща и художна къ умышленію*. Расписывали же храмы бывшіе при немъ самые искусные по тому времени изографы, т. е. живописцы.

Для исторіи древняго русскаго искусства любопытна слѣдующая подробность: архіепископъ Евѳимій особенно любилъ Николаевскій монастырь на *Вяжищахъ* (въ 12-ти верстахъ отъ Новагорода), гдѣ онъ еще въ молодости былъ посвященъ въ монахи. Особенно украшалъ онъ разными постройками этотъ монастырь, и между прочимъ соорудилъ храмъ во имя Іоанна Богослова, когда уже былъ въ преклонной старости, и

чтобъ еще при жизни видѣть этотъ храмъ изготовѣ, украшеннымъ стѣнною живописью, онъ торопилъ иконниковъ, изготовлявшихъ фрески. Но иконники *возбраняху тому, глаголюще, яко еще лѣто или множае не можно есть писати сырости дѣля, но требъ есть ждати, дондеже изсохнетъ.* Итакъ новгородскіе мастера для прочности своихъ фресокъ, выдерживали для сухости новыя стѣны больше году, и потомъ уже ихъ подписывали.

2) Любопытная черта въ жизни Евѳиміи—это гостепріимство и разныя милости, которыя онъ оказывалъ иностранцамъ. Видя со стороны Москвы одни только враждебные замыслы, архіепископъ Евѳимій съ особеннымъ вниманіемъ и любовью принималъ иностранцевъ, какъ бы надѣясь найдти въ нихъ большее сочувствіе: «отъ странныхъ же или отъ чуждихъ странъ приходящихъ,—говоритъ Пахомій, — всѣхъ любовію пріимаше, всѣхъ упокоиваше, всѣхъ по достоинству миловаше, и не токмо же сія едина въ Новѣгородѣ бываху, но паче рука его бяше простерта повсюду даяніемъ, не токмо до Константина града или Св. Горы, но и до самаго Іерусалима и далѣе.»

Но особенно замѣчательна дѣятельность Евѳиміи въ отношеніи освященія своимъ авторитетомъ древнихъ священныхъ преданій о новгородской святынѣ. Времена были опасныя: московскіе враги, надменные своимъ внѣшнимъ превосходствомъ, не пощадили бы мѣстныхъ свято чтимыхъ преданій, и для уничиженія Новагорода, готовы бы были святотатственно оглашать рабскими прозвищами свято чтимыя въ Новѣгородѣ имена, какъ тотъ Москвичъ архіепископъ Сергій, который св. Моисея осмѣлился назвать *смердьимъ сыномъ*. Особенное вниманіе обратилъ архіепископъ Евѳимій на личности, наиболѣе популярныя въ мѣстныхъ преданіяхъ, т. е. на архіепископа Іоанна и Варлаама хутынскаго, объявивъ нетлѣнные останки того и другаго: «Сему же (т. е. Евѳимію) и пресловущій въ чудесехъ преже его бывый Іоаннъ архіепископъ мощи своя показа, явлься ему очи вѣсть». Тогда же опредѣлено было высокое значеніе этого архіепископа для исторіи Новагорода въ эпоху его борьбы съ Суздалемъ: потому что архіепископъ Іоаннъ *сподобился послужити чудеси св. Бого-*

родицы, честному ея знаменію. «Сему и преславный въ чудесехъ преподобный Варлаамъ хутынскій мощи своя верху земли видѣти дарова.» Но особенно было важно, для укрѣпленія всей новгородской старины, вообще возстановленіе въ память будущимъ поколѣніямъ всѣхъ мѣстныхъ преданій о новгородскихъ князьяхъ и святителяхъ, прославленныхъ въ народной памяти: «и о памятехъ создателей великія церкви св. Софіи и прочихъ князей русскихъ и архіепископовъ прежде его свято почившихъ творити вѣчно заповѣда». Но чтобы придать этому мѣстному чествованію вящій авторитетъ, архіепископъ Евѳимій, учреждая обрядъ поминовенія *новгородскихъ* князей и святителей, сослался на вѣщанія, бывшія ему о томъ въ чудесномъ видѣніи отъ самого св. архіепископа Іоанна, какъ это подробно читается въ житіи этого послѣдняго: «По глаголу святителя Божія Іоанна устрои память велію преставльшимся княземъ русскимъ: великому князю Владиміру, иже созда великую церковь Святую Премудрость Божію, и матери его благовѣрной княгинѣ Аннѣ, и княгинѣ его (т. е. супругѣ), и прочимъ княземъ, лежащимъ въ святѣй Премудрости Божіей, и ихъ сродникамъ и архіепископамъ В. Новаграда, и всѣмъ православнымъ христіанамъ, въ лѣто 6948 (т. е. 1439 г., т. е. въ княженіе Василія Васильевича Темнаго, при митрополитѣ Исидорѣ).

Такое торжественное возстановленіе церковнымъ авторитетомъ священной старины и историческихъ преданій во всемъ объемѣ мѣстныхъ интересовъ было на Руси дѣломъ новымъ, дотолѣ небывалымъ. Послѣ Кіевскаго Патерика, имѣвшаго впрочемъ интересъ болѣе келейный, аскетическій, новгородскія памяти, освященныя церковнымъ авторитетомъ по мысли архіепископа Евѳимія, давали обширный матеріалъ для цѣлаго житейника новгородскаго, къ которому уже сами собою прилагались новыя данныя въ теченіи XVI вѣка. Патріотическій подвигъ архіепископа Евѳимія выступаетъ въ особенномъ свѣтѣ въ исторіи развитія литературныхъ идей, когда возьмемъ въ соображеніе ту эпоху, когда Новугороду въ борьбѣ съ Москвою не оставалось иныхъ средствъ, кромѣ авторитета литературнаго, имѣвшаго въ ту пору только смыслъ религіозный. Это духовное ополченіе, окруженное ореолами

святости,—какъ нельзя лучше во время,—было вызвано изъ старыхъ преданій, и какъ бы пущено на встрѣчу притязаньямъ Москвы, еще столь бѣдной въ то время своими мѣстными святынями: и что особенно заслуживаетъ вниманія, Москва, ревниво смотрѣвшая на древнюю славу Новагорода и волею неволею внесшая потомъ въ свои всероссійскія священныя преданія имена нѣкоторыхъ новгородскихъ епископовъ и монаховъ, все же не хотѣла признать общаго всероссійскаго авторитета за святостію новгородскихъ князей, доселѣ пользующихся только мѣстнымъ чествованьемъ. Даже самое имя св. Софіи, гдѣ покоятся останки новгородскихъ князей, осталось для Москвы какъ бы чуждымъ. Ведя свой родъ отъ Мономаховъ, черезъ владимірское княжество, московскіе князья усвоили себѣ мѣстную святыню въ храмѣ Успенія Богородицы, построеніе котораго соединялось съ варяжскими сказаніями о Шимонѣ; но св. Софія, которую такъ высоко чтилъ Новгородъ, не вошла уже въ число кремлевскихъ святынь, не смотря на то, что это знаменитое имя было положено въ основу священныхъ памятниковъ церковнаго зодчества въ самой Византіи еще во времена Юстиніана.

Возстановленіе священной старины Новагорода архіепископомъ Евѳиміемъ должно было немедленно получить новую сильнѣйшую санкцію. Евѳимій въ своемъ патріотическомъ подвигѣ ссылался на слова св. архіепископа Іоанна, представившагося ему въ видѣніи. Но надобно было немедленно привести въ общую извѣстность и жизнь самого Евѳимія, съ именемъ котораго теперь уже связывался вопросъ о законномъ авторитетѣ вызванной имъ священной старины Новагорода,—и вотъ черезъ какія нибудь 10 лѣтъ по смерти Евѳимія, архіепископъ Іона велитъ написать его житіе Пахомію Логоѳету Сербину.

Впрочемъ, прежде нежели обратимся къ литературной оцѣнкѣ сказанія объ Іонѣ и его заслугахъ въ русской литературѣ, намъ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ объ юродивомъ Михаилѣ клопскомъ, относящемся къ эпохѣ Евѳимія и Іоны (+1452). Житіе Михаила клопскаго, какъ и многія другія, дошло до насъ въ краткой, простой и въ болѣе подробной и витіеватой редакціи. Первая составлена, вѣроятно, еще въ XV

или въ началѣ XVI вѣка, а вторая, по порученію митрополита Макарія, въ 1537 г., боярином Михаиломъ Тучковымъ, который въ малолѣтство Ивана Грознаго былъ посылаемъ въ Новгородъ, собирать войска противъ Татаръ, и въ то время по старымъ запискамъ описалъ житіе Михаила клопскаго.

Въ Клопскомъ монастырѣ, верстахъ въ 15 отъ Новагорода, однажды въ первой половинѣ XV вѣка, при великомъ князѣ Василіѣ Дмитріевичѣ случилось слѣдующее необычайное приключеніе: Случилось одному монаху того монастыря, именемъ Макарію, на память св. Аграфены купальницы 23 іюня служить заутреню. Во время девятой пѣсни, покадивъ братію, пошелъ онъ покадить и въ свою келью, которая была близь церкви. Подошедши къ кельи онъ удивился, найдя ее отпертою, между тѣмъ какъ, отправляясь въ церковь, онъ ее заперъ. Входитъ въ келью, и видитъ нѣкотораго человѣка въ иноческихъ одеждехъ: сидитъ и пишетъ дѣянія святыхъ. Макарій, пришедши въ ужасъ, удалился, а по окончаніи заутрени вмѣстѣ съ игуменомъ и съ братіею отправился въ свою келью. Но она была уже заперта, и сколько они ни стучались, никто не отпиралъ. Тогда разломали дверь и вошли, и увидѣли того же незнакомца, занятаго писаніемъ. И спрашивали они его: «кто ты, человѣкъ или духъ?» И незнакомецъ, будто не понимая, что ему говорятъ, только повторялъ ихъ слова: «кто ты, человѣкъ или духъ?» Игуменъ сталъ молитвы творить, и незнакомый старецъ повторялъ тѣ же молитвы. Потомъ игуменъ сталъ его крестомъ ограждать и кадиломъ кадить, и незнакомецъ ограждалъ себя крестомъ, но отъ кадила уклонялся.

Но когда наступила въ тотъ день обѣдня, незнакомецъ явился въ храмъ, искусно пѣлъ молитвы и читалъ апостолъ и съ тѣхъ поръ всегда пѣвалъ онъ въ церкви, а во время трапезы читалъ по монастырскому обычаю; что же касается до образа жизни, то велъ себя какъ юродивый, и оставался незвѣстенъ никому до тѣхъ поръ, пока не прибылъ однажды въ Клопскій монастырь братъ великаго князя Константина Дмитріевичъ, который, будучи изгнанъ изъ своей отчизны пришолъ въ Новгородъ. Князь Константинъ Дмитріевичъ въ незнакомцѣ узналъ нѣкоего Михаила, сына Максимова, и объявилъ, что онъ приходится ему и великому князю съ родни

Такъ оно и было узнано, имя Михаила клопскаго юродиваго. Надобно полагать, что въ этомъ юродивомъ принималъ особенное участіе изгнанникъ изъ своей отчизны князь Константинъ Дмитріевичъ, искавшій пріюта въ Новѣгородѣ. Этотъ князь украшалъ Клопскій монастырь постройками, и тѣмъ снискалъ себѣ сочувствіе между новгородскимъ духовенствомъ. Хотя Михаилъ клопскій за свои эксцентрическія странности и признанъ былъ юродивымъ, но искусство въ пѣніи и чтеніи и постоянныя занятія въ списываніи книгъ обличаютъ въ немъ человѣка образованнаго, и даютъ разумѣть о томъ, что въ княжескихъ фамиліяхъ уже стало распространяться книжное просвѣщеніе, но не находя себѣ пищи въ дѣйствительности, оно возбуждало въ умахъ мечтательную экзальтацію и отчуждало отъ практической дѣятельности.

Имя Михаила клопскаго очень распространено въ преданіяхъ объ историческихъ событіяхъ XV вѣка. Евѳимій, Іона, князья московскіе и современныя междоусобія княженія Василія Темнаго ставятся въ связи съ сказаніями объ этомъ юродивомъ.

Было уже упомянуто, что передъ св. Евѳиміемъ II, былъ на архіепископскомъ престолѣ Евѳимій I. Онъ поступалъ слишкомъ круто съ монастырями, отнималъ у нихъ казну и имѣнія. Его обличалъ Михаилъ клопскій и даже предсказалъ скорую кончину за его неправды. Что же касается до св. Евѳимія, именно II-го, то Михаилъ клопскій, будто бы, предсказалъ ему, что онъ будетъ постановленъ на архіепископскій престолъ въ Смоленскѣ, отъ кіевскаго митрополита Герасима, а не въ Москвѣ отъ митрополита *владимірскаго и всея Русіи*, какъ хотѣлъ, будто бы, Евѳимій. Извѣстно, что Евѳимій былъ посвященъ въ Смоленскѣ, что вполнѣ было согласно съ тогдашнимъ расположеніемъ умовъ въ Новѣгородѣ, чуждавшемся Москвы. Въ прошедшей лекціи я уже приводилъ пророчество Михаила клопскаго св. архіепископу Евѳимію о подпаденіи Новагорода подъ власть Іоанна III. Сверхъ того должно присовокупить, что сказанія говорятъ объ участіи, какое принималъ Михаилъ клопскій въ борьбѣ Василія Темнаго съ княземъ Дмитріемъ Юрьевичемъ, который неодно-

кратно убѣгалъ въ Новгородъ. Сказаніе, составленное уже въ интересѣ Москвы, заставляетъ Михаила клопскаго укорять князя Дмитрія Юрьевича; даже самыя предсказанія Михаила клопскаго о паденіи Новагорода отзываются торжественнымъ тономъ предреченій судьбы, покровительствующей московскому могуществу.

IV.

Сказаніе о св. архіепископѣ Іонѣ [1]), составленное въ Новѣгородѣ, отличается мѣстнымъ національнымъ колоритомъ, и по множеству подробностей столько же важно для исторіи гражданской и церковной, какъ и для исторіи литературы.

Іона (крещеное имя ему было Іоаннъ) родился въ Новѣгородѣ, и въ дѣтскихъ лѣтахъ осиротѣлъ. Его взяла къ себѣ одна вдова и отдала его дьякону учиться грамотѣ. Ко времени его ученія относится слѣдующій анекдотъ. Однажды шелъ по улицѣ Михаилъ клопскій юродивый. «Дѣти, товарищи Іоанну-Іонѣ по ученію, видя Михаила юродственнѣ грядуща», оставивъ свои игры, подбѣжали къ нему, какъ къ нѣкоему чуду, стали надъ нимъ смѣяться и ругаться и бросать въ него навозомъ и грязью; Іоаннъ же (т. е. будущій Іона) смирно стоялъ въ то время, забившись въ уголъ. Михаилъ юродивый подошелъ къ нему, схватилъ его за волосы, и приподнявъ выше себя, воскликнулъ: «Іоанне, учи книги прилежно! Имаши бо великому Новуграду сему архіепископъ быти».

Эта подробность имѣетъ для насъ то значеніе, что личность Михаила клопскаго была въ мѣстныхъ преданіяхъ очень популярна, будучи поставляема въ связи со всею тогдашнею современностью.

Рано постриженъ былъ Іоаннъ въ монахи въ Отнемъ или въ Отенскомъ монастырѣ и нареченъ Іоною, и потомъ изъ этого монастыря былъ возведенъ на архіепископскій престолъ въ Новѣгородѣ. Этотъ монастырь всегда оставался предметомъ его попеченій. Какъ его предшественникъ архіепис-

[1]) Помѣщено въ Новгородскомъ Житейникѣ графа Уварова, № 429 (Царск. № 133).

копъ Евѳимій покровительствовалъ церковному искусству и пиѣлъ у себя отличныхъ мастеровъ, не только русскихъ, но и *нѣмецкихъ изъ-за моря* (по свидѣтел. Лѣтоп. Новг. III, подъ 1433 г., о построеніи у него на дворѣ каменной палаты), такъ Іона, построивъ въ Отнѣ монастырѣ церковь трехъ святителей Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго, «многою лѣпотою украсивъ тую, *хитрыхъ живописцевъ* священныя иконы поставивъ въ ней, ихъ же добрѣйшій не обрѣтеся нынъ живописецъ въ то время и во дни наша. Такъ же вся стѣны церкве и столпы нарочитыми живописцы подписа и весь олтарь, и помраморенъмъ плинѳомъ всюду помостивъ. Паипаче же священными книгами преисполнивъ тую, святая Евангелія со златыми письмены и сребромъ позлащенномъ хитро покова, съ каменьми честными, и священные сосуды отъ камени изборна и отъ сребра чиста положи» и проч.

Но въ особенную заслугу въ исторіи образованія древней Руси слѣдуетъ вмѣнить архіепископу Іонѣ его ходатайство за угнетавшійся Москвою Новгородъ и просвѣщенное содѣйствіе Пахомію Сербину въ приведеніи въ литературную форму мѣстныхъ новгородскихъ сказаній. Какъ человѣкъ энергическій, онъ оказывалъ необыкновенную дѣятельность въ сношеніяхъ съ Москвою, и умно пользовался ими для Новагорода: «Московстіи князи, — говоритъ сказаніе, — много любяхуть его и со (благо)говѣніемъ почитаху, и писанія множицею посылаху къ нему, и отъ него восписанія желанна пріимаху: бяше бо разуменъ и въ словесѣхъ благъ». Несогласія между Новгородомъ и Москвою, при его предшественникѣ св. Евѳиміи доходившія до кровопролитія, были улажены при св. Іонѣ: «Пріиде же московскій князь въ в. Новгородъ Василій Васильевичъ, и съ нимъ сыновѣ его, Георгій и Андрей — *мирно*; и архіепископъ посѣщая и *дани своя пріемля*, прежде бо двократы при блаженномъ Евѳиміи ратію приходивъ бяшеся: тогда же миромъ пріиде и часто съ архіепископомъ бесѣдоваше». Сказаніе увѣряетъ, что великій князь исполнялъ всѣ прошенія св. Іоны и чтилъ его, какъ отца.

Составленіе житій Пахоміемъ Сербиномъ сказаніе соединяетъ съ слѣдующимъ случаемъ въ Новѣгородѣ, будто бы *во время пребыванія* тамъ великаго князя Василія Васильевича.

Въ княжеской свитѣ былъ княжій постельникъ Григорій, изъ рязанскихъ бояръ. Во время пребыванія великаго князя въ Новѣгородѣ, надъ этимъ постельникомъ совершилось отъ св. Варлаама хутынскаго чудо, исцѣлило его отъ тяжкой болѣзни—и тому чуду «*самовидцы быша* все множество градское и *Москвичя всѣхъ бывшихъ тогда въ градѣ*, и архіепископъ, и князь самъ, сынове его, и иже съ нимъ бояре и воеводы: и сіе умысли архіепископъ Іона въ *вѣчныя памяти вписати на увѣденіе послѣднимъ родовомъ*; *еже и сотвори*».

Тогда при митрополитѣ Іонѣ жилъ въ Новѣгородѣ Пахомій попъ, Сербинъ, искусный въ книжномъ сложеніи. Ему-то и велѣлъ архіепископъ *воспсати чудо сіе преподобнаго Варлаама*, а также составить и все житіе этого угодника съ канономъ, сверхъ того житія княгини Ольги, какъ начальницы христіанству въ русской землѣ, Саввы Вишерскаго, новгородскаго угодника почти современника (+1461), а также предшественника своего архіепископа Евѳимія. Это литературное дѣло Іона считалъ столь важнымъ, что не щадилъ на него никакихъ издержекъ, одаривъ Пахомія золотомъ и серебромъ, кунами и соболями, и почтивъ его всякими почестями.

Великій князь Василій Васильевичъ пригласилъ архіепископа Іону побывать въ Москвѣ. Архіепископъ хотя былъ удрученъ старостью и не въ силахъ уже былъ предпринять такой долгій путь, но «*жалость людей своихъ* (т. е. жалость по Новѣгородѣ), понуди его толикъ трудъ пути подъяти: видяше бо *ковъ на люди своя* и на градъ (т. е. на Новгородъ) *зависти око поощряше*». Ища *помощи Новугороду и людямъ*, архіепископъ Іона долженъ былъ отправиться въ Москву, гдѣ онъ былъ принятъ съ великими почестями. За нѣсколько верстъ отъ Москвы былъ онъ встрѣченъ боярами и почетнымъ духовенствомъ. Въ самомъ городѣ встрѣтилъ его московскій митрополитъ Іона, съ которымъ онъ былъ связанъ пріязнію и взаимнымъ уваженіемъ. Когда новгородскій архіепископъ отправился къ великому князю, былъ онъ встрѣченъ на дворѣ боярами, а по лѣстницѣ вели его подъ руки сыновья великаго князя. Самъ великій князь взялъ его за руку и повелъ въ свои княжескія палаты, *и елики тяжести*

даровъ принесены быша архіепископомъ, радостно пріятъ князь. Итакъ, для усмиренія московской грозы, архіепископъ Іона долженъ былъ привезти великому князю тяжеловѣсные новгородскіе дары: вотъ настоящая причина, почему великому князю хотѣлось видѣть въ Москвѣ ахрхіепископа новгородскаго.

Во время своего пребыванія въ Москвѣ, архіепископъ Іона неоднократно бывалъ у великаго князя, который часто ему жаловался *на граждане сіе, яко не по льготѣ отъ нихъ чтомъ.* О томъ же шла однажды у нихъ бесѣда, въ присутствіи Іоанна Васильевича (т. е. III), сына великаго князя и митрополита Іоны. Великій князь Василій Васильевичъ изложилъ передъ святителемъ свои жалобы на великій Новгородъ, «*яко презираемъ отъ него,* а ему великаго княженія власть надъ князьми русскими предержащу: *и сего ради искаше* подъяти руцѣ на в. Новградъ». Архіепископъ Іона *отвѣщеваше за градъ* и говорилъ много утѣшительнаго. Но великій князь все жаловался и *ярость пріимаше по многу.* Тогда этотъ доблестный защитникъ своего отечества, *подвигнувшись духомъ,* т. е. воодушевившись ревностью въ патріотическомъ дѣлѣ, рѣшился сказать великому князю, что если онъ, презрѣвши его моленія, не отвратитъ завистливаго ока отъ Новаграда, и воздвигнетъ руку *на послушныя ему люди, и ничьмъ же не обидѣвшія раздѣляти неправедно станетъ,* да вонметъ себѣ—егда како и въ чадехъ его зависти око узритъ кое, и раздѣленія послѣди близь будутъ. Нынѣ же,—продолжалъ вдохновенный любовью народной старецъ,—молитву мою услыши, неправды на праведныхъ не подвигни, тихими очами взгляни на своихъ повинныхъ и свободныхъ людей въ рабство принимать не начинай: тебѣ самому уже послѣдніе дни приближаются, и скоро уже сыну твоему Іоанну хоругви русской земли содержати: и о немъ буду я со всѣми своими Богу прилежныя молитвы возносить, паипаче же *освобожу сына твоего отъ власти ордынскихъ царей,* и прошу только *за свободу града моего еже отъ тебе.* Еще же молю Господа, да вознесетъ Господь десницу сына твоего надо всѣми, и да покоритъ ему всѣхъ супостатовъ его, и прославится онъ властію больше прародителей своихъ, и княженіе его укрѣ-

питея въ рукахъ его, и простретъ онъ силы свои на многихъ, и страны великія возьметъ, если только поживетъ благочестиво, *и тихима очима владомыя смотрѣти будетъ*». Отъ этого пророчества святителя старца усладился великій князь и возвеселился, и радуясь объ освобожденіи отъ ордынскихъ царей и о благоденствіи своего сына, обѣщалъ архіепископу милость къ людямъ его (т. е. къ Новгородцамъ), и всякій гнѣвъ отложивъ, миръ вел. Новугороду даровалъ; а самъ прослъ обоихъ святителей, т. е. архіепископа Іону и митрополита Іону, о моленіи ихъ, «*еже пріяти свободу отъ мучительства ордынскихъ царей и Татаръ и укрѣпитися въ руку его русскимъ хоругвямъ*». (Такъ еще тяжко было для Руси, и именно теперь въ XV вѣкѣ для Москвы татарское иго, что за надежду освободиться отъ него, московскій князь отказывается отъ порабощенія Новагорода!) Когда всѣ умолкли, прослезился старецъ архіепископъ Іона и горько плакалъ. Великій князь и митрополитъ въ удивленіи спрашивали о причинѣ его скорби. Архіепископъ отвѣчалъ имъ: «Кто обидитъ людей моихъ толикое множество, и кто смиритъ таковое величество града моего, если усобицы не смятутъ ихъ и раздоры не низложатъ ихъ, и лукавство зависти не развѣетъ ихъ? По крайней мѣрѣ во дни мои да дастъ Господь миръ и тишину людямъ моимъ». Такимъ образомъ провидѣвъ духомъ, что людямъ его невозможно до конца въ свободѣ удержать города своего, архіепископъ позаботился о любимомъ имъ монастырѣ Отнѣ (Отенскомъ), и прослъ обоихъ князей, т. е. Василія Васильевича и сына его Іоанна, чтобы былъ данъ этому монастырю *свой судъ*, да изъятъ онъ будетъ *отъ насилій многихъ и отъ самихъ намѣстниковъ ихъ, и сами, и поселяне и работники да не судимы будутъ*. Князья съ радостію исполнили его прошеніе и дали ему на то грамоту снабдивъ ее позолоченными печатями. Потомъ съ великою честію отпустили архіепископа изъ Москвы. Прибывъ въ Новгородъ, архіепископъ Іона выразилъ свою симпатію къ Москвѣ особымъ чествованіемъ, которое онъ воздалъ памяти Сергія Радонежскаго, построивъ ему первую въ Новѣгородѣ церковь въ 1463 г., ровно черезъ 40 лѣтъ послѣ того, какъ Сергій (въ 1423 г.), былъ признанъ новоявленнымъ угодни

комъ. Эту церковь построилъ онъ при архіепископской палатѣ и именно при самомъ томъ столбѣ часовомъ или,—какъ онъ былъ названъ,—при *часозвонѣ*, который былъ сооруженъ Евѳиміемъ. Тогда же заказалъ Іона Пахомію составить житіе Сергія, которое было имъ написано по памятямъ, сдѣланнымъ ученикомъ Сергія — Епифаніемъ. Вскорѣ умеръ митрополитъ Іона; архіепископъ въ знакъ уваженія и пріязни заказалъ Пахомію составить и житіе этого митрополита. Изъ этого мы видимъ, что архіепископъ Іона старался какъ можно скорѣе утверждать литературнымъ авторитетомъ память уважаемыхъ имъ лицъ, хотя бы и современниковъ, каковы были новгородскій архіепископъ Евѳимій и московскій митрополитъ Іона. Онъ заказалъ было даже и житіе третьяго современника, Михаила клопскаго, которое, кажется, не успѣлъ написать Пахомій. Но главная дѣятельность сербскаго литератора была обращена на священныя преданія Новагорода. Кромѣ вышеупомянутыхъ сказаній, онъ написалъ два канона *иконѣ Знаменія Пресвятой Богородицы*, понятно потому, что съ этимъ знаменіемъ или чудомъ Новгородцы соединяли память о самой блистательной эпохѣ въ своей исторіи изъ временъ архіепископа Іоанна.

Пахомій жилъ въ Новѣгородѣ до самой кончины своего покровителя архіепископа Іоны. Потомъ переѣхалъ въ Троицы Сергіевъ монастырь, становившійся центромъ книжнаго просвѣщенія въ усиливающейся Москвѣ. По примѣру Новагорода, и Москва уже стала думать о водвореніи въ благочестивыхъ умахъ памяти о своихъ мѣстныхъ свято—чтимыхъ угодникахъ. Когда открыты были мощи св. Петра митрополита Московскаго, Пахомію поручено было сочинить службу на обрѣтеніе мощей его, и онъ написалъ два канона. Еще описалъ онъ житіе другой знаменитой личности въ исторіи московской церкви, именно житіе св. Алексія митрополита. Такимъ образомъ даже самыя раннія священныя преданія свои Москва приводитъ въ литературную извѣстность по примѣру Новагорода и подъ вліяніемъ новгородскихъ идей, которымъ при архіепископѣ Іонѣ усердно служилъ Сербинъ Пахомій.

По смерти великаго князя Василія Васильевича сынъ его великій князь Іоаннъ III оказывалъ такую же милость и бла-

говоленіе архіепископу Іонѣ. И не только московскіе князья любили этого замѣчательнаго человѣка, но, какъ говоритъ его житіе,—«и *Тверстіи*, и *Литовстіи*, и *Смоленстіи*, и *Полотстіи*, и *Нѣмечстіи*, и вси округъ сѣдящія страны во вся лѣта епископства его тверду любовь имѣяху къ нему, и миръ велик къ в. Новуграду имѣяху, такъ же и ко всѣмъ предѣломъ его, и глубоку тишину вся страна та пріятъ, и не бѣяше слышанія рати во вся дни его». Превознося благоденствіе Новагорода во времена этого архіепископа, списатель житія обличаетъ въ себѣ Новгородца въ слѣдующихъ словахъ: «Такова благоволенія обильна молитвами его Господь Богъ дарова *граду нашему*».

Таково замѣчательное сказаніе объ архіепископѣ Іонѣ, проникнутое самымъ искреннимъ патріотическимъ чувствомъ Новгородца, постоянно волнуемаго страхомъ и надеждою за судьбу своей родины. Не смотря на трогательныя просьбы, которыми умаливаетъ архіепископъ московскихъ князей хотя на время отвратить свой гнѣвъ отъ Новагорода, не смотря на его тревожныя предчувствія, заставляющія его уже заранѣе оплакивать судьбу любимой родины, житіе архіепископа Іоны оставляетъ по себѣ успокоительное впечатлѣніе описаніемъ тишины и благоденствія, которыми наслаждался Новгородъ во время архіепископства Іоны. Это была необычайная, напряженная тишина, предвѣщавшая послѣднюю грозу, разразившуюся надъ Новгородомъ. Уже въ самыхъ отношеніяхъ архіепископа Іоны къ московскимъ князьямъ нѣтъ той независимой самостоятельности, къ какой издавна привыкли Новгородцы: уже не гордымъ протестомъ, не грозою, а моленіемъ надобно было умилостивлять Москву, чтобъ она смотрѣла тихими очами на повинныхъ ей Новгородцевъ; уже надобно было новгородскому архіепископу войти въ дружеское сношеніе съ московскимъ митрополитомъ, и даже ввести въ кругъ новгородскихъ святынь новое священное имя Сергія Радонежскаго, принесенное въ Новгородъ самимъ архіепископомъ изъ Москвы.

Ѳ. Буслаевъ.

ЗАПИСКИ ВАЖНЫЯ И МЕЛОЧНЫЯ К. Ѳ. КАЛАЙДОВИЧА. [1]

ября 14-го дня былъ я съ 9-го часу по 12-й у графа
а Петровича Румянцова и вручилъ ему письмо отъ А. Ѳ.
овскаго, въ которомъ Его Превосходительство писалъ:
аспространяясь о достоинствахъ г-на Калайдовича, до-
» привести сказанное преосвященнымъ Евгеніемъ, что,
онъ въ такія лѣта столько знаетъ, что-же будетъ въ
» Графъ Сергѣй Петровичъ принялъ меня съ отличнымъ
ложеніемъ, чего я не ожидалъ отъ столь знатнаго бари-
» я не столько удивлялся сему, сколько особеннымъ его
ніямъ въ исторіи руской. Онъ показывалъ мнѣ Кенигс-
каго Нестора, изписаннаго собственными примѣчаніями,
которыми я замѣтилъ, что Сѣверяне и Древляне наз-
отъ рѣкъ Сѣверы (кажется) и Дравы, протекающихъ
» въ Славоніи; что въ Швейцаріи есть одна деревня,
не ошибаюсь, при рѣкѣ Русѣ, которой жители обра-
жизни и поступками отъ тамошнихъ обывателей отлич-
кои вѣроятно зашли туда во время норманскихъ на-
ъ на Европу. Къ сожалѣнію я не могу припомнить все-
шего разговора, изъ коего содержу въ памяти, что сло-
ина, вѣроятно, есть испорченное: «pecunia» подобно *ве-*

---

[1] Подъ такимъ заглавіемъ сохранилась у наслѣдниковъ К. Ѳ. Калайдовича
ь, въ 4-ю долю листа, написанная отъ начала до конца его рукою. Пе-
ъ записки съ соблюденіемъ правописанія подлинника. *Ред.*

вираць, взятой съ какого-то латинскаго слова, что *ой дидо и ладо*, извѣстная припѣва, въ коей находятъ славянскихъ бобовъ,—есть ничто иное какъ древній греческій припѣвъ: *ой ти тидлло*, подобный вошедшему при Татарахъ *ой люли, ой люли*, извѣстному и теперь у нихъ и въ Турціи, и ничего не значатъ какъ и французское *тралла-ла*; что Финны и теперь, указывая на забалтійскій берегъ, при вопросѣ, кто живетъ тамъ, отвѣчаютъ *Русмалейнь*. Не надо бо́льшихъ доказательствъ, чтобы сему вѣрить, кто знаетъ, что Шведы именемъ рускихъ называли не сами себя, но что сіе имя давали имъ другіе народы, такъ точно какъ имя нѣмцовъ, даваемое одними Рускими Германцамъ и Татаръ, извѣстное (всей) Европѣ. Графъ предложилъ мнѣ на разрѣшеніе два сомнѣнія находящіяся въ Кенигсбергскомъ спискѣ Нестора о высаженіи Судислава изъ поруба, и о томъ что, когда Ярославъ возвратился съ мнимой побѣды надъ Болеславомъ, было ему 28 лѣтъ. Румянцовъ не вѣритъ Пѣсни Игоревой, почитая ее подложною, основываясь на томъ, что въ ней встрѣчается имя Солтаново, появившееся не за долго предъ XII вѣкомъ, названіе народа Венедици и мѣстоимѣніе *который*, неприличное будто бы тому времени. О имени Солтана и Венедицъ должно справиться, а въ доказательство, что въ древнихъ сочиненіяхъ встрѣчаются слова совершенно похожія на новыя, приводилъ я Его Сіятельству слово *батогъ*, находящееся у Нестора по древнѣйшему Лаврентьевскому списку. Онъ также не вѣритъ Нестору, почитая сіи лѣтописи монастырскими записками, а самого Нестора Петра Могилы фабрикою. Вообще графъ имѣетъ сильные предразсудки въ опасеніи въ поддѣлкѣ древнихъ рукописей и нѣкоторымъ историческимъ случаямъ,—предразсудки, кои желательно, чтобы были чаще у нашихъ мнимыхъ историковъ. Въ заключеніе графъ говорилъ о будущей моей службѣ и разстался со мною до свиданія въ Синодальной ризницѣ 16 дня сего мѣсяца Въ 12-мъ часу я отъ него вышелъ. Графъ Сергѣй Петровичъ средняго роста, лѣтъ 60-ти но очень бодръ, имѣетъ пріятную улыбку и я, находя въ немъ сходство съ покойнымъ безцѣннымъ для меня княземъ Борисомъ Владиміровичемъ Голицынымъ, тѣмъ болѣе радовался сему знакомству.

Первымъ отдѣленіемъ издаваемыхъ мною Русскихъ Достопамятностей графъ былъ очень доволенъ, и долго говорилъ о нѣкоторыхъ піэсахъ, въ ней помѣщенныхъ.

Января 16-го дня, отобравши 14-ть важнѣйшихъ книгъ, взятыхъ мною изъ Синодальной библіотеки, я поѣхалъ туда. Графъ пріѣхалъ въ 11-мъ часу и съ любопытствомъ разсматривалъ привезенныя мною книги, изъ коихъ особенно показались ему достойными вниманія: 1) Переводъ книги Іоанна Дамаскина о небесной іерархіи, сдѣланный по всѣмъ вѣроятіямъ въ X вѣкѣ и тогда-же писанный Іоанномъ, Ексархомъ Болгарскимъ. 2) Уставъ церковный, писанный, думать надобно, въ XII вѣкѣ въ Новгородѣ. 3) Шестодневъ Василія Великаго, принадлежащій къ переводамъ X вѣка Іоанна Екзарха Болгарскаго. 4) Четыре слова на Аріаны Аѳанасія, Архіепископа Александрійскаго, переводъ, къ тому-же времени относящійся. 5) Евангеліе, писанное въ 1144 году. 6) Опись книгъ въ разныхъ монастыряхъ находящихся, для вѣденія при исправленіи оныхъ во время Никона. 7) Книга, писанная въ Болгаріи въ первой половинѣ XIV вѣка и содержащая статьи о письменахъ черноризца Храбра и исповѣданіе вѣры Кирилла, славянскаго учителя. 8) Библіографія, въ коей изчислены всѣ сочиненія, переведенныя на руской, рукописныя или печатныя, которыя дошли до свѣдѣнія сочинителя и 9) Подлинная на греческомъ языкѣ грамота объ избраніи Іова Московскимъ Партіархомъ.

Графъ между прочимъ замѣтилъ, что нашъ лѣтописатель, Несторъ помѣщенъ въ мѣсяцословѣ подъ тѣмъ-же самымъ числомъ, подъ коимъ находится греческій святой его имени, и очень желалъ, чтобы прежде нежели будущій русскій историкъ приступитъ къ гражданской исторіи, описалъ онъ естественное состояніе государства. Оно покажетъ различія народовъ отъ климатовъ и ослабитъ патріотическую мысль возносить государство при Рюрикѣ и Олегѣ на степень нынѣшняго благосостоянія и просвѣщенія. Нельзя не согласиться съ такимъ мнѣніемъ, произшедшимъ отъ глубокаго размышленія, и съ тѣмъ, что, ежели-бы государство имѣло гражданскую образованность, то Угры не смѣли-бы прямо, не предваривши, идти мимо Кіева и въ другой разъ жители сего города

не прозѣвали-бы внезапнаго нашествія Половцевъ. Исторію Швеціи Далинъ, помнится, началъ съ физическаго состоянія. Графъ говорилъ, что онъ вчерашній день писалъ къ брату своему Николаю Петровичу въ Петербургъ о мнѣ съ отличною похвалою, изъявляя желаніе мое служить въ здѣшнемъ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ, или въ Петербургѣ при его собственной особѣ (канцлерѣ).

Графъ думаетъ, что реченіе: *срубили городъ*, должно понимать такъ, что въ тогдашнее время, срубая крѣпости, перевозили ихъ съ мѣста на мѣсто;—онъ сему находитъ даже письменное доказательство. И такъ Рюрикъ привезъ съ собой крѣпостцу, въ которой засѣвши, былъ безопасенъ отъ нападеній. Города Смоленскъ, Новгородъ и другія существовали, какъ онъ увѣряетъ, ссылаясь на Бандурія—я не помню—въ древнихъ областяхъ Славянъ и что русскими Славянами построены по имени ихъ.

18-го января. Д. П. Б. Каменскій показывалъ мнѣ письмо, писанное отъ государственнаго канцлера, изъ С.-Петерб. отъ 9 января и полученное 17, въ которомъ Его Сіятельство писалъ между прочимъ въ отвѣтъ П. П. Б. Каменскаго слѣдующее: «Давно уже желалъ я пріобрѣсти г-на кандидата Калайдовича для служенія Архивы, сердечно благодарю Ваше Превосходительство за напоминаніе. Скажите ему, чтобы онъ прислалъ свою просьбу и аттестаты и предложилъ съ своей стороны условія».

20-го января вечеромъ былъ я у графа С. П. Румянцова; разговоръ былъ посторонній,—о нашемъ дѣлѣ ни слова. Къ нему пріѣхалъ графъ Броліо и двое незнакомыхъ мнѣ лицъ; я скоро простился съ графомъ, пожелавъ ему благополучнаго пути. Онъ поѣхалъ въ Малороссію, обѣщаясь быть черезъ мѣсяцъ опять въ Москву и на другой день, то есть января 21, послалъ второе рекомендательное письмо о мнѣ къ братцу своему гр. П. П. Румянцову. Заѣхавъ отъ него къ П. П. Б. Каменскому, часу въ 9-мъ (въ исходѣ), я засталъ его уснувшаго сномъ вѣчнымъ. Онъ скончался до моего пріѣзда не болѣе 15 минутъ. Россія лишилась въ немъ одного изъ вѣрныхъ сыновъ своихъ; любезное семейство оплакиваетъ потерю чадолюбиваго отца, а подчиненные ревностнаго покровителя. «*Память праведнаго съ похвалами*».

23. Было отпѣваніе тѣла покойника. Воля его состояла въ томъ, чтобы при сей церемоніи никто не присутствовалъ, кромѣ протопопа и двухъ священниковъ, но преосв. Августинъ съ 6-ю архимадритами, узнавъ о потерѣ истиннаго сына церкви, почелъ святымъ долгомъ отдать ему послѣднее прощаніе. Послѣ литургіи протоп. Заикон. мон. Никаноръ произнесъ рѣчь, по сему случаю, и окончаніемъ оной исторгъ слезы у слушателей.

24 *дня* во второмъ часу ночи собравшись чиновники Архива въ церковь, понесли его тѣло въ три часа на рукахъ въ Донской монастырь. Я былъ при семъ случаѣ и несъ гробъ его отъ Каменнаго моста до Николы Голутвина. Горесть дѣтей, изъ коихъ сыновья тутъ были, — неописанна. Младшій несъ толь драгоцѣнное для него бремя отъ самой архивы до Донскаго монастыря, не перемѣняясь. На разсвѣтѣ пришедши въ монастырь, отслушали тамъ обѣдню и опустили тѣло Николая Николаевича въ могилу, вырытую въ той самой церкви, въ коей погребенъ родной его дядя московскій страдалецъ Амвросій. Что скажемъ о заслугахъ твоихъ, церкви и отечеству оказанныхъ? о твоей ревности къ просвѣщенію? дѣла твои суть похвала твоя, старецъ именитый! Въ 8-мъ № Моск. Вѣд. напеч. мое о семъ объявленіе и въ 6-й книжкѣ Сына Отечества.

26. Никифоръ Никоновичъ (факторъ унив. типогр.) подарилъ мнѣ 10 листовъ Чеботарева изданія Нестора. И. И. Бантышъ-Каменскій, будучи въ жестокой болѣзни и чувствуя приближеніе кончины, писалъ слѣдующее письмо отъ 26 декабря 1813 года къ государственному канцлеру:

»Сіятельнѣйшій Графъ
Милостивый Государь!

Продолжающаяся съ 4-го декабря простудная болѣзнь въ ухѣ и худые успѣхи отъ консиліума и ихъ лѣкарствъ, кажется приближаютъ меня къ концу жизни моей, и для того долгъ имѣю вашему сіятельству донесть о находящемся въ моемъ начальствѣ Архивѣ, и такъ»:

1) Желаетъ, чтобы мѣсто его занялъ А. Ѳ. Малиновскій.

2) Чтобы сынъ его Димитрій оставленъ былъ помощникомъ канцеляріи.

3) Чтобы при изданіи грамотъ остались тѣ же самые чиновники: г-да Либенау, Нестеровичь и Прихуцкій.

4) «Но какъ при печатаніи сихъ трактатовъ требуется человѣкъ знающій крѣпко литературу и россійскую исторію, то рекомендую на сіе мѣсто находящагося въ Университетѣ давно желающаго быть при Архивѣ г. кандидата Калайдовича. Онъ уже извѣстенъ по многимъ историческимъ и критическимъ отрывкамъ въ исторіи; — онъ нашелъ и въ 1-й нашей части вкравшіяся ошибки. Примѣчанія его на Кипріанову степенную книгу напечатаны въ послѣдней сего мѣсяца книжкѣ Вѣстника Европы. Вы можете сію книгу взять у Вестмана и увидите изъ его начертаній оборотность ума его».

5-мъ параграфомъ, въ коемъ проситъ Н. Н. объ опредѣленіи меньшаго Цемша въ Архивъ, оканчивается письмо.— 5-й § равно и окончаніе написано своеручно, а все письмо надиктовано, съ поправкою собственной рукою.

Канцлеръ въ отвѣтъ на сіе письмо пишетъ отъ 9 января 1813. С.-Петерб. между прочимъ о мнѣ слѣдующее: «Давно уже желалъ я для службы пріобрѣсть г-на кандидата Калайдовича. За напоминаніе объ немъ я Вамъ весьма благодаренъ и прошу васъ теперь доставить ко мнѣ токмо его прошеніе и дать мнѣ знать на какомъ основаніи онъ желаетъ вступить въ службу, дабы я потому могъ сдѣлать надлежащее распоряженіе». — Отвѣтъ сей полученъ 17 января, за три дня до смерти Николая Николаевича.

Я послалъ отъ 26 числа января на сіе слѣдующій мой отвѣтъ государственному канцлеру.

«Ваше Сіятельство
Милостивый Государь!

Имѣя особенное счастіе слышать волю вашу, изъявленную чрезъ его прев. И. Н. Б. К., о доставленіи аттестатовъ и просьбы моей для опредѣленія въ Московскій Архивъ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, честь имѣю отвѣтствовать, что я, желая посвятить всю жизнь свою русской исторіи и особенно древностямъ и дипломатикѣ, и чувствуя, что мѣсто теперешней службы моей, Московскій Университетъ, не столько можетъ доставить мнѣ способовъ усовершенствовать себя въ сей части, искалъ случая употребить слабыя мои познанія и силы на служеніе Архивы Коллегіи иностранныхъ дѣлъ; но получивъ ваше лестнѣйшее на сіе согласіе, немедленно приступилъ къ отобранію аттестатовъ, по коимъ я долженъ имѣть уже общую отставку. Прослуживъ положенное время въ званіи кандидата

годъ подпоручикомъ въ Московской Силѣ, желалъ бы вступить въ Архиву съ чиномъ титул. совѣт., квартирою и жалованьемъ, сораз-мѣрнымъ трудамъ моимъ и должности.—Мои обстоятельства, ученое знакомство и здѣшнія библіотеки древностей, хорошо мнѣ извѣстныя, посредствомъ коихъ я былъ-бы въ возможности быть нѣкогда по-лезнымъ, располагаютъ меня остаться къ продолженію службы въ Москвѣ; впрочемъ почитая волю вашу въ томъ и другомъ случаѣ закономъ, и питая сіе чувство въ душѣ моей, особеннымъ счастіемъ почту именоваться.

Ваш. Сіят.
и проч.

(Письмо сіе писалъ я у Д. И Б. К. и спѣша забылъ поставить мѣс-то годъ, мѣсяцъ и число).

Февр. 4. Былъ я у П. И. Г. Кутузова, нашего куратора. Онъ меня принялъ очень ласково, распрашивалъ о воен-ной службѣ, о моихъ дѣлахъ въ Университетѣ, и въ заклю-ченіе сказалъ: *все знаю—и здѣлаю. Кутузов не любитъ бѣщать.*

Получилъ письмо (въ конв. А. Ѳ. Малиновскаго) отъ Ива-на Ивановича Нестеровича изъ С.-Петерб., написанное по волѣ государственнаго канцлера съ пріятнымъ для меня пред-ложеніемъ.

Полковникъ лейбъ-гусарскаго полка Евграфъ Владиміро-вичъ Давыдовъ, проходившій чрезъ Оршу и тамъ у меня ночевавшій, теперь генералъ-маіоромъ и шефомъ лубенскаго гусарскаго полка. Онъ обѣщалъ припомнить въ Москвѣ ор-шанскій *вечеръ*. Живетъ у Калуж. воротъ, на Среди. Донск.

8 *числа февр.* стали поговаривать о взятіи Парижа иные 7 января, а другіе 20, или 21; второе вѣроятнѣе, ибо 16 числа главная квартира была въ Труа, за сто верстъ отъ столицы. Я вѣрю, что гласъ народа есть гласъ Божій.

9 февраля показывалъ мнѣ А. Ѳ. Малиновскій письмо отъ 2 февраля (получ. 9) государственнаго канцлера, въ кото-ромъ его сіятельство изъявлялъ тоже желаніе имѣть меня въ службѣ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, какое и въ письмѣ къ покойному П. И. Б. Каменскому.

Отправилъ я слѣдующій отвѣтъ къ И. И. Нестеровичу чрезъ Д. Н. Б. Каменскаго въ конвертѣ къ оберъ-секретарю Коллегіи Вестману *):

. . . . . .

10 февраля возвращена мнѣ монета подобная той, которую священникъ Успенія въ Печатникахъ Василій Іоанновъ безбожно выдавалъ за одинъ изъ тѣхъ сребренниковъ, за который проданъ Спаситель—въ слѣдствіе съ нимъ заключеннаго условія. Въ объясненіи, поданномъ имъ правленію и. м. Университета, онъ просилъ возвратить мнѣ копію, представляя при семъ, какъ онъ называлъ, свой подлинникъ, купленный имъ съ вѣнчикомъ по цѣнѣ серебра у торгующаго въ серебреномъ ряду купеческаго сына Гаврилы Иванова. Этотъ примѣръ неосторожности долженъ послужить въ мою пользу, ибо онъ мнѣ показалъ, до чего можетъ простереться месть ослѣпленнаго гнуснымъ корыстолюбіемъ служителя церкви (!) который изъ сей побудительной причины, хотя имъ скрываемой, но очень замѣтной, вымышлялъ средства самыя низкія и недостойныя того сана, который онъ на себѣ носитъ, чтобы только запутать и подвергнуть нареканію имя человѣка, котораго до сего происшествія онъ называлъ совершеннымъ своимъ другомъ.

11 февраля былъ у Н. М. Карамзина. Много переговорили; между прочимъ онъ сказалъ, что на вопросъ, предложенный гр. Н. П. Румянцовымъ: когда внесенъ въ Россію мѣс. праздникъ перенесенія мощей св. Николая (мая 9)? онъ отвѣчалъ, что праздника сего нѣтъ въ греческихъ Святцахъ, а въ русскія онъ внесенъ Ефремомъ, Епископомъ Переяславскимъ, тѣмъ самымъ, который теперь очень сдѣлался извѣстнымъ по жаркому спору о Башномъ строеніи. Это отыскано въ каталогахъ Архіереевъ, находящихся при нѣкоторыхъ рукописныхъ лѣтописяхъ.—Я замѣтилъ съ своей стороны, что сего праздника нѣтъ въ Уставѣ Церковномъ, хранящемся въ Синод. библ. и писанномъ по всѣмъ вѣроятіямъ въ XII вѣкѣ въ Новгородѣ, между-тѣмъ какъ онъ помѣщенъ въ Еван-

*) Для помѣщенія письма оставлено въ запискахъ мѣсто; но оно не было вписано.

гелiи, тамъ же хранящемся—1144 года и писанномъ, кажется, близъ Дуная. Н. М. замѣтилъ, что въ 1-й изданной части государственныхъ грамотъ и договоровъ находится одна грамота, данная В. К. Василiемъ Iоанновичемъ Смолнанамъ по взятiи сего города будто I дня, не припомню мѣсяца, но Смоленскъ сдался $\overline{\text{к}}$ числа. Ошибка вѣроятно произошла отъ того, что лѣвая черта буквы люди изгладившись была похожа на I. Въ заключеiе Н. М. просилъ меня поискать въ Греческихъ и старыхъ рускихъ требникахъ молитвы при постриженiи волосъ.

12 февраля утромъ А. Ф. Малиновскiй прислалъ ко мнѣ записку, въ которой просилъ доставить Архиву переписанный экземпляръ Договора смоленскаго князя Мст. Давыд. съ Ригою или самый подлинникъ, графомъ А. И. М. Пушкинымъ данный историческому обществу. Я отвѣчалъ, что въ рукописи сей я не воленъ; мнѣ только дано право ея изданiя. Канцлеръ (коему г-ну М—у угодить желалось), весьма-бы симъ огорчилъ меня, ибо я приготовилъ уже къ сему мои замѣчанiя. А. Ѳ., видя, что такое предложеiе мнѣ не очень прiятно, прервалъ разговоръ.

13 февраля. Отъ Романа Ѳедоровича Тимковскаго я возвращаюсь всегда съ новыми силами, съ новымъ стремленiемъ къ Русскимъ древностямъ. Томительный и принужденный тонъ Каченовскаго, очень мнѣ памятный, ибо я только третьяго дня съ нимъ видѣлся, совершенно забываю въ бесѣдѣ съ симъ угрюмымъ для другихъ, но для меня любезнымъ профессоромъ, который всегда изъявляетъ охоту помогать мнѣ въ трудахъ съ совершенною откровенностiю.

Проф. Тимковскiй показывалъ мнѣ слово *Паломникъ* въ 3 ч. продолж. Древ. Рос. Вивл, издан. въ С.-Петерб. въ статьѣ: Уставъ Владимiра, въ числѣ церковныхъ людей. Въ изданiи сей пiэсы, помѣщенной Новиковымъ въ Древ. Рос. Вивл., вмѣсто паломникъ напечатано *пищiй*. Р. Ѳ. производитъ сiе слово отъ *ломоть* съ соединенiемъ предлога *по* (или *на*), какъ челопитающагося мiрскимъ подаянiемъ. Онъ отыскалъ для меня мѣсто о смерти Симеона 1-го, Тверскаго Епископа, котораго я недавно отыскалъ отвѣтъ, данный Полоцкому князю Константину. Смерть сего епископа упоминается въ Никон. Лѣтоп.

подъ 1288 годомъ. (Въ русскомъ времен., при описаніи Ледскаго пораженія при Алекс. Ярослав. Невскомъ, упоминаются шкуны, бывшіе у Нѣмцовъ). Прощаясь, г-нъ профессоръ очень желалъ, чтобы я приготовилъ до отъѣзда, который свершится или нѣтъ, вторую часть издаваемыхъ мною русскихъ достопамятностей, и скорѣе отпечаталъ первую. Онъ по своей ко мнѣ дружбѣ беретъ на себя трудъ изданія второй книги. Изъ всѣхъ Унив. профессоровъ я въ немъ одномъ видѣлъ нелицемѣрнаго мнѣ доброжелателя. Г-нъ Тимковскій просилъ меня написать къ гр. А. П. М. Пушкину, чѣмъ онъ руководствовался при объясненіи пѣсни Игоревой и почему такъ, а не иначе переводилъ нѣкоторыя слова? вѣрно ли напечатана рукопись и не дѣлано-ли какихъ перемѣнъ, ибо замѣчено, что въ ней не соблюдено правописаніе? какъ поступали издатели при знакахъ препинанія? почему слово Олегъ поставлено въ скобкахъ и другія? еще нѣсколько вопросовъ, въ разсужденіи сего несравненнаго сочиненія, онъ обѣщалъ мнѣ доставить письменно.

Н. М. Карамзинъ замѣтилъ въ подлинной пѣсни Игоревой, что гдѣ напечатано: *вѣчи Трояни* (кажется въ двухъ мѣстахъ), тамъ читается въ рукописяхъ *сѣчи*. Онъ тоже находитъ и въ другихъ словахъ, въ коихъ сходныя въ той рукописи между собой буквы *в* и *с* были принимаемы противно.

14 февраля читалъ я рѣчь, говоренную г. Гоеномъ въ какомъ-то обществѣ 1761 года о бѣшенствѣ, называемомъ водобоязнію (Hydrophobia). Оно сдѣлало на меня большое впечатлѣніе. Я самъ имѣлъ несчастіе быть укушеннымъ бѣшеною собакою дорогою изъ Кіева въ Москву, куда пріѣхавши, хотя и былъ безопасенъ, но едва не подвергся смерти отъ неосторожнаго даванія мнѣ внутрь шпанск. мухъ (матушкою), прописанныхъ докторомъ Шумлянскимъ (батюшки моего тогда въ Москвѣ не было). Я распрашивалъ сегодня батюшку о врачеваніи отъ бѣшенства; онъ отвѣчалъ, что наружное употребленіе чистаго деревяннаго масла и приниманіе внутрь рюмокъ по 5 на день можетъ совершенно безъ помощи даже дрока и шпанск. мухъ излѣчить зараженнаго. Онъ разсказывалъ мнѣ о многихъ примѣрахъ и опытахъ, имъ самимъ дѣланныхъ надъ людьми, укушенными собаками, змѣями и за-

разившимся отъ ядовъ минеральныхъ, коихъ во большой части врачевалъ однимъ деревяннымъ масломъ съ совершеннымъ успѣхомъ.

16 февр. по желанію А. Ѳ. Малиновскаго я къ нему пріѣхалъ. Онъ показывалъ мнѣ письмо, писанное г-мъ Несторовичемъ по волѣ канцлера, въ которомъ его сіятельство изъявлялъ свое желаніе имѣть копію съ лѣтописи, хранящейся въ семинарской Троицкой библіотекѣ, о коей ему было извѣстно изъ 1-й части издаваемыхъ мною достопамятностей, гдѣ въ предисловіи къ Уставу Всеволода я упомянулъ о ней. Представивъ о томъ, что книга сія недостойна особаго вниманія, я обѣщалъ г-ну Малиновскому доставить по его желанію подробную о семъ записку. Несмѣя болѣе безпокоить его превосходительство, я просидѣлъ у него не болѣе 10 минутъ и, пожелавъ ему облегченія въ болѣзни, пошелъ отъ него.— А. Ѳ. сказывалъ мнѣ, что онъ подарилъ архиву книгу, называемую *поминою*, потому что въ ней записаны имена тѣхъ господскихъ людей, коимъ князь Іоаннъ Васильевичъ по раззоренiи Новгорода велѣлъ переженится на дочеряхъ знатнѣйшихъ тамошнихъ дворянъ.

Сѣверная Почта или новая Санктпетербургская газета, № 11, суббота, февраля 7 дня, 1814 года. Въ извѣстіяхъ внутреннихъ напечатано слѣдующее:

Минувшаго декабря 27 дня 1813 года, отъ Главнокомандующаго арміями, Г. Генерала отъ Инфантеріи Графа Барклая-де-Толли отданъ по арміямъ ниже слѣдующій приказъ.

Государь Императоръ Высочайшимъ Указомъ, на имя мое сего декабря въ 22 день даннымъ, относительно установленныхъ въ память 1812 года медалей, повелѣть соизволилъ: 1) Раздавать строевымъ чинамъ въ арміяхъ и ополченіяхъ всѣмъ безъ изъятія, дѣйствовавшимъ противъ непріятеля въ продолженіи 1812 года. 2) Изъ нестроевыхъ священникамъ и медицинскимъ чинамъ тѣмъ только, кои дѣйствительно находились во время сраженій подъ непріятельскимъ огнемъ, представляя объ нихъ всякой разъ на утвержденіе Его Императорскаго Величества именные списки. 3) Всѣ чины военные въ арміяхъ и ополченіяхъ, употребленные противъ непріятеля съ 1 января текущаго года, равно и неучаствовавшіе въ дѣйствіяхъ въ 1812 году по случаю нахожденія въ другихъ корпусахъ, или при особыхъ порученіяхъ, не имѣютъ права на пріобрѣтеніе медалей. За исключе-

міемъ поименованныхъ въ первыхъ двухъ пунктахъ Указа сего, рѣшительно никто не долженъ носить медалей: но Его Величество предоставляетъ себѣ давать, изключительно изъ общихъ правилъ, позволеніе на сіе въ приличныхъ случаяхъ. Во исполненіе сей Высочайшей воли предписываю, чтобы тѣ всѣ чиновники и чины, кои, не подходя подъ сіе правило, носили медали, тотчасъ оныя сняли и возвратили въ главное армій дежурство; корпуснымъ же, отрядныхъ начальникамъ, шефамъ полковъ и командирамъ ротъ и командъ въ обязанность поставляю, дабы никто, какъ изъ офицеровъ, такъ и строевыхъ нижнихъ чиновъ, неимѣющій права на ношеніе медали, въ силу предъизображеннаго Высочайшаго повелѣнія, не осмѣливался носить оныхъ, подъ собственнымъ тѣхъ и другихъ отвѣтомъ, а потому доставить въ главное дежурство и къ управляющему Военнымъ Министерствомъ новые списки воинамъ, имѣющимъ право на полученіе медалей, въ соотвѣтствіе же Высочайшаго Указа 22 сего декабря; о чиновникахъ же медицинскихъ и священникахъ, кои дѣйствительно находились во время сраженій 1812 года подъ непріятельскимъ огнемъ и тѣмъ пріобрѣтшихъ право на медали, прислать ко мнѣ именные списки съ означеніемъ, гдѣ, когда и въ какомъ случаѣ были подъ огнемъ непріятельскимъ».

Сей же приказъ напечатанъ въ Спб. Вѣдомостяхъ (лист.) февр. 10 дня 1814 года № 12 и въ 14 № Москов. Вѣдом. того же года и мѣсяца 18 дня, въ середи. Предварительный приказъ помѣщенъ въ 71 № Сѣверной Почты сентября 3 дня 1813 года. До напечатанія сего приказа обнародованъ былъ другой, который я читалъ въ Оршѣ, переведенный съ руск. въ журналѣ Le Conservateur Impartiale, около февраля мѣсяца.

19 февр. обѣдалъ я у Н. М. Карамзина и съ большимъ удовольствіемъ, какъ и всегда, провелъ время въ сладостной съ нимъ бесѣдѣ. Я привозилъ ему два древнихъ требника, переведенные съ Греческаго,—извѣстный Ѳеогностовъ и другой, хранящійся въ одной съ первымъ Синод. библ. въ 4 подъ № 552, въ коихъ помѣщена молитва на постриганіе волосъ, по крещеніи. Подобную и слово въ слово переведенную я отыскалъ въ Греческомъ требникѣ, котораго Венеціанское изданіе $\alpha\chi\pi\delta$ года я тогда же ему показывалъ. Молитва сія есть общая во всѣхъ теперешнихъ требникахъ нашихъ.— Странно для меня, почему преосвященный Августинъ ничего не могъ сказать г-ну исторіографу о семъ предметѣ? Н. М.

между прочимъ упоминалъ, что первая (извѣстная) къ французскому королю грамота была царя Василія Іоанновича, и что имена посланниковъ къ Ярославу для сватовства Генриха, короля франц. на дочери перваго Аннѣ, найдены на переплетѣ одной древней книги, какой не упомню.

Г-нъ Карамзинъ долго не соглашался со мною, чтобы письмо по листамъ требника, переведеннаго при Ѳеогностѣ, было подложное; онъ былъ увѣренъ, что почеркъ сей дѣйствительно принадлежитъ къ XIV вѣку и есть рука самого митр. Ѳеогноста. Я ему возражалъ, приводя причины, заставившія наше духовенство употребить сіе непозволенное средство противъ раскола, скорописное письмо, едва ли бывшее въ началѣ сего вѣка, свѣжесть чернилъ и самый образъ сочиненія сего извѣстія,—и Карамзинъ остался спокоенъ. Въ сей рукописи замѣчательно, что въ послѣсловіи ея поставленъ годъ отъ сотворенія міра и Рождества Христова и въ первой разъ, въ подлинникѣ, названъ кн. Иванъ Даниловичъ *Калитою*.

Г-нъ Карамзинъ увѣдомилъ меня, что вчера пріѣхалъ графъ Сергѣй Петровичъ Румянцевъ. Прощаясь со мною, онъ возвратилъ двѣ книги, присланныя мнѣ г-мъ Волковымъ, одну пергаментовую, вѣроятно XIII или XIV вѣка, писанную на древнемъ Шведскомъ языкѣ и содержащую, какъ можно нѣсколько замѣтить, какіе-то законы и установленія, а другую, въ коей найденъ любопытный отвѣтъ Еп. Симеона, данный Полоцкому князю Константину въ концѣ XIII вѣка.—Я увѣдомилъ Н. М., что я исполнилъ общее наше желаніе и написалъ къ г-ну Волкову, чтобы онъ для чести своей и общей пользы внесъ 11 своихъ рукописей, ко мнѣ присланныя, въ Архивъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Я простился, обѣщая вечеромъ опять видѣться у графа Сергѣя Петровича, но не могъ сдержать слова.

20 февраля былъ я у графа Сергѣя Петровича и просидѣлъ отъ 11 часу до 3-хъ. Много переговорили. Его сіятельство показывалъ мнѣ свои выписки народныхъ обычаевъ, взятыя изъ житій святыхъ отцовъ, описаныхъ въ Патерикѣ Печерскомъ; очень любопытны потому, что на сей предметъ историки наши мало обращаютъ вниманія. Читая въ лѣто-

писяхъ описаніе правовъ своего народа, они совѣмъ не замѣчаютъ явнаго несходства съ нынѣшними.

Между прочимъ изъ одного мѣста, въ которомъ упоминается, что какой-то архіерей, чтобы скорѣе поспѣть къ освященію церкви Печерской, *ти борзо на конь*, онъ открываетъ, что духовныя особы въ то время ѣзжали верхами. Въ жизни Ѳеодосія, игумена Печерскаго, упоминается, что сей преподобный однажды, ѣдучи отъ князя, самъ сѣлъ на конь, между тѣмъ какъ отрокъ, должный бы сидѣть на лошади, поколился въ тележкѣ; слѣдовательно, въ то время ѣзжали точно такъ, какъ нынѣ чухна, замѣчаетъ графъ Румянцовъ.

Профессоръ Тимковскій, съ которымъ я на другой день говорилъ о первомъ случаѣ, къ тому прибавилъ, что въ бытность его въ Кіевѣ, во время совершенія какой-то путевой процессіи, дьяконъ догонялъ верхомъ на конѣ владыку; слѣдовательно, въ Малороссіи, гдѣ надобно искать слѣдовъ многихъ обычаевъ древнимъ русскимъ извѣстныхъ, — обычай сей и въ теперешнее время кажется не очень страннымъ.—Графъ сказалъ мнѣ, что г-нъ Карамзинъ отозвался очень хорошо въ разсужденіи моего безпристрастія и не желанія поддерживать вымышленное, приводя въ примѣръ жаркой споръ, бывшій у меня съ нимъ о Требникѣ Ѳеогноста, на коемъ въ подлогѣ руки сего митрополита онъ признавъ доказательства мои несомнѣнными.—Серг. Петр. замѣтилъ изъ моего разговора, что я иногда употребляю слово предъидущій въ значеніи прошедшаго, а не будущаго, вмѣсто предшествовавшій. Этой ошибкѣ многіе подвержены. Графъ, прощаясь со мною, назначилъ мнѣ быть у него послѣ-завтра вечеромъ и, сказавши, что онъ по пріѣздѣ въ Петербургъ лично увѣритъ своего брата, что онъ нашелъ такого человѣка, который удобно можетъ представить ему другую пѣснь Игореву. (!) Я поблагодарилъ за мнѣніе и не находилъ силъ обольстить и тѣнью подобнаго сочиненія.

21 февраля былъ я утромъ у профессора Тимковскаго. Разговаривали о новомъ сочиненіи: Краткое разсужденіе объ изданіи полнаго собранія русскихъ Лѣтописателей, помѣщенномъ въ 7 № Сына Отечества 1814 года. Отдавая всю честь г-дамъ Оленину и Ермолаеву, которые мнѣ извѣстны не по од-

ному имени (трудившимся въ начертаніи сего плана), я соглашался съ г-мъ профессоромъ, моимъ учителемъ въ Исторической критикѣ, что ихъ намѣреніе сохранить отъ гибели древнія рукописи, весьма похвально, но что люди, не учившись постепенно сему искуству, никогда не могутъ имѣть совершенныхъ понятій о семъ дѣлѣ, что они, желая общей пользы въ изданіи Нестора и другихъ историческихъ источниковъ, бросаются въ большія крайности, къ чему ведетъ сохраненіе точности въ препинаніяхъ, когда мы знаемъ, что оно въ рукописяхъ служило только произвольнымъ отдѣленіемъ словъ и рѣченій? къ чему послужатъ сокращенія, для коихъ совсѣмъ не предписаны правила въ древнихъ нашихъ рукописяхъ? они собьютъ только читателя и сдѣлаютъ пестроту, большую той, какая замѣчена г-ми Оленинымъ и Ермолаевскимъ въ Чеботаревскомъ Несторѣ; напротивъ искусная разстановка словъ будетъ вести точно къ тому труду, какой назначилъ для себя проф. Тимковскій въ теперешнемъ при обществѣ изданіи сего древнѣйшаго лѣтописателя. И такъ вмѣсто двухъ труловъ, буквальнаго Нестора съ сохраненіемъ препинаній и сокращеній подлинника и объясненнаго Нестора они въ слѣдъ за первымъ должны будутъ издать очищенный Несторовъ списокъ помощію варіантовъ и искусно поставленныхъ препинаній. Безъ сего труда къ чему послужитъ ихъ буквальный? онъ собьетъ съ пути и грамотныхъ и неграмотныхъ. Притомъ же они оба (мы), напечатавъ одну страничку Нестора по плану Шлецера, *убоявшеся бездны премудрости, вспять возвратихомся*, а не *убоявшися бездны премудрости вспять возвратились*, какъ сказано противъ грамматики на стр. 6 ихъ плана. Проф. Тимковскій, просмотрѣвъ рукопись Даніила путешественника XII вѣка, отъ меня ему доставленную, просилъ, чтобы я отписалъ къ преосвященному Евгенію, коему она принадлежитъ, чтобы онъ уступилъ ему сіе изданіе. Г-нъ Тимковскій обѣщалъ обратить все свое вниманіе на сіе прекрасное сочиненіе, никѣмъ еще не замѣченное, представить въ объясненіи онаго свои знанія, какъ въ критикѣ русскихъ древностей, такъ и въ словесности Греческой.

Для чести нашей литературы я далъ ему слово отписать къ Евгенію и употребить всѣ силы, чтобы рукопись досталась

въ полное его распоряженіе и отыскать нѣсколько списковъ для сличенія, которые мнѣ извѣстны.

Г-да Ол. и Ерм. ежели хотятъ соблюсти всю точность (въ пространнѣйшемъ смыслѣ) въ рукописи, то они должны будутъ издать Нестора точно такъ, какъ Англичане по роскоши и прихотливости напечатали много древнихъ своихъ памятниковъ, то есть выгравировать. Но такое изданіе не есть ученое.

Г-нъ Тимковскій замѣчалъ, что Щекатовъ въ Геогр. словарѣ подъ статьею Псковъ, внося обвиненія Новгородцевъ князю Ярославу Ярославичу, говоритъ между прочимъ: «*Ты княже Псковъ держиши много*» вмѣсто: *псова* держиши много!!! (О!).

22 *февраля* обѣдалъ я у Василья Назарьевича Каразина. Въ пріятной съ нимъ бесѣдѣ и любезною супругою его Александрою Васильевною я всегда провожу очень хорошо время. Мы съ нимъ согласны въ словесности, а въ его предметы я рѣдко вступаюсь. В. Н. показывалъ мнѣ описаніе праздника *ральца* (ралецъ) мужескаго и женскаго, бывшаго въ его деревнѣ. Сей праздникъ бывалъ и теперь бываетъ у нѣкоторыхъ помѣщиковъ дважды въ Рождество и Воскресеніе Христово. Они даютъ въ сіи дни своимъ крестьянамъ пиръ, отблагодаривая тѣмъ за ихъ поздравленіе, а можетъ быть и за хорошее производство работы, ибо кажется, что ралецъ отъ рала имѣетъ свое знаменованіе. Праздники сіи обыкновенно оканчивались пьянствомъ. Добрый помѣщикъ Каразинъ, желая прекратить сіе и поддержать древнее почтенное обыкновеніе, въ мужеской ралецъ избираетъ старшинъ деревнѣ и дѣлаетъ подобныя учрежденія, а въ женской представляются помѣщицѣ издѣлія крестьянокъ, которая награждаетъ деньгами за трудъ достойнѣйшую. И такъ отъ попечительности помѣщика ралецъ превращается въ благопристойную пирушку. Г-нъ Каразинъ имѣетъ прекрасныя понятія о человѣчествѣ. Онъ всегда твердитъ, когда-то истребится это зло, чтобы помѣщики не мечтали, что имъ крестьяне даны для того, чтобы сбирать съ нихъ оброки, забывая священныя отношенія къ человѣчеству, что они суть только надзирателями надъ частію ввѣреннаго имъ Богомъ и Государемъ народа, и что доходы

ихъ суть не что иное, какъ плата за ихъ труды и почтительность.

24 февр. Дм. Н. Б. Каменскій показывалъ мнѣ записную книжку своего отца, которую А. Ѳ. М. [1]) хотѣлъ причислить къ Архивской библіотекѣ... Въ ней я замѣтилъ, что въ Архив. столбцахъ часто встрѣчается такая подпись $\frac{З|Д}{П|В}$, значущая: За приписью Дьяка Прокофья Возницына.

25. Былъ я утромъ на короткое время у графа С. П. Румянцева. Говорили о I части трудовъ Историческаго Общества, доставленной ему мною. — Къ числу прежнихъ сомнѣній подлога пѣсни Игоревой графъ привелъ, что образъ Богоматери, привезенный Пирогощею, въ 1160 году перенесенъ былъ изъ Кіева во Владиміръ (какъ сказано въ примѣчаніи издателей), то какъ Игорь Святославичь, возвратившійся въ 1185 году изъ плѣна половецкаго, могъ идти молиться въ Кіевъ Богородицѣ Пирогощей? Самое рожденіе его въ 1151 году еще болѣе сіе запутываетъ. Я, не могши ничего припомнить, согласился было съ симъ, но г-нъ Карамзинъ, съ коимъ я на другой день видѣлся, сказалъ мнѣ, что все сомнѣніе графа произошло отъ смѣшенія двухъ различныхъ иконъ, Пирогощиной и писанной Евангелистомъ Лукою, коей перенесеніе изъ Кіева должно дѣйствительно полагать въ 1160 году, что не противно будетъ неподверженному сомнѣнію мѣсту сему въ пѣсни Игоревой. Это должно изслѣдовать. Графъ замѣтилъ, что икона, выдаваемая въ Моск. Успенскомъ Соборѣ за письмо Евангелиста Луки, писана маслеными красками, между тѣмъ какъ искуство сіе появилось гораздо позже въ Италіи. Графъ простился со мною, снова давши слово сдѣлать все, что отъ него зависитъ въ Петербургѣ, въ мою пользу.

Сегодня же получилъ я двусмысленный отвѣтъ изъ Петербурга отъ П. Н. Нестеровича, писанный отъ 19 дня сего мѣсяца. Не знаю, но не тѣмъ ли кончатся мои условія съ графомъ Н. Петровичемъ.

26 Фев. Былъ у Н. М. Карамзина. Онъ былъ нездоровъ, и повредилъ себѣ ногу, упавши съ лошади. Г-нъ Карамзинъ

[1]) Малиновскій.

утвердительно сказалъ мнѣ, что счисленіе съ мѣсяца сентября началось у насъ съ В. Кн. Василія Дмитріевича и именно Духовная тогдашняго митрополита Кипріана положена съ сентября равно, какъ и въ лѣтоп. смерть предшествовавшаго Князя.

28 *Февр.* доставилъ А. Ѳ. Малиновскому при письмѣ и обстоятельномъ реестрѣ 11 древнихъ рукописей, внесенныя по моему совѣту въ библіотеку Архивскую Подпоручикомъ Александромъ Абрамовичемъ Волковымъ. Письмо и каталогъ подписаны мною 27 числа сего мѣсяца. На второмъ по листамъ скрѣпилъ: Имп. Моск. Университ. Канд. Конст. Калайдовичъ. Г-нъ Малиновскій очень былъ доволенъ симъ приношеніемъ и, благодаря меня отъ имени Архива, обѣщался немедленно представить Коллегіи и давши знать Графу Румянцову, который хотя и слагаетъ съ себя званіе Государственнаго Канцлера, но все долженъ быть доволенъ симъ подаркомъ. Вотъ письмо мое къ Его Превосходительству:

«Ваше Прев.
Милост. Государь!

Съ удовольствіемъ спѣшу извѣстить Васъ, что одинъ изъ друзей моихъ, Александръ Абрамовичъ Волковъ, извѣстный нѣкоторыми литературными произведеніями, по его ко мнѣ пріязни, отдавши въ полное распоряженіе присланныя мнѣ изъ библіотеки покойнаго родителя его одиннадцать древнихъ рукописей, изъ коихъ нѣкоторыя достойны особеннаго вниманія, согласился, по совѣту моему, присоединить оныя къ библіотекѣ Московской Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ Архива. Препровождая при семъ самыя рукописи и обстоятельный онымъ каталогъ, покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство, къ чести подарившаго, довести о семъ пожертвованіи до свѣденія Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ.

Пользуясь пріятнымъ случаемъ, снова осмѣливаюсь увѣрить Васъ въ томъ глубочайшемъ почтеніи и преданности, коими навсегда преисполненъ.]

Ваше Прев.
Милост. Госуд.
покорнѣйшій слуга
Константинъ Калайдовичъ.

Москва,
1814 года,
Февраля 27 дня.

Того же [1]) дня я вручилъ Г-ну Малиновскомуподробный отвѣтъ мой на желаніе Графа Н. П. Румянцева имѣть списокъ съ рукописи, описанной мною въ предисловіи къ Грамотѣ Всеволода. Онъ остался доволенъ и обѣщалъ послать въ подлинникѣ къ Графу письмо мое.

Тутъ я познакомился (26 дня) съ Профессоромъ Казанскаго Университета Г-мъ Циплиномъ, котораго Графъ Н. П. Румянцевъ называлъ въ письмахъ (рекомендательныхъ) къ Г-ну Карамзину, Малиновскому, и Рихтеру отличнымъ Дипломатикомъ въ Иностранной Словесности. Къ сожалѣнію я немогъ, не умѣвъ объясняться ни по нѣм. ни по французски, сговорить съ Г-мъ Профессоромъ. Онъ сказывалъ мнѣ, что геогр. о Россіи сочиненія Г-на Лерберга переводятся Г-мъ Языковымъ, что въ оныхъ статья о народѣ Ѣми или Ями отлично отдѣлана и проч. Г-нъ Профессоръ изъявилъ желаніе (Ив. Ѳедор. Либенау) познакомился со мною покороче и замолвить въ мою пользу Графу Н. П. Румянцову. Не знаю, могу-ли я еще съ нимъ видѣться, ибо онъ чрезъ два дни ѣдетъ къ своему мѣсту.

Былъ по приглашенію у Вильгельма Михайловича Рихтера. Этотъ человѣкъ своею ласкою всѣ изъ меня дѣлаетъ. Давши слово никогда не сообщать ему ничего касательно его медицинской въ Россіи исторіи (ибо онъ былъ весьма неблагодаренъ), я обѣщалъ ему прислать все для поправки и дополненія. Г-нъ Рихтеръ далъ мнѣ первую половину 1-го тома своей Исторіи и просилъ сдѣлать самыя строгія замѣчанія.

Я у него видѣлъ сочиненіе біографич. Каве, въ коемъ помѣщенъ нашъ выдуманный Смера Половчанинъ. Генералъ Рихтеръ обѣщалъ мнѣ прислать сію книгу, взятую имъ изъ Университет. библіотеки. Дни черезъ два обѣщанная книга мнѣ прислана.

1 Марта дѣти покойнаго Николая Николаевича Б. Каменскаго пригласили меня въ Донской монастырь для поминовенія своего родителя.—28 февраля былъ уже воздвигнутъ прекрасный памятникъ надъ гробомъ его; въ немъ съ одной стороны вдѣланъ весьма похожій на мѣди портретъ, съ другой

[1]) Въ рукописи: *тогдажде.*

гербъ, на правой рукѣ находится надпись кто положенъ, а на лѣвой мѣсто изъ Апокалипсиса: *блажени мертвіи и проч.* См. Вѣстн. Евр № 6 сего года.

3 Марта получено (при запискѣ А. Б. Малиновскаго) слѣдующее письмо писанное къ Г-ну Малиновскому отъ Оберъ-Секретаря Коллегіи Ильи Карповича Вестмана:

Милостивый Государь мой
Алексѣй Ѳедоровичъ!

Его Сіятельство Графъ Николай Петровичъ, по представленію еще покойнаго Николая Николаевича, согласиться изволилъ на опредѣленіе къ Архиву Кандидата Калайдовича, для употребленія его по части печатанія трактатовъ, коль скоро узнаетъ о кондиціяхъ, на которыхъ онъ вступить желаетъ. Въ слѣдствіе чего получилъ Его Сіятельство отъ него самаго письмо, которымъ онъ, называя себя подпоручикомъ Московской Военной Силы, проситъ объ опредѣленіи его съ чиномъ Титулярнаго Совѣтника съ квартирою и жалованьемъ, соразмѣрнымъ трудамъ его. Какъ на таковое опредѣленіе съ чиномъ и жалованьемъ потребно именное повелѣніе, то Его Сіятельство поручить мнѣ изволилъ просить Ваше Превосходительство объ отобраніи отъ Г-на Калайдовича формальнаго о томъ прошенія, съ увѣдомленіемъ согласенъ ли онъ будетъ на опредѣленіе ему жалованья по чину, то есть по 600 р. на годъ; въ разсужденіи же квартиры Графъ желаетъ узнать отъ Васъ, можно ли его въ томъ удовлетворить; при прошеніи же нужно, чтобы онъ приложилъ Университетскій Аттестатъ, по формѣ написанный. По полученіи сихъ бумагъ и свѣденій Графъ, при удобномъ случаѣ, хотя теперь за болѣзнію и не занимается Коллежскими дѣлами, сдѣлаетъ однакожъ надлежащее распоряженіе, объ испрошеніи на сіе опредѣленіе Высочайшаго повелѣнія; но какъ Его Императорское Величество изволитъ находиться въ арміи за границею, то можетъ быть и пройдетъ нѣсколько времени, пока получится на таковое представленіе Высочайшее разрѣшеніе.

Исполнивъ волю Его Сіятельства, имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію.

Милостивый Государь мой
Ваше Превосходительство
покорнѣйшимъ слугою
Илья Вестманъ.

Въ С.-П.-бургѣ,
24 Февраля,
1814.

9 Марта послалъ я просьбу и аттестатъ при слѣдующемъ письмѣ къ князю Лобанову Ростовскому, на имя Управляющаго Военнымъ Министерствомъ:

«Еще не успѣлъ я принесть тебѣ чувствительнѣйшую мою благодарность, Князь Иванъ Александровичь, за дружеское одолженіе твое, мнѣ и Г-жѣ Гинкуль тобою оказанное, какъ уже съ новою, покорнѣйшею моею къ тебѣ обращаюсь просьбою; она состоитъ въ слѣдующемъ: яви мнѣ пожалуйста новый опытъ древней дружбы (которую мы въ ребячествѣ на дѣлѣ т. е. кулаками другъ другу оказывали),— однако не прими словъ поставленныхъ въ скобкахъ въ буквальномъ смыслѣ,—доставленіемъ прилагаемаго у сего конверта Его Сіятельству Господину Управляющему Военнымъ Министерствомъ. Въ семъ пакетѣ содержится просьба пріятеля моего Г-на Кандидата Университета Московскаго *Константина Ѳедоровича Калайдовича*, служившаго въ Московскомъ ополченіи Подпоручикомъ, о присылкѣ ему отъ Его Сіятельства медали, а въ удостовѣреніе его участія въ дѣлахъ военныхъ тутъ-же приложена отставка, данная ему отъ Главнокомандовавшаго Московскою Военною силою. Пріемля въ немъ по моей къ нему дружбѣ живѣйшее участіе—я увѣренъ, что ты не замедлишь исходатайствовать у его Сіятельства общую Г-ну Калайдовичу награду, на которую онъ имѣетъ полное право. Зная любовь твою ко мнѣ онъ рѣшился свою просьбу ввѣрить тебѣ подать и за него росписатся. Доверши свое одолженіе препровожденіемъ помянутой медали при бумагѣ Его Сіятельства. Когда же не нужна будетъ отставка Г-на Калайдовича, то ты потрудись непремѣнно переслать оную застрахованною казенной печатью, дабы она не затерялась на почтѣ.

О постигшемъ насъ нещастіи, думаю, ты давно извѣстенъ и навѣрное принялъ участіе въ нашей горести, по привязанности къ покойному родителю нашему. Думалъ-ли я, что болѣзнь его, о коей я въ то время тебя извѣщалъ, была предвѣстницею его кончины.

Продолжай меня любить по прежнему, и вѣрь, что душевная моя къ тебѣ привязанность кончится только съ жизнію преданнаго тебѣ

Дмитрія Б. Каменскаго.

Москва,
Марта 9-го дня
1814 года.

:/: При семъ посылаю также тебѣ отъ сестры Анны Николаевны письмо отъ Г-жи Степановской.

О Г-нѣ Калайдовичѣ увѣдомь меня пожалуста по первой почтѣ.

На конвертѣ сего письма надписано отъ Д. П. Б. К.: Его Сіятельству Милостивому Госуд. моему Князю Ивану Александровичу Лобанову-Ростовскому, Двора Его Имп. Велич. Г-ну Камеръ-Юнкеру, служащему при Управляющемъ Военнымъ Министерствомъ Его Сіят. Кн. А. И. Горчаковѣ 1-мъ въ Санкпетербургѣ.

Просьба на 2 руб. бум.:

Его Сіятельству

Управляющему Военнымъ Министерствомъ Г-ну Генералъ-Лейтенанту и разныхъ орденовъ Кавалеру Князю Алексѣю Ивановичу Горчакову I-му служившаго въ Московской Военной силѣ Подпоручика Калайдовича

Покорнѣйшее прошеніе

Основываясь на Высочайшемъ Его Императорскаго Величества Указѣ о награжденіи воиновъ дѣйствовавшихъ въ 1812 году противъ непріятеля, серебреною на голубой лентѣ медалью, прилагаю при семъ, въ удостовѣреніе моего участія въ помянутомъ году въ сраженіяхъ, отставку данную мнѣ Г-мъ Главнокомандовавшимъ Московскою Военною силою Графомъ Иракліемъ Ивановичемъ Марковымъ, и покорнѣйше прошу Ваше Сіятельство не лишить меня сей милости и столь отличной чести. 1814 года марта 9 дня къ сему прошенію служившій въ Московской Военной силѣ подпоручикомъ, а нынѣ находящійся при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ Кандидатъ Константинъ Ѳедоровъ сынъ Калайдовичъ руку приложилъ. Сіе прошеніе вѣрю подать и гдѣ слѣдуетъ за меня росписатся Двора Его Императорскаго Величества Г-ну Камеръ-Юнкеру Князь Ивану Княжъ Александрову сыну Лобанову-Ростовскому.

Просьба съ аттестатомъ Московской Военной силы подъ № 1089 вложена въ особомъ конвертѣ, на коемъ написано: Его Сіятельству Управляющему Военнымъ Министерствомъ Г-ну Генералъ-Лейтенанту и разныхъ орденовъ кавалеру князю Алексѣю Ивановичу Горчакову I-му, служившаго въ Москов. Военн. силѣ Подпор. Калайд. покорнѣйшее прошеніе съ приложеніемъ аттестата даннаго ему подъ № 1089 отъ Главнокомандовавшаго М. Военною силою Гр. Маркова въ Санктпетербургѣ.

Письмо къ князю Лобанову съ конвертомъ на имя управляющаго Воен. Министер. вложены въ особой пакетъ, на коемъ написано:

Его Сіятельству Милостивому Государю Князю Ивану Александровичу Лабанову-Ростовскому, Двора Его Императорскаго Величества Г-ну Камеръ-Юнкеру, служащему при Его Сіятельствѣ Управляющемъ Военнымъ Министерствомъ Господинѣ Генералъ-Лейтенантѣ и разныхъ орденовъ Кавалерѣ Князѣ Алексѣѣ Ивановичѣ Горчаковѣ I-мъ со вложеніемъ, въ особомъ конвертѣ просьбы на имя Его Сіятельства Управляющаго Военнымъ Министерствамъ служившаго въ Московской Военной силѣ Подпоручика Калайдовича, аттестата даннаго отъ оной подъ № 1089, въ Санктпетербургѣ.

Сей конвертъ посланъ застрахованнымъ казенной печатью;— за 5 лотовъ 2 руб.

9 Марта доставилъ къ А. Ѳ. Малиновскому слѣдующій отвѣтъ на письмо къ нему обо мнѣ Г-на Оберъ-Секретаря Коллегіи Вестмана:

Ваше Превосходительство
Милостивый Государь!

Читалъ я въ письмѣ къ вамъ Его Превосходительства Г-на Оберъ-Секретаря Коллегіи Ильи Карловича Вестмана волю Его Сіятельства Государственнаго Канцлера Графа Николая Петровича Румянцева объ опредѣленіи меня къ Архиву тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что оная совершенно согласна съ моимъ желаніемъ вступить въ вѣдомство Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ для изданія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ; но какъ мои обстоятельства въ Университетѣ и окончаніе дѣлъ по обществу Исторіи и древностей Россійскихъ могутъ на нѣсколько времени отсрочить формальную отставку, то я увѣренъ что Ваше Превосходительство, пріемля во мнѣ живѣйшее участіе, возмете на себя трудъ—исходатайствовать у Его Сіятельства нѣсколько времени и на отсрочку моего опредѣленія къ Архиву, для успѣшнаго окончанія дѣлъ въ Университетѣ. Новый опытъ вашего лестнаго ко мнѣ расположенія еще болѣе утвердитъ меня въ томъ, глубочайшемъ почтеніи коимъ навсегда къ вамъ исполненъ.

Вашего Превосходительства
Милостиваго Государя
покорнѣйшій слуга
Константинъ Калайдовичъ.

Марта 9
1814 года.

А. Ѳ. сказалъ мнѣ, что письмо сіе въ подлинникѣ онъ препроводитъ къ Г-ну Оберъ-Секретарю.

6 Марта былъ я у Профессора Тимковскаго. Долго говорили о дѣлахъ моихъ—опредѣленіи въ Коллегію и онъ совершенно вразумилъ меня открывши чистосердечно справедливыя мысли о начальникѣ Архива. Тимковскій совѣтовалъ мнѣ прибѣгнуть къ Павлу Ивановичу (Ф. Кутузову) и употребить всѣ силы выиграть что нибудь въ награду за службу свою по Университету. Я остался доволенъ нелестнымъ наставленіемъ моего почтеннаго Профессора. Скорое открытіе Историческаго Общества давало мнѣ надежду опять поправить дѣла мои въ Университетѣ, прибѣгнувъ къ отличному по чувствамъ Предсѣдателю нашего Общества. Разговоръ перешелъ къ любимой матеріи. Г-нъ Тимковскій повторилъ свою просьбу о Даніилѣ; я отвѣчалъ что уже давно писалъ о семъ къ Евгенію. Онъ между прочимъ сказалъ мнѣ новое, что въ какой-то лѣтописи имъ найдено извѣстіе о поученіи Владиміра Мономаха дѣтямъ своимъ. Р. Ѳ. находитъ описаніе портрета Святославова очень невѣрно переведеннымъ, а объясненнымъ еще хуже. Съ послѣднимъ я совершенно согласенъ, но не будучи силенъ въ Греческомъ, вѣрю Профессору какъ отличному знатоку языка сего (за нѣсколько дней передъ симъ А. А. Волковъ замѣтилъ въ письмѣ ко мнѣ двѣ или три справедливыя погрѣшности въ объясненіи портрета Святослава). Я просидѣлъ у Профессора отъ 5-го часа полдня до 11-го онъ угостилъ меня .... по профессорски.

7 Марта былъ я у Попечителя. Принялъ меня, какъ обыкновенно, очень ласково и обѣщалъ употребить всѣ средства въ мою пользу. Прощаясь, онъ просилъ меня достать штатъ Университета при Елисаветѣ Петровнѣ и двухъ Академическихъ Гимназій.

Обѣдалъ съ Дм. П. Б. Каменскимъ у князя... Трубецкаго добраго и прямодушнаго человѣка, котораго любезные дѣти служатъ при Архивѣ. Въ бесѣдѣ съ княгинею не видишь, какъ проходитъ время. Она любитъ Исторію—особенно русскую и хорошо о ней судитъ.

Сегодня въ обѣдни случилось въ бывшемъ Варсонофьевскомъ монастырѣ нещастное произшествіе. Священникъ сей церкви, совершивъ дары, готовился приобщиться, какъ вдругъ палъ мертвъ на землю. Обѣдня была неокончена.... Сей

поразительный примѣръ далъ поводъ ко многимъ толкамъ. Причастники въ сей день бывшіе (это было въ субботу) сообщались съ Христомъ, говорятъ, въ другой церквѣ.

8 Марта обѣдалъ у В. Назарьевича Коразина. Говоря между прочимъ объ ученой кражѣ (по поводу Фаберова въ 8 № Сынѣ Отечества объявленія о книгѣ, Духъ Наполеона собранной Николаемъ Васильевичемъ Гольтековымъ), онъ упоминалъ что съ нимъ нѣкто съ Спб. журналѣ спутнлъ подобнымъ образомъ съ его Исторіею Медицины въ Россіи поданную давно имъ въ Коллегію, напечатавъ ее подъ своимъ именемъ.

13 Марта. Читалъ мнѣніе Лектора Черепанова отъ 9 февр. о книгѣ, представленной мною чрезъ купца Ширяева (коему она была продана), содержащей въ себѣ подлинныя французскія бумаги, захваченныя при разбитіи непріятеля подъ Тарутинымъ и его преслѣдованіи. Проф. Черепановъ отозвался, что книга сія не иначе будетъ пропущена, когда издатель представитъ удостовѣреніе подлинности сихъ бумагъ и дозволеніе Правительства на напечатаніе оныхъ. Купецъ Ширяевъ какъ и большая часть всѣхъ купцовъ поступилъ при семъ случаѣ беззаконно. У меня съ нимъ было условіе, по коему онъ былъ обязанъ дать мнѣ въ началѣ труда 50 р., по принесеніи оригинала 50 р. и по выходѣ книги изъ цензуры остальные 100 р. Въ случаѣ не пропуска цензуры у насъ ничего не сказано, а потому я по всѣмъ правамъ долженъ былъ оставить взятые у Ширяева, 100 р. и рублей на 30 книгъ положенные въ условіи. Ширяевъ выпросивъ у меня I часть собранія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ (по 25 р. продающуюся), удержалъ у себя.... Этотъ примѣръ записалъ я себѣ на память и впредь въ осторожность.

На сихъ днях[illegible] былъ я у сосѣда нашего Майора Егора Константиновича Константинова почтеннѣйшаго изъ всѣхъ стариковъ, какихъ я только знаю. Онъ родился въ Греціи, учился въ Парижѣ, Флоренціи и другихъ мѣстахъ, странствовалъ по всему свѣту, жилъ долго въ Англіи и остался недоволенъ Англичанами, нѣсколько времени провелъ въ торгахъ съ Китаемъ и отдаетъ отличную честь проворству и плутов-

ству ихъ въ купеческихъ оборотахъ; обозрѣвалъ пространную и богатую Сибирь. Къ симъ то всесвѣтнымъ странствованіямъ присоединивъ опыты частной жизни, составилъ онъ изъ себя человѣка съ характеромъ твердымъ и правдивымъ—глубокомысленнаго, но нехвастливаго и свѣдущаго во многомъ, который вправѣ глядѣть на новыя открытія холодно и пожимать плечами.—Онъ недавно говорилъ мнѣ о мореходцѣ Шелеховѣ разсказывалъ о его хитростяхъ и жестокости; открытія имъ острововъ приписывалъ Лебедеву-Ласточкину, прикащику извѣстнаго Голикова и о ссорѣ съ послѣднимъ Шелехова. Еще въ прошедшую войну Россіянъ съ Французами онъ написалъ записку объ Англичанахъ—новую по мыслямъ необыкновеннымъ съ мнѣніемъ народа о сихъ островитянахъ.

17 Марта. Владиміръ Ник. Чумаковъ разсказывалъ мнѣ, что на дняхъ запрещена книга «*Дружескій совѣтъ всѣмъ тѣмъ, до кого сіе касается*» перев. съ нѣмецкаго Рунічемъ, служащимъ въ почтамтѣ. Въ ней найдено подозрительнымъ для Правительства одно мѣсто, въ коемъ сочинитель говоритъ, что ежели крещеніе не соединено съ внутреннимъ, то оно есть ничто иное, какъ наружный только обрядъ.... Всѣ экземпляры забраны у Ширяева и запечатаны. Никита Васильевичъ Гольтековъ сказалъ мнѣ, что переписанная имъ книга надѣлала много ему хлопотъ. Нѣкто Ушаковъ, въ Петербургѣ живущій, подалъ просьбу Министру Народнаго Просвѣщенія—Министръ сообщилъ Военному Спб. Губернатору—тотъ Московскому, и дѣло велѣно розыскать. Бѣдный издатель, почерпнувшій свой товаръ изъ одного источника—Тайной Исторіи Француз. двора и другихъ сочиненій — не знаетъ, чѣмъ оно кончится.

Алексѣй Ѳедоровичъ Малиновскій имянинникъ. Я пріѣхалъ къ нему вечеромъ;—тамъ засталъ В. Л. Пушкина и еще нѣсколько гостей. Черезъ полчаса пріѣхалъ Н. М. Карамзинъ, разговоръ сдѣлался живѣе; разумѣется у меня съ нимъ. Николай Михайловичъ сказывалъ что у него былъ Каппистъ; разговаривая о старинѣ Каппистъ между прочимъ замѣтилъ, сказывалъ Карамзинъ, что у Грековъ «Славяне» отъ того назывались Σκλαβηνοι что оно оно не могли выговаривать слога: Сла. Часу въ 11 я отъ него поѣхалъ.

Въ № Вѣстника Европы напечатаны мои записки о жизни Николая Николаевича Бантышъ-Каменскаго. 10 экземпляровъ для меня были тиснуты и розданы А. П. Б. Каменской, К. П. Б. Каменскому, Д. П. Б. Каменскому, Княгинѣ Трубецкой, П. П. Матушину, П. П. Г. Кутузову, В. П. Каразину.

Въ Петербургъ посланы Владиміру Николаевичу Бантышъ-Каменскому и Графу Алексѣю Ивановичу Мусину-Пушкину.

25 *Марта* въ среду въ день Благовѣщенія я исповѣдывался у священника церкви Климента Папы Римскаго на Пятницкой, Ивана Васильевича Некрасова.

26 *Марта* въ той-же церкви пріобщился св. Таинъ..

28 *Марта* встрѣтилъ я воина Московскаго Ополченія, накануѣ пришедшаго въ Москву изъ Плоцка. Онъ мнѣ говорилъ, что многіе изъ его сослуживцевъ плетутся домой изъ за границы. А манифестъ о роспускѣ подписанъ уже съ годъ. Получилъ изъ Архива пакетъ для доставленія Г-ну Волкову.

Отправленъ 4-го апрѣля.

7-го *Апрѣля* доставилъ В. М. Рихтеру нѣсколько замѣчаній на его исторію медицины въ Россіи; онъ остался ими очень доволенъ.

5 *Апрѣля* вскрылась Москва рѣка.

8 *и 9 Апрѣля* вода покрыла деревянную набережную и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вылилась на каменную.

9 *Апрѣля* А. А. Антонскій въ новооткрывшемся У. Б. Пансіонѣ поручилъ мнѣ классъ всеобщей Географіи (по средамъ и субботамъ въ 10 часовъ). Первый урокъ былъ 15 Апрѣля.

17 *Апрѣля* въ пятницу громъ пушекъ возвѣстилъ Москвѣ прибытіе въ 9 часовъ по полуночи курьера Полковника Графа Васильева, отправленнаго къ Главнокомандующему въ Москвѣ съ извѣстіемъ о занятіи *Парижа*. Вскорѣ показалась реляція, за симъ воззваніе къ войскамъ, подписанное Талейраномъ съ другими чиновниками, и прокламація общаго совѣта въ Парижѣ. — Боже чудный и сильный, избавившій насъ и прославившій! помози кроткому Давиду.

Отъ 6 Мая писалъ Кн. Лобановъ-Ростовскій къ Д. Н. Б. Каменскому, что Управляющій военнымъ Министерствомъ Кн. Горчаковъ оффиціальную пришлетъ бумагу о пошеніи *медали*.

9 Іюля послано письмо въ Петербургъ къ Д. Н. Бантышъ-Каменскому.

3 Августа послано къ нему вторично одинакого содержанія.

6 Октября видѣлъ цѣлую роту воиновъ Московскаго Ополченія, возвратившихся изъ Парижа.

17 Сентября переѣхалъ я въ Университетскій Благородный Пансіонъ. Вскорѣ мнѣ дана была компата и сверхъ перваго класса Всеобщей и русской Географіи порученъ былъ другой Священной Исторіи и Катехизиса, также по середамъ и субботамъ—на первыхъ часахъ.

11 Октября былъ я у Р. Ѳ. Тимковскаго. Въ разговорѣ о «рѣкахъ» онъ замѣтилъ, что во многихъ изъ нихъ видно Славянское названіе, напр. «Днѣпръ» означаетъ прющее дно (что и справедливо), «Двина» имѣетъ началомъ своимъ глаголъ «*двинуть*», «Десна» сокращенно вмѣсто «*десная*», лежащая вправо отъ Кіева и проч..

Г. Профессоръ, занимаясь уже нѣсколько времени разборомъ филологическимъ пѣсни Игоревой, сдѣлалъ весьма важное открытіе, нашедши другое подобное сочиненіе.—Это есть пѣснь о побѣдѣ Дмитрія Донскаго надъ Мамаемъ, найденная имъ въ одной книгѣ, содержащей много піэсъ историческихъ—на площади. Начинается она воззваніемъ къ неизвѣстному лицу, можетъ быть сочинителю пѣсни Игоревой такимъ образомъ: *Повѣдай Уранъ*, оканчивается: *а Владиміръ есть глава всѣмъ градомъ русскимъ*. Пѣснь сія подобно Игоревой исполнена сильными выраженіями и красотою слога и во многихъ мѣстахъ столь сходна съ первою, что нѣтъ сомнѣнія, что сочинитель оной имѣлъ пѣснь Игореву образцомъ своимъ. Въ сей также вмѣсто Курчанъ описываются, помнится, Суздальцы, вмѣсто Ярославны представлена жена князя Димитрія, сидящая въ своемъ златоверхомъ теремѣ надъ Москвою-рѣкою, пригорюнившись и сѣтующая о разлукѣ съ любезнымъ ей Димитріемъ. Походъ Донскаго, гдѣ встрѣчаются выраженія: *и трубы трубятъ звонко сѣ поволокою*, и описаніе послѣдней ночи предъ сраженіемъ живописны. Многія слова: харалужный стязи, галицы, лисицы, въ ней такъ, какъ и въ пѣсни Игоревой встрѣчаются. Въ сей же книгѣ помѣщена съ Арабскаго пе-

реведенная сказка Синагриппъ Царь Адоровъ Иналивскія (sic!) страны (какъ и въ пѣсни Игоревой), и весьма любопытное предложеніе Кн. Ивану Васильевичу правнука извѣстнаго героя Пересвѣта о дѣланіи Македонскихъ щитовъ въ русскомъ воинствѣ.—Рукопись сія принадлежитъ времени Царя Михаила Ѳедоровича.

19 Октября былъ я у графа С. П. Румянцева утромъ и просидѣлъ часа три. Говорилъ ему о новомъ открытіи, онъ не вѣрилъ. Онъ говорилъ мнѣ, что походъ Игоря на Половцевъ описанъ пінтически и у Татищева. Говоря объ исправленіи въ нашихъ церковныхъ книгахъ, онъ замѣтилъ, что вмѣсто Понтійскаго Пилата въ Символѣ вѣры должно поставить:—Pilatus Pontius. Находя въ Дѣяніяхъ Апостолъ въ одномъ Іерусалимскомъ Соборѣ недостатокъ цѣлаго стиха противъ иностранныхъ изданій Библіи, онъ справлялся съ рукописями Синодальной библіотеки, и нашелъ, что въ одномъ древнемъ пергаментовомъ Апостолѣ совсѣмъ недостаетъ сего Собора; изъ чего Графъ заключаетъ, что Священное Писаніе переведено у насъ не вдругъ а мѣстами, и что сего переведеннаго Собора долго не было на Славянскомъ.—Пораженіе княземъ Димитріемъ Мамая онъ называетъ стычкою и Пересвѣта и Ослябя относитъ къ бабьимъ сказкамъ. Странно! Объ Славянахъ разсказываетъ что они всегда были данниками другимъ народамъ и какъ рабы таскались въ слѣдъ за Ерманарикомъ, сопутствовали какъ рабы бичу Атиллѣ, повиновались Аварамъ, снесли пораженіе Варягъ, были подъ игомъ Татарскимъ, а далѣе были жертвою Польскихъ нападеній. Хотя все это и справедливо, но не должно писать такимъ образомъ Исторію Отечества. Славяне, говоритъ онъ, не имѣли у себя извѣстныхъ вождей между тѣмъ, какъ ихъ имя слышно на всей трети Европы.—Графъ меня встрѣтилъ сими словами, что братецъ мой не столько можетъ быть вамъ теперь полезнымъ и простился, изъявляя желаніе видѣтся еще со мною нѣсколько разъ до зимняго отъѣзда его въ Петербургъ.

19 Октября обѣдалъ у Н. М. Карамзина. Говорилъ ему о новомъ открытіи: оно ему нѣсколько извѣстно, но видно изъ другаго неполнаго списка. Г. Карамзинъ сказывалъ мнѣ, *что онъ нашелъ* у Графа Толстаго весьма важный Псковскій

лѣтописецъ, простирающійся далѣе всѣхъ ему извѣстныхъ, и писанный въ XVI вѣкѣ. Николай Михайловичъ подарилъ мнѣ экземпляръ своего стихотворенія Освобожденіе,—Европы; слабое произведеніе недостойное имени Карамзина, въ коемъ одно только предисловіе сносно. Н. М. много словъ находящихся въ пѣсни Игоревой встрѣчаетъ въ найденной имъ Волынской лѣтописи.

23 Октября былъ у Р. Ѳ. Тимковскаго. Въ книгѣ, содержащей походъ Димитрія Донскаго на Мамая, онъ показывалъ мнѣ пѣсню о убогомъ Лазарѣ, пѣваемую, кажется, въ Малороссіи, любопытную по слогу и мыслямъ. Правнукъ Пересвѣта въ предложеніи Князю Ив. Васильевичу говоритъ, что онъ служилъ у Королей Польскаго, Венгерскаго, и Чешскаго, но нигдѣ не терпѣлъ такой обиды, какъ въ Россіи, гдѣ онъ потералъ почти все имѣніе, пріобрѣтенное имъ въ помянутыхъ королевствахъ. Кромѣ сего статья сія наполнена многими дерзкими мыслями, гдѣ сочинитель сѣтуетъ на то, что онъ нѣсколько уже разъ писалъ на имя княжеское бумаги, но они по зависти придворныхъ никогда не были доводимы до свѣденія царскаго.

Г. Профессоръ просилъ меня приложить всѣ старанія о сысканіи другаго списка Пѣсни о побѣдѣ Димитрія и объ изъясненіи семи словъ для него непонятныхъ въ пѣсни Игоревой 1. Зегзица 2. Ортьма. 3. Папорози. 4. Стрикусы. 5. Тлековица. 6. Харалужный и 7. Шереширы. Также онъ желалъ бы имѣть вѣрное извѣстіе о Плѣнскѣ (Плѣсньскѣ),—стр. 23 врани възграяху у Плѣсньска о дебри Кисани,—и Дудуткахъ, бывшихъ гдѣ то близъ Новгорода: Всеславъ съ Дудутокъ пустился, какъ волкъ до Немиги. Въ пѣсни объ убогомъ Лазарѣ написано, что когда пророкъ Давыдъ прикасался своими перстами къ живымъ струнамъ, то они сами славили величіе Божіе.

25 Октября былъ я въ Архангельскомъ Соборѣ съ Штабсъ-Капитаномъ Николаемъ Муравьевымъ и инженернымъ офицеромъ Г. Фрейгельтомъ. Протопопъ открывалъ ручку Димитрія убіеннаго изсохшую и почернѣвшую. Тутъ же показывалъ онъ его платокъ съ узорами, на коемъ серебромъ вышиты коньки и проч., и кошелекъ, Царевичу принадлежавшій съ

деньгами Царя Іоанна Васильевича. Онъ показывалъ,—чего я не зналъ прежде — что гробы царей и тѣла ихъ находятся не въ землѣ, а съ наружи. Гробы вложены въ дикой камень который покрывается большою плитою. Въ семъ же соборѣ находится на одной доскѣ портретъ Ц. Михаила Ѳедоровича и Алексѣя Михайловича, на другой Ѳеодора Алексѣевича, въ боковой съ праваго угла придѣлкѣ портретъ Ѳеодора Ивановича, а въ ризницѣ боярина Скопина.

Былъ я въ Синодальной ризницѣ съ инженернымъ капитаномъ Карломъ Ивановичемъ Фрейгельтомъ. Между прочими вещами отецъ ризничій показывалъ собственноручное письмо къ Патріархамъ Царей Ѳеодора Алексѣевича и Петра Алексѣевича. Библію, написанную въ Новгородѣ въ 7006 году въ листъ при Князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ, которую указомъ Св. Синода не велѣно почему-то никому не давать. Тутъ же въ придѣлѣ съ правой руки къ алтарю хранятся многія раскольническія сочиненія и запрещенныя книги: между образами одинъ находится представляющій Спасителя о 4-хъ глазахъ съ тремя лицами.

Въ ризницѣ хранятся часы Патріарховъ Филарета и Іосифа,—очки, гребень и проч.

Между пушками на Арсенальномъ дворѣ находятся нѣкоторые съ нѣмецкою и латинскою надписями, временъ Царя Іоанна Васильевича, Ѳедора Алексѣевича, Петра Алексѣевича и большая гаубица Лже-Димитрія.

26 Октября написалъ къ Сопикову, Ксензу Мореловскому и прежде еще къ Преосв. Евгенію о 7 непонятныхъ словахъ въ пѣсни Игоревой.

27 Октября. Былъ у Р. Ѳ. Тимковскаго. Онъ между прочимъ говорилъ мнѣ, что въ книгѣ имъ найденной, въ ксей содержится пѣснь о побѣдѣ Кн. Димитрія надъ Мамаемъ, находятся два любопытные сочиненія правнука Пересвѣтова, о коихъ онъ упоминаетъ въ своемъ предложеніи о дѣланіи Македонскихъ щитовъ. Въ одномъ описано взятіе Турками Царяграда, а въ другомъ причины паденія Византіи. Оба весьма любопытныя и рѣдкія сочиненія, которыя Авторъ поднесъ Князю гдѣ-то въ церквѣ, и кои, какъ кажется, ему не полю-

бились. Г–нъ Профессоръ обѣщалъ мнѣ описать Греческія книги, въ Синодальной библіотекѣ хранящіяся и принадлежащія къ древней русской словесности.

Въ заключеніе Романъ Ѳедоровичъ обѣщалъ меня увѣдомить объ магистерскомъ экзаменѣ и сдѣлать возможное въ мою пользу.

Былъ у Христ. Авг. Шлецера. Онъ мнѣ сказывалъ, что Графъ Румянцевъ не согласился дать ему требуемыхъ въ годъ 3000 рублей, за изданіе иностранныхъ трактатовъ, хранящихся въ Архивѣ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Графъ, не понимая истинной цѣны такихъ трудовъ, предлагалъ ему самую незначущую награду.

16 Октября подалъ А. А. Антонскому, по его желанію, написанное мною: Начертаніе Россійской Исторіи, изданное воспитанниками Университетскаго Благороднаго Пансіона.

Съ мѣсяцъ назадъ присылалъ за мною г–нъ Попечитель. Я къ нему явился. Угрозы и брань за медленность въ изданіи на меня посыпались. Я будучи не самъ отъ себя виноватъ,— ибо почти всю весну пострадалъ жестокимъ ипохондрическимъ припадкомъ, произшедшимъ отъ многихъ неудачъ, которой я старался скрыть въ собственномъ сердцѣ, — отвѣтствовалъ Его Превосходительству, что въ семъ дѣлѣ виною не я, а обстоятельства; но ничто не дѣйствовало. Куратор причиталъ всѣ шалости свойственныя молодому человѣку и упрекалъ меня ими. Въ заключеніе приказалъ, какъ можно скорѣе, кончить изданіе книгъ, порученныхъ мнѣ Обществомъ Историческимъ. Вотъ такъ всегда труды и усердіе вмѣсто награды терпятъ укоризны.

Еще недавно Профессоръ Снѣгиревъ пріѣхалъ въ Пансіонъ, входитъ въ свой классъ и застаетъ въ ономъ меня, въ которомъ я, по долгу дежурнаго, былъ по приказанію Ант. Ант. Снегиревъ мой вспылилъ подъ жестокою обидою, какъ осмѣлился кандидатъ войти въ класъ къ профессору, и ушелъ оттуда, причтя къ тому еще, что будто–бы его протолкалъ солдатъ, который только ему сказалъ что *двери*, коими онъ сперва хаживалъ, *заколочени*; и все это онъ причелъ къ умыслу. Инспекторъ на силу могъ унять неугомоннаго педанта.

29 Октября былъ я у М. Т. Каченовскаго. Между прочимъ онъ замѣтилъ, что Черемиссы, можетъ быть, ни что иное, какъ Меря (что и вѣроятно), ибо они называютъ себя Черемисъ Мари. Г. Каченовскій говорилъ мнѣ, что Тунманнъ и другіе иностранные писатели, говоря о Славянскихъ храмахъ, называютъ ихъ по латински... [1]), что Тунманнъ производитъ отъ Малороссійскаго слова: [2]); но это совсѣмъ несправедливо, потому что точно такое же слово встрѣчается у Виргилія.

Былъ у Н. М. Карамзина. Онъ на радостяхъ; у него родился сынъ Андрей. Николай Михайловичъ показывалъ мнѣ рукописную лѣтопись Синодальной библіотеки, въ коей помѣщено описаніе сраженія Кн. Димитрія съ Мамаемъ, сходное съ найденнымъ Профессоромъ Тимковскимъ. Только въ немъ пропущены первыя слова: *Повѣдай Ѵранъ*, и послѣднія о Владимірѣ, и не находятся лучшія піитическія картины.

Ноября 2 дня проходилъ 3-й конной Башкирскій полкъ, возвращающійся изъ Парижа. Всѣ Башкирцы украшены серебряными на голубыхъ лентахъ медалями.

Ноября 3 былъ у Н. М. Карамзина. Говорили о Барсовѣ. Отдавая ему полную честь, какъ грамматику, замѣтилъ, что онъ никогда съ такимъ обиліемъ мысліемъ не возвращался отъ Х. А. Чеботарева, какъ отъ Барсова. Барсовъ свою русскую граматику по просьбѣ княгини Дашковой послалъ въ Россійскую Академію, гдѣ она была предсѣдателемъ. По смерти профессора ею воспользовались въ Академической Россійской Граматикѣ. Н. М. показывалъ мнѣ каталоги Софійской Новгородской и Кирилова монастыря библіотеки, присланные ему отъ Евгенія: Епископа Калужскаго. Первый сдѣланъ весьма нерадиво, а второй нѣсколько лучше. Въ послѣднемъ я замѣтилъ въ числѣ важнѣйшихъ книгъ *Патерикъ Печерскій на пергаминѣ*. Г. Карамзинъ говорилъ мнѣ о законахъ Князя Іоанна Васильевича, весьма для него драгоцѣнныхъ, которыхъ нигдѣ не можетъ онъ найти полнаго списка. Ихъ составлялъ въ княженіе сего Государя нѣкто Гусевъ.

Разговоръ нашъ прервался приходомъ Графа Ф. В. Ростопчина и Г. Селивановскаго. Въ піэсѣ: «Великій мужъ русской

[1]) Пустое мѣсто въ подлинникѣ. [2]) Также.

грамматики» Карамзинъ описалъ Барсова, только, разумѣется, въ смѣшномъ видѣ. Я сказалъ ему о желаніи издать Каталогъ Синодальной Библіотеки и просилъ доставить мнѣ просмотрѣть 20 № у него находящійся, онъ обѣщалъ и похвалилъ намѣреніе.

Н. М. говорилъ мнѣ, что Татищевъ пользовался весьма важною Кіевскою Лѣтописью, въ окончаніи которой, говоритъ Татищевъ, находятся нѣкоторыя безтолковыя слова, кои суть ничто иное, какъ начало Лѣтописи Волынской, начинающееся похвалою Кн. Роману Галицкому, который сравнивается съ птицами.

Получилъ Ноября 5 отъ Преосв. Евгенія письмо. Онъ не можетъ объяснить положенія Плѣсньска, Дебри Кисановой и Дудутокъ, равно какъ и словъ: зегзица, стрикусы и проч.

12 Ноября отдалъ, а 13 вырѣзали мнѣ въ Духовной Типографіи слѣдующія шесть буквъ и знаковъ: и и и и ~ ~

Процензуровано письмо мое къ Н. Н. Б. Каменскому объ изданіи Государственныхъ Росс. Грамотъ и Договоровъ И. Е. Черепановымъ и возвращено мнѣ въ тотъ же день, въ который подано Ноября 6 1814 года.

Ноября 15 просидѣлъ вечеръ у И. И. Дмитріева. Онъ принялъ меня по министерски, лежа на диванѣ. Говорили о Глинкиномъ журналѣ и Исторіи Медицины въ Россіи Рихтера. Г. Дмитріевъ очень хвалилъ трудъ сей. Поговоря кой о чемъ словесномъ, я ушелъ отъ него.

Лавриновскій, служащій Титуляр. Совѣт. у Министра Финансовъ и Студ. Москов. Университета, который беретъ у меня уроки по просьбѣ моей писалъ въ Петербургъ о присылкѣ мнѣ медали и возвращеніи отставки. Въ отвѣтъ отъ Александра Клеповскаго получилъ Ноября 15 слѣдующее:

«Князь Алексѣй Ивановичъ Горчаковъ представленіе (о Г. Калайд.) вмѣстѣ съ таковыми же о медаляхъ Офицерамъ Московскаго Ополченія препроводилъ 19 минувшаго Октября къ бывшему начальникомъ онаго Г. Генералу Маркову съ тѣмъ, чтобы онъ прислалъ къ Князю общій списокъ офицерамъ, имѣющимъ право на сіи медали, и по полученіи онаго медали будутъ доставлены для раздачи каждому.»

Ноября дня былъ у Графа С. П. Румянцева. Между прочимъ онъ говорилъ мнѣ, что въ одной грамотѣ Царя Алексѣя Михайловича къ Французскому королю, (находящейся въ Архивѣ) въ причинахъ объявленія войны, Царь пишетъ, что онъ въ своемъ Государствѣ выдаетъ бранныя сочиненія на него самого, на его дѣда и отца Филарета Никитича. Они суть слѣдующія:

1. Gestorum Wladislai. Auctore [redacted]gio. Gedani 1641.
2. О Черкасской войнѣ, на Пол[redacted]ыкѣ 1649.
3. Житіе и славныя побѣды Вла[redacted]чиненіе Твардовскаго, печатано въ домѣ Лещинска[redacted]—Я обѣщалъ Его Сіятельству справится о сихъ кни[redacted]ховной Типографской библіотекѣ.

Сегодня же вечеромъ былъ у Н[redacted]изина. Онъ между прочимъ замѣтилъ, что въ гражд[redacted]бумагахъ рѣченіе: *Бояре приговорили* стало извѣстно[redacted] съ Царя Василія Ивановича, сына князя Іоанна Васильев[redacted] Карамзинъ приписываетъ подробныя извѣстія о сраженіяхъ и дѣлахъ гражданскихъ, находящіяся въ лѣтописяхъ, не иному чему, какъ что извѣстія сіи были вѣроятно обнародываемы въ церквахъ.

Ноября 19-го дня былъ у Графа С. П. Румянцева. Онъ просилъ меня познакомить его съ Мерзляковымъ и Тимковскимъ.

4-го Декабря отпечатано для Университетскаго Благороднаго Пансіона мое краткое начертаніе Россійской Исторіи.

9 Декабря И. Ѳ. Либенау увѣдомилъ меня, что Анна Николаевна Бантышъ-Каменская готова попросить князя Лобанова о медали и все сдѣлать въ мою пользу.

11 Декабря былъ у Попечителя и представилъ ему 8 листовъ перепечатанныхъ мною и исправленныхъ Трудовъ Общества, 1-ю половину.—Его Превосходительство благодарилъ меня и благосклонно принялъ.

Въ тотъ же день былъ я у Преосвященнаго Августина и вручилъ ему экземпляръ Краткаго Начертанія Россійской Исторіи. Его Преосвященство обѣщалъ ввести ее въ Семинаріяхъ въ употребленіе.

Декабря дня былъ у Графа Ираклія Ивановича Маркова, доставилъ ему экземпляръ Извѣстія о Древностяхъ Сла-

вано-Русскихъ 1811 года и краткаго Начерт. Росс. Ист. съ слѣдующимъ письмомъ:

Ваше Сіятельство
Милостивый Государь!

Имѣя особенно счастіе служить подъ командою Вашею и почитая лестнымъ для себя отличіемъ участвовать въ дѣлахъ, прославившихъ Васъ въ прошедшую компанію, прибѣгаю съ покорнѣйшею просьбою къ Вашему Сіятельству о доставленіи мнѣ серебряной на голубой лентѣ медали и позволенія на ношеніе оной. Въ удостовѣреніе же моего участія въ 1812 году въ сраженіяхъ противъ непріятеля служитъ Аттестатъ, данный мнѣ Вашимъ Сіятельствомъ отъ Московской Военной Силы подъ № 1089-мъ и у Васъ теперь находящійся, который покорнѣйше прошу возвратить мнѣ. Чувство моего глубочайшаго почтенія, питая въ душѣ моей, особеннымъ удовольствіемъ поставлю всегда именоваться

Вашего Сіятельства
Милостиваго Государя
покорнѣйшимъ слугою
Служившій въ Московской Военной Силѣ Подпоручикомъ, а теперь находящійся при Императорскомъ
Московскомъ Университетѣ Кандидатомъ Константинъ Калайдовичъ.

14 Декабря получалъ отъ Графа Маркова слѣдующее позволеніе на ношеніе медали:

Московской Военной Силы Подпоручику Калайдовичу

№ 98. Высочайшимъ Его Императорскаго Величества указомъ, даннымъ въ 22-й день Декабря 1813 года на основаніи перваго пункта Всемилостивѣйше установленную медаль, въ ознаменованіи подвиговъ храбрымъ Россійскимъ воинствомъ въ 1812 году оказанныхъ, Вамъ участвовавшему, подъ моимъ Начальствомъ въ той достопамятной компаніи, при семъ препровождаю для ношенія по установленію. Декабря 14-го дня 1814 года.

Его Императорскаго Величества Всемилостивѣйшаго Государя моего Главнокомандующій Московской Военной Силою и орденовъ Святаго Александра Невскаго и Святаго Великомученика и Побѣдоносца Георгія 2-го класса Большаго креста Кавалеръ: Графъ Марковъ.

14 Декабря А. А. П. Антонскій очень на меня былъ сердитъ и намѣренъ былъ отказать мнѣ въ квартирѣ по наущенію многихъ клеветниковъ и въ томъ числѣ, кажется, живущаго со мною А. М. Гаврилова.

АВТОБІОГРАФІЯ ПРОТОПОПА АВВАКУМА.

ввакумъ протопопъ понужденъ быть ...ie свое написа-
инокомъ Епифаніемъ (понеже отецъ ...уховный инокъ),
не забвенію предано будетъ дѣло б... и сего ради по-
денъ бысть отцемъ духовнымъ, на слав... Христу Богу на-
ш. Аминь.

есвятая Троице! Боже и Содѣтел... міра! поспѣши
правн сердце мое начати съ разумомъ и кончити дѣлы
ими, яже нынѣ хощу глаголати азъ недостойный; разумѣя
свое невѣжество, припадая, молю Ти ся и еже отъ Тебя по-
ти прося: управи умъ мой и утверди сердце мое пригото-
ися на твореніе добрыхъ дѣлъ, да, добрыми дѣлы просвѣ-
ь, на судищи десныя Ти страны причастникъ буду со всѣ-
избранными твоими. И нынѣ, Владыко, благослови, да, воз-
пувъ отъ сердца, и языкомъ возглаголю Діонисія Ареопа-
а о божественныхъ именѣхъ, что есть Богу присносущ-
имена, истинныя, еже есть близостныя—и что виновныя,
ѣчь похвальныя. Сія суть сущія: *Сый*, *Свѣтъ*, *Истина*,
вотъ, только четыре свойственныхъ; а виновныхъ много,
суть: *Господь*, *Вседержитель*, *Непостижимъ*, *Непри-
упенъ*, *Трисіяненъ*, *Тріипостасенъ*, *Царь славы*, *Непосто-
енъ*, *Огнь*, *Духъ*, *Богъ* и проч. По тому разумѣвай того же
ионсія о истинѣ: «себѣ бо отверженіе истины испаденіе
ь, истина бо сущее есть». Аще бо истина сущее есть, исти-
испаденіе сущаго отверженіе есть (отъ сущаго же Богъ
асти не можетъ и еже не быти нѣсть). Мы же речемъ:

«Потеряли новолюбцы существо Божіе испаденіемъ отъ истиннаго Господа, святаго и животворящаго Духа». По Діонисію: коли ужь истины испали, тутъ и сущаго отворглися. Богъ же отъ существа своего испасти не можетъ и еже не быти,—цѣсть того въ немъ: Присносущенъ истинный Богъ нашъ. Лучше бы имъ въ символѣ вѣры не глаголати *Господа*, винословнаго имени, нежели «*истиннаго*» отсѣкати, въ немъ же существо божіе содержится. Мы же, правовѣрніи, обоя имена исповѣдуемъ и въ Духа Святаго, Господа истиннаго и животворящаго, свѣта нашего, вѣруемъ съ Отцемъ и Сыномъ покланяемаго, за Него же страждемъ и умираемъ помощію Его владычнею. Тѣшитъ насъ Діонисій Ареопагитъ; въ книгѣ его сице пишетъ. Сей убо есть во истинну истинный христіанинъ, зане истиннаго разумѣвъ Христа и тѣмъ благоразумія стяжавъ, изступивъ убо себѣ, не сый въ мірскомъ ихъ правѣ и прелести; себя же вѣсть трезвяща и измѣнена всякаго прелестнаго невѣрія, не токмо даже до смерти бѣдствующе истины ради, но и вѣденіемъ скончевающеся всегда, разумно же живуще и христіане суть свидѣтельствуемы. Сей Діонисій наученъ вѣрѣ христовѣ отъ Павла Апостола, живый во Аѳинѣхъ, прежде даже не пріити въ вѣру христову, хитрость имый исчитати бѣги небесныя; егда же вѣрова Христови, вся сія вмѣнихъ быти, яко уметы. Къ Тимофѣю пишетъ въ книгѣ своей, сице глаголя: «дитя! али не разумѣешь, яко вся сія внѣшняя блядь ничтоже суть, но токмо прелесть и тьма и пагуба? Азъ пріидохъ дѣломъ и ничто же обрѣтохъ, но токмо тщету». Чтый да разумѣетъ: исчитати бѣги небесныя любятъ погибающіи, понеже любве истинныя не пріяша, во еже спастися имъ, и сего ради послетъ имъ Богъ дѣйство льсти, во еже вѣровати имъ лжи, да судъ пріимутъ невѣровавшіи истинѣ, но благоволившіи о неправдѣ. Чти Апостолъ, зачало 275. Сей Діонисій еще не пріидохъ въ вѣру христову съ ученикомъ своимъ; во время распатія Господня, бывъ въ Солнечномъ Градѣ, и видѣвъ: солнце во тьму преложися и луна въ кровь, звѣзды въ полудне на небеси явилися чернымъ видомъ. Онъ же ко ученику глагола: «или кончина вѣку пріиде, или Богъ Слово плотію страждетъ;» понеже не по обычаю тварь видѣ измѣненну и сего ради бысть въ недоумѣніи.

Той же Діонисій пишетъ о солнечномъ знаменіи, когда затмится: «есть на небеси пять звѣздъ заблудшихъ, еже именуются луны. Сіи луны Богъ положилъ не въ продѣлѣхъ, яко же и прочіи звѣзды, но обтекаютъ по всему небу, знаменія творя, или во гнѣвъ, или въ милость, по обычаю текуще. Егда заблудная звѣзда, еже есть луна, подтечетъ подъ солнце отъ запада и закроетъ свѣтъ солнечный, то солнечное затменіе за гнѣвъ божій къ людямъ бываетъ; егда же бываетъ— отъ востока луна подтекаетъ, то по обычаю шествіе творяще закрываетъ солнце.» А въ нашей Россіи бысть знаменіе: солнце затмилось во 162 году предъ моромъ за мѣсяцъ или меньше. Плывъ Волгою рѣкою архіепископъ Сумеонъ сибирскій, и въ полудне тьма бысть предъ Петровымъ днемъ недѣли за двѣ: часа съ три, плачучи, у берега стояли; солнце померче, отъ запада луна подтекала; по Діонисію, являше Богъ гнѣвъ свой къ людямъ. Въ то время Никонъ отступникъ вѣру казнилъ и законы церковные, и сего ради Богъ изліялъ фіалъ гнѣва ярости своей на русскую землю. Зѣло моръ великъ былъ; нѣколи еще забыть, вси помнимъ. Потомъ, минувъ годовъ съ 14-ть, въ другой рядъ затменіе солнцу было. Въ Петровъ постъ въ пятокъ въ часъ 6-й тьма бысть, солнце померче, луна подтекала отъ запада, гнѣвъ Божій являя: и протопопа Аввакума, бѣднаго горемыку, въ то время съ прочими остригли въ соборной церкви власти и на утрени [1]) въ темницу, проклинавъ, бросили. Вѣрный разумѣваетъ, что дѣлается въ землѣ нашей за нестроеніе церковное. Говорить о томъ полно: въ день вѣка познано будетъ всѣми; потерпимъ до тѣхъ мѣстъ.

Той же Діонисій пишетъ о знаменіи солнца, како бысть при Ісусѣ Навинѣ во Израили. «Егда Ісусъ сѣкій иноплеменники, и бысть солнце противу Гавиона, еже есть на полдень. Ста Ісусъ крестообразно, сирѣчь распростре руцѣ свои; и ста солнечное теченіе, дондеже враги погуби; возвратилося солнце къ востоку, сирѣчь на западъ отбѣжало и паки потече; и бысть во дни томъ и въ нощи 34 часа, понеже въ 10 часъ отбѣжало, такъ въ суткахъ 10 часовъ прибыло. И при Езе-

[1]) По другому списку: *на Угрѣшу.*

кiи царѣ бысть знаменiе: оттече солнце вспять во второй надесять часъ дня и бысть во дни и въ нощи 36 часовъ.» Чти книгу Дiонисiеву, тамъ пространно уразумѣешь.

Онъ же Дiонисiй пишетъ о небесныхъ силахъ; росписуетъ, возвѣщая, како хвалу приносятъ Богу, раздѣляяся 9-ть чиновъ на три Троицы.—Престоли, Херувими и Серафими освященiе отъ Бога пріемлютъ и сице восклицаютъ: «Благословенна слава отъ мѣста Господня!» и чрезъ сихъ преходитъ освященiе на 2-ю Троицу, еже есть Господства, Начала, Власти. Сiя Троица, славослова Бога, восклицаетъ: «аллилуiя, аллилуiя, аллилуiя!» по алфавиту: *аль* Отцу, *аль* сыну, *аль* Духу святому. Григорiй Нисскiй толкуетъ: аллилуiя — хвала Богу; а Василiй Великiй пишетъ: «аллилуiя — ангельская рѣчь, человѣчески рещи: Слава Тебѣ, Боже!» До Василiя пояху въ церкви ангельскiя рѣчи: аллилуiя, аллилуiя, аллилуiя! Егда же бысть Василiй, и повелѣ пѣти двѣ ангельскiя рѣчи, а третью человѣческую сице: аллилуiя, аллилуiя, слава Тебѣ, Боже! У святыхъ согласно, у Дiонисiя и у Василiя трижды воспѣвающе, со ангелы славимъ Бога, а не четырежды по римской бляди. Мерзко Богу четверичное воспѣваніе сицевое: аллилуiя, аллилуiя, аллилуiя, слава Тебѣ, Боже! Да будетъ проклятъ сице поюще. Паки на первое возвратимся. Третья Троица :Силы, Архангелы, Ангелы, чрезъ среднюю Троицу освященiе пріемля, поютъ: Святъ, святъ, святъ, Господь Саваоѳъ, исполнь небо и земля славы Его! Три тричисленно и сiе воспѣваніе. Пространно Пречистая Богородица протолковала о аллилуiи: явилася ученику Евфросина псковскаго, именемъ Василiю. Велика во аллилуiи хвала Богу, а отъ зломудрствующихъ досада велика.— По Римски святую Троицу въ четверицу глаголютъ, Духу и отъ Сына исхожденiе являютъ, еже и проклято се мудрованiе Богомъ и святыми; правовѣрныхъ избави Боже сего начинанiя злаго о Христѣ Iсусѣ, Господѣ нашемъ, Ему же слава, нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ. Аминь.

Аѳанасiй Великiй рече: «иже аще кто хощетъ спастися, прежде всѣхъ подобаетъ ему держати каѳолическая вѣра, сiяже аще кто цѣлы и непорочны не соблюдетъ, кромѣ всякаго недоумѣнiя, во вѣки погибнетъ. Вѣраже каѳолическая сiя есть: да будетъ, Бога въ Троицѣ и Троицу въ еди-

ницѣ почитаемъ, ниже сливающе составы, ниже раздѣляюще существо. Ипъ бо есть составъ Отечь, инъ Сыновенъ, инъ Святаго Духа; но отчее и сыновнее и Святаго Духа едино божество, равна сила, соприсносущно величество: яковъ Отецъ таковъ Сынъ, таковъ и Духъ Святый; вѣченъ Отецъ, вѣченъ Сынъ, вѣченъ и Духъ Святый; несозданъ Отецъ, несозданъ Сынъ, несозданъ и Духъ Святый. Не три Бози, но единъ Богъ; не три созданіи, но единъ несозданный, единъ вѣчный. Подобне: вседержитель Отецъ, вседержитель Сынъ, вседержитель и Духъ Святый; равно непостижимъ Отецъ, непостижимъ Сынъ, непостижимъ и Духъ Святый: обаче не три вседержители, но единъ Вседержитель; не три непостижиміи, но единъ непостижимый, единъ присносущный. И въ сей святой Троицѣ ничтоже первое или послѣднее; ничтоже болѣе или менѣе, но цѣлы три составы и соприсносущны суть себѣ и равны. Особно бо есть Отцу нерожденіе, Сыну же рожденіе, а Духу святому исхожденіе; обще же есть божество и царство. (Нужно бо есть побесѣдовати о вочеловѣченіи Бога Слова къ вашему спасенію). За благость щедротъ излія себе отъ отеческихъ нѣдръ Сынъ,-Слово Божіе, въ дѣву чисту Богоотроковицу, егда время наставало и, воплотився отъ Духа Свята и Маріи дѣвы вочеловѣчься, насъ ради пострадалъ, воскресе въ третій день, и на небо вознесеся, и сѣде одесную величества на высокихъ, и хощетъ паки пріити судити и воздати комуждо по дѣломъ его, Егоже царствію нѣсть конца. И сіе смотрѣніе въ Бозѣ бысть прежде, даже не создатися Адаму; прежде даже не вообразитися (совѣтъ Отечь), рече Отецъ Сынови: «Сотворимъ человѣка по образу нашему и подобію.» И отвѣща другій: «Сотворимъ, Отче!» И приступи убо и паки рече: «О единородный Мой! о святе Мой! о Сыне и Слове! о сіяніе славы моея! аще промышляеши созданіемъ своимъ, подобаетъ Ти облещися въ тлимаго человѣка, подобаетъ Ти по землѣ ходити, плоть воспріяти, пострадати и вся совершити.» И отвѣща другій: «Буди, Отче, воля Твоя.» И по семъ создася Адамъ». Аще хощеши пространно разумѣти, чти Маргаритъ, слово о вочеловѣченіи: тамъ обрящеши. Азъ кратко помянулъ, смотрѣніе показуя. Сице всякъ вѣруяй не постыдится; а невѣруяй осужденъ будетъ и во вѣки погибнетъ, по

вышереченному Аѳанасію. Сице азъ, протопопъ Аввакумъ, вѣрую, сице исповѣдую, съ симъ живу и умираю.

Рожденіе же мое въ нижегородскихъ предѣлѣхъ, за Кудмою рѣкою, въ селѣ Григоровѣ. Отецъ ми бысть священникъ Петръ, мати Марія, инока Маѳа. Отецъ же мой прилежаше питія хмѣльнаго; мати же моя постница и молитвенница бысть, всегда учаше мя страху божію. Азъ же нѣкогда видѣхъ у сосѣда скотину умершу и, той нощи возставши, предъ образомъ плакався довольно о душѣ своей, помнная смерть, яко и мнѣ умереть; и съ тѣхъ мѣстъ обыкохъ по вся нощи молитися. Потомъ мати моя овдовѣла, и я осиротѣлъ молодъ, и отъ своихъ сопленнниковъ во изгнаніи быхомъ. Изволила же мати моя меня женить. Азъ же пресвятѣй Богородицѣ молихся, да дастъ ми жену помощницу ко спасенію. И въ томъ же селѣ дѣвица, сиротина жь, безпрестанно обыкла ходити въ церковь, имя ей Анастасія. Отецъ ея былъ купецъ Марко, богатъ гораздо и, егда умре, послѣ его все истощилось. Она же въ скудости живяше и моляшеся Богу, даже сочетается за меня совокупленіемъ брачнымъ; и бысть по волѣ Божіей тако. По семъ мати моя отшедъ къ Богу въ подвизѣ велицѣ. Азъ же отъ изгнанія преселихся во ино мѣсто, рукоположенъ во діаконы 20 лѣтъ съ годомъ, и по дву лѣтѣхъ въ попы поставленъ. Живый въ попѣхъ 8 лѣтъ, и потомъ совершенъ въ протопопы православными епископы, тому 20 лѣтъ минуло; а всего 30 лѣтъ, какъ имѣю священство.

А егда въ попѣхъ былъ, тогда имѣлъ у себя дѣтей духовныхъ много: по се время сотъ съ пять или съ шесть будетъ. Не почивая, азъ, грѣшный, прилежа въ церквахъ и въ домѣхъ, и на распутіяхъ, по градомъ и селомъ, еще же и въ царствующемъ градѣ, и во странѣ сибирской, проповѣдуя и уча слову Божію, годовъ будетъ тому съ полтредьятцать. Егда еще былъ въ попѣхъ, прінде ко мнѣ исповѣдатися дѣвица, многими грѣхами обремененна, блудному дѣлу (и малакіи всякой) повинна, нача мнѣ, плакавшися, подробну возвѣщати въ церкви, предъ евангеліемъ стоя. Азъ же треокаянный и врачь самъ разболѣлся, внутрь жгомъ огнемъ блуднымъ, и горько-бысть мнѣ въ той часъ: зажегъ три свѣщи и прилѣпилъ къ налою, и возложилъ руку правую на пламя и дер-

жалъ, дондеже во мнѣ угасло злое разженіе и, отпусти дѣвицу, сложа ризы, помоляся, пошелъ въ домъ свой зѣло скорбенъ. Время же яко полнощи, и пришедъ въ свою избу, плакався предъ образомъ господнимъ, яко и очи опухли; и моляся прилежно, да отлучитъ мя Богъ отъ дѣтей духовныхъ, понеже бремя тяжко, неудобь носимо. И падохъ на землю на лицѣ своемъ, рыдаше горьцѣ; и забыхся лежа, не вѣмъ, какъ плачу. А очи сердечніи при рѣкѣ Волгѣ; вижу: плывутъ стройно два корабля златы и веслы на нихъ златы, и шесты златы, и все злато; по единому кормщику на нихъ сидѣльцевъ; и я спросилъ: «чіе корабли»? а они отвѣщали: «Лукинъ и Лаврентьевъ». Сіи быша ми духовніи дѣти, меня и домъ мой наставили на путь спасенія и скончалися богоугодно. А се потомъ вижу: третій корабль, не златомъ украшенъ, но разными пестротами, красно и бѣло, и сине, и черно и пепелно, его же умъ человѣчь не вмѣсти красоты его и доброты. Юноша свѣтелъ, на кормѣ сидя, правя, и я вскричалъ: «чей корабль»? и сидяй на немъ отвѣщалъ: «твой корабль; доплывай на немъ съ женою и дѣтьми, коли докучаешь». И я, востреставъ и, сѣдше, разсуждаю: что се видимое и что будетъ плаваніе?

А се по малѣ времени,—по писанному,—объяша мя болѣзни смертныя, бѣды адовы обыдоша мя, скорбь и болѣзнь обрѣтохъ. У вдовы начальникъ отнялъ дочерь, и азъ молихъ его, даже сиротину возвратить къ матери; и онъ, презрѣвъ моленіе наше, и воздвигъ на мя бури: у церкви пришедъ сонмъ, до смерти меня задавили. И азъ, лежа мертвъ полчаса и больше, и паки оживе божіимъ мановеніемъ, и онъ устрашися, отступился мнѣ дѣвицы. Потомъ научилъ его діаволъ: пришедъ въ церковь, билъ и волочилъ меня за ноги по землѣ въ ризахъ, и я молитву въ то время говорю. Таже инъ начальникъ во іно время на мя разсвирепѣлъ. Прибѣжавъ ко мнѣ въ домъ, билъ меня и у руки отгрызъ персты, яко песъ, зубами; и егда наполнилась гортань его крови, тогда руку мою испустилъ изъ зубовъ своихъ и, покиня меня, пошелъ въ домъ свой. Азъ же, поблагодаря Бога, завертѣвъ руку платомъ, пошелъ къ вечерни; и, егда шелъ путемъ, наскочилъ на меня онъ же паки съ двѣма малыми пищалями и,

близь меня бывъ, запалилъ изъ пистола и божіею волею на полкѣ порохъ пыхнулъ, а пищаль не стрѣлила. Онъ же бросился на землю, и изъ другія паки запалилъ также, и божія воля учинила также: и та пищаль не стрѣлила. Азъ, приложно идучи, молюсь Богу, единою рукою осѣнилъ его и поклонился ему; онъ меня ласъ, а я ему рекъ: «благодать во устѣхъ твоихъ, Иванъ Родіоновичь, да будетъ!» По семъ дворъ у меня отнялъ и меня выбилъ, все ограбя, и на дорогу хлѣба не далъ. Въ тоже время родился сынъ мой Прокопій, который сидитъ съ матерію въ землѣ закопанъ. Азъ же, взявъ клюшку, а мати некрещеная младенца, побрели, аможе Богъ наставитъ, и на пути крестили якоже Филипъ каженника древле. Егда же азъ прибрелъ къ Москвѣ, къ духовнику протопопу Стефану и къ Неронову протопопу Іоанну, они же обо мнѣ царю возвѣстиша, и государь меня почалъ съ тѣхъ поръ знати. Отцы же граматою паки послали меня на старое мѣсто, и я притащился: ано и стѣны раззорены моихъ храминъ и я паки завелся, и діаволъ паки воздвигъ на меня бурю.

Пріидоша въ село мое плясовые медвѣди съ бубнами и съ домрами, и я грѣшникъ, по Христѣ ревнуя, изгналъ ихъ и хари и бубны изломалъ на полѣ единъ у многихъ, и медвѣдей двухъ великихъ отнялъ,—одного ушибъ и паки ожилъ, а другаго отпустилъ въ поле. И за сіе меня *Василій Петровичь Шереметьевъ*, плывучи Волгою въ Казань на воеводство, взявъ на судно и браня много и велѣвъ благословить сына своего Матвея, *брадобрида*. Азъ же не благословилъ, а отъ писанія его порицалъ, видя *блудоносный* образъ. Боляринъ же, гораздо осердясь, велѣлъ меня бросить въ Волгу и, много томя, протолкали, а опослѣ учинились добры до меня: у царя на сѣняхъ прощались, а брату моему меньшому боярына Васильева и дочь духовная была. Такъ то Богъ строитъ своя люди.

На первое возвратимся. Таже нѣкъ начальникъ на мя разсвирепѣлъ: пріѣхалъ съ людьми ко двору моему, стрѣлялъ изъ луковъ и изъ пищалей съ приступомъ; и азъ въ то время молился съ воплемъ ко Владыкѣ: «Господи! укроти его и примири, имиже вѣси, судьбами». И побѣжалъ отъ двора

гонимъ Святымъ Духомъ. Таже въ нощь ту прибѣжали отъ него и зовутъ меня со многими слезами: «Батюшко! Ефимій Степановичь при кончинѣ и кричитъ неудобно, бьетъ себя и охаетъ, а самъ говоритъ: «дайте мнѣ батьки Аввакума, за него Богъ меня наказуетъ». И я чаялъ, меня обманываютъ: ужасеся духъ мой во мнѣ и се помолилъ Бога сице: «Ты, Господи, извѣдый мя изъ чрева матери моея и отъ небытія въ бытіе устроилъ: аще меня задушатъ и ты причти мя съ Филиппомъ, митрополитомъ московскимъ; аще зарѣжутъ, и Ты причти мя съ Захаріею пророкомъ; аще въ воду посадятъ, и Ты яко, Стефана Пермскаго, паки освободиши мя!» И моляся поѣхалъ въ домъ къ нему, Ефимію. Егда же привезоша мя на дворъ, выбѣжала жена его Неонила и ухватила меня подъ руку и сама говоритъ: «Подитко, государь нашъ батюшко! Подитко, свѣтъ нашъ кормилецъ!» И я сопротивъ того: «Чудно! давеча былъ блядинъ сынъ, а тепереча батюшко; больше у Христа того остра шелапуга та; скоро повинился мужъ твой.» Ввела меня въ горницу, вскочилъ съ перины Ефимій, палъ предъ ногами моими, вопитъ неизреченно: «прости государь! согрѣшилъ предъ Богомъ и предъ тобою»;—а самъ дрожитъ весь и я ему сопротиво: «Хощеши ли впредь цѣлъ быти?» Онъ же лежа отвѣща: «ей! честный отче!» и я рекъ: «Востани, Богъ проститъ тя». Онъ же наказанъ гораздо, не могъ самъ востати и я поднялъ и положилъ его на постель, и исповѣдалъ и масломъ священнымъ помазалъ, и бысть здравъ. Такъ Христосъ изволилъ. И на утро отпустилъ меня честно въ домъ мой и съ женою быша ми дѣти духовные, изрядны, рабы христовы. Такъ то Господь гордымъ противится, смиреннымъ же дастъ благодать.

По малѣ паки иніи изгнаша мя отъ мѣста того въ другой рядъ. Азъ же сволокся къ Москвѣ и божіею волею государь меня велѣлъ въ протопопы поставить въ Юрьевцѣ поволъскомъ. И тутъ пожилъ не много, только 8 недѣль. Діаволъ научилъ поповъ, и мужиковъ и бабъ: пришли къ патріархову приказу, гдѣ я дѣла духовныя дѣлалъ, и вытаща меня изъ приказа (собраніемъ человѣкъ съ тысячу и полторы ихъ было) среди улицы, били батожьемъ и топтали, и бабы были съ *рычагами; грѣхъ ради* моихъ замертво убили и бросили подъ

избной уголъ. Воевода съ пушкарями прибѣжали и, ухватя меня, на лошади умчали въ мой дворишко; а пушкарей воевода около двора поставилъ. Людіе же ко двору приступаютъ и по граду молва велика, наипаче же попы и бабы, которыхъ унималъ отъ блудни, вопятъ: убить вора блядина сына да и тѣло собакамъ въ ровъ кинемъ».—Азъ же отдохня въ 3-й день ночью, покиня жену и дѣти по Волгѣ самъ третій ушелъ къ Москвѣ; на Кострому прибѣжалъ, ано и тутъ протопопа же Даніила изгнали. Охъ горе! нигдѣ отъ діавола житья нѣтъ! Прибрелъ къ Москвѣ; духовнику Стефану показался; и онъ на меня учинился печаленъ: на что де церковь соборную покинулъ? Опять мнѣ другое горе. Царь пришелъ къ духовнику благословитися ночью, меня увидѣлъ тутъ;—опять кручина: На что де городъ покинулъ? И жена и дѣти и домочадцы человѣкъ съ двадцать въ Юрьевцѣ остались, невѣдомо живы, невѣдомо прибиты,—тутъ паки горе!

По семъ *Никонъ другъ нашъ* привезъ изъ Соловковъ Филиппа митрополита, и прежде его пріѣзду духовникъ Стефанъ, моля Бога и постяся седмицу съ братіею и я съ ними тутъ же о патріархѣ, даже дастъ Богъ пастыря ко спасенію душъ нашихъ и съ митрополитомъ казанскимъ, написавъ челобитную за руками подали царю и царицѣ о духовникѣ Стефанѣ, чтобы ему быть въ патріархахъ. Онъ же, не восхотѣвъ самъ, и указалъ на Никона митрополита. Царь его и послушалъ и пишетъ къ нему посланіе на встрѣчу: «Преосвященному митрополиту Никону Новгородскому и Великолуцкому и всея Россіи радоватися и прочая». Егда же пріѣхалъ, съ нами яко лисъ, челомъ да здорово: вѣдастъ что быть ему въ патріархахъ и чтобъ отъкуля помѣшка какова не учинилось, много о тѣхъ козняхъ говоритъ. Егда поставили патріархомъ, такъ друзей не сталъ и въ крестовую пускать и сей ядъ отрыгнулъ.

Въ постъ великій прислалъ память къ казанской къ Неропову Іоанну. (А мнѣ отецъ духовный былъ, я у него все и жилъ въ церкви: егда куда отлучится, азъ вѣдаю церковь; и къ мѣсту говорили на дворецъ къ Спасу, на Силино покойника мѣсто, да Богъ не изволилъ, а се и у меня радѣніе худо было: любо мнѣ у Казанскія, то и держался: челъ народу книги, много людей приходило). Въ памяти Никонъ пишетъ

годъ, число «по преданію святыхъ Апостолъ и святыхъ отецъ не подобаетъ въ церкви метанія творити на колѣну, но въ поясъ бы вамъ творити поклоны, еще же и тремя персты бы крестилися». Мы же задумалися, сошедшися между собою: видимъ, яко зима хощетъ быти; сердце озябло и ноги задрожали. Нероновъ приказалъ мнѣ церковь, а самъ единъ скрылся въ Чудовъ, седмицу въ палаткѣ молился, и тамъ ему отъ образа гласъ бысть во время молитвы: «время приспѣ страданія, подобаетъ вамъ неослабно страдати». Онъ же мнѣ, плачучи, сказалъ, таже коломенскому епископу Павлу, его же Никонъ напослѣдокъ огнемъ жжегъ въ новгородскихъ предѣлѣхъ, потомъ Даніилу, костромскому протопопу; таже сказалъ и всей братіи. Мы съ Даніиломъ написахомъ изъ книгъ выписки о сложеніи перстъ и о поклонѣхъ и подали Государю. Много писано было. Онъ же, не вѣмъ гдѣ, скрылъ ихъ; мнитъ ми ся, Никону отдалъ. Послѣ того вскорѣ схвативъ Никонъ Даніила въ монастырѣ за тверскими вороты, при царѣ остригъ голову и содравъ однорядку, ругая, отвелъ въ Чудовъ въ хлѣбню и, муча много, сослалъ въ Астрахань; вѣнецъ терновъ на главу тамъ ему возложили, въ земляной тюрьмѣ уморили. Послѣ Даніилова стриженья взяли другаго Темниковскаго Даніила же протопопа и посадили въ монастырѣ у Спаса на Новомъ. Тажь съ протопопа Неронова Ивана въ церкви скуфью снялъ и посадилъ въ Симоновѣ монастырѣ, а послѣ сослалъ на Вологду въ Спасовъ Каменный монастырь, потомъ въ Кольскій острогъ и напослѣдокъ по многомъ страданіи, изнемогъ бѣдный: принялъ три перста да такъ и умеръ. Охъ горе! Всякъ мнящся стояти да блюдется, да ся не падетъ: люто время, по реченному Господемъ, аще возможно духу антихристову прельстити и избранныя. Зѣло надобно крѣпко молитися Богу, да спасетъ и помилуетъ насъ, яко благъ и человѣколюбецъ. Таже меня взяли отъ всепощнаго Борисъ Нелединскій со стрѣльцами, человѣкъ со мною до шестьдесятъ взяли, ихъ въ тюрьму отвели, а меня на патріарховѣ дворѣ на цѣпь посадили ночью. Егда же разсвѣтало въ день недѣльный, посадили меня на телѣгу и растянули руки и везли отъ патріархова двора до Андроньева монастыря и тутъ на цѣпи кинули въ темную палатку, ушла въ землю, и сидѣлъ три дня, не ѣлъ, не пилъ

во тьмѣ, сидя клапяся на цѣпи, не знаю на востокъ, не знаю на западъ. Никто ко мнѣ не приходилъ, токмо мыши и тараканы, и сверчки кричатъ, и блохъ довольно. Бысть же я въ третій день пріалченъ, сирѣчьѣсть захотѣлъ, и послѣ вечерни ста предо мною не вѣмъ ангелъ, не вѣмъ человѣкъ,—и по се время не знаю,—токмо въ потемкахъ молитву сотворилъ и, взявъ меня за плечо, съ цѣпію къ лавкѣ привелъ, и посадилъ и ложку въ руки далъ, хлѣбца немножко и штецъ далъ похлебать, зѣло превкусны хороши, и рекъ мнѣ: «полно, довлѣетъ ти ко укрѣпленію». Да и не стало его, двери не отворились и его не стало, дивно только человѣкъ, а что же ангелъ, ино нечему дивиться: вездѣ ему не загорожено. Наутро архимандритъ съ братіею пришли и вывели меня; журятъ мнѣ, что патріарху не покорился, а я отъ писанія его браню да лаю. Сняли большую цѣпь да малую наложили, отдали чернцу подъ началъ: велѣли волочить въ церковь. У церкви за волосы дерутъ и подъ бока толкаютъ, и за цепь торгаютъ, и въ глаза плюютъ. Богъ ихъ проститъ въ сей вѣкъ и въ будущій! не ихъ то дѣло, но сатаны лукаваго. Сидѣлъ тутъ я 4 недѣли.

Въ то время послѣ меня взяли Логина, протопопа Муромскаго. Въ соборной церкви при царѣ остригъ въ обѣдню; во время переноса снялъ патріархъ со главы у архидіякона дискосъ и поставилъ на престолъ съ тѣломъ христовымъ и съ чашею. Архимандритъ чудовской Ѳерапонтъ внѣ олтаря при дверяхъ царскихъ стоялъ. Увы разсѣченія тѣла христова пуще жидовскаго дѣйства! Остригши, содрали съ него однорядку и кафтанъ. Логинъ же ражжегся ревностію божественнаго огня, Никона порицая, и чрезъ порогъ въ олтарь въ глаза Никону плевалъ; распоясався, схватя съ себя рубашку, въ олтарь въ глаза Никону бросилъ; и чудно: растопоряся рубашка, и покрыла на престолѣ дискосъ, будто воздухъ. И въ то время и царица въ церкви была. На Логина возложили цѣпь и, таща изъ церкви, били метлами и шелепами до Богоявленскаго монастыря, и кинули въ палатку ночью и стрѣльцовъ на карауле поставили накрѣпко стоять. Ему же Богъ въ ту нощь шубу новую да шапку далъ; а наутро Никону сказали и онъ, разсмѣявся, говоритъ, «Знаю су я пустосвятовъ тѣхъ»; — и шапку у него отнялъ, а шубу у него оставилъ.

По семъ паки меня изъ монастыря водили пѣшаго на патріарховъ дворъ; также, руки растеня, и стязався много со мною, паки также отвели. Тоже въ Никитинъ день ходъ со кресты, а меня паки на телегѣ везли противъ крестовъ. И привезли къ соборной церкви стричь, и держали въ обѣдню на порогѣ долго. Государь съ мѣста сошелъ и, приступя къ патріарху, упросилъ не стричь: и отвели въ сибирской приказъ, и отдали діаку Третьяку Башмакову, что нынѣ страждетъ же по Христѣ—старецъ Савватій, сидитъ на Новомъ, въ земляной же тюрьмѣ: спаси его, Господи! и тогда дѣлалъ мнѣ добро. Таже послали меня въ Сибирь съ женою и дѣтьми, и колико дорогою нужды бысть, того всего много говорить, развѣ малая часть помянуть. Протопопица младенца родила, больную въ телегѣ и повезли до Тобольска; 3000 верстъ недѣль съ тринадцать волокли телѣгами и водою, и санъми половину пути.

Архіепископъ въ Тобольскѣ къ мѣсту устроилъ меня. Тутъ у церкви великія бѣды постигоша меня: въ полтора года пять словъ государевыхъ сказывали на меня, и единъ нѣкто архіепископля двора дьякъ Иванъ Струна, тотъ и душею моею потрясъ. Съѣхалъ архіепископъ къ Москвѣ, а онъ безъ него дьявольскимъ наученьемъ напалъ на меня: церкви моея дьяка Антона мучить напрасно захотѣлъ. Онъ же Антонъ утече у него и прибѣжалъ въ церковь ко мнѣ. Той же Струна Иванъ, собрався съ людьми, во нъ день пріиде ко мнѣ въ церковь,—а я вечерню пою,—и вскочилъ въ церковь, ухватилъ Антона на клиросѣ за бороду. А я въ то время двери церковныя затворилъ и никого не пустилъ; одинъ онъ Струна вертится, что бѣсъ; и я, покиня вечерню, съ Антономъ посадилъ его среди церкви на полу и, за церковный мятежъ, постегалъ его ремнемъ нарочито таки; а прочіи человѣкъ съ двадцать вси побѣгоша, гоними Духомъ Святымъ. И покаяніе отъ Струны принявъ, паки отпустилъ его къ себѣ. Сродницы же Струнины, попы и чернецы весь возмутили градъ, да како меня погубятъ. И въ полунощи привезли сани ко двору моему, ломились въ избу, хотя меня взять и въ воду свезти: и божьимъ страхомъ отгнаны быша и побѣгоша вспять. Мучился я съ мѣсяцъ отъ нихъ, бѣгаючи втай; иное въ церкви

ночую, иное къ воеводѣ уйду, иное въ тюрьму просился,—ино не пустятъ. Провожалъ меня много Матвѣй Ломковъ, иже и Митрофанъ именуемъ въ черницахъ, а послѣ на Москвѣ у Павла митрополита ризничимъ былъ; въ соборной церкви съ діакономъ Аѳанасіемъ меня стригъ: тогда добръ былъ, а нынѣ діаволъ поглотилъ его. Потомъ пріѣхалъ архіепископъ съ Москвы и правильною виною его Струну на цѣнь посадилъ за сіе. Нѣкій человѣкъ съ дочерью кровосмѣшеніе сотворилъ и онъ, Струна, полтину взявъ и не наказавъ мужика, отпустилъ. И Владыка [illegible]алъ и мое дѣло тутъ же помянулъ. Онъ [illegible] воеводамъ въ приказъ и сказалъ сло[illegible] на меня. Воеводы отдали его сыну бо[illegible]тру Бекетову за приставъ. Увы! погибе[illegible] Петру, аще и души моей горе тутъ ест[illegible]пископъ со мною, по правиламъ за вину [illegible]лъ Струну проклинать въ недѣлю правосла[illegible]шой. Той же Бекетовъ Петръ, пришедъ въ [illegible]рхіепископа и меня, и въ той часъ изъ це[illegible]лся, ко двору своему идучи, и умре горы[illegible]мы со владыкою приказали тѣло его среди ул.... о[illegible]мъ бросить, даже граждане оплачутъ его согрѣшеніе; и сами три дня прилежнѣе стужили Божеству, даже въ день вѣка отпустится ему. Жалѣя Струны, такову пагубу себѣ пріялъ, а по тріехъ днехъ владыка и мы сами честнѣ тѣло его погребли. Полно того плачевнаго дѣла говорить!

По семъ указъ пришелъ: велѣно меня изъ Тобольска на Лену везти за сіе, что браню отъ писанія и укоряю ересь Никонову. Въ тоже время пришла съ Москвы граматка: два брата жили у царицы вверху и оба умерли въ моръ и съ женами и съ дѣтьми, и многіе друзья и сродницы померли; изліялъ Богъ на царство фіялъ гнѣва своего. Да не узнались горюны, однако церковію мятутъ. Говорилъ тогда и сказывалъ Нероновъ царю: «Три пагубы за церковный раздоръ: моръ, мечь, раздѣленіе». То и сбылось во дни наша нынѣ; но милостивъ Господь: наказавъ покаянія ради, и помилуетъ насъ; прогнавъ болѣзни душъ нашихъ и тѣлесъ, и тишину подастъ. Уповаю и надѣюся на Христа, ожидаю милосердія его и чаю воскресенія мертвыхъ.

Таже сѣлъ опять въ корабль свой, еже показанъ ми,—что выше сего рекохъ,—поѣхалъ па Лепу. А какъ пріѣхалъ въ Енисейскъ, другой указъ пришелъ: велѣно въ Даурію везти, —двадцать тысячь и больше будетъ отъ Москвы, — и отдать меня Аѳанасью Пашкову въ полкъ. Людей съ нимъ было 600 человѣкъ и, грѣхъ ради моихъ, суровъ человѣкъ: безпрестанно людей жжетъ, и мучитъ, и бьетъ; и я его много уговаривалъ да и самъ въ руки попалъ; а съ Москвы отъ Никона приказано было мучить меня. Егда поѣхали изъ Енисейска, какъ буде въ большой Тунгускѣ рѣкѣ, въ воду загрузило бурею дощеникъ мой: совсѣмъ налился среди рѣки полонъ воды и парусъ изорвало, одни палубы надъ водою, а то все въ воду ушло. Жена моя на палубы изъ воды ребятъ кое какъ вытаскала, простоволоса ходя, а я, на небо глядя, кричу: «Господи! спаси! Господи! помози!» И божіею волею прибило насъ къ берегу; много о томъ говорить. На другомъ дощеникѣ двухъ человѣкъ сорвало и утопули въ водѣ. По семъ, оправяся на берегу, и опять поѣхали впредь. Егда пріѣхали на Шаманской порогъ, на встрѣчу приплыли люди иные къ намъ, а съ ними двѣ вдовы: одна лѣтъ во 60, а другая и больше, плывутъ постричись въ монастырь. А онъ Пашковъ сталъ ихъ ворочать и хочетъ за мужъ отдать; а я ему сталъ говорить: «по правиламъ не подобаетъ таковыхъ за мужъ давать». И чѣмъ бы ему, послушавъ меня, и вдовъ отпустить; а онъ вздумалъ мучить меня, осердясь. На другомъ Долгомъ порогѣ сталъ меня изъ дощеника выбивать: «для-де тебя дощеникъ худо идетъ; еретикъ-де ты; поди-де по горамъ, а съ казаками не ходи». О горе стало! Горы высоки, дебри непроходимыя, утесъ каменной яко стѣна стоитъ,—и поглядѣть, заломя голову; въ горахъ тѣхъ обрѣтаются звіи великія; въ нихъ же витаютъ гуси и утицы—періе красное, вороны черные и галки сѣрыя; въ тѣхъ же горахъ орлы, и соколы, и кречеты и курята индійскія, и бабы, и лебеди и иныя дикія, многое множество, птицы разныя. На тѣхъ же горахъ гуляютъ звѣри многіе: дикія козы, и олени, и зубры, и лоси, и кабаны, волки, бараны дикіе во очію нашу, а взять нельзя. На тѣ горы выбивалъ меня Пашковъ со звѣрьми и птицами витати, и азъ ему малое писаньице написалъ, сице начало:

«Человѣче! убойся Бога, сѣдящаго на херувимѣхъ и призирающаго въ бездны, Егоже трепещутъ небесныя силы и вся тварь со человѣки, единъ ты презираешь и неудобство показуешь» и прочая... Тамъ многонько писано и послалъ къ нему. А и бѣгутъ человѣкъ съ пятьдесять: взяли мой дощеникъ и помчали къ нему, версты съ три; стоялъ я, казакамъ каши наварилъ да кормлю ихъ; а они бѣдные и ѣдятъ, и дрожатъ, а иные, глядя, плачутъ на меня; желѣютъ по мнѣ. Привели дощеникъ; взяли меня палачи, привели предъ него. Онъ съ ипагою стоитъ и дрожитъ; началъ мнѣ говорить: «Попъ или распопъ?» И азъ отвѣщалъ: «Азъ есмь Аввакумъ, протопопъ; говори: что тебѣ дѣло до мене?» Онъ же рыкнулъ, яко дикій звѣрь, и ударилъ меня по щекѣ, таже по другой и паки въ голову и сбилъ меня съ ногъ и, чепь ухватя, лежачаго по спинѣ ударилъ трижды и, разболокши, по той же спинѣ 72 удару кнутомъ. И я говорю: «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій! помогай мнѣ!» Да тоже безпрестанно говорю; такъ горько ему, что не говорю: «пощади». Ко всякому удару молитву говорилъ, да середи побой вскричалъ я къ нему: «полно бить то»; такъ онъ велѣлъ перестать. И я промолвилъ ему: «За что ты меня бьешь: знаешь ли?» И онъ велѣлъ паки бить по бокамъ; и опустили: я задрожалъ да и упалъ; и онъ паки велѣлъ меня въ казенный дощеникъ оттащить: сковали руки и ноги и на беть кинули. Осень была, дождь на меня шелъ всю нощь, подъ капелью лежалъ; какъ били, такъ небольно было съ молитвою то; а, лежа, на умъ взбрело: «За что ты, Сыне Божій, попустилъ меня таково больно убить меня? я вѣдь за вдовы Твоя сталъ; кто дастъ судію между мною и Тобою? когда вѣровалъ, и ты меня такъ не оскорблялъ; а нынѣ не вѣмъ, что согрѣшилъ». Будто добрый человѣкъ, другой фарисей съ навозною рожей, со владыкой судиться захотѣлъ! аще Іовъ и говорилъ такъ, да онъ праведенъ, непороченъ; а се и писанія не разумѣлъ, внѣ закона въ странѣ варваретѣй, отъ твари Бога позналъ. А я первое грѣшникъ, второе на законѣ почиваю и писаніемъ отвсюду подкрѣпляемъ: «яко многими скорбьми подобаетъ намъ внити въ царство небесное»; а на такое безуміе пришелъ. Увы мнѣ! какъ дощеник—отъ въ воду не погрязъ со

мною? Стало у меня въ тѣ поры кости тѣ щемить, и жилы тѣ тянуть, и сердце задрожалось, да и умирать сталъ; воды мнѣ въ ротъ плеснули, такъ вздохнулъ да покаялся предъ Владыкою, и Господь свѣтъ милостивъ, не помнитъ пашихъ беззаконій первыхъ, покаянія ради: и опять не стало ничто болѣть.

На утро кинули меня въ лодку и на предь повезли. Егда пріѣхали къ порогу самому большому Падуну, рѣка въ томъ мѣстѣ шириною съ версту, три заливка чрезъ всю рѣку зѣло круты, не воротами что поповетъ, ино въ щепы изломаетъ. Меня привезли подъ порогъ: сверху дождь и снѣгъ, а на мнѣ на плеча накинутъ кафтанишко просто; льетъ вода по брюху и по спинѣ,—нужно было гораздо. Изъ лодки вытаща, по каменію скованна около порога тащили; грустно гораздо, да душѣ добро: не пеняю уже на Бога. Въ другой рядъ на умъ пришли рѣчи, Пророкомъ и Апостоломъ рѣченныя: «сыне! не пренемогай наказаніемъ Господнимъ, ниже ослабѣй, отъ него обличаемъ: Его же любитъ Богъ, того наказуетъ; біетъ же всякаго сына, егоже пріемлетъ; аще наказанія терпите, тогда яко сыномъ обрѣтается вамъ Богъ; аще ли безъ наказанія пріобщаетеся Ему, то выблядки, а не сыновѣ есте». И сими рѣчьми тѣшилъ себя. По семъ привезли въ Братской острогъ и въ тюрьму кинули, соломки дали. И сидѣлъ до Филиппова поста въ студеной башнѣ; тамъ зима въ тѣ поры живетъ да Богъ грѣлъ и безъ платья: что собачка на соломкѣ лежу; коли накормятъ, коли нѣтъ; мышей много было, я ихъ скуфьею билъ,—и батожка не дадутъ дурачки; все на брюхѣ лежалъ, спина гнила, блохъ да вшей было много. Хотѣлъ на Пашкова кричать: «прости»; но воля божія возбранила, велѣно терпѣть. Перевелъ меня въ теплую избу, и я тутъ съ аманатами и съ собаками жилъ скованъ зиму всю; а жена съ дѣтьми верстъ съ 20 была сослана отъ меня. Баба ея Ксенія мучила зиму ту всю: лаяла да укоряла. Сынъ Иванъ не великъ былъ, прибрелъ ко мнѣ побывать послѣ Христова рождества: и Пашковъ велѣлъ кинуть въ студеную тюрьму, гдѣ я сидѣлъ: ночевалъ милой и замерзъ было тутъ, а на утро опять велѣлъ къ матери протолкать; я его и не видалъ;—приволокся къ матери, руки и ноги отзнобилъ.

На весну паки поѣхали впередъ. Запасу небольшое мѣсто осталось, а первой разграбленъ весь: и книги, и одежда и иная рухлядь отнята была; а иное осталось. На Байкаловѣ морѣ паки тонулъ; по Шилкѣ рѣкѣ заставилъ меня лямку тянуть: зѣло нуженъ ходъ ею былъ. И поѣсть было неколи нежели спать; лѣто цѣлое мучился отъ водяныя тяготы; люди изгибали, и у меня ноги и животъ сини были. Два лѣта бродили въ водахъ, а зимами чрезъ волоки волочилися. На той же Шилкѣ въ третій тонулъ: барку отъ берегу оторвало водою; людскія стоятъ, а мою ухватило да и понесло; жена и дѣти остались на берегу, а меня самъ другъ съ кормщикомъ помчало. Вода быстрая переворачиваетъ барку вверхъ боками и дномъ, а я на ней ползаю, а самъ кричу: «Владычице! помози! Упованіе! не утопи!» Иное ноги въ водѣ, а иное выползу наверхъ; гнало съ версту и больше, да люди перенали; все размыло до крохи. Да что вѣдь дѣлать, коли Христосъ и Пречистая Богородица изволили такъ? Я, вышедъ изъ воды, смѣюсь, а люди тѣ охаютъ, платье мое по кустамъ развѣшивая, шубы атласныя и тафтяныя и кое какія бездѣлицы: тое много было еще въ чемоданахъ, да въ сумахъ, все съ тѣхъ мѣстъ перегнило. А Пашковъ опять меня же хочетъ бить: «Тыде надъ собою дѣлаешь за посмѣхъ». И я паки свѣту Богородицѣ докучать: «Владычице! уйми дурака того!» Такъ она надежда унята: сталъ по мнѣ тужить. Потомъ доѣхали до Иргея озера: волокъ тутъ, стали зимок волочиться; монхъ работниковъ отнялъ, а инымъ у меня нанятся не велитъ, а дѣти маленьки были; ѣдаковъ много, а работать некому; одинъ бѣдный горемыка протопопъ нарту сдѣлалъ и зиму волочился за волокъ. Весною на плотахъ по Ингодѣ рѣкѣ поплыли на низъ, четвертое лѣто отъ Тобольска плаванію моему. Лѣсъ гнали хоромной и городовой, стало нечего ѣсть, люди учали съ голоду мереть и отъ работныя воданыя бродни; рѣка мелкая, плоты тяжелыя, приставы немилостивые, палки большіе, батоги суковатые, кнуты острые, пытки жестокія,—огонь да встряска, —люди голодные лишь станутъ мучить, ано и умретъ. Ахъ времени тому! не знаю, какъ умъ отъ него отступился. У протопопицы моей однорадка московская была не изгнила: по русскому рубли ст

полтретьядцать и больше, по тамошнему далъ намъ 4 мѣшка ржи за нея и мы годъ другой тянулися, на Нерчѣ рѣкѣ живучи, съ травою перебиваючися: всѣ люди съ голоду перемерялъ, никуда не отпускалъ промышлять, осталось небольшое мѣсто, по степямъ скитающеся, и по полямъ траву и кореніе копали; и мы съ ними же. А зимою сосну, а иное кобылятины Богъ дастъ, и кости находили отъ волковъ пораженныхъ звѣрей и, что волкъ не доѣстъ, то мы доѣдимъ; а иные и самихъ озяблыхъ ѣли волковъ и лисицъ и, что получатъ, всякую скверну. Кобыла жеребенка родитъ, а голодные втай и жеребенка и мѣсто скверное кобылье съѣдятъ. А Пашковъ свѣдалъ, и кнутомъ до смерти забьетъ: и кобыла умерла, все изводъ взялъ, понеже не по чину жеребенка того вытащили изъ нея: лишь голову появилъ, а они и выдернули да почали черовь скверную ѣсть. Охъ времени тому! и у меня два сына маленькихъ умерли въ нуждахъ тѣхъ, и съ прочими скитающеся по горамъ и острому каменію, наги и босы, травою и кореньемъ перебивающеся, кое какъ мучилися. И самъ я грѣшный волею и неволею причастникъ кобыльимъ и мертвечьимъ скверным и птичьимъ мясамъ. Увы грѣшной душѣ! кто дастъ главѣ моей воду и источникъ слезъ, даже оплачу бѣдную душу свою, юже азъ погубихъ житейскими сластьми? Но помогала намъ по Христѣ бояриня, воеводская сноха Евдокія Кирилловна, да жена его Аѳанасьева Ѳекла Семеновна; онѣ намъ отъ смерти голодной тайно давали отраду: безъ вѣдома его иногда пришлютъ кусокъ мяса, иногда колобокъ, иногда мучки и овсеца, сколько сойдется, четверть пуда и гривенку другую, а иногда и полпудика накопитъ и передастъ, а иногда у куровъ корму изъ корыта нагребетъ. Дочь моя бѣдная горемыка Аграфена бродила втай къ ней подъ окно. И горе и смѣхъ! Иногда ребенка погонятъ отъ окна безъ вѣдома боярынина, а иногда и многонько притащитъ; тогда не велика была, а нынѣ ужь ей 27 годовъ; дѣвицею, бѣдная моя, на Мезени съ меньшими сетрами перебиваяся кое какъ, плачучи живутъ; а мать и братья въ землѣ закопаны сидятъ. Да что жь дѣлать? пускай горше мучатся всѣ ради Христа! быть тому за божіею помощію, на томъ положено и помучиться

ради вѣры христовы. Любилъ протопопъ со славными знаться, люби же и терпѣть горемыка до конца; писано: «не начный блаженъ, но скончавый». Полно того: на первое возвратимся.

Было въ Даурской землѣ нужды великія годовъ 6 и 7, а во иные годы отрадило, а онъ, Аѳанасій, навѣтуя мнѣ, безпрестанно смерти мнѣ искалъ. Въ той же нуждѣ прислалъ ко мнѣ отъ себя двѣ вдовы, — сѣнныя его были, — Марья да Софья, одержимы духомъ нечистымъ: ворожа и колдуя много надъ ними, и видитъ, яко ничто же успѣваетъ; но паче молва бываетъ, зѣло жестоко бѣсъ ихъ мучитъ: бьются и кричатъ. Призвалъ меня и поклонился мнѣ, говоритъ: «Пожалуй, возьми ихъ ты и попекися о нихъ, Бога моля; послушаетъ тебя Богъ». И я ему отвѣщалъ: «Господине! выше мѣры прошеніе; по за молитвы святыхъ отецъ нашихъ вся возможна суть Богу». Взялъ ихъ бѣдныхъ, простите. Во искусѣ то на Руси бывало; человѣка три четыре бѣшеныхъ приведенныхъ бывало въ дому моемъ, а за молитвы святыхъ отецъ отхождаху отъ нихъ бѣси дѣйствомъ и повелѣніемъ Бога живаго и Господа нашего Ісуса Христа, сына Божія, свѣта: слезами и водою покроплю и масломъ помажу, молебная пѣвше во имя христово, и сила божія изгоняше отъ человѣкъ бѣсы и здрави бываху,—не по достоинству моему, никако же, но по вѣрѣ приходящихъ. Древле благодать дѣйствовала осломъ при Валаамѣ, и при Іуліанѣ мученикѣ рысицею, при Сисиніи оленемъ: говорили человѣческимъ голосомъ. Богъ идѣже хощетъ, побѣждается естества чинъ. Чти житіе Ѳеодора Эдесскаго; тамо обращеши: и блудница мертваго воскресила; въ Кормчей писано: «не всѣхъ Духъ Святый рукополагаетъ, но всѣми кромѣ еретика дѣйствуетъ». Таже привели ко мнѣ бабъ бѣшеныхъ; я по обычаю самъ постился и имъ не давалъ ѣсть, молебствовалъ и масломъ мазалъ и, какъ знаю, дѣйствовалъ: и бабы цѣлоумны и здравы стали; я ихъ исповѣдалъ и причастилъ; живутъ у меня и молятся Богу, любятъ меня и домой нейдутъ. Свѣдалъ онъ, что мнѣ учинились дочери духовныя; осердился на меня опять пуще стараго; хотѣлъ меня въ огнѣ сжечь: «ты-де вывѣдываешь мои тайны». А какъ причастить, не исповѣдавъ? а не причастить

бѣшенаго, ано бѣса совершенно не отгонишь: бѣсъ-отъ вѣдь не мужикъ—батога не боится, боится онъ креста христова, да воды святыя, да священнаго масла, а совершенно бѣжитъ отъ тѣла христова; я кромѣ сихъ тайнъ врачевать не умѣю; въ нашей православной вѣрѣ безъ исповѣди не причащаю, въ римской вѣрѣ творятъ такъ, не брегутъ о исповѣди; а намъ, православіе блюдущимъ, такъ не подобаетъ, но на всяко время покаяніе искати. Аще священника ради нужды не получишь, и ты своему брату искусному возвѣсти согрѣшеніе свое, и Богъ проститъ тя, покаяніе твое видѣвъ; и тогда съ правильцемъ причащайся святыхъ таинъ, держи при себѣ запасный Агнецъ. Аще въ пути или на промыслу, или всяко приключится кромѣ церкви, вздохня предъ Владыкою, и по вышерѣченному ко брату исповѣдався, съ чистою совѣстію причастися святыни, такъ хорошо будетъ: по постѣ и по правилѣ на коробочку постели платочикъ и свѣчку зажги, и въ сосудцѣ водицы маленько, да на ложичку почерпни и часть тѣла Христова съ молитвою въ воду на ложку положи, кадиломъ вся покади; поплакавъ, глаголи молитву всю: «Вѣрую, Господи, и исповѣдую, яко ты еси Христосъ, Сынъ Бога живаго» (писано въ чинѣ причащенія); потомъ, падше на землю предъ образомъ, прощеніе проговори и, возставъ, образы поцѣлуй; и прекрестясь, съ молитвою причастися, и водицею запей и паки Богу помолись:—«ну слава Христу!» хотя и умрешь послѣ того, ино хорошо: полно про то говорить, и сами знаете, что доброе добро.

Стану про бабъ говорить опять. Взялъ Пашковъ бѣдныхъ вдовъ отъ меня, бранитъ меня вмѣсто благодаренія. Онъ чаялъ: Христосъ просто положитъ, ино стали пуще и стараго бѣситься; заперъ ихъ въ пустую избу, ино никому приступу нѣтъ къ нимъ; призвалъ къ нимъ чернаго попа, а онѣ его дровами бросаютъ,—и поволокся прочь. Я дома плачу, а дѣлать не вѣдаю что; приступить ко двору не смѣю: больно сердитъ на меня; тайно послалъ къ нимъ воды святыя, велѣлъ ихъ умыть и напоить и имъ бѣднымъ легче стало: прибрели сами ко мнѣ тайно, и я помазалъ ихъ во имя Христово масломъ, такъ опять далъ Богъ стали здоровы и опять домой пошли, да по ночамъ ко мнѣ прибѣгали тайно молить-

ся Богу. Изрядныя дѣтки стали, играть перестали и правильца держаться стали; на Москвѣ съ боярынею въ Вознесенскомъ монастырѣ вселились. Слава о нихъ Богу!

Таже съ Нерчи рѣки паки назадъ возвратились къ Русѣ; пять недѣль по льду голому ѣхали на нартахъ. Мнѣ подъ робятъ и подъ рухлядишко далъ двѣ клячки, а самъ и протопопица брѣли пѣши, убивающися о ледъ. Страна варварская, иноземцы не мирные; отстать отъ людей не смѣемъ и за лошадьми итти не поспѣемъ; голодные и томные люди; протопопица бѣдная бредетъ бредетъ да и повалится, скользко гораздо; въ иную пору бредучи, повалилась, а иной томной же человѣкъ на нее набрелъ, тутъ же и повалился; оба кричатъ, а встать не могутъ. Мужикъ кричитъ: «матушко государыня! прости!» а протопопица: «что ты, батько, меня задавилъ?» Я пришелъ. На меня бѣдная пѣняетъ, говоря: «долголи муки сея, протопопъ, будетъ?» И я говорю: «Марковна! до самыя смерти». Она же, вздохня, отвѣчала: «Добро, Петровичь; ино еще побредемъ».

Курочка у насъ черненька была, по два яичка на день приносила робяти на пищу божіимъ повелѣніемъ, нуждѣ нашей помогая; Богъ такъ строилъ. На нартѣ везучи, въ то время удавили по грѣхомъ, и нынѣча жаль мнѣ курочки той, какъ на разумъ придетъ. Ни курочка, ни то чудо было: во весь годъ по два яичка давала, сто рублевъ при ней плюново дѣло! жалѣю! И та курочка, одушевленное божіе твореніе, насъ кормила, и сама съ нами кашку сосновую изъ котла тутъ же клевала, или, и рыбки прилучится, и рыбку клевала и намъ противъ того два яичка на день давала. Слава Богу, вся сотворившему благая! И не просто она намъ и достался. У боярыни куры всѣ переслѣпли и мереть стали, такъ она, собравше въ коробъ, ко мнѣ ихъ прислала; чтобъ-де батько пожаловалъ, помолился о курахъ. И я подумалъ: кормилица то есть наша, дѣтки у нея, надобны ей куры; молебенъ пѣлъ, воду святилъ, куровъ кропилъ и кадилъ; потомъ въ лѣсъ сбродилъ, корыто имъ сдѣлалъ, изъ чего ѣсть, и водою покропилъ, да къ ней все отослалъ. Курки божіимъ мановеніемъ изцѣлѣли и исправилися по вѣрѣ ея. Отъ того то племени и наша курочка была, да полно того говорить:

у Христа не сего дня такъ повелось. Еще Косма и Даміанъ человѣкомъ и скотомъ благодѣйствовали и цѣлили о Христѣ. Богу вся надобна: и скотинка и птичка во славу его пречистаго Владыки, еще и человѣка ради.

Таже поволокпись паки на Пргепь озеро. Боярыня пожаловала, прислала сковородку пшеницы, и мы кутьи наѣлись. Кормилица моя была Евдокія Кириловна, а и съ нею діаволъ ссорилъ сице: сынъ у нея былъ Сумсонъ, тамъ родился; я молитву давалъ и крестилъ, на всякъ день присылали ко мнѣ по благословеніе и я, крестомъ благословя и водою покропя, поцѣловавъ его, паки его отпущу: дитя наше здорово и хорошо. Не приключилось меня дома, занемогъ младенецъ. Малодушничавъ она и осердясь на меня, послала ребенка къ шептуну мужику. Я, свѣдавъ, осердился же на нее и межь нами пря велика стала быть; младенецъ пуще занемогъ; рука правая и нога засохли, что батожки. Въ зазоръ пришла; не вѣдастъ, что дѣлать, а Богъ пуще угнетаетъ. Ребеночекъ на кончину пришелъ; пѣстуны, ко мнѣ приходя, плачутъ, а я говорю: «коли баба лиха, живи же себѣ одна.» И ожидаю покаянія ея. Вижу, яко ожесточилъ діаволъ сердце ея; припалъ ко Владыкѣ, чтобъ образумилъ ее. Господь же премилостивый Богъ умягчилъ ниву сердца ея; прислала на утро сына средняго ко мнѣ Ивана: со слезами проситъ прощенія матери своей, ходя и кланяяся около печи моей; а я лежу подъ берестомъ нагъ на печи, а протопопица въ печи, а дѣти кое гдѣ; въ дождь приключилось: одежды не стало, а зимовье капletъ: всяко мотаемся. И я, смиряй, приказываю ей: «вели матери прощенія просить у Ареѳы колдуна.» Потомъ и больнаго принесли; велѣла больнаго предъ меня положить: и всѣ плачутъ и кланяются. Я су всталъ, добылъ въ грязи патрахѣль и масло священное нашелъ; помоля Бога и покадя младенца, помазалъ масломъ и крестомъ благословилъ. Ребенокъ, Богъ далъ, и опять здоровъ сталъ съ рукою и съ ногою. Водою святою его напоилъ и къ матери послалъ. Виждь, слышателю: покаяніе матери колику силу сотвори: душу свою изврачевала и сына исцѣлила. Чему быть? не сего дни кающихся есть Богъ! На утро прислала намъ рыбы да пироговъ, а намъ то голодпымъ надобѣ, и съ тѣхъ мѣстъ помирилися.

Выѣхавъ изъ Дауръ, умерла маленькая на Москвѣ, я и погребалъ въ Вознесенскомъ монастырѣ. Свѣдалъ то и самъ Пашковъ про младенца, опа ему сказала. Потомъ я къ нему пришелъ и онъ, поклоняся низенько мнѣ, а самъ говорилъ: «Спаси Богъ! отечески творишь, не помнишь нашего зла.» И въ то время пищи довольно прислалъ, а опослѣ того вскорѣ хотѣлъ меня пытать, слушай за что. Пускалъ онъ сына своего Еремѣя въ мунгальское царство воевать, козаковъ съ нимъ 72 человѣка да иноземцевъ 20 человѣкъ; и заставилъ иноземца шаманить, сирѣчь гадать: удастли ся имъ и съ побѣдою ли будутъ домой. Волхвъ же той мужикъ, близь моего зимовья, привелъ барана живаго въ вечеръ и учалъ надъ нимъ волхвовать, вертя его много и голову прочь отвертѣлъ и прочь отбросилъ. И началъ скакать, и плясать, и бѣсовъ призывать и, много кричавъ, о землю ударился, и пѣна изо рта пошла; бѣсы давили его, а онъ спрашивалъ ихъ: «удастся ли походъ?» И бѣсы сказали: «съ побѣдою великою и съ богатствомъ большимъ будетъ назадъ.» И воеводы рады; и всѣ люди, радуяся, говорятъ: «богаты пріѣдемъ!» Охъ! души моей тогда горько и нынѣ не сладко. Пастырь худой погубилъ своя овцы, отъ горести забылъ реченное во Евангеліи, егда Зеведѣевичи на поселянъ жестокихъ совѣтовали: «Господи! хощеши ли речевѣ, да огнь сниидетъ съ небесе и потребитъ ихъ, якоже Илія сотвори? обращься же Ісусъ рече имъ: не вѣсте, коего духа есте вы: сынъ бо человѣческій не пріиде душъ человѣческихъ погубити, но спасти; и идоша во ину весь.» А я окаянный сдѣлалъ не такъ. Въ хлѣвинѣ своей кричалъ съ воплемъ ко Господу: «Послушай мене, Боже! послушай мене, Царю Небесный! свѣтъ! послушай мене! да не возвратится вспять ни единъ отъ нихъ и гробъ имъ тамъ устроши всѣмъ! приложи имъ зла, Господи! приложи имъ и погибель имъ наведи, да не сбудется пророчество діавольское!» И много того было говорено, и втайнѣ о томъ же Бога молилъ. Сказали ему, что я такъ молюсь, и онъ лишь излаялъ меня. Потомъ отпустилъ съ войскомъ сына своего; ночью поѣхали по звѣздамъ. Въ то время жаль мнѣ ихъ: видитъ душа моя, что имъ побитымъ быть, и самъ таки на нихъ погибели молю; иные, приходя, прощаются ко мнѣ, а я имъ

говорю: «погибнете тамъ.» Какъ поѣхали, лошади подъ ними заржали вдругъ, и коровы тутъ взревѣли, и овцы и козы заблеяли, и собаки взвыли, и сами иноземцы, что собаки, завыли. Ужасъ на всѣхъ нашалъ. Еремѣй вѣсть со слезами ко мнѣ прислалъ: «чтобы батюшка государь помолился за меня;» и мнѣ его стало жаль, а и другъ мой тайный былъ и страдалъ за меня. (Какъ меня кнутомъ отецъ его билъ, и сталъ разговаривать отцу, такъ онъ со шпагою погнался за нимъ. А какъ пріѣхали послѣ меня на другой порогъ на Падунъ, 40 дощениковъ всѣ прошли въ ворота и его Аѳанасіевъ дощеникъ, —снасть добрая была, и казаки всѣ 600 промышляли о немъ и не могли взвести: взяла силу вода, паче же рещи, Богъ наказалъ: стащило въ воду всѣхъ людей, а дощеникъ на камень бросило; вода чрезъ его льется, а въ него нейдетъ: чудо, какъ Богъ безумныхъ учитъ! Онъ самъ на берегу, боярыня въ дощеникѣ, и Еремѣй сталъ говорить: «батюшко! за грѣхъ наказуетъ Богъ, напрасно протопопа того кнутомъ тѣмъ избилъ; пора покаяться, государь!» Онъ же рыкнулъ на него, яко звѣрь, и Еремѣй, къ сосне отклонясь, прижавъ руки, а самъ *Господи помилуй* говоритъ. Пашковъ же, ухватя у малаго калещатую пищаль, никогда не лжетъ, приложася на сына, курокъ спустилъ, и божіею волею осѣклася пищаль. Онъ же и въ третіе также сотворилъ, пищаль и въ третій осѣклася же; онъ ее на землю и бросилъ. Малой, поднявъ, на сторону спустилъ, такъ и выстрѣлила. А дощеникъ единаче на камени подъ водою лежитъ. Сѣлъ Пашковъ на стулъ, шпагою подперся, задумався и плакать сталъ, а самъ говоритъ: «согрѣшилъ, окаянный; пролилъ кровь неповинну, напрасно протопопа билъ, за то меня наказуетъ Богъ.» Чудно, чудно по писанію, яко *косенъ Богъ во гнѣвѣ, и скоръ на послушаніе*. Дощеникъ самъ, покаянія ради, сплылъ съ камени и сталъ носомъ противъ воды; потянули, и онъ взбѣжалъ на низкое мѣсто тотчасъ. Тогда Пашковъ, призвалъ сына къ себѣ, промолвилъ ему: «прости Еремѣй: правду ты говоришь!» Онъ, прискоча, поклонився отцу, и рече: «Богъ тебя, государь, проститъ; я предъ Богомъ и предъ тобою виноватъ.» И, взявъ отца подъ руку, и повелъ; гораздо Еремѣй разуменъ и добръ человѣкъ; ужъ у него и своя сѣда борода,

гораздо почитаетъ отца, и боится его. Да по писанію и подобѣ такъ: Богъ любитъ тѣхъ дѣтей, которые почитаютъ отцевъ. Внядь, слышателю: не страдалъ ли насъ ради Еремѣй, паче же ради креста и правды его? а мнѣ сказывалъ кормщикъ его Аѳанасьева дощенника, тутъ былъ, Григорій Шальной. На первое возвратимся). — Отъ меня отошли, поѣхали на войну; жаль стало Еремѣя мнѣ; сталъ Владыкѣ докучать, чтобъ его пощадилъ. Ждали ихъ съ войны, не бывали на срокъ; а въ тѣ поры Пашковъ меня и къ себѣ не пускалъ. Во единъ отъ дней учредилъ застѣнокъ и огнь расклалъ, хочетъ меня пытать; я ко исходу душевному и молитвы проговорилъ; вѣдаю его стряпанье: после огня того мало у него живутъ; и самъ жду по себя и, сидя, женѣ плачущей и дѣтямъ говорю: «Воля Господня да будетъ! аще живемъ, Господеви живемъ; аще умираемъ, Господеви умираемъ.» А се и бѣгутъ по меня два палача. Чудно дѣло Господне и непзреченны судьбы Владычни! Еремѣй ранепъ самъ другъ дорожкою мимо избы и двора моего ѣдетъ и палачей всклikалъ и съ собою воротилъ; онъ, Пашковъ, оставя застѣнокъ, къ сыну своему пришелъ, яко пьяной съ кручины. И Еремѣй, поклоняся съ отцемъ, вся ему подробну возвѣщаетъ: какъ войско у него побили все безъ остатку, и какъ его увелъ иноземецъ отъ мунгольскихъ людей по пустымъ мѣстамъ, и какъ по каменнымъ горамъ въ лѣсу, не ядше, блудился 7 дней, одну съѣлъ бѣлку; и какъ моимъ образомъ человѣкъ ему во снѣ явился и на путь выбрелъ. Егда онъ отцу разсказываетъ, а я пришелъ въ то время поклониться имъ. Пашковъ же, возведъ очи свои на меня, — слово въ слово медвѣдь морской бѣлой, жива бы меня проглотилъ, да Господь не выдастъ,—вздохня, говоритъ: «такъ то ты дѣлаешь? людей тѣхъ погубилъ столько?» А Еремѣй мнѣ говорилъ: «батюшко! поди, государь, домой молча, для Христа;» я и пошелъ.

Десять лѣтъ онъ меня мучилъ или я его, не знаю; Богъ разберетъ въ день вѣка. Перемѣна ему пришла, а мнѣ грамата: велѣно ѣхать на Русь. Онъ поѣхалъ, а меня не взялъ умышлялъ въ умѣ своемъ: «хотя де и одинъ поѣдетъ, и его де убьютъ иноземцы.» Онъ въ дощенникахъ со оружіемъ и людьми уплылъ, а слышалъ я, ѣдучи, отъ иноземцевъ: дро-

жали и боялись; а я мѣсяцъ спустя послѣ сего, набравъ старыхъ и больныхъ и раненыхъ, кои тамъ негодны, человѣкъ съ десятокъ, да я съ женою и дѣтьми, 17 насъ человѣкъ, въ лодку сѣдше, уповая на Христа и крестъ поставя на носу, поѣхали, аможе Богъ наставитъ, ничего небояся. Книгу Кормчую далъ прикащику, и онъ мнѣ мужика кормщика далъ да друга моего Василія выкупилъ, который тамъ при Пашковѣ на людей ябедничалъ и крови проливалъ, и моея головы искалъ: въ иную пору, бивши меня, на колъ было посадилъ, да еще Богъ сохранилъ; а послѣ Пашкова хотѣли его казаки до смерти убить, и я выпросилъ у нихъ Христа ради, а прикащику выкупъ далъ, на Русь его вывезъ отъ смерти къ животу; пускай его бѣднаго либо покаятися о грѣсѣхъ своихъ. Да и другаго такова же увезъ замотая; сего не хотѣли мнѣ выдать, и онъ ушелъ въ лѣсъ отъ смерти и, дождався меня на пути, плачучи кинулся мнѣ въ корбасъ; ано за нимъ погоня, дѣть стало негдѣ; я су, простите, своровалъ: яко Раавъ блудница во Іерихонѣ Ісуса Навина людей, спряталъ его, положа на дно въ суднѣ и постелю накинулъ и велѣлъ протопопицѣ и дочери лечь на него; вездѣ искали, а жены моей съ мѣста не тронули, лишь говорятъ: «матушка! опочивайте; итакъ ты государыня горя натерпѣласъ.» А я, простите, Бога ради,—лгалъ въ тѣ поры и сказывалъ: «нѣту его у меня,» — не хотя его на смерть выдать. Поискавъ, пошли ни съ чѣмъ, и я его на Русь вывезъ. Старецъ да и рабъ Христовъ! простите же меня, что я лгалъ тогда. Каково вамъ кажется не велико ли мое согрѣшеніе? При Раавѣ блудницѣ она, кажется, также сдѣлала; да писаніе ее похваляетъ за то, и вы, Бога ради, поразсудите: буде грѣхотворно я учинилъ, и вы меня простите; а буде церковному преданію не противно, ино и такъ ладно. Вотъ вамъ и мѣсто оставилъ, припишите своею рукою мнѣ, и женѣ моей, и дочери или прощеніе или епитимію, понеже мы за одно воровали, — отъ смерти человѣка ухоронили, ища его покаянія къ Господу. Судите же такъ, чтобы насъ Христосъ не сталъ судить на страшномъ судѣ сего дѣла; припишите же что нибудь. (*Старецъ*: «*Богъ да проститъ тя и благословитъ въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ, и подружію твою Анастасію и дщерь ва-*

шу и весь домъ вашъ: добро сотворили есте и праведно, Аминь). Добро, старецъ: спаси Богъ на милостынѣ; полно того.

Прикащикъ же мучки гривенокъ съ 30 далъ, да коровку, да овечекъ съ 5,6, мясцо, изсуша; и тѣмъ лѣто питалися, иловучи. Доброй прикащикъ человѣкъ, дочь у меня Ксенію крестилъ, еще при Пашковѣ родилась, да Пашковъ не далъ мнѣ мура и масла, такъ некрещена долго была; послѣ его крестилъ, я самъ женѣ своей и молитву говорилъ и дѣтей крестилъ съ кумомъ съ прикащикомъ, да дочь моя большая кума, а я у нихъ попъ. Тѣмъ же образомъ и Аѳанасья сына крестилъ и, обѣдню на Мезени служа, причастилъ и дѣтей своихъ, исповѣдывалъ и причащалъ самъ же, кромѣ жены своея. Есть о томъ въ правилахъ: велѣно такъ дѣлать; а что запрещеніе, то отступническое, и то я о Христѣ подъ ноги кладу, и клятвою тою, дурно молвить, гузно тру; меня благословляютъ московскіе святители Петръ, и Алексѣй, и Іона, и Филиппъ; я по ихъ книгамъ вѣрую Богу моему чистою совѣстію и служу, а отступниковъ отвращаюся и кляну: враги они божіи, не боюсь я ихъ, со Христомъ живучи; хотя на меня каменіе накладутъ, я со отеческимъ преданіемъ и подъ каменіемъ лежу, не только подъ шпыньскою воровскою, никоніанскою клятвою. Охъ! и что много говорить? плюнуть на дѣйство то и службу то ихъ, да и на книги тѣ ихъ новоизданныя, такъ и ладно будетъ! Станемъ говорить, какъ угодить Христу и пречистой Богородицѣ, а про воровство ихъ полно говорить. Простите, Никоніане, что избранилъ васъ; живите, какъ хочете; стану опять первое горе говорить, какъ вы меня жалуете, подчиваете.

20 лѣтъ ужь прошло, еще бы хотя столько же Богъ пособилъ мучиться отъ васъ, ино бы и было съ меня о Господѣ Богѣ и Спасѣ нашемъ Іусѣ, а за тѣмъ сколько Христосъ дастъ только и жить. Полно того и такъ далеко забрелъ; на первое возвратимся.

Поѣхалъ изъ Дауръ, стало пищи скудать и съ братіею Бога помолили и Христосъ далъ намъ и зубра, большаго звѣря, тѣмъ и до Байкалова доплыли. У моря русскихъ людей наѣхало, станица соболиная рыбу промышляетъ; рады миленькіе

намъ и, съ корбасомъ насъ съ моря ухвати, далеко на гору несли. Терентьюшко съ товарищи плачутъ миленькіе, глядя на насъ, а мы на нихъ; надавали пищи, сколько намъ надобно, —осетровъ съ 40 свѣжихъ передъ меня привезли, а сами говорятъ: «Вотъ, батюшко, на твою часть Богъ въ запорѣ намъ далъ; возьми себѣ всю». Я, поклонясь имъ, рыбу благословя, опять имъ велѣлъ взять: «на что мнѣ столько?» Погостя у нихъ, изъ нужды запасцу взялъ; лодку починя и парусъ скропавъ, черезъ море пошли. Погода окинула на морѣ, и мы гребли перегреблись. Не больно въ томъ мѣстѣ широко, или со 180 верстъ. Егда къ берегу пристали, возстала буря вѣтренная, и на берегу на силу и мѣсто обрѣли отъ волнъ; около его горы высокія: 20,000 верстъ и больше волочился, а не видалъ такихъ нигдѣ; на верху ихъ палатки и повалуши, врата и столпы, ограда каменна и дворы, все богодѣлано. Лукъ на немъ растетъ и чеснокъ, больше романовскаго луковицы, и сладокъ зѣло; тамъ же ростутъ и конопли богорасленныя, а во дворахъ травы красныя и цвѣты, и благовонны гораздо, птицъ зѣло много—гусей, лебедей, по морю яко снѣгъ плаваютъ; рыба въ немъ: осетры и таймени, стерляди и омули, и сиги и прочихъ родовъ много; вода прѣсная, и нерпы и зайцы великія въ немъ, въ океанѣ морѣ большомъ. Живучи на Мезени, такихъ не видалъ; а рыбы зѣло густо въ немъ, осетры и таймени жирны гораздо, нельзя жарить на сковородѣ: жиръ все будетъ. И все то у Христа того свѣта надѣлано для человѣкъ, чтобъ, упокояся, хвалу Богу воздавалъ; а человѣкъ, суетѣ который уподобится, дніе его яко сѣнь преходятъ; скачетъ, яко козелъ; раздувается, яко пузырь; гнѣвается, яко рысь; съѣсть хощетъ, яко змія; ржетъ, зря на чужую красоту, яко жребя; лукавствуетъ, яко бѣсъ; насыщаяся довольно, безъ правила спитъ, Бога не молитъ; отлагаетъ покаяніе на старость и потомъ исчезаетъ; не вѣмъ, камо отходитъ,—или во свѣтъ, или во тьму: день судный кегождо явитъ. Простите мя; азъ согрѣшихъ паче всѣхъ человѣкъ.

Тоже въ русскіе грады приплылъ и уразумѣлъ о церкви, яко ничтоже успѣваетъ; но паче молва бываетъ. Опечалясь, *сидя, разсуждаю:* что сотворю? проповѣдую ли слово божіе,

или скрыюся гдѣ? Жена и дѣти связали меня. И видя меня печальна, протопопица моя приступи ко мнѣ со опрятствомъ и рече ми: «Что, господине, опечалился еси?» Азъ же подробну извѣстихъ: «Жена! что сотворю? зима еретическая на дворѣ; говорить ли мнѣ или молчать? связали вы меня!» Она же мнѣ говоритъ: «Господи помилуй! Что ты Петровичь говоришь? Слыхала я, ты же читалъ апостольскую рѣчь: «*привязался ли женѣ не ищи разрѣшенія; егда отрѣшишися, тогда не ищи жены*;“ азъ тя и съ дѣтьми благословляю, дерзай проповѣдати слово божіе по прежнему, а о насъ не тужи, дондеже Богъ изволитъ; тогда насъ въ молитвахъ своихъ не забывай; силенъ Христосъ и насъ не покинуть. Поди, поди въ церковь, Петровичь! обличай блудню еретическую!» Я су ей за то челомъ и, отрясши отъ себе печальную слѣпоту, началъ по прежнему слово божіе проповѣдати и учити по градомъ и вездѣ, еще же и ересь никоновскую со дерзновеніемъ обличалъ.

Въ Енисейскѣ зимовалъ и паки, лѣто плывши, въ Тобольскѣ зимовалъ и, до Москвы ѣдучи, по всѣмъ городамъ и по селамъ, въ церквахъ и на торгахъ, кричалъ, проповѣдуя слово божіе, и уча и обличая безбожную лесть. Та же пріѣхалъ къ Москвѣ. Три годы ѣхали изъ Дауръ, а туда волокся пять лѣтъ противъ воды; на востокъ все везли, промежду иноземскихъ ордъ и жилищъ; много про то говорить.—Бывалъ и въ иноземскихъ рукахъ: на Оби, великой рѣкѣ, предо мною 20 человѣкъ погубили христіанъ; а, надо мною думавъ, да и отпустили совсѣмъ. Паки на Иртышѣ рѣкѣ собраніе ихъ стоитъ: ждутъ березовскихъ нашихъ съ дощеникомъ и побить; а я, не вѣдаючи, и пріѣхалъ къ нимъ; и, пріѣхавъ, къ берегу присталъ. Они съ луками и обскочили насъ, и я су, вышедъ, обниматься съ ними, что съ черницами, а самъ говорю: «Христосъ со мною и съ вами той же»! И они до меня добры стали и жены своя къ моей женѣ привели; жена моя такъ же съ ними лицемѣрится, какъ въ мірѣ лесть совершается; и бабы удобрилися, и мы то уже знаемъ: какъ бабы бываютъ добры, такъ и все о Христѣ бываетъ добро. Спрятали мужики луки и стрѣлы своя; медвѣдей я у нихъ накупилъ да и отпустили меня. Пріѣхалъ въ Тобольскъ, сказываю: иноземцы дивятся тому, понеже всю Сибирь Башкир-

цы съ Татарами воевали тогда. И я, уповая на Христа, ѣхалъ посредѣ ихъ. Пріѣхавъ въ Верхотурье, Иванъ Богдановичь Камынинъ, другъ мой, дивится же мнѣ: «какъ ты, протопопъ, проѣхалъ?» И я говорю: «Христосъ меня пронесъ и Пречистая Богородица провела; я не боюсь никого, только Христа боюсь».

Таже къ Москвѣ пріѣхалъ и, яко ангела божія пріяша мя, Государь и бояра всѣ мнѣ рады. Къ Ѳеодору Ртищеву зашелъ; онъ самъ изъ палатки выходилъ ко мнѣ, благословился отъ меня и учалъ говорить [illegible] дни и три нощи домой меня не отпускалъ и пот[illegible] обо мнѣ извѣстилъ. Государь меня тотчасъ къ[illegible]авить велѣлъ и слова милостивыя говорилъ: «здо[illegible] протопопъ, живешь? еще де видѣться Богъ вел[illegible] противъ руку его поцѣловалъ и пожалъ, а сам[illegible] Живъ Господь, жива и душа моя, царь государь! [illegible] что повелитъ Богъ». Онъ же миленькой вздохну[illegible]елъ, куда надобѣ ему; и иное кое что было, да[illegible]оворить? прошло уже то. Велѣлъ меня поставить [illegible]ырскомъ подворьѣ въ Кремлѣ и, въ походы мимо мое[illegible]а ходя, кланялся часто со мною, низенько таки, а самъ говоритъ: «благослови де меня и помолися о мнѣ»; и шапку въ иную пору мурманку снимаючи, съ головы уронилъ, ѣдучи верхомъ. Изъ кареты бывало высунется ко мнѣ, тоже и вси бояра послѣ его челомъ да челомъ: «Протопопъ! благослови и молися о насъ». Какъ су мнѣ царя того и бояръ тѣхъ не жалѣть? Жаль! о су видишь, каковы были добры, давали мнѣ мѣсто, гдѣ бы я захотѣлъ, и въ духовники звали, чтобъ я съ ними соединился въ вѣрѣ. Азъ же вся сія яко уметы вмѣнихъ, да Христа пріобрящу, и смерть помнивая, яко вся сія мимоидетъ. А се мнѣ въ Тобольскѣ въ тонцѣ снѣ возвѣщено: «блюдися отъ мене, да не полма разтесанъ будеши». Я вскочилъ и палъ предъ иконою въ ужасѣ велицѣ, а самъ говорю: «Господи! не стану ходить, гдѣ по новому поютъ, Боже мой!» Былъ я у заутрени въ соборной церкви на царевнины именины, шаловалъ съ ними въ церкви той при воеводахъ да съ пріѣзду смотрилъ у нихъ просфиромисанія дважды или трижды, въ алтарѣ у жертвенника стоя; а самъ имъ ругался, а какъ при-

выкъ ходить, такъ и ругаться не сталъ, что жаломъ, духомъ антихристовымъ и ужалило было. Такъ меня Христосъ свѣтъ попужалъ и рече ми: «По толикомъ страданіи погибнуть хощеши? блюдися, да не полма разсѣку тя». Я ко обѣдни не пошелъ, и обѣдать ко князю пришелъ и вся подробну имъ возвѣстилъ. Бояринъ, миленькой князь Иванъ Андреевичь Хилковъ плакать сталъ. И мнѣ, окаянному, много столько божія благодѣянія забыть? Егда въ Даурахъ я былъ на рыбномъ промыслѣ, къ дѣтямъ пойду зимою, по озеру бѣжалъ на базлукахъ (тамъ снѣгу не живетъ, морозы велики живутъ и льды толсты намерзаютъ, близко человѣка толщины); — пить мнѣ захотѣлось, и гораздо отъ жажды томимъ, идти не могу, среди озера стало, воды добыть нельзя: озеро верстъ восемь; сталъ, на небо взирая, говорить: «Господи, источивый изъ камени воду въ пустыни людемъ, жаждущему Израилю, тогда и днесь Ты еси! напой мене, имиже вѣси судьбами, Владыко Боже мой!» Охъ горе! не знаю, какъ молвить; простите, Господа ради: кто есмь азъ, умерый песъ? Затрещалъ ледъ предо мною и разступился чрезъ все озеро сюду и сюду, и паки снидеся гора велика льду стала и, дондеже уряженіе быть, азъ сталъ на обычномъ мѣстѣ и, на востокъ зря, поклонихся дважды или трижды, призывая имя господне краткими глаголы изъ глубины сердца. Оставилъ мнѣ Богъ прорубку маленьку и я, падше, насытился; и плачу и радуюся, благодаря Бога; потомъ и пролубка содвигнулася, и я, возставъ, поклоняся Господеви, паки побѣжалъ по льду, куда мнѣ надобѣ къ дѣтямъ. Да и въ прочіи времена въ волокидѣ моей такъ часто у меня бывало. Идучи или парту волоку, или рыбу промышляю, или въ лѣсу дрова сѣку, или ино что творю, и самъ правило въ тѣ поры говорю, вечерню и заутреню или часы,— что прилучится; — а буде въ людехъ бываетъ неизворотно и станемъ на стану, а не по мнѣ товарищи, правила моего не любятъ, и, идучи, мнѣ нельзя было исполнить: и я, отступя людей, подъ гору или въ лѣсъ, коротенько сдѣлаю: побьюся головою о землю, а иное и заплачется, да такъ и обѣдаю. А буде же по мнѣ люди, и я на сошкѣ складеньки поставлю, правильца поговорю, иные со мною молятся, а иные кашку варятъ; и въ санахъ ѣдучи, въ воскресные дни, на подворь-

яхъ всю церковную службу пою; и въ рядовые дни, въ сапяхъ ѣдучи, пою; а бывало и въ воскресные дни, ѣдучи, пою. Егда гораздо неизворотно, и я хотя немножко а таки поворчу; якоже тѣло алчуще желаетъ ясти и жаждуще желаетъ пити: тако и душа, отче мой Епифаніе, брашна духовнаго желаетъ, не гладъ хлѣба, ни жажда воды погубляетъ человѣка, но гладъ велій человѣку, еже, Богу не моляся, жити.

Бывало, отче, въ Даурской землѣ,—аще не соскучите послушать съ рабомъ тѣмъ христовымъ, азъ грѣшный и то возвѣщу вамъ,—отъ немощи и отъ глада великаго изнемогъ въ правилѣ своемъ; всего мало стало, токмо павечерные псалмы да полунощницу, да часъ первый, а больше того ничего стало; такъ, что скотинка, волочусь; оправилѣ томъ тужу, а принять его не могу, а се уже и ослабѣлъ. И нѣкогда ходилъ въ лѣсъ по дрова, и безъ меня жена моя и дѣти, сидя на землѣ у огня, дочь съ матерію обѣ плачутъ; Аграфена, бѣдная моя горемыка, была еще не велика тогда. Я пришелъ изъ лѣсу; зѣло ребенокъ рыдаетъ; связавшуся языку его, ничего не промолвитъ, мычитъ къ матери, сидя; мать, на нее глядя, плачетъ; и я отдохнулъ и съ молитвою приступивъ къ робяти, реклъ: «О имени господни повелѣваю ти,—говори со мною, о чемъ плачешь!» Она же, вскоча и поклоняся, ясно заговорила: «Не знаю кто, батюшко государь, во мнѣ сидя, свѣтленекъ, за язык-отъ держалъ меня и съ матушкою не далъ говорить; я того для плакала, а мнѣ онъ говоритъ: ««скажи отцу, чтобы онъ правило по прежнему правилъ, такъ на Русь всѣ опять выѣдете; и буде правила не станетъ править, о немъже онъ и самъ промышляетъ, то здѣсь всѣ умрете и онъ съ вами же умретъ.»» Да иное кое что въ тѣ поры ей сказано было, какъ указъ по насъ будетъ, и сколько друзей первыхъ на Руси наѣдемъ: все такъ и сбылося. Мнѣ Пашкову... говорить, чтобъ и онъ вечерни и заутрени пѣлъ, такъ Богъ ведро дастъ и хлѣбъ родится, а то были дожди безпрестанно. ячменцу было сѣяно небольшое мѣсто за день или за два до Петрова дня, тотъ часъ выросъ, да и сгнилъ было отъ дождевъ. Я ему про вечерни и заутрени сказалъ, онъ и сталъ такъ дѣлать; Богъ ведро далъ и хлѣбъ тотъ часъ поспѣлъ. Чудо таки! Сѣянъ поздно,

а поспѣлъ рано! Да и паки бѣдный коварничать сталъ о божіемъ дѣлѣ: на другой годъ посѣялъ было много, да дождь необыченъ изліяся и вода изъ рѣки выступила и потопила ниву да и все размыла, и жилища наша размыла; а до того николи вода тутъ не бывала, а иноземцы дивятся. Вижь: какъ поругалъ дѣло божіе и пошелъ страною, такъ и Богъ къ нему страннымъ гнѣвомъ, сталъ смѣяться первому тому извѣщенію. Напослѣдокъ ребенокъ-де ѣсть захотѣлъ и такъ плакалъ, и я су съ тѣхъ мѣстъ за правило схватился да и по ся мѣстъ тянусь по маленьку. Полно о томъ бесѣдовать, на первое возвратимся. Намъ надо бы вся сія помнить и не забывать: всякое дѣло божіе не класть въ небреженіе и просто, и не мѣнять на прелесть сего суетнаго вѣка.

Паки реку московское дѣло. Видятъ они, что я не соединяюся съ ними; приказалъ Государь уговаривать мене Родіону Стрѣшневу, чтобы я молчалъ. И я потѣшилъ его: Царь то есть отъ Бога учиненъ и добренекъ до мене. Чаялъ либо по маленьку и справиться, а се посулили мнѣ Симеонова дни сѣсть на печатномъ дворѣ, книги править и я радъ сильно: мнѣ то надобно лучше и духовничества. Пожаловалъ, ко мнѣ прислалъ 10 рублевъ денегъ, царица 10 рублевъ денегъ, Лука, духовникъ, 10 рублевъ же, Родіонъ Стрѣшневъ 10 рублевъ же, а дружище наше старое Ѳеодоръ Ртищевъ тотъ и 60 рублевъ казначею своему велѣлъ въ шапку мнѣ сунуть, а про иныхъ нечего и сказывать! Всякъ тащитъ да несетъ всячиною. У свѣта моей и Ѳедосьи Прокофьевны Морозовы не выходя жилъ во дворѣ, понеже дочь мнѣ духовная; и сестра ея, княгиня Евдокія Прокофьевна дочь же моя. Свѣты мои, мученицы христовы! И у Анны Петровны Милославскія покойницы всегда же въ дому былъ; и къ Ѳеодору Ртищеву браниться съ отступниками ходилъ, да такъ то съ полгода жилъ. Да вижу, яко церковное ничтоже успѣваетъ, но паче молва бываетъ,—паки заворчалъ, написалъ царю многонько паки, чтобъ онъ старое благочестье взыскалъ и мати нашу общую, святую церковь, отъ ереси оборонилъ и на престолъ бы патріаршескій пастыря православнаго учинилъ вмѣсто волка и отступника, Никона, злодѣя и еретика. И егда письмо изготовилъ, занемоглось мнѣ гораздо; и я вы-

слалъ царю на переѣздѣ съ сыномъ своимъ духовнымъ, съ Ѳеодоромъ Юродивымъ, — что послѣ отступники удавили его Ѳеодора на Мезени, повѣся его на висѣлицу.—Онъ же съ письмомъ приступилъ къ царевѣ каретѣ со дерзновеніемъ, и царь велѣлъ его посадить и съ письмомъ подъ красное крыльцо: не вѣдалъ, что мое. А опосля, взявши у него письмо, велѣлъ его отпустить; и онъ покойникъ, побывавъ у меня, паки, въ церковь предъ царя пришедъ, училъ юродствомъ шаловать. Царь же, осердясь, велѣлъ въ Чудовъ монастырь отослать. Тамъ Павелъ архимандритъ и желѣза на него положилъ, и божіею волею желѣза распалися на ногахъ предъ людьми; онъ же, покойникъ свѣтъ, въ хлѣбнѣ той послѣ хлѣбовъ въ жаркую печь влѣзъ и голымъ гузномъ сѣлъ на подъ и, крошки въ печи собираючи, ястъ: такъ черницы ужаснулися и архимандриту сказали, что нынѣ Павелъ митрополитъ. Онъ же и царю возвѣстилъ, и царь, пришедъ въ монастырь, честно велѣлъ его отпустить. Опъ же паки ко мнѣ пришелъ, и съ тѣхъ мѣстъ царь на меня кручиноватъ сталъ: не любо стало, какъ опять сталъ я говорить; любо имъ, какъ молчу, да мнѣ такъ не сошлось. И власти яко козлы пырскать стали на меня и умыслили паки сослать меня съ Москвы, понеже ради Христа многіе приходили ко мнѣ и, уразумѣвше истину, не стали къ прелестной службѣ ихъ ходить. И мнѣ отъ царя выговоръ былъ: «власти-де на тебя жалуются, церкви-де ты запустошилъ: поѣдь-де въ ссылку опять»—сказывалъ боярипъ Петръ Михайловичь Салтыковъ. Да и повезли на Мезень; надавали было кое что во имя христово люди добрые много, да и все осталося тутъ; токмо съ женою и съ дѣтьми и съ домочадцы повезли. По городамъ паки людей божіихъ училъ и ихъ, пестрообразныхъ звѣрей, обличалъ. И привезли на Мезень. Полтора года державъ, паки одного къ Москвѣ взяли да два сына со мною Иванъ да Прокопій, съѣхали же, а протопопица и прочіи на Мезени остался всѣ. А привезши къ Москвѣ, отвезли подъ начальъ въ Пафнутьевъ монастырь; и туда присылка была, тоже да тоже говорятъ: «долго ли тебѣ мучить насъ? соединись съ нами, Аввакумушко!» Я отрицался, что отъ бѣсовъ, а они лѣзутъ въ глаза; сказку имъ тутъ съ бранью большою

написалъ и послалъ съ діакономъ ярославскимъ съ Косьмою и съ подьячимъ двора патріарша. Козма той,—не знаю, коего духа человѣкъ,—въ явѣ уговариваетъ, а втай подкрѣпляетъ меня, сице говоря: «Протопопъ! не отступай ты стараго того благочестія; великъ ты будешь у Христа человѣкъ, какъ до конца претерпишь; не гляди на насъ, что погибаемъ мы». И я ему говорилъ супротивъ, чтобъ онъ паки приступилъ ко Христу; и онъ говорилъ: «нельзя! Никонъ опуталъ меня»;— просто молвить, отрекся предъ Никономъ Христа, такъ уже бѣдной не можетъ встать. Я заплакалъ, благословилъ его горюна, больше того мнѣ нечего съ нимъ дѣлать; вѣдаетъ то Богъ, что будетъ ему.

Таже, прожившъ 10 недѣль въ Пафнутьевѣ на печи, взяли меня паки на Москву и въ крестовой стяжашася власти со мною: ввели меня въ соборный храмъ и стригли по переносѣ меня и діакона Ѳеодора, потомъ опроклинали, а я ихъ проклиналъ супротивъ: зѣло было ми тяжко въ обѣдню ту. И, подержавъ на патріарховѣ дворѣ, повезли насъ ночью на Угрѣшу, къ Николѣ въ монастырь. И бороду враги божіи отрѣзали у меня; чему быть? волки то есть: не жалѣютъ овецъ, оборвали, что собаки, одинъ хохолъ оставили, что у Поляка на лбу. Везли не дорогою въ монастырь, болотами да грязью, чтобъ люди не вѣдали: сами видятъ, что дуруютъ, а отстать отъ дурна не хотятъ; омрачилъ діаволъ: что на нихъ и пѣнять? Не имъ было, а быть же было имъ; писанное время пришло по Евангелію: *Нужда соблазномъ пріити*, а другой глаголетъ Евангелистъ: *Невозможно соблазномъ не пріити; но горе тому, имъ же приходитъ соблазнъ*. Виждь, слышателю: необходимая наша бѣда, невозможно миновать! Сего ради соблазны попущаетъ Богъ, даже избранніи будутъ, даже разжегутся, даже убѣлятся, даже искуснїи явлени будутъ въ васъ. Выпросилъ у Бога свѣтлую Россію сатана, да очервленитъ ю кровію мученическою. Добро ты, діаволъ, выдумалъ, и намъ то любо Христа ради, нашего свѣта, пострадать.

Держали меня у Николы въ студеной палаткѣ 17 недѣль. Тутъ мнѣ божіе присѣщеніе быстъ; что въ царевѣ посланіи, тамо обрящеши. И царь приходилъ въ монастырь, около темницы моея походилъ и, постоявъ, опять пошелъ изъ монас-

тыря; кажется по тому, и жаль ему меня, да что воля божія такъ лежитъ. Какъ стригли, въ то время великое нестроеніе вверху у нихъ бысть съ царицею съ покойницею: она за насъ стояла въ то время, миленькая, и отъ казни отпросила меня; о томъ много говорить: Богъ ихъ проститъ! Я своего мученія на нихъ не спрашиваю ни въ будущій вѣкъ, молитися мнѣ подобаетъ о нихъ о живыхъ и о преставльшихся; діаволъ между нами разсѣченіе положилъ, а они всегда добры до меня. Полно того.

И Воротынской бѣдной князь Иванъ тутъ же безъ царя молиться пріѣзжалъ и ко мнѣ просился въ темницу; но не пустили горюна; я лишь, въ окно глядя, поплакалъ на него; миленькой мой боится Бога, сиротинка христова: не покинетъ его Христосъ. Всегда таки онъ христовъ да нашъ человѣкъ и всѣ бояра те до насъ добры, одинъ діаволъ лихъ, что вѣть сдѣлаешь, коли Христосъ попустилъ? Князя Ивана миленькаго Хованскаго и батожьемъ били, какъ Исаію сожгли, а боярыню ту Ѳедосью Морозову и совсѣмъ разорили, и сына у нея уморили и ее мучатъ, и сестру ея Евдокію, бивше батогами, и отъ дѣтей отлучили и съ мужемъ развели; и его князя Петра Урусова на другой-де женили, да что вѣть дѣлать? Пускай ихъ миленькихъ мучатъ; небеснаго жениха достигнутъ; всяко то Богъ перепроводитъ вѣкъ сей суетный и присвоитъ къ себѣ женихъ въ небесный чертогъ свой, праведное солнце, свѣтъ, упованіе наше! Паки на первое возвратимся.

По семъ свезли меня паки въ монастырь Пафнутьевъ и тамъ, заперши въ темную палатку, скованна, держали годъ безъ мала. Тутъ келарь Никодимъ сперва добръ до меня былъ, а бѣдной больше тогоже табаку испилъ, что у Газскаго митрополита выняли напослѣдокъ 60 пудовъ да домру, да иныя тайныя монастырскія вещи, что пограбивше творятъ; согрѣшилъ, простите, не мое то дѣло, то вѣдаетъ онъ, своему владыкѣ стоитъ или падаетъ. Къ слову молвилось то. У нихъ были любимые законоучители; у сего келаря Никодима попросился я на великъ день для праздника отдохнуть, чтобъ велѣлъ, дверей отворя, на порогѣ посидѣть; и онъ меня наругалъ и отказалъ жестоко, какъ ему захотѣлось. И потомъ въ келію пришелъ, разболѣлся, масломъ соборовали и

причащали и тогда сегда вздохнетъ. То было въ понедѣльникъ свѣтлой и противъ въ нощи вторника пріиде къ нему мужъ во образѣ моемъ, съ кадиломъ въ ризахъ свѣтлыхъ и, покадивъ его и за руку взявъ, воздвигнулъ и бысть здравъ. И притече ко мнѣ съ келейникомъ ночью въ темницу. Идучи, говоритъ: «Блаженна обитель: таковыя имѣетъ темницы! блаженна темница: таковыхъ имѣетъ страдальцевъ! блаженны и узы!» И палъ предо мною, ухватился за чепь и говоритъ: «прости, Господа ради; прости, согрѣшилъ предъ Богомъ и предъ тобою: оскорбилъ тебя и за сіе наказа мя Богъ.» И я говорю: «Какъ наказалъ? повѣждь ми.» И онъ паки: «И ты де самъ, приходя и покадя меня, пожаловалъ и поднялъ, что де запираешься.» А келейникъ, тутъ же стоя, говоритъ: «Я, батюшко государь, тебя подъ руку вывелъ изъ кельи да и поклонился тебѣ; ты и пошелъ сюда.» А я ему заказалъ, чтобъ людямъ не сказывалъ о тайнѣ сей. Онъ же со мною спрашивался, какъ ему жить впредь по Христѣ: или де мнѣ велишь въ пустыню идти? Азъ же его, понаказавъ, и не велѣлъ ему келарства покидать, токмо бы хотя втай держалъ старое преданіе отеческое. Онъ же, поклонясь, отъиде къ себѣ и на утро за трапезою всей братіи сказалъ. Людіе же безпрестанно и дерзновенно ко мнѣ побрели, просяще благословенія и молитвы отъ меня; а я ихъ учу отъ писанія и пользую словомъ божіимъ; въ тѣ времена и врази кои были, и тѣ примирилися тутъ. Увы! коли оставлю суетный сей вѣкъ? Писано: «*Горе ему же рекутъ добре вси человѣцы;*» воистину не знаю, какъ до краю доживать, добрыхъ дѣлъ нѣтъ, а прославилъ Богъ; то вѣдастъ Онъ, воля Его.

Тутъ же пріѣзжалъ ко мнѣ втай съ дѣтьми своими Ѳеодоръ покойникъ, удавленой мой и спрашивался со мною: «какъ де прикажешь мнѣ ходить, въ рубашкѣ ли по старому или въ платье облещися? Еретики де ищутъ, погубить меня хотятъ. Былъ-де я на Рязани подъ началомъ у архіепископа на дворѣ и зѣло де онъ Иларіонъ, мучилъ меня: рѣдкой день коль плетьми не бьетъ, и скована въ желѣзахъ держалъ, принуждая къ новому антихристову таинству; и я де уже изнемогъ, въ нощи моляся, плачу, говорю: «Господи! аще не избавишь мя, осквернятъ меня и погибну; что тогда мнѣ сотворить!»

и много плачучи говорилъ; а и де вдругъ, батюшко, желѣза всѣ грянули съ меня и дверь и отперлась и отворилась сама. Я де, Богу поклонясь, да и пошелъ; къ воротамъ пришелъ, и ворота отворены; я де по большой дорогѣ къ Москвѣ напрямикъ; егда де разсвѣтало, ино погоня на лошадяхъ, трое человѣкъ мимо меня пробѣжали, не увидѣли меня; я де падѣюсь на Христа, бреду таки впередъ; по малѣ-де они ѣдутъ на встрѣчу ко мнѣ, лаютъ меня: «ушелъ-де блядинъ сынъ, гдѣ его возьмешь?» Да и опять-де проѣхали, не видали меня. И я де нынѣ къ тебѣ спроситься прибрелъ, туда ль мнѣ опять научиться пойти или, платье вздѣвъ, жить на Москвѣ?» И я ему, грѣшной, велѣлъ вздѣть платье и однако не ухоронилъ отъ еретическихъ рукъ,—удавили на Мезени, повѣся на висѣлицу. Вѣчная ему память и съ Лукою Лаврентьевичемъ! Дѣтушки миленькіе мои! пострадали за Христа: слава Богу о гнхъ! Зѣло у Ѳеодора того крѣпокъ подвигъ былъ; въ день юродствуетъ, а нощь всю на молитвѣ со слезами; много добрыхъ людей знаю, а не видалъ подвижника. Пожилъ у меня съ полгода на Москвѣ, а мнѣ еще не моглося,—въ задней комнатѣ двое насъ съ нимъ: и много часъ другой полежитъ да и встанетъ, тысячу поклоновъ отбросаетъ да сядетъ на полу, а иное стоя, часа съ три плачетъ, а я таки лежу, иное сплю, а иное не можется; егда ужъ наплачется гораздо, тогда ко мнѣ приступитъ: «долго ли тебѣ, протопопъ, лежать того? образумься, вѣдь ты попъ: какъ сорома нѣтъ?» И мнѣ не можется, такъ меня подымаетъ, говоря: «встань, миленькой батюшко!» Ну таки вытащитъ какъ нибудь меня; сидя, мнѣ молитвы велитъ говорить, а онъ за меня поклоны кладетъ: то-то другъ мой сердечной былъ! Скорбенъ миленькой былъ съ перетуги великія: черевъ изъ него вышло въ одну пору три аршина, а въ другую пору пять аршинъ, а кишки перемѣряетъ: и смѣхъ съ нимъ и горе! На Устюгѣ 5 лѣтъ безпрестанно мерзъ на морозѣ босъ, въ одной рубашкѣ,—я самъ сему самовидецъ. Тутъ мнѣ учинился сынъ духовной: какъ я изъ Сибири ѣхалъ, у церкви въ палатку прибѣгалъ, молитвы ради, сказывалъ: «какъ де отъ мороза въ теплѣ томъ станешь, батюшко, отходитъ, зѣло-де въ тѣ поры тяжко бываетъ; по кирпичью тому ногами тѣми стукаетъ, что каганъ-

емъ; а на утро опять не болятъ.» Псалтырь у него тогда была новыхъ печатей въ кельѣ, маленько еще зналъ о новизнахъ. И я ему подробно разсказалъ про новыя книги; онъ же, схвативъ книгу, тотъ часъ въ печь кинулъ, да и проклялъ всю новизну: зѣло у него во Христа вѣра горяча была; да что много говорить? какъ началъ, такъ и кончалъ; не на баснѣхъ проходилъ подвигъ, не какъ я окаянный, того ради и скончался боголѣпнѣ.

Хорошъ былъ и Аѳанасьюшко, сынъ же мнѣ духовный, во иноцѣхъ Авраамій, что отступники на Москвѣ въ огнѣ испекли, и яко хлѣбъ сладокъ принесеся святѣй Троицѣ. До иночества бродилъ босикомъ же въ одной рубашкѣ и зиму и лѣто, только сей Ѳеодора посмирнѣе и въ подвигѣ маленько покороче. Плакать зѣло же былъ охотникъ: и ходитъ и плачетъ, и съ кѣмъ молвитъ, у него слово тихо и сладко, яко плачетъ. Ѳеодоръ же ревнивъ гораздо былъ и зѣло о дѣлѣ божіи болѣзненъ: всяко тщится разорити и обличити неправду; да пускай ихъ! Какъ жили, такъ скончалися, о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ. Еще вамъ побесѣдую о своей волокитнѣ. Какъ привезли меня изъ монастыря Пафнутьева къ Москвѣ и поставили на подворьѣ, и волоча многажды въ Чудовъ поставили предъ вселенскихъ патріарховъ и наши всѣ тутъ же, что лисы, сидѣли; отъ писанія съ патріархами говорилъ много, Богъ отверзъ грѣшныя мои уста и посрамилъ ихъ Христосъ. Послѣднее слово ко мнѣ рекли: «что де ты упрямъ; вся де наша Палестина, и Серби, и Албансы, и Волохи, и Римляне, и Лахи, всѣ де тремя персты крестятся; одинъ де ты стоишь на своемъ упорствѣ и крестишься двѣмъ персты; такъ не подобаетъ.» И я имъ о Христѣ отвѣщалъ сице: «Вселенстіи учителіе! Римъ давно упалъ и лежитъ невосклонно и Лахи съ нимъ же погибли, до конца враги быта христіаномъ; и у васъ православіе пестро; отъ насилія Турскаго Магмета, немощни есте стали; и впредь пріѣзжайте къ намъ учиться; у насъ божіею благодатію самодержство, до Никона отступника въ нашей Россіи у благочестивыхъ князей и царей все было православіе чисто и непорочно и церковь не мятежна. Никонъ волкъ съ діаволомъ предали тремя персты креститься, а первые наши пастыри, яко же сами двѣма персты крестились и

благословляли по преданію святыхъ отецъ нашихъ Мелетія Антіохійскаго, Ѳеодорита, блаженнаго епископа Кипрскаго, Петра Дамаскина и Максима Грека; еще же и московскій помѣстный бывый соборъ при царѣ Иванѣ, такъ же слагая персты, креститися и благословляти повелѣваетъ, яко же прежніи святіи отцы Мелетій и прочіи научиша. Тогда при царѣ Иванѣ быша знаменоносцы Гуріе и Варсонофіе, казанскіе чудотворцы, и Филиппъ, соловецкій игуменъ, отъ святыхъ русскихъ.» —И патріархи задумалися и наши, что волченки, завыли, облевать стали на отцевъ своихъ, говоря: «глупы де были и не смыслили наши русскіе святые; неученые де люди были: чему имъ вѣрить? они де грамотѣ неумѣли!» О Боже святый! како претерпѣ святыхъ своихъ толикая досажденія? Мнѣ бѣдному горько, а дѣлать нечего стало: побранилъ ихъ, сколько могъ и послѣднее слово рекъ: «Чистъ есмь азъ и прахъ, прилѣпшій, отъ ногъ своихъ отрясаю предъ вами, по писанному: *лучше единъ творяй волю Божію, нежели тьмы беззаконныхъ.*» Такъ на меня и пуще закричали: «возьми, возьми его: всѣхъ насъ обезчестилъ;» да толкать и бить меня стали. И патріархи сами на меня бросились, человѣкъ съ 40 ихъ, чаю, было,—велико антихристово войско собралося. Ухватилъ меня Иванъ Уваровъ, да потащилъ, и я закричалъ: «Постойте, не бейте!» Такъ они всѣ отскочили и я толмачу архимандриту говорить сталъ: «Говори патріархомъ: Апостолъ Павелъ пишетъ: *таковъ намъ подобаше архіерей преподобенъ, незлобивъ и проч* .., а вы, убивши человѣка, какъ литоргисать станете?» Такъ они сѣли; я отшелъ ко дверямъ да на бокъ повалился: «посидите вы, а я полежу»: говорю имъ. Такъ они смѣются: «дуракъ де протопопъ и патріарховъ не почитаетъ;» а я говорю: «мы уроди Христа ради; вы славни, мы же безчестни; вы сильны, мы же немощны.» Потомъ паки пришли ко мнѣ власти и про аллилуіа стали говорить со мною, и мнѣ Христосъ подалъ, посрамилъ въ нихъ римскую ту блядь Діонисіемъ Ареопагитомъ, какъ выше сего въ началѣ речено. И Ефимей, чудовской келарь, молвилъ: «Правъ де ты, нечего де намъ больше того говорить съ тобою;» да и повели меня на цепь; потомъ полуголову царь прислалъ со стрѣльцами и повели меня на Воробьевы горы.

Тутъ же священникъ Лазарь и инокъ Епифаній старецъ острижены и обруганы что мужички деревенскіе, миленькіе! умному человѣку поглядѣть, да лишь заплакать, на нихъ гляда; да пускай они терпятъ! что о нихъ тужить? Христосъ и лучше ихъ былъ да тоже ему свѣту нашему было отъ прадѣдковъ ихъ, отъ Анны и Каіафы; а нынѣшнихъ и дивить нечего: съ образца дѣлаютъ; потужить надобно о нихъ бѣдныхъ! Увы бѣдные Никоніане! погибнете отъ своего злаго и непокориваго права!

Потомъ съ Воробьевыхъ горъ перевели насъ на Андреевское подворье, таже въ Савину слободку; что за разбойниками стрѣльцовъ войско за нами ходитъ и срать провожаютъ; и смѣхъ и горе, какъ то омрачилъ діаволъ!

Таже къ Николѣ на Угрѣшу; тутъ государь присылалъ ко мнѣ голову Юрья Лутохина, благословенія ради, и кое о чемъ много говорили. Таже опять ввезли насъ въ Москву, на Никольское подворье и взяли у насъ о правовѣріи еще сказки; потомъ ко мнѣ комнатные люди многажды присыланы были, Артемонъ и Дементій,—и говорили мнѣ царевымъ глаголомъ: «Протопопъ! вѣдаю де я твое чистое и непорочное и богоподражательное житіе; прошу де твоего благословенія и съ царицею и съ чады: помолися о насъ»: —кланяючися, посланникъ говоритъ, и по немъ всегда плачу; жаль мнѣ сильно его, и паки онъ же: «пожалуй де, послушай меня; соединись со вселенскими тѣми, хотя не большимъ чѣмъ.» И я говорю: «аще и умрети ми Богъ изволитъ, со отступниками не соединюся. Ты, —реку, — мой царь, а имъ до тебя какое дѣло? своего,— реку,—царя потеряли, и тебя проглотить сюды приволокися. Я,—реку,—не сведу съ высоты небесныя рукъ, дондеже Богъ тебя отдастъ мнѣ.» И много тѣхъ присылокъ было кое о чемъ говорено; послѣднее слово рекъ: «гдѣ де ты не будешь, не забывай насъ въ молитвахъ своихъ.» Я и нынѣ, грѣшный, елико могу, Бога молю о немъ. Таже, братію казня, а меня не казня, сослали въ Пустозерье. И я изъ Пустозерья послалъ къ Царю два посланія, первое невелико, а другое больше; кое о чемъ говорилъ, сказалъ ему въ посланіи и богознаменія нѣкая, показанная мнѣ въ темницахъ; тамо чтый да разумѣетъ. Еще отъ меня и отъ братіи діаконово списаніе послано

въ Москву, правовѣрнымъ гостинца: книга *отвѣтъ православнымъ* и обличеніе на отступническую блудню; писана въ ней правда о догматѣхъ церковныхъ. Еще же и отъ Лазаря священника посланы два посланія царю и патріарху, и за вся сія присланы къ намъ гостинцы.

Повѣсили на Мезени въ дому моемъ двухъ человѣкъ, дѣтей моихъ духовныхъ, прежде реченнаго Ѳеодора Юродиваго да Луку Лаврентьевича, рабовъ христовыхъ. Лука то московскій жилецъ, у матери вдовы сынъ былъ единочаденъ, усмарь чиномъ, юноша лѣтъ въ полтретьядцать: пріѣхалъ на Мезень по смерть съ дѣтьми моими. И егда быть въ дому моемъ всегубительство, вопросилъ его пилатъ: «Какъ ты мужикъ крестишься?» Онъ же отвѣща смиренномудро: «Я такъ вѣрую и крещуся, слагая персты, какъ отецъ мой духовный, протопопъ Аввакумъ!» Пилатъ же повелѣ его въ темницу затворити, потомъ положи петлю на шею, на ремѣхъ повѣсилъ. Онъ же отъ земныхъ на небесная впидо; больше того что ему могутъ сдѣлать? Аще и младъ, да по старому сдѣлалъ, пошелъ самъ ко Владыцѣ. Хотя бы и старой такъ догадался!

Въ тѣ же поры и сыновъ моихъ родныхъ двоихъ, Ивана и Прокопія, велѣно же повѣсить; да они бѣдные оплошали и не догагались вѣнцевъ побѣдныхъ ухватити; испугався смерти, повинились, такъ ихъ и съ матерію троихъ въ землю живыхъ закопали. Вотъ вамъ и безъ смерти смерть! Кайтеся, сидя, дондеже діаволъ иное что умыслитъ! Страшна смерть, недивно! Нѣкогда и другъ ближній Петръ отрекся и, исшедъ вонъ, плакася горько, и слезъ ради прощенъ бысть; а на робятъ и дивить нечего; моего ради согрѣшенія попущено имъ изнеможеніе; да уже добро! быть тому такъ! Силенъ Христосъ всѣхъ насъ спасти и помиловати!

По семъ той же полуголова Иванъ Елагинъ былъ и у насъ въ Пустозерьѣ; пріѣхавъ съ Мезени, и взялъ у насъ сказку; сице речено: *годъ и мѣсяцъ* и паки: «мы святыхъ отецъ преданіе держимъ неизмѣнно, а палестинскаго патріарха съ товарищи еретическое соборище проклинаемъ», и иное тамъ говорено многонько и Никону, заводчику ересемъ, досталось небольшое мѣсто. По семъ привели насъ къ плахѣ, и, прочетъ, *назадъ меня* отвели, не казня въ темницу. Чли въ наказѣ:

«Аввакума посадить въ землю въ срубѣ и давать ему воды и хлѣба». И я супротивъ того плюнулъ и умереть хотѣлъ, не ядше, и не ялъ дней съ осмь и больше, да братія паки ясть велѣли.

По семъ Лазаря священника взяли и языкъ весь вырѣзали изъ горла; мало пошло крови да и перестала. Онъ же и паки говоритъ безъ языка; таже, положа правую руку на плаху, по запястье отсѣкли и рука отсѣченная, на земли лежа, сложила сама персты по преданію и долго лежала такъ предъ народы, исповѣдала бѣдная и по смерти знаменіе спасителево неизмѣнно. Мнѣ су и самому сіе чудно! бездушная одушевленныхъ обличаетъ. Я на третій день у него во ртѣ рукою моею щупалъ и гладилъ: гладко все; безъ языка, а не болитъ. Далъ Богъ по временнѣ часѣ исцѣлѣло; на Москвѣ у него рѣзали, тогда осталось языка, а нынѣ весь безъ остатку рѣзанъ. А говорилъ два года чисто, яко и съ языкомъ; егда исполнилися два года, иное чудо: въ три дня у него языкъ выросъ совершенной, лишь маленько тупенекъ и паки говоритъ безпрестанно, хваля Бога и отступниковъ порицая.

По семъ взяли священника пустынника, инока схимника, Епифанія старца и языкъ вырѣзали весь же; у руки отсѣкли четыре перста. И сперва говорилъ гугниво, по семъ молилъ пречистую Богоматерь и показаны ему оба языка московскій и здѣшній на воздухѣ: онъ же, одинъ взявъ, положилъ въ ротъ свой и съ тѣхъ мѣстъ сталъ говорить чисто и ясно, а языкъ совершенъ обретеся во ртѣ. Дивна дѣла господня и неизрѣченны судьбы Владыки! И казнить попускаетъ и паки цѣлитъ и милуетъ! Да что много говорить? Богъ старый чудотворецъ, отъ небытія въ бытіе приводитъ, восе вѣть въ день послѣдній всю плоть человѣчу въ мгновеніи ока воскреситъ, да кто о томъ разсудити можетъ, Богъ бо то есть: новое творитъ и старое поновляетъ. Слава ему о всемъ!

По семъ взяли діакона Ѳеодора: языкъ вырѣзали весь же, оставили кусочикъ небольшой во ртѣ, въ горлѣ накось рѣзанъ; тогда на той мѣрѣ и зажилъ, а опослѣ и опять со старой выросъ, изъ-за губы выходитъ, притупъ маленько. У него же отсѣкли руку поперекъ ладони и все, далъ Богъ, стало

здорово, и говоритъ ясно и чисто противъ прежняго. Также осыпали насъ землею, струбъ въ землѣ и паки около земли другой струбъ, и паки около всѣхъ общая ограда за четырьмя замками; стражіе же предъ дверьми стрежаху темницы. Мы же здѣсь и вездѣ, сидящіи въ темницахъ, поемъ предъ Владыкою Христомъ, Сыномъ божіимъ пѣснями, ихъ же Соломонъ воспѣ, зря на матерь Вирсавію: «*Се еси добра прекрасная моя; се еси добра любимая моя; очи твоя горятъ, яко пламень огня; зубы твои бѣлы, паче млека; зракъ лица твоего паче солнечныхъ лучь и вся въ красоть сіяешь, яко день въ силѣ своей.*» Таже поѣхалъ пилатъ отъ насъ; на Мезени достроя, возвратился въ Москву, и прочихъ нашихъ въ Москвѣ жарили да пекли: Исаію сожгли и послѣ Авраамія сожгли и иныхъ поборниковъ церковныхъ многое множество погублено, ихъ же число Богъ изочтетъ. Чудо! какъ то въ познаніе не хотятъ прійти: огнемъ, да кнутомъ да висѣлицею хотятъ вѣру утвердить! Которые то апостоли научили такъ? не знаю! Мой Христосъ не приказалъ нашимъ апостоламъ такъ учить, еже бы огнемъ да кнутомъ да висѣлицею въ вѣру приводить. Но Господемъ реченное ко Апостоламъ сице: *Шедше въ міръ весь проповѣдите Евангеліе всей твари; иже вѣру имѣтъ и крестится, спасенъ будетъ, а иже не имѣтъ вѣры, осужденъ будетъ.* Смотри, слышателю: волею зоветъ Христосъ, а не приказалъ апостоламъ непокоряющихся огнемъ жечь и на висѣлицѣ вѣшать. Татарской Богъ Магматъ написалъ въ своихъ книгахъ сице: «Непокоряющихся нашему преданію и закону повелѣваемъ главы ихъ мечемъ подклонити». А нашъ Христосъ своимъ ученикамъ никогда такъ не повелѣвалъ, а тѣ учители явны яко и сами антихристовы, которые, приводя въ вѣру, губятъ и смерти предаютъ: по вѣрѣ своей и дѣла творятъ таковыже. Писано во Евангеліи: *не можетъ древо добро плодъ зълъ творити, ниже древо зло плодъ добръ творити; отъ плода бо всяко древо познано бываетъ.* Да что много говорить? аще бы не были борцы, не бы даны были вѣнцы; кому охота вѣнчаться, не почто ходить въ Персиду, а то дома Вавилонъ. Нутко, правовѣрне! нарцы имя христово, стань среди Москвы, прекрестися знаменіемъ Спасителя нашего Христа двѣма персты, акоже пріахомъ отъ

святыхъ отецъ! Вотъ тебѣ царство небесное дома родилось: Богъ благословитъ, мучася за сложеніе перстъ; не разсуждай много, а я съ тобою за еже о Христѣ умрети готовъ. Аще я и несмыслепъ гораздо неученый человѣкъ, да то знаю, что вся церкви отъ святыхъ отецъ преданная свята и непорочна суть; держу до смерти, якоже пріяхъ; не прелагаю предѣлъ вѣчныхъ: до насъ положено, лежи оно такъ во вѣки вѣкомъ; не блюди еретикъ не токмо надъ жертвою христовою и надъ крестомъ, но и пелены не вѣшали(?) А то удумали со діаволомъ книги перепечатать, вся перемѣнить, крестъ на церкви и на просфорахъ перемѣнить; внутрь алтаря, молитвы іерейскія откинули; ектеніи перемѣнили, въ крещеніи духу лукавому молиться велятъ. Я бы имъ и съ нимъ въ глаза наплевалъ! И около купели противъ солнца лукавый то ихъ водитъ, также и церкви святятъ противъ солнца же и бракъ, вѣнчавъ, противъ солнца же водятъ: явно противно творятъ. А въ крещеніи не отрицаются сатаны; чему быть? дѣти его, коли отца своего отрицатися не хотятъ. Да что много говорить? охъ правовѣрной души! вся горная долу быша! Какъ говорилъ Никонъ, адовъ пёсъ, такъ и сдѣлалъ: «печатай, Арсеній, книги какъ-нибудь, лишь бы не по старому». Такъ су и сдѣлалъ да больше того нечѣмъ перемѣнить, умереть за сіе всякому подобаетъ. Будьте они прокляты окаянные, со всѣмъ лукавымъ замысломъ своимъ и страждущимъ отъ нихъ вѣчная память трижды! Но семъ у всякаго правовѣрнаго прощенія прошу: иное было кажется прожитіе то мнѣ не надобно и говорить, да прочтохъ дѣанія апостольская и посланія Павлова. Апостоли о себѣ возвѣщали же, егда что Богъ содѣлаетъ въ нихъ *не намъ, Богу нашему слава;* а я ничтоже есмь. Рекохъ и паки рекохъ: азъ есмь человѣкъ грѣшникъ, блудникъ и хищникъ, тать и убійца, другъ мытаремъ и грѣшникамъ, и всякому человѣку лицемѣръ окаянный; простите же и молитеся о мнѣ, а я о васъ долженъ о чтущихъ и послушающихъ, больше того; жить не умѣю, и что сдѣлаю я, то людямъ и сказываю; пускай Богу о мнѣ молятся, въ день вѣка вси же тамъ познаютъ содѣланная мною или благая или злая. Но аще и не ученъ словомъ, но не разумомъ; неученъ діалектикѣ, реторикѣ и философіи, а разумъ Христовъ въ себѣ имамъ,

якоже и Апостолъ глаголетъ: *аще и невѣжда словомъ, но не разумомъ.*

Простите, еще вамъ про невѣжество свое побесѣдую. Ей, сглупилъ, отца своего заповѣдь преступилъ и сего ради домъ мой наказанъ бысть, все Бога ради бысть. Егда еще я попомъ бысть, духовникъ царевъ протопопъ Стефанъ Вонифатьевичь благословилъ меня образомъ Филиппа, митрополита, да книгою святаго Ефрема Сирина, себя пользовать прочитая и люди. Азъ же окаянный, презрѣвъ отеческое благословеніе, и приказалъ ту книгу брату двоюродному, по докучаю его на лошадь промѣнялъ. У меня же въ дому былъ братъ мой родной, именемъ Еѵфимій: зѣло грамотѣ гораздъ и о церкви велико прилежаніе имѣлъ, напослѣдокъ взятъ былъ къ большой царевнѣ въ верхъ во псаломщика, а въ моръ и съ женою скончался. Сей Еѵфимій лошадь сію поилъ и кормилъ и гораздо объ ней прилежалъ, презирая правило многажды. И видѣ Богъ неправду въ насъ съ братомъ, — яко неправо по истинѣ ходимъ; я книгу промѣнялъ, отцеву заповѣдь преступилъ; а братъ, правило презирая, о скотинѣ прилежалъ, — изволилъ насъ Владыко сице наказать: и лошадь ту по ночамъ и въ день стали бѣси мучить, всегда мокра и заѣзжена и еле жива стала. Азъ же недоумѣюся, коея ради вины бѣсъ такъ озлобляетъ насъ. И въ день недѣльный послѣ ужина въ келейномъ правилѣ на полунощницѣ братъ мой Еѵфимій говорилъ кафизму непорочную и завопи великимъ гласомъ: «призри на мя и помилуй мя!» и испустя книгу изъ рукъ, ударился о землю; отъ бѣсовъ пораженъ бысть, начатъ кричать и вопить гласы неудобными: понеже бѣси жестоко начаша его мучити. Въ дому же моемъ, иные родные два брата, Косма и Герасимъ, больше его, и не могли удержать его, Еѵфимія, и всѣхъ домашнихъ человѣкъ съ 30, держа его, и рыдаютъ и плачутъ, вопіюще ко Владыкѣ: «Господи помилуй! согрѣшили предъ Тобою прогнѣвали Твою благостыню! прости насъ грѣшныхъ! помилуй юношу сего за молитвы святыхъ отецъ нашихъ!» Азъ же въ то время помощію божіею не смутихся отъ голки тоя бѣсовскія; скончавше правило, паки началъ молиться Христу и Богородицѣ со слезами, глаголя: «Владычице моя, Пресвятая Богородице! покажи, за которое мое согрѣшеніе таковое ми бысть

наказаніе, да, уразумѣвъ, каяся предъ сыномъ твоимъ и предъ тобою, впредь того не стану дѣлать.» И плачучи послалъ въ церковь по требникъ и святую воду сына своего духовнаго Сумеона,—юноша таковъ же, что и Еуфимій: лѣтъ 14 дружно межъ себя живуще Сумеонъ со Еуфиміемъ, книгами и правиломъ другъ друга подкрѣпляюще и веселящеся, живуще оба въ подвигѣ крѣпко въ постѣ и молитвѣ. Той же Сумеонъ плакавъ по другѣ своемъ, сходилъ въ церковь и принесъ книгу и святую воду. Азъ же начахъ дѣйствовать надъ обуреваемымъ молитвы Великаго Василія съ Сумеономъ; онъ мнѣ строилъ кадило и свѣщу, и воду святую подносилъ, а прочіи держали бѣснующагося. И егда въ молитвѣ рѣчь дошла: *азъ ти о имени Господни повельваю, душе нѣмый и глухій, изыди отъ созданія сего и къ тому не вниди въ него, но иди на пустое мѣсто, идѣже человѣкъ не живетъ; но токмо Богъ прозираетъ*,—бѣсъ же не слушаетъ, не идетъ изъ брата. И я паки туже рѣчь въ другой рядъ, и бѣсъ еще не слушаетъ, пуще мучитъ брата. Охъ! горе мнѣ! какъ молвить соромъ? и не смѣю и по старцеву Епифаніеву повелѣнію говорю; сице было: взялъ кадило и покадилъ образы и бѣснаго и потомъ ударился о лавку, рыдавъ на многъ часъ; возставъ же, туже Василіеву рѣчь закричалъ къ бѣсу: изыди отъ созданія сего! бѣсъ же скорчилъ въ кольце брата и, прижався изыде, и сѣлъ на окно. Братъ же, бывъ яко мертвъ, азъ же покропилъ его водою святою; онъ же, очнися, перстомъ мнѣ на бѣса, сидящаго на окнѣ, показуетъ, а самъ не говоритъ, связавшуся языку его; азъ же покропилъ водою окно и бѣсъ сошелъ въ жерновный уголъ. Братъ же и тамъ его показуетъ; азъ же и тамъ покропилъ водою, бѣсъ же оттолѣ пошелъ на печь. Братъ же и тамъ указуетъ, азъ же и тамъ тоюже водою, братъ же указалъ подъ печь и самъ перекрестился, и азъ не пошолъ за бѣсомъ, но напоихъ святою водою брата во имя господне. Онъ же, вздохня изъ глубины сердца, сице ко мнѣ проглагола: «спаси Богъ тебя, батюшко, что ты меня отнялъ у царевича и двухъ князей бѣсовскихъ! будетъ тебѣ бить челомъ братъ мой Аввакумъ за твою доброту да и мальчику тому, спаси Богъ, который въ церковь по книгу и по воду ходилъ, пособлялъ тебѣ биться

съ ними, подобіемъ онъ, что и Симеонъ же другъ мой, подлѣ рѣки Сундовика меня водили и били и сами говорятъ: намъде ты отдалъ за то, что братъ твой Аввакумъ на лошадь промѣнялъ книгу и де ее любитъ, такъ де мнѣ надобѣ брату поговорить, чтобъ книгу ту назадъ взялъ и за нее бы далъ деньги двоюродному брату». И я ему говорю: «я реку свѣтъ, братъ твой Аввакумъ». И онъ мнѣ отвѣщалъ: «какой ты мнѣ братъ, ты мнѣ батько; отнялъ ты меня у царевича и у князей, а братъ мой на Лопатищахъ живетъ, будетъ тебѣ бить челомъ.» Азъ же паки далъ ему святыя воды, онъ же [illegible] судно у меня отнимаетъ и я ополоскалъ и давать сталъ; [illegible]ъ и не сталъ пить, почь всю зимнюю простряпалъ. Маленько я съ нимъ полежалъ и пошелъ въ церковь заутреню пѣть; [illegible]ъ меня бѣси паки на него напали, но легче прежняго. [illegible] же, пришедъ отъ церкви, масломъ его посвятилъ и [illegible] бѣси отъидоша, и умъ цѣлъ сталъ; но дряхлъ быть, о[illegible]совъ изломанъ: на печь поглядываетъ и оттолѣ боится, [illegible] куда отлучуся, и бѣсы павѣтовать ему станутъ. Бился я съ бѣсами, что съ собаками, недѣли съ три за грѣхъ [illegible]идеже взялъ книгу и деньги за нея отдалъ и сходилъ къ [illegible]угу своему, Иларіону игумену; онъ просвиру вынулъ за брата, тогда добро жилъ, что нынѣ архіепископъ рязанской, мучитель сталъ христіанской;[1] нынѣ духовнымъ я билъ челомъ о братѣ и умолили Бога о насъ грѣшныхъ и свобожденъ бысть отъ бѣсовъ братъ мой. Таково-то зло преступленіе заповѣди отеческой! Что же будетъ за преступленіе заповѣди господня? Охъ! да только огонь да муки; не знаю, дни коротать какъ. Слабоуміемъ объятъ и лицемѣріемъ и лжею покрытъ есмь; братоненавидѣніемъ и самолюбіемъ одѣянъ; во осужденіи всѣхъ человѣкъ погибаю и, мняся нѣчто быти я, калъ и гной есмь окаянный, прямое говно, отвсюду воняю душею и тѣломъ; хорошо мнѣ жить съ собаками да со свиньями въ конурахъ: также и онѣ воняютъ, что и моя душа злосмрадною вонею, да свиньи и пси по естеству, а я отъ грѣховъ воняю, яко песъ мертвый поверженъ на улицѣ града. Спаси Богъ властей тѣхъ, что землею меня закрыли: себѣ ужь хотя воняю, злая дѣла творяще, да нынхъ не соблажняю. Ей добро такъ! да и въ темницу то ко мнѣ бѣшеной зашелъ, Кирилушко, московской стрѣ-

лецъ караульщикъ мой, остригъ его азъ и вымылъ и платье
перемѣнилъ, зѣло вшей было много; замк ты мы съ нимъ
двое жили и третій съ нами Христосъ и Пречистая Бого-
родица. Онъ миленькой бывало серетъ и с ытъ подъ себя, а
я его очищаю; ѣсть и пить проситъ: а езъ благословенія
взять не смѣетъ, у правила стоять не захо етъ: діаволъ сонъ
ему наводитъ, и я постегаю четками. такъ и молитву тво-
рить станетъ и кланяется, за мною стоя. И гда правило скон-
чаю, онъ и паки бѣсноватися станетъ, пр мнѣ бѣснуется и
шалуетъ а, егда ко старцу пойду, посмотрѣть въ его темни-
цу и его положу на вставать и благо-
словлю его и, покамѣ лежитъ, не вста-
етъ, Богомъ привязан А въ головахъ у
него образы, и книги, прочая, а ничего
безъ меня не тронетъ тъ и діаволъ мнѣ
досаждаетъ и блудить кричу, такъ и ся-
детъ. Егда стряпаю, проситъ и украсть
тщится до времени об обѣдомъ *отче нашъ*
проговорю и благосло ина и не ястъ, про-
ситъ неблагословенна въ ротъ напихаю, а
онъ и плачетъ, и гло ю покормлю, тогда
бѣсъ въ немъ вздивъ него говоритъ: «ты
же де меня ослабилъ»; и я, плакався предъ Владыкою, опять
постомъ стягну и окричу его Христомъ, таже масломъ его
освятилъ. И отрадило ему отъ бѣса, жилъ со мною съ мѣсяцъ
и больше, предъ смертью образумился; я исповѣдалъ его и
причастилъ. Онъ же преставился миленькой скоро, и я, гробъ
купя и саванъ, велѣлъ погребсти у церкви, попомъ сорокоустъ
далъ, лежалъ у меня мертвый сутки и я, ночью вставъ, помоля
Бога, благословя его мертваго и съ нимъ поцѣловався, опять
подлѣ его спать лягу: товарищъ мой миленькой былъ. Слава
Богу о семъ! Нынѣ онъ, а завтра я также умру!

Да у меня же былъ на Москвѣ бѣшеной, Филиппомъ зва-
ли; какъ я изъ Сибири пріѣхалъ, въ избѣ въ углу прикованъ
былъ къ стѣнѣ: понеже въ немъ бѣсъ былъ суровъ и жес-
токъ, гораздо бился и дрался и не могли съ нимъ домочад-
цы ладить. Егда же азъ грѣшный со крестомъ и съ водою
пріиду, повиненъ бываетъ и яко мертвъ падаетъ предъ крес-

томъ христовымъ и ничего не смѣетъ надо мною дѣлать, и молитвами святыхъ отецъ сила божія отгнала отъ него бѣса, но токмо умъ несовершенъ былъ. Ѳеодоръ былъ надъ нимъ юродивой приставленъ, что на Мезени вѣры ради христовы отступники удавили; псалтырь надъ Филиппомъ говорилъ и училъ его Іисусовой молитвѣ; а я самъ во дни отлучашеся отъ дому, токмо въ нощи дѣйствовалъ надъ Филиппомъ. По нѣкоемъ времени пришелъ я отъ Ѳеодора Ртищева зѣло печаленъ, понеже въ дому у него съ еретиками шумѣлъ много о вѣрѣ и о законѣ; а въ моемъ дому въ то время учинилося нестройство: протопопица моя со вдовою домочадицею Ѳотиніею между собою побранилась, діаволъ ссорилъ ихъ ни за что. И я, пришедъ, билъ ихъ обѣихъ и оскорбилъ гораздо, опечали, согрѣшилъ предъ Богомъ и предъ ними. Таже бѣсъ вздивьялъ въ Филиппѣ и началъ чепь ломать, бѣсясь, и кричать неудобно: на всѣхъ домашнихъ нападе ужасъ и зѣло голка бысть велика. Азъ безъ исправленія приступилъ къ нему, хотѣлъ его укротити; но не бысть по прежнему: ухватилъ меня и учалъ бить и драть и всяко меня яко паучину терзаетъ, а самъ говоритъ: «попалъ ты мнѣ въ руки». Я токмо молитву говорю да безъ дѣлъ не пользуетъ и молитва; домашніе не могутъ отнять, а я и самъ ему отдался, вижу, что согрѣшилъ: пускай меня бьетъ! Но чуденъ Господь: бьетъ и ничто не болитъ! Потомъ бросилъ меня отъ себя, а самъ говоритъ: «не боюсь я тебя»; мнѣ въ тѣ поры горько стало: «бѣсъ, — реку, — надъ мною волю взялъ». Полежалъ маленько, съ совѣстію собрался; возставъ же, жену свою сыскалъ и предъ нею сталъ прощаться со слезами, а самъ ей въ землю кланяяся, говорю: «согрѣшилъ, Настасья Марковна! прости мя грѣшнаго!» она мнѣ также кланяется. По семъ и съ Ѳотиньею тѣмъ же образомъ простился; таже легъ среди горницы и велѣлъ всякому человѣку бить себя плетью по пяти ударовъ по окаянной спинѣ; человѣкъ было 20: и жена, и дѣти и всѣ, плачучи, стегали; а я говорю: «аще кто бить меня не станетъ да не имать со мною части въ царствіи небесномъ». И они нехотя бьютъ и плачутъ, а я ко всякому удару по молитвѣ. Егда же всѣ отбили и я, возставши, сотворилъ предъ ними прощеніе. Бѣсъ же, видѣвъ

немилучую бѣду, опять вышелъ вонъ изъ Филиппа, и я крестомъ его благословилъ, и онъ по старому хорошъ сталъ и потомъ исцѣлѣлъ божіею благодатію о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Ему же слава во вѣки. Аминь.

А егда я былъ въ Сибири, туда еще ѣхалъ и жилъ въ Тобольскѣ, привели ко мнѣ бѣшенаго, Ѳеодоромъ звали; жестокъ же былъ бѣсъ въ немъ: «соблудилъ въ великъ день съ женою своею, наруша праздникъ, — жена его сказывала, — да и взбѣсился». И я въ дому своемъ держа мѣсяца съ два, стужалъ объ немъ Божеству: въ церковь водилъ, и масломъ освятилъ и помиловалъ Богъ, здравъ бысть и умъ исцѣлѣ. И сталъ со мною на крылосѣ пѣть литургію, во время переноса и досадилъ мнѣ; азъ въ то время побилъ его на крылосѣ и въ притворѣ велѣлъ пономарю приковать къ стѣнѣ и онъ, вышатавъ пробой, пуще перваго взбѣсясь, въ обѣдню ушелъ на дворъ къ большому воеводѣ и, сундуки разломавъ, платье княгинино на себя вздѣвъ, а ихъ разгонялъ. Князь же, осердясь, многими людьми въ тюрьму оттащили; онъ же въ тюрьмѣ юзниковъ бѣдныхъ всѣхъ перебилъ и печь разломалъ; князь же велѣлъ его въ деревню къ женѣ и дѣтямъ сослать. Онъ же, бродя въ деревняхъ, велики пакости творилъ; всякъ бѣгаѣтъ отъ него, а мнѣ не дадутъ воеводы осердясь. Я по немъ предъ Владыкою плакалъ всегда. По семъ пришла грамота съ Москвы: велѣно меня сослать съ Тобольска на Лену, великую рѣку. И егда въ петровъ день собрался, въ дощеникъ пришелъ ко мнѣ Ѳеодоръ цѣлоуменъ; на дощеникѣ при народѣ покланяется на ноги мои и самъ говоритъ: «спаси Богъ, батюшко, за милость твою, что помиловалъ меня! по пустынѣ-де бѣжалъ третьяго дня, а ты де мнѣ явился и благословилъ меня крестомъ и бѣси-де прочь отбѣжали отъ меня и я пришелъ къ тебѣ поклониться и паки прошу благословенія отъ тебя». Азъ же, на него глядя, поплакалъ и возрадовался о величіи божіи, понеже о всѣхъ насъ печется и промышляетъ. Господь его исцѣлилъ, а меня возвеселилъ. И поуча его, благословя, отпустилъ къ женѣ его и дѣтямъ въ домъ; а самъ поплылъ въ ссылку, моля о немъ Христа, Сына Божія свѣта, да сохранитъ его и впредь отъ непріязни. А назадъ я ѣдучи, спрашивалъ про него, и мнѣ сказа-

ли: «преставился-де послѣ тебя, года съ три живучи христіански съ женою и съ дѣтьми»; ино и добро, слава Богу о семъ! Простите меня, старецъ съ рабомъ тѣмъ христовымъ; вы мя понудисте сіе говорить, а однако ужь развязался; еще повѣсть вамъ скажу, какъ въ попахъ еще былъ, тамъ же, гдѣ брата бѣси мучили.

Была у меня въ дому моемъ вдова молодая, давно ужь и имя ей забылъ, помнится Афимьею звали: ходитъ и стряпаетъ и все хорошо дѣлаетъ; какъ станемъ въ вечеръ правило начинать, такъ ее бѣсъ ударитъ о землю, омертвѣетъ вся, яко камень станетъ и не дышитъ, кажется: растянетъ ея среди горницы и руки и ноги, лежитъ яко мертва. И я *о всенькую* проговоря, кадиломъ покажу, потомъ крестъ положу ей на голову и молитвы Василіевы въ это время говорю; такъ голова подъ крестомъ и свободна станетъ, баба и заговоритъ, а руки, и ноги и тѣло еще мертво и каменно. И я по рукѣ поглажу крестомъ, такъ и рука свободна станетъ; я и по другой, и другая также освободится; и по животу, такъ баба и сядетъ; ноги еще каменны, не смѣю туда крестомъ гладить. Думаю, думаю: и ноги поглажу, баба и вся свободна станетъ. Вставше, Богу помолясь да и мнѣ челомъ, покуда таки ни бѣсъ ни что былъ въ ней много времени такъ въ ней игралъ; масломъ ее святилъ, такъ вовсе отогналъ прочь, исцѣленіе Богъ далъ. А иное два Василія у меня бывали прикованы бѣшеные, страшно и говорить про нихъ: калъ свой яли.

А еще сказать ли тебѣ, старецъ, повѣсть? блазновато кажется да было такъ. Въ Тобольскѣ была у меня дѣвица, Анною звали: дочь ми духовная, гораздо о правилѣ прилежала и церковномъ и келейномъ, и всею міра сего красоту вознебрегла. Позавидѣ діаволъ добродѣтели ея, наведе ей печаль о первомъ хозяинѣ своемъ Елизарѣ, у него же возрасла; привезена изъ полону изъ кумыковъ, чистотою дѣвство соблюла и, егда исполнилася плодовъ благихъ, діаволъ окралъ: захотѣла отъ меня отъити и за перваго хозяина за мужъ пойти и плакать стала всегда. Господь пустилъ на ее бѣса, смиряя ее, понеже и меня не стала слушать ни въ чемъ и о поклонахъ не стала радѣть: егда станемъ правило гово-

рить, она на мѣстѣ станетъ, прижавъ руки, да такъ и простоитъ. Видѣ Богъ противленіе ея, послалъ бѣса на нее: въ правилѣ стоящу ей, да и взбѣсится, и мнѣ бѣдному жаль: крестомъ благословлю и водою покроплю, такъ и отступитъ отъ нея бѣсъ. И многажды такъ бысть. Она же единаче въ безуміи своемъ и непокорствѣ пребываетъ. Благохитрый же бѣсъ инако ее наказалъ: задремала въ правилѣ да и повалилась на лавку спать и три дни и три нощи спала, не пробудяся; я лишь ее по временамъ кажу спящую, тогда и сегда вздохнетъ, чаю умретъ; въ 4 день очнулась, сѣла да плачетъ; ясть ей даютъ, не ястъ. Егда я правило келейное скончавъ и домочадцевъ, благословя, распустилъ, паки начахъ во тьмѣ безъ огня поклоны класть; она же съ молитвою втай приступила ко мнѣ и пала на ноги мои. И я, отъ нея отшедъ, сѣлъ за столъ; и она, приступа паки къ столу и плачучи, говоритъ: «послушай государь! велѣно тебѣ сказать». Я сталъ слушать у нея: «Егда де я въ правилѣ задремала и повалилась, приступили ко мнѣ два ангела и взяли меня, и вели меня тѣснымъ путемъ, и на лѣвой сторонѣ плачь и рыданіе и гласы умиленны; потомъ-де меня привели во свѣтлое мѣсто зѣло гораздо красно и показали-де многія красныя жилища и палаты; а всѣхъ-де краше палата неизреченною красотою сіяетъ паче всѣхъ и велика гораздо; ввели-де меня въ нее: тио-де стоятъ столы, и на нихъ послано было, и блюда съ брашнами стоятъ; по конецъ-де стояло древо кудряво, повѣваетъ и красотами разными украшено; въ древѣ-де томъ птичьи гласы слышала я, а теперва-де не могу про нихъ сказать, — каковы умильны и хороши; а подержавъ же меня, паки изъ палаты повели и сами говорятъ: «знаешь ли чья палата сія?» и азъ отвѣщала: «не знаю, пустите меня въ нее»; они же отвѣщали: «отца твоего, протопопа Аввакума палата сія: слушай его и живи такъ, какъ онъ тебѣ показываетъ персты слагать и креститься и кланяться, Богу молясь, и во всемъ не противься ему, такъ и ты будешь съ нимъ здѣсь; а буде не станешь слушать, такъ будешь въ давишнемъ мѣстѣ, гдѣ плаканіе то слышала; скажи же отцу своему: мы небеси водили тебя, смотри у насъ паиорты, бѣси де не имѣютъ того, и-я де батюшко, смотрѣла, бѣло у ушей

тѣхъ ихъ». Да и поклонилася мнѣ, прощенія проса; потомъ паки исправилася во всемъ. Егда меня сослали изъ Тобольска, и я оставилъ ее у сына духовнаго; тутъ хотѣла постричися, а діаволъ опять сдѣлалъ по своему. Пошла за Елизара за мужъ и дѣтокъ прижила; и по 8 лѣтѣхъ услышала, что я ѣду назадъ, отпросилася у мужа и постриглася. И какъ за мужемъ была, по временамъ Богъ наказывалъ, бѣсъ мучилъ ея. Егда же азъ въ Тобольскъ пріѣхалъ, за мѣсяцъ до меня постриглася и принесла ко мнѣ два дѣтища и, положа предо мною робятишекъ, плакала и рыдала, кающеся, безстыдно порицая себя. Азъ, предъ человѣки смиряя ее, многажды на нее кричалъ, она же прощается во преступленіи своемъ, каяся предъ всѣми; и егда гораздо ее утрудилъ, тогда совершенно простилъ. Въ обѣдню за мною въ церковь вышла и нападе на нее бѣсъ во время переноса, учала кричать и вопить, собакою лаять и козою блекотать, и кукушкою куковать; азъ же сжалихся объ ней: покиня херувимскую пѣснь, взявши отъ престола крестъ и на крылосъ взошелъ, закричалъ: «Запрещаю ти именемъ господнимъ, полно тебѣ бѣсъ мучить ее; Богъ проститъ ее въ сей вѣкъ и въ будущій». Бѣсъ же изыде изъ нея. Она же притече ко мнѣ и пала предо мною за нюже вину; азъ же крестомъ благослови, и съ тѣхъ мѣстъ простилъ, и бысть здрава душею и тѣломъ, со мною и на Русь выѣхала. И какъ меня стригли, въ томъ году страдала съ дѣтьми моими отъ Павла митрополита на патріарховѣ дворѣ вѣры ради и правости закона; довольно волочили и мучили ее; имя ей во иноцѣхъ Агафія.

Ко мнѣ же, отче, въ домъ приношивали матери дѣтокъ своихъ маленькихъ: скорбію одержимы грызною; и мои дѣтки егда скорбѣли во младенчествѣ грызною болѣзнію и я масломъ священнымъ съ молитвою пресвитерскою помажу вся чувства и, на руку масла положа, младенцу спину вытру и шулятки и божіею благодатію грызная болѣзнь и минуется во младенцѣ. И аще у кого отрыгнетъ скорбь, и я такъ сотворю, и Богъ совершенно исцѣляетъ по своему человѣколюбію. Егда я еще былъ попомъ съ первыхъ временъ, какъ къ подвигу касаться сталъ, бѣсъ меня пуживалъ сице: изнемогла у меня жена гораздо и пріѣхалъ къ ней отецъ духовный; азъ

же изъ двора пошелъ по книгу въ церковь нощію глубокою, по чему исповѣдаться. И егда на паперть пришолъ, стольникъ до того стоялъ, а егда азъ пришелъ, бѣсовскимъ дѣйствомъ скачетъ стольникъ на мѣстѣ своемъ. И я, не устрашась, помолася предъ образомъ, осѣнилъ рукою стольникъ и, пришедъ, поставилъ его и пересталъ играть. И егда въ трапезу вошелъ, тутъ иная бѣсовская игра: мертвецъ на лавкѣ въ трапезѣ въ гробѣ стоялъ и бѣсовскимъ дѣйствіемъ верхняя раскрылася доска и саванъ шевелиться сталъ, устрашая меня; азъ, Богу помолясь, осѣнилъ рукою мертвеца и бысть по прежнему все; ано ризы и стихари летаютъ съ мѣста на мѣсто, устрашая меня, азъ же помоляся и поцѣловавъ престолъ, рукою ризы благословилъ и пощупалъ, приступя; а онѣ по старому висятъ, потомъ, книгу взявъ, изъ церкви пошелъ. Таково-то ухищреніе бѣсовское къ намъ! да полно того говорить. Что крестная сила и священное масло надъ бѣшеными и больными не творитъ божіею благодатію? да намъ надобѣ помнить сіе, не насъ ради, не намъ, по имени своему Господь славу даетъ. А я грязь, что могу сдѣлать, аще не Христосъ? Плакать мнѣ подобаетъ въ себѣ; Іуда чудотворецъ былъ, да сребролюбія ради ко діаволу попалъ, и самъ діаволъ на небѣ былъ, да высокоумія ради сверженъ бысть; Адамъ былъ въ раю, да сластолюбія ради изгнанъ бысть и 5500 лѣтъ во адѣ былъ осужденъ. По семъ разумѣя всякъ, да мнящся стояти, блюдется, да ся не падетъ; держись за христовы ноги и Богородицѣ молись и всѣмъ святымъ, такъ будетъ хорошо!

Ну, старецъ, моего вяканья вѣдь много ты слышалъ, о имени господни повелѣваю ти: напиши и ты рабу тому христову, какъ Богородица бѣса того въ рукахъ тѣхъ мяла и тебѣ отдала, и какъ муравьи те тебя яли за тайное-тъ удъ, и какъ бѣсо-тъ дрова тѣ сожегъ и какъ келья-то обгорѣла; а въ ней цѣло все; и какъ ты кричалъ на небо-то, да иное что вспомнишь во славу Христу и Богородицѣ. Слушай же, что говорю: не станешь писать, я осержусь! Любилъ слушать у меня: чего соромишься, скажи хотя немножко: Апостоли Павелъ и Варнава на соборѣ сказывали же во Іерусалимѣ предъ всѣми, елика сотворя Богъ знаменія и чудеса во языцѣхъ съ ними, въ Дѣян. зач. 36 и 42, и величашеся имя

Господа Ісуса, мнози же отъ вѣровавшихъ прихождаху исповѣдающе и сказующе дѣла своя, да и много того найдется въ Апостолѣ и въ дѣяніяхъ. Сказывай не б йся, лишь совѣсть крѣпку держи, не себѣ славы ищи, говоря, но Христу и Богородицѣ. Пускай рабъ христовъ веселится чтучи! Какъ умремъ, такъ онъ почтетъ да помянетъ предъ Богомъ насъ, а мы о чтущихъ и послушающихъ станемъ Бога молить, наши они люди и будутъ тамъ у Христа, а мы ихъ во вѣки вѣкомъ. Аминь.

НАРОДНЫЕ СТИХИ.

Крутицкомъ спасскаго уѣзда рязанской Глѣбовымъ).

—

1. Объ Адамѣ.

Возлѣ саду-раю
Христосъ народился,
Въ Ердани крестился—
И весь міръ обновился,
Адамій освободился.
О вы, дружіс-братья,
Да процвѣтная платья!
Пòйдемъ въ божью церковь,
Прòльемъ Богу слезы
На предбудущіе вѣки.
Всего намъ Богъ далъ много;
Кажется, намъ все мало.
Глаза наши завидущи,
Руки загребущи:
Чтò глаза завидятъ,
То руки заграбятъ.
На второй мы судъ пòйдемъ,
Ничего съ собой не вòзьмемъ;
Только мы вòзьмемъ
Саванъ-сорочинку,
Приложимъ свои рущѣ
Къ ретивòму сердцу;
И предастся наше тѣло

Въ землю червямъ на пропитанье,
И кости наши—землѣ на прибавленье,
А кровь наша—землѣ на смоченье (*).

—

2. О преданіи Христа Іудею.

Въ четвертокъ, вечеру бывшу,
Жиды совѣтъ сотворили:
Жиды думали, гадали,
Законъ себѣ устанавляли.
Юда скоро къ жидамъ течетъ,
Да предтечетъ и жидомъ речетъ:
«Что вы мнѣ, жидовіе, дадите?
Я предамъ вамъ Сына Божія».
Жиды Юдѣ да глаголютъ:
«Бери, Юда, сребра много—
И токмѣ много.»
Юда на сребро заглядѣлся,
Своимъ сердцемъ распылался,
Сказалъ: «какъ хлѣбъ онъ соль видѣчитъ,
Такъ Юда Христа предастъ.»
Господь ученикамъ пророчилъ:
Востаньте, ученики, не спите,
Моей страсти посмотрите;
«Востаньте, ученики, не спите,
Моей крови поглядите;
Востаньте, ученики, не спите,
Моей смерти подождите» (**).

—

—

пъ одного изъ самыхъ старинныхъ нашихъ духовныхъ стиховъ.

полнотѣ стихъ «объ Адамѣ» помѣщенъ въ Сбори. Варенцова;

этого стиха, на малорусскомъ нарѣчіи, въ Сбори. Варенцова;

3. О пятницѣ.

Трудился труженикъ божій,
Не имѣлъ ни руками, ни ногами,
Ни ясными очами;
Ему-же пятница явилась,
Свѣчей его освѣтила,
Крестомъ благословила.
Востаньте, отцы и матери,
Среду и пятницу поститесь,
Въ воскресный день Богу молитесь,
Всему міру прославите,
Чтобъ другъ друга любили,
И братъ братомъ почитали,
Младенцевъ жидами не нарѣкали:
Жиды у Бога—враги, супостаты,
Христа Бога распинали,
Святую кровь проливали.
Господи, слава Тебѣ!—

ВОСКРЕСЕНІЕ МЕРТВЫХЪ

ще убо всѣмъ будущое, но страждущимъ невинно въ вѣцѣ мъ блаженно, а обидящимъ гибелно, въ пяти дѣйствіяхъ въ льзу чающымъ оного показанное въ Кіевской Академіи 1747 году трудомъ іеромонаха Георгія Конѣского. [1])

ПРОЛОГЪ.

Многимъ до злыхъ дѣлъ тое подаетъ причину,
Что не хотятъ помишлять на свою кончину,
Паче же, что по смерти имущи согнити
Сумнятся, какъ то можетъ гной на судъ ожити.
А комѣковъ свойственна должность сицевая,
Еже учить, въ обществѣ нравы представляя.
Тѣмъ въ предлежащомъ дѣлѣ хочемъ изявити
Воскресеніе мертвыхъ, имущее быти
Всѣмъ убо безизъятно, однакъ не всѣмъ явно:
Единымъ погибелно, а другымъ преславно.
Внушѣмъ толко охотно дѣйствіе въ притворѣ,
Что когда на всемірномъ явится позорѣ.

ДѢЙСТВІЕ 1.

Явленіе первое.

(Земледѣлъ, возвратившійся отъ нивъ, сѣмя произрастшихъ понимаетъ о воскресеніи тѣлъ человѣческихъ по подобію зерна, въ земли гніюща и растуща, имѣющемъ быть.)

Се нарочно виходилъ ниви оглядати,
Чи будетъ что по лѣтѣ серпомъ пожинати.
Слава Богу! не дармо весну працовали
И долини и горби пашнѣ поровнали;

---

[1]) По рукописи прошлаго вѣка, принадлежавшей Толстому (Отд. VI, № 4), и находящейся теперь въ Императорской Публичной Библіотекѣ (XIV, 0, 2).
Ред.

Не умерло знать въ землѣ зерна внѣмало:
Бо умерло все, да всежь и пооживало.
Теперь мнѣ на память прійшла думка тая,
Что священникъ говорилъ въ церквѣ, поучая,
Будто и тѣло наше, хочай гноемъ станетъ
По смерти, но якъ зерно на страшній судъ встанетъ.
Вѣру тому: бо вижу самъ, какъ въ землѣ тлѣютъ
Сѣмена, а въ колосѣ растутъ и цѣлѣютъ.
Правда, понати трудно, где бы тое тѣло
Взялося, которое на порохъ истлѣло;
Однакъ кто даетъ зерну стебло, колосъ, ости,
Той и порохъ обернетъ въ тѣло, въ жили, въ кости.
Велика твоя сила, создателю Боже!
Кто тое подлѣпно вѣдати возможе?
Что буде дѣятися, когда з мертвыхъ встанемъ?
Такъ ли, якъ стебло къ стеблу, и мы вси досталемъ,
Равны единъ другому? Невѣжа, не знаю.
А ось идетъ священникъ, его испитаю.

Явленіе второе.

(Священникъ, путемъ привлючшійся, научаетъ его о сугубомъ воскресеніи тѣлесъ, сугубаго ради по дѣломъ воздаянія, состояніи.)

Землед.

Слово твое я спомнѣлъ, ходя коло ниви:
Что, якъ зерно согнивши, и ми встанемъ живи.
Но скажи, честній отче, что послѣжди буде?
Чи, якъ единъ человѣкъ, встанутъ такъ вси люде?

Священникъ.

Зде въ мірѣ всяко живутъ и вмираютъ всяко
И на судъ убо божій встанутъ неоднако.
Иній зде, какъ Богъ велѣлъ, животъ свой проводитъ;
Другій противно тому въ слѣдъ похотей бродитъ;
Иній питается, день и нощь работая;
Другій живетъ, чуждіе труды поядая;
Иній за свое добро терпитъ узы, мукы;
Другій, добро отнявши, и самого въ рукы
Ищетъ, какъ бы похитить, а когда похититъ,

Мучитъ, донезѣ сердце звѣрино насытитъ,
Подъ часъ и смерти предасть. И таковы убо
Людіе, живущіи въ семъ свѣтѣ сугубо,
Сугубо и встать имуть на судъ тотъ всемірній —
Инъ какъ пшеница, инъ какъ плевелъ бездѣлній.
Знайже, что пшеницею Христосъ нарицаетъ
Невинныхъ, а плевеламъ злихъ уподобляетъ.
А якъ пшеницу свозимъ въ домъ, користи ради,
Такъ Богъ благихъ заберетъ до своей огради;
А злимъ тое учинитъ, что ти въ своемъ домѣ
Чинишъ, якъ некористнимъ пл[illegible]:
Въ пещъ ихъ вдску, якъ снопо[illegible]ожити,
Где будутъ съ діаволомъ [illegible]
А тебѣ зде за случай вк[illegible]
А болше о семъ въ цер[illegible]

(Земл[illegible]

Св[illegible]и

Слава Богу! не толко ни[illegible]
Но и слово божіе въ се[illegible]ъ.
Сей человѣкъ о другой жизни и
Плода убо добрыхъ дѣлъ духъ мой по немъ чаетъ.

Кантъ.

Два разы слѣпъ, кто впредь на смерть не взираетъ;
Два разы глупъ, кто встать по смерти не чаетъ.
Посмотри, мой другъ,
На солнечній кругъ:
Въ вечеру заходитъ,
Поутру восходитъ, —
Пойдешь и ти въ тойже слѣдъ.
Війди на степъ и поле, посмотри на нивы,
Испитай, что дѣется съ твоимы засѣвы:
Гніютъ зимою,
Растутъ весною,
Такъ и ти истлѣешь,
Послѣжди имѣешь
Ожить по прежнему цѣлъ.
Ожилъ иногда мертвецъ, чтири дни смердящій;
Скоро испустилъ Христосъ гласъ животворящій

Въ той же самій тонъ:
Изійдѣте вонъ.
Затрубитъ громкою
Архангелъ трубою,
Всѣхъ насъ зовущи на судъ.
И что жь то было, когда бъ на судъ тотъ не встали?
Безъ мзди бъ благіи, зліи бъ безъ казни остали!
Будетъ убо часъ,
Когда всякъ отъ насъ
Воспрійметъ въ награду
Муку, чи отраду,
Кождо по своимъ дѣломъ.

ДѢЙСТВІЕ 2.

Явленіе первое.

(Поменъ, страждущій избѣчь отъ рукъ Діоктита обидяща, исповѣдуетъ озлобленіе отъ Діоктита ему приключившіяся, ищетъ же и мѣста, гдѣ би отъ него скритися.)

Ахъ крайне мнѣ бѣдному пришло погибати!
Не довлѣло отъ мене имѣній отняти!
Не довлѣло мя чести у людей лишити!
Не довлѣло весь домъ мой въ конецъ разорити!
Се уже и самаго женетъ мя до гроба
Діоктитъ немилостивъ, каменна утроба.
Прошлой ночи утружденъ, толко сталъ дремати,
Набѣгши посланніи начали ломати
Дверы: я, обудившись, не вѣмъ, что чинити,
Брошусь окномъ, за мною вслѣдъ воплящы дѣти,
Жена бѣдна осталась и старица мати;
Надѣюсь, обѣ до узъ мѣсто мене взяти,
Где жь мнѣ теперь подѣтись? гдѣ критися буду?
Надѣюсь, что пошлетъ слугъ искать мене всюду.
Ахъ мнѣ бѣда! не хощу, не хощу стояти
Болшъ съ нимъ въ тяжбѣ, не буду отсель нарицати
Моимъ власного грунта, нива плодоносна:
Его, его лѣсъ, его луга сѣнокосна;
Не моя то мелница, не мой и ставъ чистій,
Не мой садъ, не отческій,—его вси користи.
Пущай, прійметъ записи купчихъ и духовныхъ;

Пущай, изгладитъ мое и единокровныхъ
Моихъ имя, а свое пишетъ, какъ угодно:
Аппеліовать на него уже несвободно.
Апеліосалъ, пока чимъ было просить суду;
Теперь и кормится, не маю, откуду:
Единъ домокъ остался, и тотъ весь разоренъ,
Безъ огради, безъ воротъ, ни въ чемъ не приборенъ.
Пусть и тотъ, когда хощетъ, въ грунти свои впишетъ,
Точію яростію на мя да не
Пусть мене единою даруетъ д
Да матерь узъ свободитъ з

Явленіе в

Діоктитъ з слугами, напавши на Гипоме темницу отвесть; самъ величается могуществомъ злобы, обѣща ить.)

Діокт

Се онъ, се соперникъ мой, ло
Вяжѣте, куйте, тотчасъ въ ге.

Гипомен

За что вязать и ковать, гвалтъ ратуйте, люде!
Виноватъ ли въ чемъ тебѣ, судъ на тое буде....

Діоктитъ.

Будетъ, сподѣйся! Скоро ведѣте въ темницу,
Приставте стрещи его стражей четверицу.
Что онъ мнѣ судъ говоритъ? вѣть онъ тое знаетъ,
Что Діоктитъ при судѣ и самъ засѣдаетъ:
Начнетъ на мя челомъ быть, буду отрѣшенній;
Да будутъ судить мои единомысленны.
Не могутъ ли тѣ сдѣлать ему волокити?
Не знаютъ ли правъ къ моей части накрутити?
А буди бы сталъ на мя апелліовать вышше,
И въ вящшемъ судѣ маю патроновъ излишше;
Пущай только кто схощетъ правду защищати,
(Показуетъ кошелекъ.)
А се мой Юда малой можетъ доказати:
Ослѣплю очы дармы, рукы плѣню мздою,
Хоть бы онъ былъ и святій, потягнетъ за мною.
(Съ гнѣвомъ говоритъ.)
Или якъ маю тую денгу росточати,
А съ Харпакомъ безчестно на судѣ стояти?

Лучше прибю его въ смерть, а тое самое
За голову заплачу, а хочай и вдвое.
Не стою о тисящу: и другіи знати
Будутъ, какъ Діоктиту грунтовъ не вступати.

Кантъ.

Какъ внѣшній міръ сей зрится человѣку,
Хотѣлъ бы съ нимъ жити до вѣку:
Но изволь разсудить,
Какъ съ тѣмъ вѣкъ заложить,
Кой и самъ кончится.
Вся, елика въ немъ намъ суть пожеланна,
Вся кратка, вся непостоянна,
На всяку годину
Пріемлють измѣну.
И кто имъ увѣрится?
Взищу ли въ немъ славы,
Власти иль державы;
Но когда смерть прійдетъ,
Тогда ли снійдетъ
Слава въ гробъ со мною?
Тогда, сій во гною,
Кихъ имѣю владѣти?
Красоту ли тѣла
Возлюблю до зѣла?
Едали вѣчна
Тварь краснолична!
Когда плоть увянетъ,
Сама кость останетъ,
Сладколи на ню зрѣти?
Аще ли красни созижду полати,
Аки бы вѣкъ въ нихъ обытати;
Но какъ ихъ лишуся
И въ гробъ преселюся,
Кому та по мнѣ будутъ?
Дружину ли вѣрну возимѣю,
Чадами ли разбогатѣю?
Но и тіи самы,
Точію до ямы
Проведши, мя забудутъ.

Или мнѣ со скоты
Угождати плоти?
Начну ли до сласти
Пити да ясти,
Но се болшъ послѣди
Черву будутъ снѣды
От чрева утученна.
Составлю ли лики
Всякъ день до музики?
Но въ день ли остатній
Будетъ пріятній
Гласъ трубы ужасній,
Шумъ и троскотъ страшній
Міра, огнемъ зажженна?
Убо мнѣ лучше съ міромъ попрощатся,
Всѣхъ его прелестей остатся:
Богатства лукава,
Зискъ, честь и слава
Пущай съ нимъ погибаетъ!
Лутше отъ міра къ Богу приступити,
Малъ часъ сей ему послужити;
А онъ человѣку
Дати въ ономъ вѣку
Вся вѣчна обѣщаетъ.
Терпѣмъ въ сей жизни
Бѣди, укорізни,
Всю напасть и вражду,
Алчбу и жажду:
Пущай наситимся,
Пущай насладимся
Безконечно о Бозѣ.
Сѣймо, не стужаси,
Слезы по вся часи:
Прійдетъ рукояти
Радости взяти;
Тогда пожнемъ тая,
Неослабѣвая,
Въ небесномъ чертозѣ.

ДѢЙСТВІЕ 3.

Явленіе первое.

пѣнія лице просить Бога Гипомену отъ бѣдъ освобожденія, Діоктиту же от-
.)

О Боже правосуде, создателю вѣковъ
Призирающій на вся дѣла человѣковъ!
Призри на Гипомена и безчеловѣчна
Діоктита и увиждь ихъ дѣла различна.
Той, отъ юности въ страсѣ твоемъ воспитанній,
А сей отъ млада навикъ всякихъ злодѣяній;
Той, что имѣлъ, чрезъ труди имѣлъ непрестанни;
Сей, что имать, отъ татбы, имать и обмани;
Той послѣдняго нищимъ не жалѣлъ укруха,
А сей не любитъ бѣдныхъ прошаковъ и духа;
Той никому никакой не здѣлалъ обиди,
Сей обидилъ братію, племя и сосѣды,
Паче же прочихъ сего Гипомена бѣдна
Обралъ, ограбилъ, знищилъ до руба послѣдна,
Нынѣ еще сверхъ того въ узилищахъ мучитъ,
Пока, время избравши, мукамы удручитъ.
Боже! Ти правда вѣчна, твой неизмѣренъ
Судъ есть, самъ во всѣхъ своихъ Ти словесѣхъ вѣренъ,
Ти обѣщалъ всѣмъ воздать достойную мѣру—
Зло злымъ, благымъ благо, комуждо по дѣлу:
Чему на Діоктита не послеши молній?
Чему не изліеши токъ щедротъ доволній
На Гипомена? или поне въ нагороду
Даждь отъ рукъ мучителя, даждь ему свободу.

Явленіе второе.

грады лице обѣщаетъ, что прощеніе его не въ сей, но въ грядущій вѣкъ
рѣ будетъ: приспѣвшей разно обоимъ Гипомену и Діоктиту смерти, до избитка
нится.)

И дѣла обоихъ зрить окомъ недремлющимъ,
И гласъ твой слухомъ слышитъ Богъ вездѣ присущій.
Обаче, чего просишь, не имать ти дати;
Дастъ конечно, но нужно мало почекати,
Праведно опредѣлилъ злымъ воздати злая;
Обаче яко отецъ, чадамъ не желая

Гибели, толко терпить даже до кончини,
Аось престанетъ грѣшникъ отъ своихъ безчиній:
Не радуется бо Богъ, какъ кто погибаетъ,
Тѣмъ и праведній гнѣвъ свой далѣ отлагаетъ.
Не заразъ же и благимъ привыкъ награждати,
За болшо терпѣніе болшую воздати
Честь хотя. Что думаешъ? Когда Гипомену
За шматъ, за пядъ грунта всю покоритъ вселенну?
Когда за лѣсокъ воздастъ прекрасній рай цѣлій?
За млинокъ превисприяя кругы со свѣтили?
Когда за пляцикъ узкій, за домокъ убогій
Отведетъ въ небесныя жилища чертогы?
Какъ сей трудникъ возляжетъ на ложе покоя,
Какъ прохлаждатись станетъ послѣ пара зноя;
Какъ за худіе рубы одѣнетъ багряны
Ризы, за поясъ усѣянъ пріиметъ златотканный;
Какъ, вмѣсто безчестныя на главу повстяны,
Воспріиметъ отъ алмазовъ вѣнецъ многоцѣнній;
Какъ отъ плоти раненной протечетъ свѣтъ чудній,
За темницу тварь блеснетъ якъ солнце въ полудны:
Вся сія вдругъ пріемши, Гипоменъ что будетъ?
Думай. Настоящихъ золъ, аки сна, забудетъ;
Собудутся же на немъ вся та непремѣнно,
Когда отъ сего прейдетъ житія на нно.
А когда прейдетъ? Вѣдай толко, что не видно;
Время бо жизни его приближись послѣдно:
Се днесь Діоктитъ его безъ милости біетъ,
Абіе же отъ сихъ ранъ Діоктитъ почіетъ.

Терпѣніе.

О когдажь сія слава ему отложенна:
Пущай болшъ бютъ, терзаютъ, мучатъ Гипомена!

Отрада.

Не будутъ. Терпѣнія мѣра исполнися
Се бо и Діоктита гибель приближися.

ДѢЙСТВІЕ 4.

Явленіе первое.

Гипоменъ, въ полу отъ Діоктита прибитій, весело съ упованіемъ блаженнаго воскресенія умираетъ.)

Получилъ, чего искалъ, Діоктитъ суровій:
Насытился, какъ хотѣлъ, звѣрь тотъ моей крови;
О богатства и грунта, всѣхъ золъ мнѣ причина!
Богъ дай, я вамъ никогда не былъ въ господина!
За васъ я въ кругъ по тѣлу плѣтмы избіенный!
За васъ въ рукахъ и ногахъ кости сокрушенны!
За васъ до мозгу глава тростью мнѣ пробыта!
За васъ мушу умирать отъ рукъ Діоктита.
Ахъ не могу стояти! *(ложится)* Тяжко и лежати.
Ахъ болятъ кости, глави не могу поднати.
Нема, кому помогти, обвязати рани:
Домашніи безвѣстно вси суть разогнанны.
О бѣдній Гипомене! Чего ти дожился?
Таки то и ти сея жизни насладился!
Но благодарю Бога, что такъ приключилось:
Се бо, хотя все тѣло смертно разболѣлось,
Духомъ чтось радостное въ себѣ ощущаю,
Сколко кратъ о будущей жизни помышляю:
Аось, може, по смерти вмѣсто сихъ стенаній
Пойду даже въ домъ божій, въ гласѣ радованій.
Пообѣщалъ Христосъ Богъ страждущимъ невинно
Небесное царствіе дати непремѣнно.
Боже мой! и я грѣшенъ у тебе состою:
Правда бо наша, якъ зубъ нечистъ предъ тобою,
Но ти, Христе, ходатай для твоихъ страданій
И твоихъ ради пещадныхъ крове пзліяній:
Во всемъ цѣло оправданъ быти уповаю,
Себѣ жъ и своей заслугѣ ничто не вмѣняю.
Аще туне пострадахъ, твой то, Христе, бяше
Даръ, твоя помощь, твое дѣло, не наше.

(смерть заглядаетъ въ очи, а онъ содрогается.)

Ахъ что мнѣ въ очахъ зрится? Призракъ нѣкій странній,
Подобно се союзъ мой разрѣшить посланній.
Гдѣ мои сироти? се уже умираю
(Смерть касается косою до шіи)
О Боже на твой сихъ промыслъ возлагаю,
Ты самъ объ нихъ попечись, за отца имъ стани;
А мой уже духъ пріими, пріими въ своя длани.

Явленіе второе.

(Входятъ нищіи и, сожалѣя о скорой смерти Гипомена, относятъ его до

Нищій 1.

Что се лежитъ, о друже? Пяній или спящій?
Или чи не Гипоменъ, послѣ мукъ болящій?
Видѣхъ бо, в Діоктита какъ онъ былъ мучимій.

Нищій 2.

Ахъ! онъ есть. Но уже мертвъ и недвижимій.
О нещастіе наше! Кто бо отъ насъ нищій
Тощь отъ него отшолъ? Когда онъ самъ пищи
Вкусилъ? Ахъ! какъ случилось животъ окончити?
Не знаютъ распуженны о семъ домовити.
Мы убо тѣло его, во мѣсто прислугы
Вземше, къ церквѣ отнесемъ; а собравше другы,
Отпосмъ зъ священникомъ надгробное тѣлу,
Висиплемъ же и въ память болшую могилу.

Явленіе третое.

іоктитъ, зъ піянства разболѣвся, съ огневици умираетъ, котораго слуги въ шну относятъ.)

Діоктитъ.

Что то, о тунеядцы?

Нищій 1.

Несемъ Гипомена

Мертва.

Діоктитъ

Знать, зъ піянства умре.

Нищій 2.

Всего уязвленна

Обрѣтохомъ.

Діоктитъ

Несѣть же въ гнои загребѣте,
Или тѣло песіе псомъ въ снѣдь отдадѣте.
Теперь то радоватись мнѣ би подобало,
Что соперника уже моего не стало;
Но не знаю, что се такъ за недугъ напрасній
Приключился мнѣ съ утра и не безопасній:
Главу и косты ломитъ, коло сердца нудно,
Въ обоихъ бокахъ колетъ и дихати трудно,
Дрожь всего пронимаетъ, (*содрыгается*) спухли вездѣ жили,
Жажда несносна, языкъ будто огорѣлій.
Не лишнее жь и випилъ: по гавсту въ началѣ

Водки сердечной съ другомъ испили, а далѣ
Вина, може, и полвѣдра, наконецъ сливянки
Расходной не болшъ было, якъ по чтири склянки.
Да сежь не первина пить, и поболшъ пивалось!
Теперь мнѣ, не вѣдаю, что такое сталось.
Дайте толко мнѣ водкы и мягкое ложе.

(Отходятъ слуги за ложемъ, онъ говоритъ:)

Какъ випю гавстъ и засну, Господь мнѣ поможе.
Еще жь кромѣ болѣзни смутилъ мя вчерашній
Сонъ злій: се бо видѣхъ мой образъ преужасній:
По рукамъ и по ногамъ тяжкіе оковы,
Вкругъ гадюки, моея упіенны кровы;
Сверхъ того предо мною видѣхъ Гипомена,
Въ славу несказанную свѣтло облеченна,—
Той на ма много дерзалъ; азъ въ бѣдѣ толикой
Трепетахъ предъ нимъ, какъ листъ отъ бури великой.
Что жь се сонъ мнѣ вѣщаетъ? За тоголь достоитъ
Нище мене казнити? Кто на то настоитъ?
Гипоменъ на гноищи лежитъ, а не въ славѣ.
А буди сонъ вѣчну казнь возвѣщаетъ явѣ,
Нехай Богъ мене пошлетъ на различны мукы,
Пускай всего лютіе изоссутъ гадюки,
Хочай принужденъ буду сія вся терпѣти;
Толко бы Гипомена въ славѣ не видѣти.

(*Приноситъ ложе и водку въ фляшкѣ*)

Ляшку! дай толко фляшку. *(Піетъ и кричитъ)* **Ахъ незносное горе!**
О.ню изливъ на сердце, аки ножемъ поре
Внутрности моя. Вижу: пришло погибати.
Якъ же имѣю грунта оставляти?
Что дѣлать съ имѣніемъ? что денегъ зъ сумою?
Не приберу способу, какъ забрать зъ собою.
(Смерть отрубуетъ все.)
Что я говору забрать? Се уже правая
Рука заклякла, аже кликаетъ и другая;
Ноги совсѣмъ отнило, уда ни едина
(Мало полежавъ схватится, кричитъ потомъ, упавши, захарчитъ.)
Нечую. (*напаваетъ смерть*) **великая въ умѣ мѣшанина**
Отъ, отъ Гикоменъ стопъ, поимѣте воскорѣ,
Бійте; не смотрѣть на то, что въ свѣтломъ уборѣ. *(умре.)*

Слуга 1.

Дошолъ уже панъ.

Слуга 2.

Такъ есть: уже бо не дишеть.
ай себѣ тамо Гипомена ищетъ

Слуга 1.

А намъ что дѣлать?

Слуга 2.

Что? тѣло отнесѣмъ въ полати,
і службу поищемъ сами себѣ плати.

Кантъ.

э виноватій,
Суду предстати
Уже конечно боится;
ıакъ человѣкъ
Въ нинѣшней вѣкъ
Можетъ въ себѣ размислится:
Или нерадивій,
Или неправдивій
Будетъ мой судія;
Къ тому же и я
И маю,
И знаю
Подкупить
Упросить:
Негли правъ буду?
Или непостоитъ,
Кто на мя настоитъ;
Или напослѣдокъ
Лживій встанетъ свѣдокъ:
Неважно
Присяжно
Поклястись
Да спастись
Толко би суду?
Можетъ ли сію
Имѣтъ надѣю
Кто на судъ Богу предстанетъ?
За страхъ единій

Тамо повинній
Едали въ себѣ останетъ;
Какъ труба затрубить,
Вси думкы погубить;
Какъ сядеть ревнивій
Судія во гнѣвѣ,
Какъ совѣсть
Вся повѣсть
Излѣчить,
Улѣчить:
Чимъ извинутись?
Станетъ правда тамо
Грѣшнымъ въ лице прямо,
Взищетъ безпокойной
Казни имъ достойной
Казнь вѣчна
Различна
Готова,
До слова
Какъ избѣгнути?
И въ смертній извѣтъ
Таковій совѣтъ
Въ нынѣшнемъ вѣцѣ бываетъ.
Мукаль ужасна,
Еднакъ дочасна
Смерть ю вскорѣ прекращаетъ.
Но тамъ мукы люты
Въ вѣкъ не перебути.
Всякъ смерти желаетъ;
Но смерть гонзаетъ:
Вседиевно
Огнь ревно
Исть тѣло,
Да и цѣло,
Вящшыхъ мукъ рады,
Червь неусипаай
Гризетъ непрестаай;
Огненная купѣль,
Сѣра да жупель
Во адѣ,
Во смрадѣ,

Во мукахъ,
Въ годюкахъ
Нѣсть тамъ пошады.

ДѢЙСТВІЕ 5.

Явленіе первое.

зводитъ діаволъ отъ ада Діоктита, который показуетъ казни, ему наложенные ыдм.)

Діоктитъ.

Ахъ горе мнѣ! горе мнѣ! Отецъ мой п[illegible]ати,
И день, въ онь же родихся, и часъ-то[illegible] проклятій,

Діаволъ.

Ступай, не опирайся.

Діоктитъ.

Куди мнѣ ступати?

Діаволъ.

Туди, гдѣ тебѣ срамно лице показати.
Помнишь ли Гипомена?

Діоктитъ.

И какъ позабити?
Его же ради мушу сія вся терпѣти.

Діаволъ.

Его то убо ради нынѣ въ сія страны
Вѣлено тя извести з геенской отхлани,
Даби онъ увидѣлъ судъ божій неумитній,
Безмездній, безпоблажній и безволокитній.

Діоктитъ.

Ахъ! онъ ли возритъ на мя, па головню ада,
На брашно зміевъ и снѣдь гризущаго гада?
На лице, еже въ мірѣ съ его добръ свѣтлѣло,
А нинѣ геенскимъ огнемъ огорѣло?
На плоть, яже з грабительствъ и татби блещалась
Нинѣ вмѣсто ризъ свѣтлыхъ кровью обліялась?
Руцѣ, яже невинних бить были пространны,
Нинѣ нерѣшимимы узами связаны.
Нозѣ, яже спѣшились грунтъ чуждъ похитити,
Нинѣ за то въ тяжкіе окови залити?

Всего, глаголю, въ бѣдѣ, въ ранахъ, въ струпахъ, въ гною
Аще узритъ Гипоменъ, обиженній мною:
Муки до муки еще приложитъ великой,
Посмѣваяся моей пагубѣ толикой.
Не хощу убо его никогдаже зрѣти,
Лучше веди мя паки въ подземнія клѣти.

Діаволъ.

Постой, не спѣшись. Косй часшь тамъ отради?
Мучитися настоитъ безъ конца во адѣ.

Діоктитъ.

Ахъ! то бо намъ напятяшше, что конца не будетъ;
Сколко не мучитися, еще презбудетъ.
Поповутъ лѣта, яки краткые годины,
А грѣшникомъ не будетъ въ мукахъ перемѣны;
Протекутъ тисящамы и тмамы темъ вѣкы,
А грѣшніи пребудутъ въ адѣ человѣкы;
Не станетъ числа далѣй, забудемъ начатку,
А и тогда не дождемъ мученій остатку.
О когда би я о семъ помишлялъ былъ въ свѣтѣ!
Лучше би самъ былъ желалъ обиженнымъ быти!
А теперь нѣсть, да кто мя отъ ада избавитъ!
Поне братіи моей пущай кто обявитъ,
Кои по моему и нинѣ обиждаютъ.
Ахъ! ахъ! что имъ слѣдуетъ, пущай тое знаютъ.

Явленіе второе.

(Гипоменъ, съ ангеломъ отъ блаженства пешедши, посмѣвается Діоктиту; отъ словъ его въ адъ презбыточное за терпѣніе вѣчныхъ благъ воздаяніе исповѣдуетъ.)

Гипоменъ.

Что се за страшилище?

Ангелъ.

Діоктитъ, зъ геенны
Жестокимъ, якъ видиши, стражемъ изведенній.

Гипоменъ.

Ти ли еси, Діоктитъ?

Діоктитъ.

Я, и окаянній.
Ктожь еси толь свѣтелъ и толь презбранній?

Гипоменъ.

Гипоменъ, ограбленъ и убитъ тобою,
Сей есть.

Діоктитъ.

Той, которій есть загребенъ во гною?
Его же судихъ въ жизни за безумна вину?
Егожъ мнѣхъ безчестенъ исходъ и кончину?
Како въ синѣхъ божіихъ нинѣ той имѣнися
И въ лику святыхъ жребій его поло
Азъ заблудихъ отъ пути правди, ос
И отъ солнца истинны не былъ
Се яко въ поднебесныхъ молнія б
Сице Гипоменъ нынѣ лучамы сіяе

Гипоменъ.

Чудишься, окаянне, днесь моему
Дивлюся не помалу и я Діоктиту
Почто теперь на мене рукъ не
Почто вѣнца и свѣтлыхъ ризъ не
Чему мя не бісши? Се плѣты готовы.

Діоктитъ.

Ахъ! не прикасайся имъ: зміи суть суровы,
А не плѣты. Пожалуй, ругатись престани,
Вели уже отити въ подземніе страны.

Гипоменъ.

Иди, поспѣшай во адъ, погибелній сыну,
Не смущай очесъ моихъ, зрящыхъ Бога выну.
Діоктитъ отходитъ и отходя говоритъ:
О горе мнѣ! горе мнѣ! Отецъ мой, и мати,
И день, въ онь же родихся, и часъ тотъ проклятій!

Гипоменъ.

Благословенъ Богъ, что сей избавилъ мя части,
Что не далъ въ руцы мучителя впасти!
Сѣть его сокрушися; азъ же избавленній,
Яко птица до небесъ легко вознесенній,
Земная имѣнія какъ днесь поминаю,

Противъ небесныхъ тая гной быть имѣнию.
Грунта мои нинѣ суть небеса широкы;
Лѣсъ мой—Едемъ прекрасній стоитъ на Востокѣ;
Мелницы мои свѣтилъ небесныхъ кружала,
Пруда воды животной чистѣе кристала;
Домъ мой—чистое злато, камень многоцѣній;
Домашніи прекрасны ангельскіе чины.
Недостойны во правду быша мои страсты
До избитка благъ вѣчныхъ возданной мнѣ части.
Когда бъ кому отъ земныхъ поне то приснилось,
Страдать, аки пировать, самомубъ хотѣлось.
О чтожь еще объ оной возглаголю славѣ,
Юже имамъ, божіе лице зряще явѣ?
Неисповѣдима есть; внегда помнинаю,
Сердцемъ, аки отъ солнца воскъ, истаеваю.
Не могу на семъ мѣстѣ болѣе медлѣти,
Тецѣмъ насищатися той слави со клеврѣти.

Канонъ.

Вшедши душе въ свѣтлость святыхъ,
Въ жребій благихъ
Въ мѣсто крова
Дивна нова,
Всѣхъ страданій,
Якъ мечтаній
Сонныхъ, позабуди.
Се по всякъ день праздникъ велій,
Шумъ веселій,
Ангелскій хоръ,
Святыхъ соборъ
Тотъ въ гортанехъ,
Сей въ органехъ
Гремитъ повсюду.
Плачь съ тугою,
Вопль зъ бѣдою,
Прочь изгнанны
Отъ той страны.
Смотри убо на клеврѣти,
Отри слезы отъ ланити,
Воспой пѣсны
Всеутѣшны

Тріумфальны,
Безпечальны.
Позабуди впредъ стенати,
По прежнему воздихати
Отвикай:
Нѣсть кто бы тамъ позавидѣлъ
И обидѣлъ;
Всѣмъ пространно
Небо данно;
Прохажатись,
Прохлаждатись
Повсюду волно.
Нѣсть убогихъ, вси богаты,
Ходятъ въ златѣ,
Нѣсть подданныхъ,
Калѣкъ странныхъ;
Вси велможы,
Вси пригожы,
Всего доволно.
Нѣсть тамъ сору,
Ни въ чемъ спору,
Злоби, вражди,
Отмщать жажди,
Брани, рати тамъ не слишно,
Не видати дружби внѣшной;
Между всѣмы
Нерушимій
Союзъ дружбы,
Лести чуждій.
Не умѣютъ притворяти
И не могутъ ухищряти
Другъ друга.
За тѣмъ, душе, въ сей дружинѣ
Сущи нинѣ,
Безъ боязни
Неприязни,
Несказанной,
Тебѣ данной
Утѣхи вкушай.
Пріими ризы неистлѣнны,
Многоцѣнній

Лавръ на главу:
Вся во славу
Облеченна,
Просвѣщенна
Лучамы блистай.
Пройди многы
Сквозь чертогы
Поздащенны,
Испещренны.
Ангелъ чиномъ обстоима,
Святымъ ликомъ проводима,
Купно играй
И воспѣвай:
Благословенъ
Всѣхъ виновенъ
Богъ единій, въ Тройци чудній!
Хвално имя сго буди
Во вѣкы!

Эпилогъ.

Два лица жива по смерти въ дѣйствіи явленны,
По примѣру тому весь міръ будетъ оживленній:
Единъ Діоктитъ злобній приялъ мукы люты,
Но, примѣромъ тѣмъ, всѣмъ злимъ мукъ не избѣгнути;
Единъ Гипоменъ дойшолъ блаженнія славы,
Но, примѣромъ тѣмъ, дойдутъ блаженства вси правы.
Толико можемъ сіе утверждать свободно,
Елико есть з священнымъ писаніемъ сходно:
Притворъ бо сей на прямой положенъ основѣ,
Что глаголетъ, что стоитъ о Божіемъ словѣ.
Будижъ съ погрѣшеніемъ что въ дѣйствіи бяше,
Прощеніе скудости подадѣте нашей.

ПЕРЕПИСКА А. П. С[illegible] СЪ РАЗНЫМИ

[illegible]

Всемилос[illegible]сударыня!

Въ Москвѣ театръ былъ на самомъ худомъ основаніи, какъ и все было худо; да и ждати доброва, видя во всемъ, и кромѣ театра, непорядки, было мнѣ по театру успѣха не возможно. Бельмонти, покутивъ во время своего содержанія множест[illegible] итальянскихъ крючковъ и подлостей, денегъ собралъ съ народа [illegible]ного, думая о единомъ сборѣ и своихъ доходахъ и всѣ тѣ зборы промотавъ, въ бѣдности умеръ. Актеры для бывшія язвы, ничего не представляли и пришли въ крайнюю бѣдность и чудь было всѣ не разошлися; однако К. М. И. Волконской, Д. В. Волковъ и г. Оберполицеймейстеръ нынѣ стараются имъ подписками ради пропитанія нѣчто собрать, и чаю, что ими сіе дѣло и исполнится. Ко гр. П. Семеновичу всѣ адрессы были бы тщетны, а бывшій Оберполицеймейстеръ о должности своей, что и поважняе, и въ самыя нужныя часы не помышлялъ. Il etoit toujours spectateur sans gout, juge sans resolution, heros sans courage, home sçavant sans sçience et absent meme dans les circonstances es plus reelles. Чевожъ кромѣ безъпорядка и ждать было. — L'esperance me nourrit que les comandans de sa ville auront un autre soins a present, et je crois que je ne me trompe pas.—Здѣсь многія разсужденія о театрѣ отъ людей партикулярныхъ происходятъ, какъ бы сво уставить.—Когда о мастерствѣ портныхъ столяры разсуждаютъ, такъ *платья хорошева* не будетъ никогда, а театръ по крайней мѣрѣ лутше, *почтеняе*, полезняе и лутше учреждая быть можетъ, нежели

мастеровая изба портныхъ.— Все будетъ худо, если плотники будутъ строить палаты, а каменьщики хоромы.—А всево хуже, ежели, какъ слышно, Мелиссино вважется въ сіе дѣло, ибо онъ давно уже съ Сукинымъ и съ двумя братьями Пушкиными театральной прожектъ узаконилъ. Si Poushkin et son frere ont fondées les principes de theatre, Votre Majesté peut deja faire une conclusion, quelle honetteté etoit la source de leurs projets.—Voilà les conseillers de Melissino touchant le theatre!—et je ne voudrai lier une étroite amitié avec Pouchkin et meme avec Melissino pour tous les biens du monde. Желалъ бы я видѣти въ Москвѣ основательной и порядочной театръ, а особливо, что здѣшнія нравы великой поправки требуютъ. За комедіи на меня и многія злиться станутъ; однако я никово не боюсь такихъ людей, а что и буду писати, то я сперьва ради представленія въ П: бургъ присылать буду.— И теперь у меня нѣсколько піесъ разныхъ піитическихъ готово, оканчевается новая трагедія и двѣ комедіи и протчее нѣчто довольно здѣлано, но то или духовное или театральное, а не печатается ради того, что не кому переписывать, а писца сыскать и переписчика ученыхъ сочиненій здѣсь не можно. И что мнѣ съ моими сими сочиненными дѣлать піесями я не вѣдаю, а они двей чрезъ 10 всѣ готовы будутъ, ибо хотя я отъ августа 7 мѣсяцовъ и болѣнъ, но преодолѣвая мои болѣзни, исключая 3 мѣсяца, когда я почти жизни лишался, работалъ я въ нынѣшней неблагополучный минувшій годъ больше всѣхъ лѣтъ. Естьли угодно вашему Императорскому величеству видѣти въ Москвѣ театръ, и чтобъ можно было приступить особливо къ поправленію здѣшнихъ развратныхъ нравовъ, а я бы удобнае могъ и охотнае сочинати драмы; такъ ваше разсужденіе лутше всѣхъ моихъ представленій помощь и руководство Мельпоменѣ и Таліи подать можетъ. А естьли невѣжи располагати будутъ, не спросяся знающихъ людей, такъ все перепортятъ, а особливо, ежели l'orgueilleux et homme le plus interessé Melissino selon le projet de deux Pouchkin, de ces deux les trés fameux honnette homes, aura la direction. — Ваше величество не примѣтили еще, чтобы я когда пустое говорилъ. J'aime la verité plus que ma vie et que tous les bien du monde, et je ne cherche d'autre chose qu'a me recomender a mon Dieu, a mon imperatrice et a sa sincerité de mon ame et de ma raison.

Вашего императорскаго величества
всенижайшій и всеподданнѣйшій рабъ
Александръ Сумароковъ.

26 марта 1772.
Москва.

II.

Милостивый государь мой Григорій Васильевичъ.

Могъ бы я подумати, что вы меня забыли, естьли бы вашъ характиръ мнѣ мѣнше извѣстенъ былъ, а я къ вамъ не писалъ за болѣзнію и чтобы изъ зараженнаго города ни къ кому не писать я себѣ уставилъ законъ. Болѣнъ я осьмой мѣсяцъ и неоднократно приготовлялся ко гробу; однако нынѣ получилъ уже надежду, что ежели не обновятся разныя и многочисленныя мои болѣзни, выздоровѣть; однако исключая 4 мѣсяца жесточайшей моей немощи, писалъ я столько, сколько я никогда не писывалъ, по размѣру времени. Трагедія и двѣ прозаическія комедіи будутъ у меня можетъ быть окончены къ празднику. Со старыми псалмами, которыхъ число 20, готово у меня много псалмовъ, и столько я выбрать намѣренъ былъ, а именно 75, то есть цѣлая половина псалтыри. Я увѣренъ, что мои псалмы не по Ломоносовски сдѣланы. До новыхъ склогъ и лутче почти всѣ всѣхъ старыхъ и еще кое-что. Да то бѣда, что переписати некому; былъ одинъ изъ Иконосспаскаго монастыря студентъ къ тому способенъ, да и тотъ въ попы поставленъ. Желалъ бы я того, чтобы Государынѣ о моихъ трудахъ извѣстно было. А я бы конечно на театръ послѣ праздника піесы прислалъ; но копировать самъ я не стану, а другова, кромѣ себя,описта я въ Москвѣ всеконечно не сыщу. Да и пера мнѣ очинить некому, а стихотворцу это ремесло не столько потребно, сколько грамота, хотя и въ ней больше нужды нѣтъ, и похвальние, не зная грамотѣ, быти стихотворцемъ; ибо и въ древней Греціи сдакой диковинки не бывало. Еллины премудрости ищутъ, а мы стихи и безъ премудрости писать умѣемъ. Письмо къ Государынѣ писано о театрѣ; содержатель, обокравъ Москву, и обезобразивъ мои драмы, деньги всѣ промотавъ и не жалѣя ради прибытка и здоровья своево въ недавномъ времени уморивъ жену, и самъ за нею въ Пургаторію послѣдовалъ. Такъ, дабы театръ лутше быть могъ, о томъ къ ея величеству писано. Супругѣ вашей и И. И. Мотонису и ево супругѣ мое почтѣніе, я не говорю, нижайшее, но высочайшее. Я жду отъ васъ дружескаго и хорошаго отвѣта и намѣренъ быти во всю мою жизнь

вашего высокородія
милостив. м. Государя
покорный и вѣрный слуга
А. Сумароковъ.

NB. О копистѣ формально я больше и не прошу, сказываю только къ

изданію мою остановку и почти невозможность; слѣдовательно и отказа не жду, а что съ перепискою здѣлать не знаю.

26 марта 1772.

Москва.

NB. Я милостію Божескою и моимъ обреженіемъ свой домъ сохранилъ и хотя мой околотокъ вкругъ почти больше всѣхъ мѣстъ пострадалъ, а у меня больше пятидесяти въ домѣ человѣкъ, живы всѣ. Конечно по сіе время язва до стиховъ была не охотница, но я желаю, чтобы эта гостья никогда ко мнѣ не пожаловала.

(Собствен.)

III.

Милостивый государь мой
Александръ Петровичъ.

За пріятное вашего превосходительства ко мнѣ письмо покорнѣйше благодарствую; такъ же и жена моя за приписаніе. При семъ препоручаю въ милость вашу дочь мою Александру, которую мнѣ Богъ даровалъ марта 18 числа. О несчастіяхъ Московскихъ на что больше мнѣ упоминать? Дай Богъ, какъ теперь они миновали, чтобъ и не возвращались уже никогда! Поздравляю васъ съ окончаніемъ многихъ новыхъ сочиненій, а нѣкоторыхъ съ доканчиваніемъ, и желаю оныя всѣ увидѣть въ печати. Ея величество изволила мнѣ приказать въ отвѣтѣ къ вамъ написать, чтобъ вы проектъ къ учрежденію Ѳеатра Московскаго представили, отъ котораго бы и представляющіе и зрители могли имѣть пользу. Сіе донеся, отъ Николая Николаевича свидѣтельствую вамъ почтеніе его всегдашнее; жена его уѣхала въ Малороссію еще зимою. Парасковьѣ Александровнѣ я и жена моя при почтеніи желаемъ благополучія. А сверхъ всего пребуду всегда

милостивый Государь мой
вашего Превосходительства
покорнымъ и вѣрнымъ слугою
Григорій Козицкій.

Санктпетербургъ.
1772 г.
Апрѣля 10 дня.

—

IV.

Всемилостивѣйшая Государыня.

По письму Г. В. Козицкаго, я по благоволѣнію вашего императорскаго величества о установленіи и о хорошемъ основаніи Москов-

скаго ѳеатра проектъ и планъ составлю; дабы ѳеатръ былъ, какъ говорится, не на живую нитку, положенъ былъ (sic); и чтобы основаніе онаго было непременно и не слабо, но твердо и вѣчно. А потому что я, кромѣ моихъ авторскихъ сочиненій, къ оному и причастенъ быть не хочу, что касается до управленія, такъ я и не для себя оное основаніе положу и не для короткаго времени, но навсегда. Расположивъ оное учрежденіе и какъ скоро въ немъ буду готовъ, ради разсмотренія и ради утвержденія пришлю въ П.-бургъ и о всемъ ясно представлю, сколько умѣю.

Вашего Императорскаго Величества
всемилостивѣйшій и всеподданнѣйшій рабъ
Александръ Сумароковъ.

19 Апрѣля 1772.
Москва.

(Собственнор.).

V.

Милостивый Государь мой Григорій Васильевичъ.

Почта уходитъ; такъ бы не замедлить отвѣтомъ, я при семъ прилагаю моего желанія стремленіе и проектъ сочинивъ пришлю въ П. Б.—Любезной вашей супругѣ мое должное почтѣніе и дочери вашей моей тестѣ мой нижайшій поклонъ. NB. Правдали ето, что я слышалъ ко удивленію моему о вашей дочеря, что хотя родитель ея и многія языки знаетъ, она никакимъ языкамъ говорить не умѣетъ. — Жаль етова, что она такъ неучена. Многіе наши риѳмотворцы безъ познанія языка стихи пишутъ, а ваша дочь никакова языка не знаетъ; хотѣлъ бы увидѣти какое изъ ея сочиненій. Однако, хотя вы меня и любите, не уповаю, чтобы вы мнѣ изъ ея сочиненій нѣчто гораздо скоро сообщили, но я прежде изъ свѣта не хочу, доколѣ не увижу тестки своей авторомъ.

Вашего высокородія
покорный и вѣрный слуга А. Сумароковъ.

19 Апрѣля 1772.
Москва.

VI.

Всемилостивѣйшая Государыня.

Изготовляя планъ театра, стараюся я о хорошемъ онаго основаніи, зная то, что хотя мое стараніе о установленіи театровъ было и велико, но чрезъ болѣе двадцати лѣтъ, не только въ Москвѣ, но

и въ Петербургѣ никакова твердова къ тому основанія ни мало не положено: и естьли Дмитревскаго театръ когда лишится; такъ и все сіе зданіе развалится. Гр. Гр. Григорьевичь пріѣхалъ сюда: а я послѣ еще продолжаемыхъ моихъ болѣзней, какъ нарочно въ самый тотъ часъ получилъ силы выѣхать: и севодни еще его сіят. у к. Волконскаго увижу, и видя особу графскую, П.-бургъ и вашего величества освященную особу еще живые себѣ воображаю. Мои обстоятельства и недостатки заставили меня прошлаго года всенижайше просить о выдачѣ мнѣ впредь на годъ жалованья. И хотя я едва устоялъ во словѣ, чтобы мнѣ оное заслужить и до срока не заслуживъ онаго не умереть и многократно отчаянъ былъ, въ чемъ я прегрѣшилъ бы во мо[illegible]лъ бы только тѣмъ преступокъ твердаго въ [illegible]угой вины предъ вашимъ величествомъ никогда [illegible]такъ не стараяся, какъ о томъ, чтобы ничѣмъ [illegible]себѣ вашего гнѣва, ибо едина ваша милость [illegible]грѣваетъ мою музу, такъ всенижайше прошу о[illegible]прошлаго года, повелѣть выдати мнѣ мое опре[illegible]дабы я безпрепятственно имѣлъ духъ покойный.[illegible]мѣсяцовъ болѣнъ былъ; однако отомщая моей[illegible]зольно вымѣстилъ сочинивъ по совѣту архіеписк.[illegible]Псалтыри стихами, много здѣлалъ я еклогъ; а ч[illegible]участно, такъ сочинилъ я одну трагедію, о кот[illegible]а благоволѣнія вашего императорскаго величества удостоится и похвалы знатоковъ, да еще три комедіи, въ которыхъ разнообразно пороки изъясняются. А я думаю, что и комедіи мои не мѣньше поправки здѣлать могутъ, сколько принести увеселенія и смѣха, а комедіи въ Москвѣ и ради прогнанія невѣжества премудрому вашему правленію всеконечно угодны были долженствуютъ, и Россіи они всеконечно много плода принесутъ. А естьли время увядающей моей жизни и ослабѣвающія мои силы вашею монаршею милостію подкрѣпляемы будутъ; такъ я еще четыре года потрудиться уповаю, и театру, а особливо комедіями услужить уповаю; ибо мнѣ прозаическія комедіи сочинати, имѣя и теорію и практику и видя ежедневныя новыя въ невѣжахъ глупости и заблужденія, очень легко. Комедіи готовы, но переписать ихъ некому, а я самъ копировать не могу, а естьли бы былъ у меня писецъ, такъ бы три комедіи на первой почтѣ въ П.-бургъ пересланы быти. А сіи драмы, я знаю заподлинно, вашему величеству и публикѣ понравятся. О годовомъ отъ 1 маія жалованьѣ я всенижайше повторяю, а проценты въ казну будутъ стихами, которые конечно и самой выданной суммы стоять будутъ. Препоручая себя всевысочайшему ва-

шего величества покровительству и осѣняемой многія лѣта вашей меня (sic) отличной милости есмь до послѣдняго моево издыханія съ усерднѣйшею моею вѣрностью

вашего Императорскаго Величества
всенижайшій и всеподданнѣйшій рабъ
Александръ Сумароковъ.

Апрѣля 30 дня 1772.
изъ Москвы.

(Собст.).

VII.

Милостивый Государь мой Григорій Васильевичь.

Я спѣшу къ к. М. И. Волконскому; графъ тамъ будетъ кушать; а я и вчера обѣдалъ у к. Волк. и съ графомъ еще о громѣ спорилъ и сколько отъ спора не отходилъ, однако онъ меня во споръ втащилъ. О резолюціи на мое письмо всепокорно прошу: въ немъ писано о жалованьѣ годовомъ, какъ и прошлова году, я сіе дѣло вашему дружескому попеченію препоручаю. — Чтобы я вамъ не напоминалъ о прошедшемъ Московскомъ нещастіи, пишите вы ко мнѣ: —я вамъ помянулъ къ стати и кажется не согрѣшилъ; пріятно напоминать о минувшемъ злѣ, которое только наши души поражало, что мы и въ сіе благополучное избавленны Ея величеству о насъ попеченіемъ, еще опамятоваться не можемъ.—Да и вѣчности предать ето надлежало бы, да и рѣдкое слово публичное безъ напоминанія сего нещастія говорится; ибо изъ самаго сего нашего злополучія рождается благодареніе, коимъ мы освященной особѣ должны, къ нашей пользѣ и безопасности и къ ея славѣ. Комедій у меня три готовы и одна трагедія, но переписывать се некому, а которыя были порамотняе изъ студентовъ во Спасскомъ училищи; тѣ нынѣ всѣ попы, ибо попы и церковники въ Москвѣ почти всѣ вымерли. — Желаю всѣхъ благъ вамъ, любезной супругѣ и любезной дочери, моей тесткѣ. — Я непремѣнно есть и буду

вашего высокородія
милостиваго Государя моего
вѣрный и покорный слуга А. Сумарокову.

Апр. 30, 1772.
Москва.

(Собств. приписка на особ. листкѣ:)

Г. камеръ-юнкеръ Потемкинъ, приславъ ко мнѣ свою драму, требуетъ искренно моево о ней мнѣнія. En voyant une si miserable *piece je suis fort* embarassé, et je suis au desespoir de lui repondre,

—Титло взялъ онъ то, которое назначилъ было я [illegible]кой же драмѣ; во тогда Гр. и желая имѣти кое-что о семъ произш[illegible]ствіи, сказалъ наконецъ, что всѣ письма братій ево были у васъ, а вы не были въ П.-бургѣ; и такъ вмѣсто всего сочиненія я тол[illegible]о подалъ причину сочинить драму на своемъ основаніи и подъ тѣм[illegible] же титломъ, которая ни прославителю, ни прославляемымъ славы [illegible]не приноситъ, ни утѣшенія читателямъ, ниже историческаго расск[illegible]а, какъ должно и гдѣ нѣтъ ни складу, ни ладу. Есть способность у [illegible]г. Потемкина; познанія нѣтъ ни малѣйшаго.

— Ежели нѣтъ ево высокородія Гр. Васильевич[illegible] въ П.бургѣ; такъ я адресуюся для поданія [illegible]моево письма освящен[illegible]ой особѣ къ Его Прев. Сергѣю Матвѣевичу [illegible]о томъ, о чемъ я прошу Григорія Васильевич[illegible]

Императрица въ Царск.[illegible]лодписала повелѣніе князю Вяземск. о выдачѣ [illegible]впередъ на годъ.

При покорномъ моемъ [illegible]е письмо Монархинѣ, препоручаю себя вашему дружескому напоминовенію и объявляя мое супругѣ вашей и дочери почтеніе, и Н. Николаевичу съ ево супругою есмь непремѣнно

вашего высокородія Милостиваго государя моево
покорнѣйшей слуга и другъ
А. Сумароковъ.

3 мая 1772.
Москва.

IX.

Всемилостивѣйшая Государыня.

Я въ сочиненіи проекта о театрѣ тружуся, соображая всѣ обстоятельства; но сіе мое стараніе пресѣклося и понудило меня всенижайше пріяти дерзновеніе и представить вашей освященной особѣ. Въ самое сіе время Мелисино призываетъ актеровъ къ себѣ, объявляя, что онъ имѣетъ повелѣніе разсмотрѣть и уставить театръ, которому быть подъ его главнымъ смотреніемъ, а содержателемъ избираетъ вмѣсто Сукина и Пушкина, которые прежде содержателями отъ него назначены были, нѣкоего князька Долгорукова, свою родню, человѣка глупова и мота, которой недавно былъ отданъ подъ

началъ, помнится, въ Соловецкій монастырь, за дѣла, о которыхъ и вспомнити гнусно. Въ сіе время актеры получили отъ Дмитревскаго письмо вмѣсто истолкованія, кое я при семъ ево въ подлинникѣ со всенижайшею покорностію пріобщаю. Ежели бы Дмитревской отъ придворнаго театра былъ уволѣнъ; тогда бы ето еще нѣсколько уважено быть могло; но чтобы только доходы онъ получалъ, а я бы ради ево трудился и тратилъ время ето моему разсудку непонятно. Довольно и того, что я никакова отъ театра дохода имѣти не хочу, кромѣ новыхъ моихъ драмъ, по обыкновенію всѣхъ театровъ, а я по Россійскому театру трудился побольше Расина и Вольтера, но еще и понынѣ изъ крайняго убожества не выбился. И не лутче ли, чтобы доходъ былъ при театрѣ казенной, нежели кому партикулярно моими особливо трудами обогащаться, а мнѣ, какъ лежитъ пословица, говоритъ: Я именинникъ, да мнѣ жо нѣтъ калача; или сказать изъ Священнаго Писанія: овіи трудишася, овіи во трудъ ихъ внидоша. Я жду вашего величества повелительнаго отвѣта.

Вашего императорскаго величества
всенижайшій и всеподданнѣйшій рабъ
Александръ Сумароковъ.

3 мая
1772.
Москва.

(На полѣ собствен. примѣчаніе:)

Самъ я въ театръ вязываться не хочу, слѣдовательно не ищу я своей пользы, которая должна быть казенною, къ размноженію театра; а правительствовать или на хорошемъ основаніи содержателемъ должно быть неглупому и честному, а потому что я въ доходахъ и правленіи, кромѣ плана и моихъ драмъ участія не беру; такъ равно мнѣ, кто бы правителемъ ни былъ; только былъ бы человѣкъ хорошій; безъ того и порядка быть не можетъ.

IX.

Письмо Дмитревскаго

(Безз знак. препинанія; правоп. соблюдено).

Государь мой Григорей Васильевичь и любезный другъ.

Я имѣю вамъ донесть и всѣмъ вашимъ товарищамъ, что можетъ быть въ непродолжительномъ времени я здѣлаюсь вашимъ содержателемъ и вашимъ товарищемъ. Я ласкаю себя надеждою, что вы будете *мною весьма* довольны, а я обнадеживаю васъ, что я всѣ спо-

собы употреблю къ удовольствію вашему и ежели въ скорости здѣлается рѣшеніе сему дѣлу, то въ самой скорости и товарищъ мой къ вамъ пріѣдетъ для произвожденія вамъ хотя нѣкоторова жалованья, не смотря на то, что спектакели можетъ быть долго еще начатся не могутъ. И для того пожалуй, Государь мой, имѣйте немногое терпѣніе и не давайте слова ни кому для вступленія въ обязательство. Между тѣмъ увѣдомьтѣ меня на первой почтѣ, всѣ ли вы въ Москвѣ и что съ вами происходитъ, дабы я могъ вамъ помочь чемъ нибудь изъ денегъ. Но увѣдомьте обстоятельно, я обнадеживаю васъ, что я все по дружески, какъ съ братьями съ вами раздѣлю, на будущей почтѣ я пространнѣе съ вами разговаривать буду и докажу ясно, что я всегда есмъ и буду

покорный вашъ слуга и другъ Ив. Дмитревской.

Апреля 22 дня
1772 года.
Петербурхъ.

X.

Всемилостивѣйшая Государыня.

По благоволѣнію вашего императорскаго величества я проектъ и планъ о театрѣ здѣлавъ и оной сообщилъ читая Д. В. Волкову и г. оберполицеймейстеру. Они во всемъ со мною согласны крайне, а к. М. И. Волконскому я оный сообщать нужды не имѣю; но сыскавъ кописта и подписавъ купно съ Д. В. Волковымъ представлю высочайшей вашего величества апробаціи. — Главная нужда въ томъ состояла, чтобы была при театрѣ институція, чево прежде не было, и отъ чево были непорядки, а могли бы быть и болѣ; ибо всего потребняе, чтобы не было никакова мятежа и шуму, отъ чево безпокойства и всякія худыя слѣдствія быть могли и потребна тишина, а особливо чтобы не было своевольства ни отъ господъ, а паче отъ такихъ холопей, безъ чево ни одно представленіе не проходило. — Паче всево я того опасался, чтобы театръ не былъ порученъ Мелиссино, qui veut remplir sa bourse.—Онъ твердилъ обманывая людей, что каменный театръ будетъ и подалъ дерзкое доношеніе въ сенатъ, гдѣ точно видно, чево онъ хочетъ и пишетъ предварительно, что онъ за свои труды чаетъ казеннаго огня вашего величества награжденія; но и Д. В. Волковъ и г. Архаровъ будучи разумны, етому посмѣялись. Театръ каменной быть можетъ и послѣ; но ожидая онаго суетно не какни, но хорошія драмы и хорошія акціи потребны. А Мелиссиново стремленіе себя обогатить и требовать еще за то непомѣрнаго награжденія. При планѣ я ясняе опишу: желаю только, что-

Бы исполнено было тако, какъ по вашему съ г. Волковымъ и съ г. Архаровымъ мнѣнію положено.

Вашего Императорскаго величества
всенижайшій и всеподданнѣйшій рабъ
Александръ Сумароковъ.

4 Мая 1772.
Москва.

X.

Письмо Г. В. Козицкому.

Вечеръ уже насту́пилъ: почта [illegible] прилагая сіе письмо, васъ стократно за ваши представленія [illegible]о.—Супругѣ и дочкѣ кланяюсь, и почитая весь ваш[illegible]ъ б[illegible]а
вашъ вѣрны[illegible]га
А. Сума[illegible]

4 Мая 1772.
Москва.

Милостивый Госуда[illegible] Петровичь.

Оба обверта ваши всепод[illegible] высочайшей особѣ. Жалованье вамъ выдать пове[illegible]ало. О проектѣ вами сочиняемомъ Государыня изволила всемилостивѣйше отозваться, чтобы вы оный продолжали, и что Московскій театръ еще никому не порученъ. Благодарствую покорно вашему Превосходит. за незабвеніе жены моей и дочери, которыя почтеніе свое вамъ чрезъ меня свидѣтельствуютъ, какъ и Николай Николаевичь, съ нижайшимъ поклономъ. Если Богъ дастъ, что дочь моя взростетъ, то первое изъ ея сочиненій будетъ состоять въ изъявленіи вамъ своей благодарности за толь лестныя ваши объ ней мысли. Пріятно воспоминать несчастія, но я сътѣмъ о приключившихся на Москвѣ упоминать не хотѣлъ, чтобы страха оныхъ не возобновить и пораженнаго ими сердца болѣе не терзать. Отвращеніе же отъ насъ зла и поспѣшествовавшая помощь должны въ нашей памяти достойно пребыть навсегда. Прежній отъ 19 дня апрѣля обвертъ имѣлъ я также счастіе поднести ея величеству наконецъ вручаю себя милости и любви вашей и есмь

милостивый государь мой
вашего превосход.
всегда покорный слуга
Г. Козицкій.

С.-Петерб.
1772 г.
Мая 12 дня.

XII.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Будучи болѣ полугода болѣнъ, я по все сіе время не сочиняю и ничево не читаю, толико меня гипохондрія преодолѣла, а въ прошедшій годъ не взирая на минувшее материнскимъ о насъ вашего Императорскаго величества попеченіемъ нещастіе, на продолжающуюся полгода жесточайшую мою болѣзнь, я столько много сочинилъ мѣсяца въ три, сколько и на три года довольно. А между тѣмъ и ради театра одну траге ою, которыя давно бы были на придворомъ те ь кописта они лежатъ и понынѣ безъ перепис лѣднюю охоту къ театру отъемлетъ. Нынѣ изъ ой Академіи, имущій склонность и ко стихот хъ мѣсяцевъ неотступно проситъ меня, дабы взя ради переписки, чтобъ ему чрезъ то научить поэзіи, а онъ къ тому и способности много имѣ нъ изъ поповичей и человѣкъ свободной, могу указу: да и начальники ево за нево стоять не ятъ, а сверхъ того мнѣ и они какъ и всѣ знатнѣйшія духовны інія пріятели; но потребно сему человѣку жалованье, ибо бѣдность рождаетъ подлость, а поэзія подлости и крайнихъ недостатковъ не терпитъ. Такъ я всенижайше прошу вашего императорскаго величества о указѣ, хотя объявленіемъ вашихъ штатссекретарей, дабы ему было опредѣлено жалованье противъ сенатскихъ копистовъ, а онъ и теперь лутче всѣхъ ихъ грамотѣ знаетъ. А я думаю, что мое наставленіе ученикамъ будетъ имъ полѣзно, и полѣзнае еще публикѣ или лучте сказать отечеству. Да и опыты етому есть, ибо не только точныя мои ученики, но всѣ и театральныя и лейбкомпанскія кописты въ хорошихъ уже по знанію своему чинахъ, а бывшій при мнѣ послѣдній по лейбкомпаніи кописть и послѣ опредѣленный къ театру, нынѣ полковникомъ и ежели севодни пойдетъ въ отставку, такъ и отличіемъ степени меня самаго превзойдетъ. Одному только не удалося, бывъ при мнѣ, хорошему слогу научиться хотя онъ и всѣхъ больше чинъ имѣетъ и который мнѣ по сіе время имѣть кописта препятствовалъ, чая, что и данный мнѣ кописть толико же мало отъ меня научится, колико мало научился у меня онъ. Все сіе оставя я жду вашего высочайшаго повелѣнія.

Вашего Императорскаго Величества
всенижайшій и всеподданнѣйшій рабъ
Александръ Сумароковъ.

Января 24 дня 1773.
Москва.

XIII.

Желаю я быть у васъ Дѣйствительнаго Штатскаго Совѣтника и Кавалера А. П. Сумарокова какъ для переписки вашихъ сочиненій, такъ и для наученія правописанія и свободныхъ наукъ, а чтобъ я могъ содержать себя сколько благопристойность требуетъ, о томъ прошу нижайше, дабы вашимъ стараніемъ исходатайствовано мнѣ было довольное казенное жалованье.

...тій Ивановъ.

Января 1 дня 1773.

Милостивый ... Васильевичъ.

При засвидѣтельство... ашей и моей тесткѣ мо-ево непремѣннаго почт... ошу о поднесеніи моево письма освященной осо... Первую книгу Превращеній вашего перевода я читал... имъ удовольствіемъ.—Кто не удивится изъ нашихъ потомковъ, что вы и я въ одно время жили съ . . . . . [1]) авторами и переводчиками. — Отпусти Боже имъ ихъ согрѣшенія!

Вашего высокоблагородія
Милостиваго Государя моево
вѣрный и покорный
А Сумароковъ.

Января 24
1773 г.
Москва.

XV.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Театръ Московской зачатъ еще съ бо́льшимъ непорядкомъ, нежели преждѣ, и которыхъ отвратить нельзя; ибо никакія доказательства, служащія къ порядку не пріемлются. А я к. Н. М. Волконскому прямою линіею и предложенія никакова здѣлать не отважуся, дабы мои предложенія не могли почтены быть несправедливою наглостью.

[1]) Не разобрано.

Трагедіи мои играются скаредно: никто актеровъ не учитъ, а я избавляяся досады и горести на спектакли не ѣзжу; да и выпускать новыхъ драмъ не можно: ибо такъ разсуждаютъ: когда де піесы играны при дворѣ и напечатаны, такъ ихъ играть можно. Вашему величеству извѣстно, что во время Софокла и Еврипида, трагиковъ Греческихъ, книгопечатанія еще не было; однако ихъ драмъ безъ воли ихъ не играли и что не только основатели театровъ, но и всѣ авторы своихъ сочиненій безъ прибытка себѣ не выпускаютъ. Съ Бельмонтіемъ здѣланныя контракты и до другихъ содержателей касаются, и договорено было за Дмитрія получити мнѣ полторы тысячи рублевъ, а я не работникъ на Московскую публику, а паче на содержателей. — Вашему Императорскому величеству извѣстно, что и прежде и нынѣ о Московскомъ театрѣ я докучалъ вашей всевысочайшей особѣ; такъ на чтожъ бы мнѣ и трудиться, естьли бы мои труды тщетны были? — Я болѣнъ, а Д. В. Волковъ сегодни отъѣзжаетъ въ П.бургъ. Такъ и послѣдняя надежда къ установленію театра погибнетъ, а расположеніе и уставъ отъ меня сообщенъ ему а у меня и копіи не оставлено. Мнѣ дѣлать нечево, а к. Волконской въ театральныя распорядки, никогда о томъ не думавъ, войти не можетъ, хотя мнѣ онъ и отъ самаго рабячества пріятель, а нынѣ, по отличности чина сво, благодѣтель. Вообразите, государыня, возможно ли при такихъ всегдашнихъ хлопотахъ поощрять себя къ театральнымъ сочиненіямъ, когда піесы мои, тщательно сочиненныя, всемирно безобразятся, и за которыя почти при каждомъ представленіи по 1000 рублевъ собирается, а со мною збывается древняя Русская пословица: Я именинникъ, да мнѣ и пирога нѣтъ. Написано во Священномъ Писаніи: Труждающемуся дѣлателю прежде всѣхъ отъ плода вкусити должно. Трагедія Димитрій и въ продажу прежде отдана не была, поколѣ новаго контракта съ содержателями я не здѣлалъ; но кажется мнѣ, что въ Москвѣ всѣ мои о словесныхъ наукахъ доводы слабы. Ни покойная Императрица, ни ваше величество моихъ драмъ, какъ монарха власть ни велика, никогда безъ особливой милости представлять не повелѣвали, и всегда я отличнымъ пріятіемъ, питающимъ мое любочестіе, отъ вашихъ высочайшихъ особъ довольствовался. Говорятъ, будто философы презираютъ и почесть и доходъ; ето не правда, ибо и философы ядятъ и пьютъ и презрѣнія не любятъ. А я не философъ, но стихотворецъ. Фридерикъ вѣнценосецъ и піитъ такъ изъясняется: Je ne suis point ambitieux quoique roi et poete. Вѣдаетъ онъ то, что престолъ и Парнассъ любочестіемъ наполнены. Il badine quand il dit qu'il n'est pas ambitieux. Первая статья блаженства подданныхъ монарше любочестіе и

первая статья пінтическаго краснорѣчія и проповѣданія добродѣтели любочестіе же. Не прикажите, Государыня, моихъ піесъ игранныхъ только предъ очами двора представляти противу всѣхъ театральныхъ учрежденій въ Москвѣ, обезображивая меня и отнимая мой авторской доходъ, а игранныя въ Москвѣ они играютъ. Я имъ не спорю, но не должно ли мнѣ несмысленныхъ актеровъ поучить. И въ П.-бургѣ безъ моево показанія мои драмы никогда играны не бывали. Я за старыя піесы дохода себѣ не требую, а требую только достойнаго представленія. И повару досадно, когда у нево подаваемое на столъ кушанье напортятъ, а трагедія не дожареная или пережареная много вкуса теряетъ: et le poete est plus ambitieux que le cuisinier. Піесы театральныя не ради чтенія сочиняются; такъ много славы погибаетъ тогда, когда они мерзко играются. Не лишите, Государыня, меня оставшей охоты къ театральному сочиненію! развѣ мнѣ, поработавъ ради славы, приняться за сочиненіе романовъ, которыя мнѣ дохода довольно принести могутъ; ибо Москва до такихъ сочиненій охотница, но мнѣ романы ли писати пристойно, а особливо во дни царствованія премудрыя Екатерины, у которой я чаю ни единаго романа во всей ея библіотеки не сыщется. Когда владѣютъ Августъ, тогда пишутъ Виргилій и Овидій и въ почтеніи тогда Енеиды, а не Бовы королевичи. А я и Бовою, выданнымъ отъ себя, не обесчещуся, хотя и немного чести присовокуплю. А еще лучше, ежели я стану сочинять Tausend und eine Nacht или по крайней мѣрѣ писать высокопарныя оды, думая:

всхожу ко небесамъ
и хитрости своей не понимаю самъ.

или:

Громъ на громъ ударитъ,
вѣтры съ вѣтрами спираются,
Фиссонъ шумитъ,
Багдатъ пылаетъ,
Аѳински стѣны огнь терзаетъ,
Етна верьхъ Кавкасской давитъ
и духъ мой Пиндъ на Оссу ставитъ.

или:

живу любовно;
Тому причина та, что лѣто не грибовно.

Я ради того мѣшаю дѣло съ бездѣльемъ, дабы вашему всегда въ важныхъ дѣлахъ упражняющемуся духу мѣлкостію, говоря о ней важно не принести докуки; но издѣвка вселилася только въ мое перо,

кошелекъ мой наполненъ бѣдностью, а сердце горестью. А при
долженъ я буду, ежели Мельпомены и Таліи не оставлю, труди
ради чужихъ доходовъ; а они въ потѣ лица моево будутъ ясти х
мой; а сверхъ тово часто видѣти дочерей хищниковъ и грабит
отечества, украшенныхъ сіяющею кражею, сочетавающихся съ
ми и петиметерами * и молящихся о неповѣшенныхъ своихъ р
телей, дабы Богъ далъ имъ тѣлесное здравіе и душевное спас
а свою дочь вѣчно засадити въ дѣвкахъ, а вмѣсто мужа довольс
валася бы она зрѣн Хорева, проклятая и
и честность отца о честности въ рядныхъ
пишутъ.

Ва величества
подданнѣйшій рабъ
Сумароковъ.

31 января 1773.
Москва.

(Подлинникъ писа нова, только франц. и нѣм. с
кою Сумар. Въ концѣ письма слова, напечат курсивомъ, р
мар.).

* (На особомъ листкѣ рукою Сумарок.).

На сихъ дняхъ вышла замужъ бывшаго и отброшеннаго Московс
бернатора третья уже дочь съ великимъ приданымъ, изъ котораго тр
сть по рядной написанная только 1000 приданова и 1000 денег
его приданова, утвержденнаго записьми, еще тысячь на 40(0
ревни отца моево были всѣ въ губерніи сево отброшеннаго
рнатора, и моя доставшаяся часть въ томъ же щотѣ, а ско
душныхъ денегъ въ губернской покрадено, о томъ извѣстенъ г
прокуроръ, и которой будучи толико честенъ, сколько такіе
рнаторы вредны, сіе ево беззаконіе знаетъ и имъ гнушается;
на него ссылаюся, правду ли я говорю. Подушныя деньги съ
справедливости собираются на армію, защищающую наше от
ство, а не дочерямъ Жеребцова на приданое. Вотъ то, всемило
вѣйшая Государыня, что я разумѣю моею сатирическою стат
Poet, honet home et satirique, en voyant les desordres peut
taire?—Boileau dit естли бы де мнѣ не позволено было сатиризо
видя непорядки, я бы де ямочку въ землѣ выралъ, и въ нее бы
ворчалъ. А я почитаю только Бога, Государя, честныхъ людей,
тинну и откровенность.

XVI.

Милостивый Государь мой
Григорій Васильевичъ.

Вамъ, супругѣ вашей и моей тесткѣ приношу мое почтеніе и, не имѣя времени, сокращаю мое письмо симъ.

Вашего высокородія
покорный и вѣрный слуга
А. Сумароковъ.

31 янв. 1773
Москва.

(Собственноручно).

XVII.

Милостивый Государь мой
Александръ Петровичь!

Отъ 24 дня января сего года ваше ко мнѣ письмо возбуждаетъ меня къ засвидѣтельствованію вамъ искреннія моея благодарности. При чемъ доношу, что приложенное при ономъ писаніе ваше мною всеподданнѣйше поднесено. Государыня по прочтеніи изволила сказать: еслибъ вы партикулярно попросили его Сіятельства князя Михайла Никитича, чтобъ желающаго у васъ быть для переписки вашихъ сочиненій принять въ штатъ его сіятельства въ писаря и отпустить бы онаго къ вамъ; чтобъ и принятый такимъ образомъ имѣлъ свое жалованье по тому мѣсту, и вы бы имѣли кописта. Впрочемъ препоручая себя вашей неотмѣняемой ко мнѣ милости и благосклонности со всегдашнимъ имени вашего почтеніемъ пребываю

Милостивый Государь мой
вашего превосходительства
покорный и вѣрный слугою
Г. Козицкій.

С. Потерб.
1773 г.
Февраля 18 дня.

XVIII.

Всемилостивѣйшая Государыня.

Начиная писати къ вашему Императорскому величеству, трепѣщу я, дабы мои прошенія не показалися вашему величеству наглостью. И ради того не однократно я бралъ перо въ руки и многія дни отсрочивалъ себѣ въ написаніи моего всенижайшаго прошенія; него ради

въ заглавіи онаго паче всего прошу не приняти моея смѣлости излишествомъ и не раздражиться; ибо то мнѣ такой бы былъ ударъ, коего я никогда не ожидалъ; а я милость вашу паче всего на свѣтѣ почитаю, хотя бы ею и никогда не пользовался.

—

Нынѣ было произвожденіе и военнымъ и штатскимъ и придворнымъ; я, Государыня, не въ отставкѣ и не только числюся въ службѣ, но и дѣйствительно во дни вашего владѣнія болѣе, нежели во всю мою жизнь издалъ и изготовилъ моихъ сочиненій, а науки были бы презрѣнны, естьли бы ... не почиталися. Такъ изволите, Государыня, ма... прошеніе и покажите мнѣ милосердіе: а ск... ня нынѣ и прежде, то ясно и по списку, из... ключенъ не былъ.

Терпля реченное, терп... ; ибо я, кромѣ жалованья, никакова дохода ... ше прошу, припадая ко стопамъ вашего велич... деревни самыя малыя, о помилованіи, дабы мнѣ ... оплаты моево долга изъ высочайшаго вашего ... я пожаловано было тысячи четыре, и еще на с... жалованье, какъ я уже, по указу вашего величес... аю. А я бы порасплатяся, а особливо съ Прокофь... мъ могъ успокоиться и быти способнымъ по оставшему времени ... начать мои въ сочиненіяхъ труды. — Демидову долженъ я одно... тысячи рублевъ уже года ...и, а нынѣшняго іюня 1 дня посл... срокъ. Помилуйте, Государыня, и не допустите до крайняго р... нія, человѣка, посящаго всевысочайшую вашу милость и имущаго ... вашей освященной особѣ всегда, еще и до воспріятія вами скипетра, отличное усердіе!

—

Симъ окончалися мои прошенія и осталися еще всенижайшія мои вашему величеству представленія.—Хотя я и не имѣю повелѣнія потрудиться при закладкѣ Кремлевскаго дворца; но будучи приглашенъ г. архитектомъ Баженовымъ, тружуся столько по единому моему усердію, какъ я и по именному указу больше трудиться не могу и не только сочинилъ Г. Баженову необходимую рѣчь, многія къ церемоніи надписи и подая совѣты и по обрядамъ свѣтскимъ и духовнымъ еще отъ части; и уповаю, что сія церемонія, колико начальники сей коммисіи ни скупы и колико ни холодны къ попѣченію, будетъ согласна съ моимъ желаніемъ и съ славою великія Екатерины.—И рѣчь и надписи и хари и вся какъ свѣтская, такъ и духовная церемонія принесутъ изображеніе народу дней вашего царствованія. Толь вели-

колѣпны они, сколь мала положенная на то сумма и сколь велико мое и г. Баженова къ тому усердіе; да и Архіереи здѣшнія къ тому всѣ силы прилагаютъ и только много, колико мало ихъ прилагаетъ Измайловъ; но мнѣ до него и дѣла нѣтъ; ибо не онъ, но Баженовъ домъ закладываетъ.

—

Слышу я еще, Государыня, ко управленію моему и къ разрушенію остатковъ здѣшняго театра, что Дмитревской здѣлалъ съ содержателями театра контрактъ ежегодно играть на немъ по 4 мѣсяца, учить актеровъ, которыхъ онъ выучить не умѣетъ, и которые сами, наставляемы бывъ мною, играютъ ево не хуже, хотя и гораздо поослабѣли. Я въ исходѣ лѣта, въ мѣсяцѣ августѣ устремляюся видѣти въ П.бургѣ очи вашего величества; но съ чѣмъ я появлюся, когда Дмитревской въ самое то время, ради своево излишняго насыщенія будетъ въ Москву? и могу ли я піесы новыя мои и поднесенныя вашему величеству безъ представленія напечатать? Я то предаю на разсмотрѣніе вашего величества, а мои прошенія предаю вашему милосердію, и не знаю никого, кто бы о мнѣ вашему величеству предстательствовалъ, препоручаю за себя предстательство самой вашей освященной особѣ, на которую я всегда уповаю и вмѣсто огорчительнаго мнѣ отказа съ радостію отвѣта ожидаю. О дабы Всевышній вложилъ въ сердце ваше милосердое ко мнѣ снисхожденіе и оживилъ бы мою увядающую жизнь, подверженную жесточайшей ипохондріи! но милосердая Екатерина милостію изобильна, коль изобиленъ я моимъ къ ней усердіемъ, съ которымъ я пребуду до конца моей жизни

Вашего Императорскаго величества
всенижайшій и всеподданнѣйшій рабъ
Александръ Сумароковъ.

Мая 20 дня
1773.
Москва.

При закладкѣ Аничкинскаго дома церемонія была смѣхотворна, et, moi je trouve une belle difference entre ceux deux ceremonies come entre la meilleure trajedie et la plus miserable farce. Bagenof et les Eveques l'ont bien imaginées et moi je l'a corrigée tant come il m'etoit possible, en possedant la conoissance des theatres et en m'apliquant assez longtemps en cela. Croyés moi Vôtre Majesté que du comencement de la Russie ont n'a vu jamais des pareilles et elle sera digne de Vôtre regne. J'employé tout mon possible de la rendre

plus eclatante et persone ne croira jamais qu'elle tera si peu. Tout court: jamais la ville de Moscou de son comence n'a donnée des si superbes spectacles.

XIX.

Милостивый Государь мой Григорій Васи евичь.

При засвидѣтельствованіи непремѣннаго моего ь вамъ, ко супругѣ вашей и къ дочери почтенія, нижайше прошу пр женное при семъ письмо подать Ея Императорскому величеству при вашемъ предстательствѣ исходатайствовать мнѣ отвѣтъ, что я у знакомъ новаго вашего ко мнѣ снисхожде

вашего высо рнымъ слугою въ.

20 мая 1773
Москва

Кня

Изъ статсконторскихъ его кабинета прикажите тысячу рублей выда кову.

Царское село. дня.

XXI.

Милостивый Государь мой
Александръ Петровичь.

Письма ваши, какъ послѣднее, такъ и которое предъ симъ было, мною получены и пакеты на высочайшее имя къ освященнымъ ея величества рукамъ мною всеподданнѣйше представлены. Всемилостивѣйшая государыня изволила въ разсужденіи васъ къ его сіятельству князю Мих. Никитичу Волхонскому писать. Я же объявя сіе съ истиннымъ моимъ и всегдашнимъ къ вамъ почтеніемъ пребываю и пребуду

милостивый Государь
ваше превосходительство
покорнымъ и вѣрнымъ слугою
Г. Козицкій.

Санкпетербур.
1773 г.
Іюня 15 дня.

XXII.

Милостивый Государь мой Григорій Васильевичь.

(писарскою рукою все письмо).

Я по несчастію моему отвѣта на мои посланныя письма не имѣю и не знаю, что тому причиною причести. — Писано въ тѣхъ моихъ письмахъ о выдачѣ мнѣ годоваго жалованья, какъ я оное и прежде отъ 1 маія получалъ.—Яжъ долженъ, а особливо несносному человѣку Прокоф. Демидову, который меня мучитъ ежедневно, и давъ мнѣ деньги пріятельски, а потомъ отъѣхавъ въ Голландію и накопивъ на меня по причинѣ бывшаго въ Москвѣ мора проценты и рекамбіи въ конецъ разорить меня стремится или паче срамится, плавая въ богатствѣ, данномъ ему на поруганіе ево самово и на обиду добрымъ людямъ; такъ я просилъ ея величество о четырехъ тысячахъ, которыя могу я выплатить. — Меня жъ хотя я и не въ отставкѣ обошли всѣ при нынѣшнемъ произвожденіи.—Неужели труды многихъ судей больше славы и пользы Россіи приносятъ, нежели мои?—Вспомните прежнія мои къ себѣ усердія и войдите въ мое бѣдное состояніе. Тотъ, который переписываетъ сіе мое къ вамъ письмо и моево разстроеннаго состоянія и горести и бѣдности свидѣтель: а я пребывая и въ отчаяніи есмь

вашего высокородія
покорный и вѣрный слуга
А. Сумароковъ.

20 Іюня. 1773.
Москва.

Зри:—въ половинѣ августа устремлюся я въ П.-бургъ ѣхать ради напечатанія множества новыхъ сочиненій; но мои долги и моя бѣдность лишаютъ меня сея надежды; изъясните сіе ея величеству, а мнѣ очи ея видѣть хочется.

Письмо ради скорости безъ куверта, да въ етомъ и нужды нѣтъ.

XXIII.

Всемилостивѣйшая Государыня.

Не раздражилъ ли я Ваше величество, что не получилъ отвѣта на всенижайшее мое прошеніе. Я въ крайнемъ отчаяніи, терпя недостатки, что мнѣ почти ѣсть нечево. — Однако не имѣя ни полушки въ домѣ моемъ, моря и себя и людей моихъ, что все конечно правда, а еще по написаніи сего письма здѣлаю стихи къ церемоніяльнымъ достаткамъ; ибо взавтрѣ Г. Баженовъ отъѣзжаетъ въ П.-бургъ. — Начальники ево толико мало трудилися, колико много онъ и я.

Мы думали о славѣ для торжествуемаго, а Изм йловъ о своей подмосковнѣ.—Si le grand Dieu peut souffrir des pareilles choses, c'est étonant. — Однако церемонiа была сходна съ честью имени вашего величества, malgré les obstacles, que Mr. Ismaelof a fait et les fait jusque à present.—Мнѣ до нево дѣла нѣтъ; но жалко, что я такихъ согражданъ имѣю, которыя болѣе думаютъ о себѣ и о своихъ деревняхъ, нежели о общенародной славѣ.—Я жду отвѣта на мои просьбы, готовяся ко смерти посреди моево усердiя и посреди моево отчаянiя.

Вашего Императорскаго величества
всенижайшiй и всеподданнѣйшiй рабъ
А

25 Iюня 1773.
Изъ Москвы.

PS. Я не имѣю столь заплатить на почту за письмо. Et je tombe er core que je compose aujourdhui les vers.

Я въ крайнемъ отчая нѣ на мои просьбы. — Я терплю жадность, ѣст столько денегъ, чтобы заплатить за письмо на ще обѣщался я къ церемонiалу стихи дѣлать. у терпеливно смерти.

В. П. С.
А. Сумароковъ.

25 Iюня 1773.
Москва.

Его высокор. Г. В. Козицкому. (Письмо не запечатано, писано неразборчиво).

XXIV.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Я всякой годъ получаю мое жалованье по отличной вашего величества милости отъ 1 мая на цѣлый годъ.— Всенижайше прошу сiю милость и нынѣ мнѣ повелѣть учинить. — Вашему величеству много дѣлъ и безъ моихъ прошенiй; такъ я не разширя невмѣстнаго моего краснорѣчiя, о той же милости и нынѣ прошу.

Вашего Императорскаго величества
всеподданнѣйшiй и всенижайшiй рабъ
Александръ Сумароковъ.

9 дня Maia 1774.

(Собствен.).

Разборъ нѣкоторыхъ филологическихъ объясненій г. Костомарова въ статьѣ „*Начало Руси*".

(Современникъ за 1860 г. № 1).

Улѣбъ.

Литовскій языкъ имѣетъ большую склонность къ междометіямъ, природа которыхъ въ большинствѣ случаевъ — звукоподражательная. Народный говоръ литовскихъ сказокъ и пѣсенъ часто приправляетъ плавную рѣчь повѣствованія восклицаніями, сообразными съ дѣйствіями, выражаемыми глаголомъ, при которыхъ они появляются. Изъ множества примѣровъ приведемъ одинъ: «Kaí vë'ns iéjęs iám ant galwós meża tai szis jam, *szniókszt*, sù peilìu' viską nupióvé [1]); pirmiausei radau' sopágu, vè'nąporą pagrè'bęs, *szvy'lpt*, pro lángą żemyn [2]).

При чтеніи сказокъ и пѣсней, разнообразіе и количественность междометій приводятъ къ той мысли, что у разскащика или пѣвца они въ большомъ обиліи родятся при самомъ разсказѣ и пѣніи. Эта замѣчательная особенность говора, которая ждетъ себѣ оцѣнки, является и въ припѣвахъ пѣсенъ, въ которыхъ замѣчается весьма тонкое чутье качественности звуковъ. Такъ, въ одной пѣснѣ, наполненной нѣжныхъ мотивовъ, въ каждомъ изъ трехъ ея куплетовъ встрѣчаемъ припѣвъ, представляющій весьма выразительное скопленіе элементовъ плавныхъ [3]).

Принявши во вниманіе это свойство литовскаго языка, можно легко объяснить весьма спеціальныя значенія многихъ звукоподражательныхъ словъ литовскаго языка. Такъ, глаголъ *ulu* (uloju, и чаще — *ulawoju*), значеніе котораго обобщаетъ г. Костомаровъ, сводится къ

---

[1]) Schleicher Handbuch. II. Pasakas., p. 155.

[2]) Ibid., p. 159.

[3]) Припѣвъ *talaralariluse ralus* въ пѣснѣ по собр. Нессельмана № 187, p. 153.

весьма частному представленію звука, издаваемаго при травлѣ волковъ[1]). Многія междометія сводятся къ глагольнымъ корнямъ, представляющимъ немалое количество образованій; но корень глагола *ulakoju* такъ хорошо помнитъ свое происхожденіе, что не представляетъ никакихъ именныхъ образованій, если довѣрять лексикону. Корень *ulboju*, несправедливо г. Костомаровымъ отождествляемый съ корнемъ *uloju*, имѣетъ значеніе—*winseln* въ спеціальномъ приложеніи этого дѣйствія къ дятлу (wolunge. Nesselmann. Lex., pp. 34, 86). Притомъ,—отъ глагола *ulboju* г. Костомаровъ образуетъ причастіе *ulebas*, позабывши поставить крючокъ подъ *a* въ обозначеніе исчезнувшаго носоваго звука причастной темы. Этотъ носовой элементъ, исчезающій и въ современной литовской рѣчи лишь въ именит. пад. мужскаго рода, является въ древне-прускомъ катихизисѣ 1561 г. и въ этой послѣдней формѣ, судя по формѣ *gemmans* отъ корня *gem* (рождать) [2]). Въ говорѣ 10-го вѣка, въ эпоху заключенія первыхъ нашихъ договоровъ, этотъ элементъ и подавно не могъ остаться безъ вліянія на произношеніе. Не говоримъ уже о томъ, что производство собственныхъ именъ отъ причастныхъ формъ требуетъ наведеній.

Прастыкъ.

Это имя сличается съ литовскимъ *prastenis* (прилагательное *prasiesnis?*). Какой литовскій корень укажетъ г. Костомаровъ этому именному образованію? Значеніе и словоупотребленіе говоритъ о непосредственномъ заимствованіи этого рѣченія отъ Русскихъ сосѣдей, и — о заимствованіи вовсе не раннемъ: *prastôs giminês*, *prasti žmones*, *prastoki' žmones* — простой людъ, простой народъ.

Рюрикъ.

«Отъ *rju* пожираю, терзаю и *rikys* князь». Ложная правопись — вина призрачнаго созвучія 1-го слога этого собственнаго имени съ *rju*. Шлейхеръ и Нессельманъ пишутъ — *ryjù*, *rijaĭ* (Ness.-ryjau), *ry'siu*, *ryti*. Въ приведенной г. Костомаровымъ формѣ по неправильной правописи *i* коренная выпущена, а оставлено лишь личное окончаніе и іота, приставляемая къ формамъ настоящаго времени глаголовъ четвертаго класса[3]) [4]). Слѣдовательно, слогъ *рю* — остается въ ожиданіи новаго сближенія.

---

[1]) Nesselmann. Lit. Lex.; p. 34.

[2]) Nesselmann Sprache der alt. Preus. an ihren Ueberresten erläutert 1845; p. 65.

[3]) Шлейхеръ; Handb.; Gram. 1 p. 241 и Ness. Lex. 440

[4]) Устарѣлая форма *rumi* отсылаетъ нашъ корень ко 2-му отдѣлу третьяго глагольнаго класса. Schl. p. 249.

Мокошь.

Сличается съ *mokius* (знаніе, ученье). Именная тема на *u* отсылаетъ къ весьма древней эпохѣ литовскаго языка. Примѣровъ не много; ни одно изъ такихъ образованій не выражаетъ отвлеченнаго представленія. Притомъ — форма mokius не показана въ грамматикахъ и словаряхъ; въ языкѣ paśakû вездѣ встрѣчаемъ *mokslas* въ значеніи «ученье» (i mokslą leisti). Есть форма *mokius* (у Ширвида вмѣсто *mokijus*); но она представляетъ глагольную форму наст. времени 1-го лица съ обычной въ литовскомъ языкѣ постпозиціей сокращеннаго возвратнаго мѣстоименія *si* — *s*.

Ольга, Олегъ.

Сближается съ лит. *ilgis*. Литовское *ilgis*, сближаемое Боппомъ съ скр. *dirgha*, ни въ одномъ изъ своихъ образованій не представляетъ никакого измѣненія гласной коренной. Весьма трудный переходъ *i* въ *o* ждетъ наведеній.

«Собственное имя, которое дается человѣкомъ на основаніяхъ чисто-субъективныхъ, изо всѣхъ порожденій человѣческаго слова есть по преимуществу произвольное» [1]). По возможности полное опредѣленіе мотивовъ «называнія» можетъ привести къ нѣкоторымъ опредѣленіямъ и ограниченіямъ области тѣхъ представленій, изъ которыхъ слагаются собственныя имена. Ничѣмъ не самоопредѣляющееся,—произвольное этимологизированіе не поведетъ никогда къ результатамъ прочнымъ, особенно — въ языкахъ, которыхъ язычное сродство близко. Въ вопросахъ о народности собственныхъ именъ самымъ близкимъ къ рѣшенію его и самымъ труднымъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣломъ безспорно должно почитать тѣ образовательные элементы, которые имѣютъ назначеніе отмѣчать имена личныя, отечныя, мѣстныя и пр.

Въ критикѣ суффиксовъ гораздо менѣе имѣетъ мѣста игра созвучія. Сличеніе не имѣетъ никакой цѣны, если оно не сведено къ тѣмъ формамъ собственныхъ именъ, которые преобладаютъ въ языкѣ. При этомъ чрезвычайно важна статистика словоупотребленія. Приглашаемъ г. Костомарова обратить вниманіе на извѣстіе галицко-волынской лѣтописи [2]) подъ 6723 годомъ, о которомъ мимоходомъ слова

---

[1]) Die Personennamen... von A. F. Pott. 1853., p. 14.

[2]) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. II. Ипатьевская.

«Въ лѣто 6723. Божіимъ повелѣніемъ, прислаша князи Литовьскіи къ великой княгини Романовѣ, и Данилови и Василькови, миръ дающе. Бяху же имена Литовьскихъ князей се: старѣшей, Живинъбудъ (вар. Живибудинъ. Е.) *Давьятъ*, (вар. довьять іовнять. Х. Е.), Довъспрункъ (вар. довьспруйкъ, Х. Е.) братъ его Мидогъ, (вар. Миндовгъ. Е.), братъ довъядовъ Виликаилъ (вар. довятовъ виликвилъ. Е.); а Жемотьскыи князи (вар. а Жемонтскыи князь. И. Х.): Ерьдивилъ, Выкынтъ; а Рушьковичевъ (вар. а Русковичь (ъ) Х. Е): Кинтибутъ, Во-

два говорится въ «отвѣтѣ на возраженіе г. Погодина» (Современникъ 1850; № 3; p. 275). Это извѣстіе представляетъ весьма точную передачу именъ Литовскихъ пословъ «къ великой княгинѣ Романовѣ, и Данилови и Василькови». Передъ перечисленіемъ Жмудскихъ пословъ сказано: «а Жемотьскыи князи». *Жемотьскыи* представляетъ точную передачу рѣченія *Żemai'tiszkas*. Вѣроятно списокъ именъ составленъ со словъ жителя верхней Литвы, гдѣ изъ дифтонговъ *ai*, *au* въ началѣ и срединѣ словъ произносится лишь первый составной ихъ членъ [1]); переходъ *a* въ *o* такъ обыченъ, что мы не считаемъ нужнымъ утомлять вниманіе читателей обиліемъ примѣровъ. Родовыя окончанія *aitis*, *atis* (послѣдная форма встрѣчается въ нашемъ извѣстіи), привязанность къ которымъ засвидѣтельствована неисчерпаемымъ обиліемъ подобнаго рода образованій, по своему статистическому преобладанію, должны быть самымъ рѣшительнымъ признакомъ литовскаго происхожденія имени. Имена-эпитеты, раждающіяся по произволу личности, принимаютъ эти окончанія, что еще рѣзче свидѣтельствуетъ о привязанности литовскаго языка къ этому образовательному элементу [2]). Въ помянутомъ мѣстѣ лѣтописи встрѣчаемъ образованіе съ суффиксомъ *atis* въ имени съ желанной точностью лѣтописцомъ переданномъ — *Давъятъ*, или по варіанту весьма важному *довьять*. Литовскій ономатиконъ представляетъ слѣдующія аналогическія образованія. *Dovas*, *Davidaitis*, *Dujatis*, послѣднее отъ *dujà*—пухъ). Корень имени повторяется въ томъ же спискѣ именъ въ имени Довъспрункъ (вар. довьспруйкь. Х. Е.) и въ имени извѣстнаго всѣмъ, занимающимся Литовскимъ языкомъ, Довконта. Окончаніе—ёné, въ современномъ литовскомъ языкѣ употребляемое для обозначенія женъ, встрѣчаемъ въ имени «Китеній» [3]). Уменьшительныя на — *ultis*, *uczo* (род.) — встрѣчаемъ въ рѣченіи — *Вишимутъ* списка гал. вол. лѣтописи. Образованія на — *ittas*, уцѣлѣвшія въ мѣстныхъ именахъ на—*itten* (Schauditten, Schmoditten) [4]) — *Бутовитъ*.

пибутъ, Бутовитъ, Вижѣикъ (вар. виженвь. Х. Е.) и сынъ его Вишлій, Китеній, Пликосова; а се Булевичи: Вишимутъ (вар. вишикутъ. Х. Е.), его же уби Миндовгъ (Миндоготъ. И. Х.) и жену его поялъ и братью его побилъ, Едивила, Спрудѣйка; а се князи изъ Дяволтвы: (вар. изъ лотвы. Х. а се литовскимъ княземъ имена. Е.) Юдьки, (вар. Юдькы (Юдкы). Х. Е.), Пукѣикъ, Бикши (вар. Бикты. Е.), Ликінкъ (кикѣикь. Х.)

[1]) Schleicher Handbuch der Lit. spr. 1. Grammatik; pp. 12—14.

[2]) Такъ напр. *keturakátis*, какъ назвалъ одинъ Литвинъ проходящаго мимо Шлейхера въ очкахъ (*keturakis* — четыре глаза). Schleicher Handbuch. 1; pp. 141—143. Сличи объ этомъ оконч. у Потта — die Personennamen, pp. 574—576.

[3]) ę ist das weiche nach i klingende e. Schleicher. Handb. 1, p. 9.

[4]) О связи личныхъ именъ съ мѣстными — Pott. ibid. p. 296. и слѣд.

Буква *e* въ послѣднемъ имени объясняется именами *Budwĕczei*, *Budweiczei* и пр., представляющими имя *Бутовитъ* въ значеніи мѣстнаго имени въ формѣ pluralis tantum отъ имени на — *ittes*.

Корень *буд*, означающій жилище, встрѣчаемъ въ томъ же смыслѣ въ имени *Живинбудъ*, первый составной членъ котораго объясняется названіемъ какой нибудь прирѣчной мѣстности, сводясь къ рѣченіямъ *Źvejetis*, *Źvejèna*, рыбакъ, рыбачка отъ *Źuvis* — рыба. Слово «*buttas*», участвующее въ составѣ мѣстныхъ именъ, является въ личныхъ именахъ списка — *Кинтибутъ*, *Вонибутъ*. Въ формѣ множественнаго числа является имя нашего списка *Бикши* (съ весьма важнымъ варіантомъ *быкши*). Это имя можно объяснить двояко — или отъ корня *bu* съ окончаніемъ — *kszen*, какъ *Trakiszken* [1]), чрезъ посредство формы *buitis*, въ которой *ui*=*bi* [2]); или отъ *buksas* — plurale tantum — означающее буковое дерево [3]). Изъ литовскихъ суффиксовъ можно объяснить окончаніе почти всѣхъ именъ списка галвол. лѣтописи. Одно лишь слово звучитъ не по литовски — *Выкынтъ*: по всей вѣроятности это слово германскаго корня и аналогично именамъ *Weygand*, *Wigant*, *Weigend* (др. фриз. wigand — боецъ; кор. wig) [4]).

Боясь утомлять вниманіе читателя нашей замѣтки дальнѣйшей критикой именъ нашего лѣтописнаго списка, мы считаемъ себя вправѣ признать за разобранными именами печать истинно-литовскаго происхожденія. Лѣтописи наши, слѣдовательно, могутъ дать матеріалъ для грамматической оцѣнки заключающихся въ нихъ именъ. Имена, заключающіяся въ древнѣйшихъ договорахъ съ Греками, должны быть подвергнуты самому точному разсмотрѣнію грамматическому. Отъ сочиненія, которое возьметъ на себя это трудное дѣло, должно ожидать выводовъ, драгоцѣнныхъ для исторіи литовскаго языка, не возводившаго доселѣ ее далѣе 16-го вѣка, и то — по рабски переведеннымъ катихизисамъ. Аггрегатъ лексическихъ сопоставленій и отъискиваніе суффиксовъ по всѣмъ грамматическимъ категоріямъ никогда не будутъ убѣдительны въ глазахъ человѣка, посвященнаго въ начала грамматической науки.

Заключаемъ замѣтку нашу глубокимъ сожалѣніемъ объ отсутствіи точности, столь желанной въ дѣлѣ филологіи.

А. Дювернуа.

---

[1]) Pott. ibid; p. 394.
[2]) Schleicher, Handbuch.; 1, pp. 59, 60.
[3]) Pott. ibid. pp. 213, 240.
[4]) Pott. ibid. pp. 676—678.

КНИГИ «ВѢНЕЦЪ ВѢРЫ» БЛАГОВѢРНОЙ ЦАРЕВНѢ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНѢ СОФІИ АЛЕКСІЕВНѢ [1]).

Истинная есть мудрость, еже Бога знати
И закона святаго прилежно искати,
Въ ней же божественная мудрость заключена,
Яко злато въ ковчезѣ людемъ предложена.
Человѣкъ разумничный ону обрѣтаетъ,
Егда въ законѣ святомъ себѣ поучаетъ;
А съ нею удобь Богу можетъ угождати,
Выну яже о Бозѣ умомъ мудрствовати.
О немъ же ты, хотящи благомудра быти
И въ законѣ господнемъ вся дни твоя жити,
О благороднѣйшая царевно Софіа,
Ищеши премудрости выну небесныя.
По имени твоему жизнь твою ведеши:
Мудрая глаголеши, мудрая дѣеши.
И приличио Софіи выну мудро жити,
Да дѣло со именемъ точно можетъ быти.
А занеже во книзѣхъ мудрость божественна
Яко во сокровищѣхъ лежитъ заключена,
Ты церковныя книги обыкла читати
И въ отеческихъ свитцѣхъ мудрости искати.
Увѣдѣвши же, яко и книга новая
Писася, яже Вѣнецъ вѣры реченная,
Возжелала ту еси сама созерцати
И еще въ черни бывшу прилежно читати

---

[1]) вуемъ эти стихи Симеона Полоцкаго изъ его «Рифмологіона», но родальной Библіотеки, № 287, л. 395 слд. *Ред.*

И, познавши полезну въ духовности быти,
Велѣла еси чисто ону устроити, —
Яже велѣнію ти уже сготованна,
Со многимъ трудомъ долго читана, списана.
Во истинну же имать мудрость превелику,
Довольну въ спасеніе всяку человѣку,
Съ богословскихъ училищъ сія изведенна,
Ученія святаго словесъ исполненна;
Вопросы и отвѣты зѣло исполнися;
Съ разсужденіемъ тако дѣло устроися,
Да мудро вопрошенный, мудро отвѣщаетъ,
Кто либо сія книга прилежно читаетъ.
Сокращенно писася, да можетъ поняти
Удобнѣ умъ и память предолго держати.
Ибо краткое слово удобно держится
И тщащимся понять годнѣе творится.
Туже разрѣшенія много положенна
Съ трудностію судимыхъ, да суть несмущенни
Пользы ради духовныхъ, да судъ грѣховъ знаютъ,
Кающыяся добрѣ отъ грѣхъ разрѣшаютъ.
Суть и ина здѣ многа, яже оглавляетъ
Изъявленіе тому, кто оно читаетъ.
Вся та съ трудомъ не малымъ тщахся написати,
Исправивъ множицею, начисто списати,
Устроивъ же въ книженъ видъ, днесь вручаю тебѣ,
Пресвѣтлая царевна, чести яко требѣ,—
Желаи, да прилежно тщищися читати,
Да пользу довольную можеши пріяти
Не точію мудрости вопросовъ и отвѣтовъ, —
Яко вонныхъ и красныхъ вѣнца сего цвѣтовъ,—
Но паче да можеши благодать стяжати
И плодъ жизни вѣчныя въ небесы пріяти.
Того благородію вашему желаю,
Самъ ся милосердію прилежно вручаю:
Милосердіе елей выну знаменаетъ,
Елей же мудрымъ дѣвамъ не скуденъ бываетъ.
Чтемъ во евангеліи убо: елей тебѣ,
Милосердія въ сердце, яко мудрой требѣ,
Дщи царя великаго царевна Софія,
Дщи царя милостива, царя Алексія,
Купно сестра Ѳеодора царя,

Богомъ дарованнаго царству государя.
Мудрѣйшая ты въ дѣвахъ; убо подобаетъ,
Да свѣтильникъ сердца ти свѣтлѣе сіяетъ:
Обилуя елеемъ милости къ убогимъ,
Сію спряжи доброту къ инымъ твоимъ многимъ.
Но и сопрягла еси, ибо сребро, злато,—
Все обратила еси милостивнѣ на то,
Да нищымъ расточиши, инокамъ даеши,
Молитвъ о отцѣ твоемъ теплыхъ требуеши.
И азъ грѣшный многажды сподобихся взяти,
Юже ты милостыню велѣ щедро дати:
Ни престаю отца ти въ мольбахъ поминати,
Иже мнѣ щедръ бѣ, яко отецъ или мати;
Тако же мудрой сущей и елей имущей,
Отверзутъ ти ся двери, къ небеси грядущей,
Отъ жениха душы ти, до его чертога,
Еже свѣтлости вашей да будетъ отъ Бога!
Царска дщи, къ царю небесъ буди возведена,
Въ чертогъ веселія вѣчнаго вселенна!
Того свѣтлости вашей вседушно желаю,
Главу мою подъ стопы твоя преклоняю,
Чая милосердіемъ вашимъ хранимъ быти,
Богомолецъ вашъ будущъ, дондеже ми жити.

ПОРОЖСКАЯ ПѢСНЯ.

(Сообщена Н. И. Костомаровымъ).

Летѣвъ орелъ черезъ море
Тай вѣтра пытае:
«Ты вѣтру буйненькій!
Ты далеко буваешъ:
Чи не видавъ, вѣтре,
Казацькой славы?»
— ««Хочь не видавъ, такъ слыхавъ:
Вона теперь въ темному лузѣ,
Лежитъ на широкому возѣ,
Мачулами звязана, звита,
Бичовою обвита,
Гай рублемъ прибита.
Батькамъ було добре
На Вкраинѣ жити,
А сынамъ досталось
Панщину робити.
Ишла чорна хмара,
Наступила й сива;
Не одбуде сынъ за батька,
А батько за сына
Ишла чорна хмара,
Наступила й ряба,
Не згуляе ни дитина,
Ни старая баба.»» —

ОБЪ ОСАДѢ СОЛОВЕЦКАГО МОНАСТЫРЯ [1]).

Что во сильноемъ было царствѣ,
Во московскимъ государствѣ,
Переборъ былъ боярамъ,
Пересмотръ былъ воеводамъ,
Изъ бояръ ти вобирали,
Въ воеводы [2]) сажали
Князя Петра Алексѣева,
По фамиліи Салтыкова.
Посылаетъ государь царь
Ко Изосиму и Саватію,
Къ соловецкимъ чудотворцамъ,
Монастырь разорити,
Старую вѣру порудити
И всѣхъ старцовъ прерубити.
Какъ возговоритъ воевода:
«И нельзя, государь, подумать
На мѣсто святое,
На игумена честнова
Изосима Саватія,
Соловецкіевъ чудотворцовъ.»
Государь царь прогнѣвался:
«Ты добро, добро, воевода;
Прикажу тебя казнити,

[1]) рукописи начала настоящаго столѣтія. Ср. пѣсню о томъ
ловъ, въ «Лѣтописяхъ», томъ I, отд. II, стр. 59.
[2]) *осводы.* *Ред.*

Руки ноги потерити
Буёную голову отрубити,
Въ чистое поле пометати.»
Воевода испужался:
«Не вели, государь, казнити,
Вели слово говорити.
Ты давая силы много
И стрѣльцовъ, и солдатовъ.»
Какъ садился воевода
Въ легки онски корабельцы,
Возставала же погода
Съ полуденной стороики,
Приносила же погода
Къ монастырю святому,
Ко игумену честному,
Ко Изосиму Саватію,
Соловецкимъ чудотворцамъ.
И стали они стрѣляти,
Стали ружія заряжати;
И стрѣляетъ воевода
Въ соборную божію церковь,
Сбиваетъ воевода
Богородицу съ престола.
И всѣ старцы испужались,
Во едину церковь собирались,
Возлѣ стѣнъ они ходили,
Сами Богу ся молились
И просили они сроку
На три дни на три нощи,
Монастырь разорили,
Старую вѣру порудили,
И всѣхъ старцовъ прерубили,
Старыя книги изорвали,
Въ синее море пометали,
И во вѣки вѣковъ аминь.

ЛЮБОВНОЕ ЗАКЛИНАНІЕ ИЗЪ СЛѢДСТВЕННАГО ДѢЛА 1769 ГОДА.

Во имя сатаны и судьи его демона, почтеннаго демона пилатата игемона, встану я, добрый молодецъ, и пойду я, добрый молодецъ, ни путемъ, ни дорогою, заячьимъ слѣдомъ, собачьимъ набѣгомъ и вступлю на злобное мѣсто и посмотрю въ чистое поле въ западную сторону подъ сыру матерую землю и пойду я своею буйною головою о землю сыро-матерую поклонюсь и помолюсь самому сатанѣ. Гой еси ты государь сатана! пошли ко мнѣ на помощь рабу своему часть бѣсовъ и дьяволовъ, Зеследеръ, Пореастонъ, Коржанъ, Ардунъ, Купалолака съ огнями горящими и съ пламенемъ палящимъ и съ ключами кипучими, и чтобъ они шли къ рабицѣ дѣвицѣ или молодицѣ и зажигали бъ они по моему молодецкому слову ея душу и тѣло и буйную голову, умъ и слухъ, и ясныя очи, и бѣлое лице, и ретивое сердце, и бурую печень, горячую кровь и всѣ тѣлесныя жилы и суставы и ея думу и думицу на похотѣнье и погляденье, и чтобъ она раба отъ всего тѣлеснаго пламени не могла-бы на меня добраго молодца и на мое бѣлое лице наглядетца и насмотретца, и шла бы она въ мою молодецкую думу и думицу и въ молодецкую тѣлесную мою утѣху, и не могла бы она насытитца своею черною *п*..... моего бѣлаго *х*.. и не метывала бы она дѣвица или молодица меня добраго молодца отъ своей думы и думицы и ясныхъ очей, и не могла-бы она безъ меня ни жить ни быть, ни ѣсть ни пить, какъ бѣлая рыба безъ воды, мертвое тѣло безъ души, младенецъ безъ матери, и сохла-бы она по мнѣ своимъ бѣлымъ тѣломъ, какъ сохнетъ отъ великаго жару и отъ краснаго солнышка и отъ буйнаго вѣтра и которая трава лодшейная (sic) и отколдоватца бы ей отъ моихъ сихъ словъ, наговоровъ и приговоровъ никакимъ хитрецамъ и мудрецамъ, ни

старымъ ни молодымъ, ни краснымъ дѣвицамъ.... [1]) вы мои слова полны и наговорны, какъ великое океанъ море, крѣпки и лѣпки, крѣпчае и лѣпчае клею карлуку и тверже и плотнѣе булату и каменю. Тутъ моимъ словамъ ключь и замокъ, и положу я тотъ ключь и замокъ самому сатанѣ подъ его золотъ престолъ, а когда престолъ его разрушится, тогда и дѣло сіе объявитца.

ЗАМѢТКИ О СТАРИНѢ И НАРОДНОСТИ.

Новый списокъ Слова о Даніилѣ Заточникѣ. Въ одномъ сборникѣ XVII вѣка, въ л., С. Петербургской Духовной Академіи, принадлежавшемъ прежде библіотекѣ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря (№ 43/1120) находится на л. 283—288 Сло́во дани́ла заточеника. еже написа своемꙋ кнзю ꙗрославꙋ володи́меровичю.» Списокъ этого памятника съ именемъ Ярослава Владиміровича, извѣстный Карамзину и недавно встрѣтившійся Проф. Срезневскому въ одной изъ заграничныхъ библіотекъ [2]), къ сожалѣнію не былъ описанъ ни тѣмъ ни другимъ. — Списокъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря изъ двухъ до сихъ поръ напечатанныхъ редакцій ближе подходитъ къ редакціи изданія Калайдовича нежели къ ред. Ундольскаго; онъ, можно сказать, представляетъ въ болѣе чистомъ и древнемъ видѣ редакцію Калайдовича, исправляя въ ней многія мѣста, изуродованныя невѣжествомъ переписчиковъ. Князь, на имя котораго надписано слово, называется и здѣсь, какъ въ изданіи Калайдовича, «сн҃е вели́каго цр҃а влади́мера.» Вмѣсто Любово стоитъ болѣе правильное чтеніе: «Зане гн҃е комꙋ вг҃олюбиво, а мнѣ го́ре лютое. комꙋ бѣлоѡзеро, а мнѣ чѣрнѣи смолы. комꙋ ла́че о́зеро а мнѣ на нем сѣдѧ пла́чь горкїи» (л. 283 об.) Испорченное мѣсто Калайдо-

---

[1]) Не разобрано.

[2]) См. Палеографическія замѣтки, сдѣланныя во время путешествія лѣтомъ 1860 года въ Извѣстіяхъ II Отдѣленія Академіи Наукъ, IX т., стр, 169.

вичевскаго списка: «Якоже рече Святославъ Князь Игоревъ, идый на царя съ малою дружиною» — читается здѣсь такимъ образомъ: «ıакоже реч стославъ кнзь сиѧ слꙋжимъ ида на црь гра с малою дрꙋжиною.» — Въ редакціи Кирилло-Бѣлозерской рукописи нѣтъ и позднѣе вставленнаго преданія о томъ, какъ Даніилъ былъ освобожденъ отъ ссылки: «Сія словеса изъ Даниилъ писахъ въ заточеніе на Бѣлѣ озерѣ — и Даниила освободити отъ горькаго заточенія.» Посланіе въ спискѣ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря оканчивается словами: «и сумножи ги вся члкы подноѕе его бгꙋ нашемꙋ слава и нн҃ѣ и прно и вк҃.» Нѣтъ наконецъ и не вполнѣ объясненнаго мѣста, въ которомъ думали видѣть указаніе на языческое божество: «Дѣти бѣгаютъ рода.»

Н. Тихонравовъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТРЕТЬЯГО ТОМА.

I. ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

стр.

Послѣднее мнѣніе Шафарика о Глаголицѣ. II. *А. Е. Викторова*. 3

Муромское преданіе о Маѳѣ и Маріи. *Ѳ. И. Буслаева* . . 56

Лекціи изъ курса исторіи русской литературы. I—IV. *Ѳ. И. Буслаева* 63

II. МАТЕРІАЛЫ.

Слово и откровеніе святыхъ апостолъ. Съ предисловіемъ *Ѳ. И. Буслаева* 3

Жалостная комедія объ Адамѣ и Еввѣ. Вмѣсто предисловія, статья: Начало русскаго театра. *Н. С. Тихонравова* 7

Слово о вѣрѣ христіянской и жидовской. Съ предисловіемъ *Н. С. Тихонравова* 66

Интермедія на три персоны: Смерть, воинъ и хлопецъ . . . 78

Записки важныя и мелочныя К. Ѳ. Калайдовича (1814) . . 81

Автобіографія протопопа Аввакума 117

Народные стихи 1) объ Адамѣ, 2) о преданіи Христа Іудою, 3) о пятницѣ. Сообщены *И. Т. Гильбовымъ*. . . 174

III. СМѢСЬ И БИБЛІОГРАФІЯ.

Миніатюры Остромірова Евангелія. *К. К. Гёрца* 3

Женитьба Солнца на красавицѣ Грозданкѣ. Болгарская сказка. 6

стр.
Сказка объ Иванѣ Бѣломъ 8
Стихъ объ антихристѣ. 14
Слово іеромонаха Евоимія. 17
Повѣсти о Вавилонскомъ царствѣ 20
Воскресеніе мертвыхъ, въ пяти дѣйствіяхъ, показанное трудомъ
г. Георгія Конисскаго 39
Переписка А. П. Сумарокова съ разными лицами 59
Разборъ нѣкоторыхъ филологическихъ объясненій г. Костомарова въ статьѣ: «Происхожденіе Руси». *А. Л. Дювернуа* 81
Вручение книги «Вѣнецъ Вѣры» царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ, Симеона Полоцкаго 86
Запорожская пѣсня. Сообщена *Н. И. Костомаровымъ* . . 89
Пѣсня объ осадѣ Соловецкаго монастыря 90
Любовное заклинаніе изъ слѣдственнаго дѣла 1769 года . . 92
Замѣтки о старинѣ и народности. *С. М. Соловьева* и *Н. С. Тихонравова* . . . . . 34 и 93

5 т. в 2 х кг 20
898/45
МБК
1
База
200 р.

5 т. в 2х кн. о
898/
МБН
1
База
200 р.

3200
T544

DATE DUE